РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3 Том 46, № 3, июль – сентябрь 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме 3
Алекперов В.А. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Гёйтепе (Западный Азербайджан) 22
Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Ваганов Е.А., Мыглан В.С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) 32

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Авилова Л.И., Гей А.Н. Конструктивные особенности колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона в III–I тыс. до н.э. 41
Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины 49
Бородовский А.П. Створка металлической литейной формы (кокиля) сейминско-турбинского времени из Верхнего Прииртышья 59
Борзунов В.А. Зотинское III городище – укрепленный центр зауральских металлургов раннего железного века 66
Федорук А.С., Папин Д.В., Федорук О.А. Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке 75
Конончук К.В., Марочкин А.Г. Предметы художественной металлопластики из окрестностей Томской писаницы 83
Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Культурные связи населения нижней Ангары в развитом Средневековье (по материалам комплекса Проспихинская Шивера IV) 92
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Бронзовые бляшки с изображением всадников из Северного Кыргызстана 100
Тишин В.В. Кимеки и *чу-му-кунь* 處木昆: заметки по поводу одного отождествления 107

ЭТНОГРАФИЯ

Жамбалова С.Г. Традиционные типы погребения бурят: динамика и стереотипы 114
Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века 122
Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Социальная мобильность сибирских первопоселенцев (Сибирь в XVII столетии – территория открытых возможностей) 129

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Зубова А.В., Моисеев В.Г., Хлопачев Г.А., Кульков А.М. Результаты изучения молочных зубов с верхнепалеолитической стоянки Юдиново (Среднее Подесенье) 138
Вергелес М.О. Антропологическая достоверность портретных изображений 146

ПЕРСОНАЛИИ

К 65-летию Михаила Васильевича Шунькова 153
К юбилею Евгении Ивановны Деревянко 156

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH

ACADEMIC JOURNAL

ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ANTHROPOLOGY OF EURASIA

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3 Volume 46, No. 3, July – September 2018

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.P. Derevianko, A.V. Kandyba, Nguyen Khac Su, S.A. Gladyshev, Nguyen Gia Doi, V.A. Lebedev, A.M. Chekha, A.G. Rybalko, V.M. Kharevich, and A.A. Tsybankov. The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam 3
V.A. Alakbarov. Technological Development of the Neolithic Pottery at Göytepe (West Azerbaijan) 22
G.T. Omurova, V.V. Barinov, O.V. Kardash, E.A. Vaganov, and V.S. Myglan. Reconstruction of Extreme Paleoclimatic Events in Northwestern Siberia Using Ancient Wood from Fort Nadym 32

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

L.I. Avilova and A.N. Gey. On the Construction Features of Wheeled Vehicles in Iran and Mesopotamia (Third to First Millennia BC) 41
V.I. Molodin, I.A. Durakov, L.N. Mylnikova, and M.S. Nesterova. The Adaptation of the Seima-Turbino Tradition to the Bronze Age Cultures in the South of the West Siberian Plain 49
A.P. Borodovsky. A Half of a Metal Bipartite Mold of the Seima-Turbino Period from the Upper Irtysh Region 59
V.A. Borzunov. Zotino III: An Early Iron Age Metallurgical Center in the Trans-Urals 66
A.S. Fedoruk, D.V. Papin, and O.A. Fedoruk. Middle and Late Bronze Age House-Building in the Steppe and Forest-Steppe Altai 75
K.V. Kononchuk and A.G. Marochkin. Artistic Metalwork Found Near the Tomskaya Pisanitsa 83
P.O. Senotrusova and P.V. Mandryka. Cultural Ties Across Taiga and Steppe: Material Culture from the Medieval Lower Angara River and Prospikhinskaya Shivera IV 92
A.Y. Borisenko and Y.S. Hudiakov. Bronze Plaques from Northern Kyrgyzstan with Representations of Horsemen 100
V.V. Tishin. Kimäk and *Chù-mù-kūn* 處木昆: Notes on an Identification 107

ETHNOLOGY

S.G. Zhambalova. Traditional Buryat Burials: Changes and Stereotypes 114
A.V. Baulo. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century 122
A.A. Lyutsidarskaya and N.A. Berezikov. Seventeenth Century Siberia as a Land of Opportunity: Social Mobility Among the Russian Pioneers 129

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

A.V. Zubova, V.G. Moiseyev, G.A. Khlopachev, and A.M. Kulkov. Deciduous Human Teeth from the Upper Paleolithic Site of Yudinovo, Western Russia 138
M.O. Vergeles. Realism of Face Depiction in Portraiture 146

PERSONALIA

To the 65th Birthday of Mikhail Vasilievich Shunkov 153
To the Anniversary of Evgeniya Ivanovna Derevianko 156

ABBREVIATIONS 158

CONTRIBUTORS 159

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.003-021
УДК 902

А.П. Деревянко[1], А.В. Кандыба[1], Нгуен Кхак Шу[2], С.А. Гладышев[1], Нгуен За Дой[2], В.А. Лебедев[3], А.М. Чеха[1], А.Г. Рыбалко[1], В.М. Харевич[1], А.А. Цыбанков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; arhkandyba@gmail.com; gladyshev57@gmail.com; Chekhandrej@yandex.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru; mihalich84@mail.ru; tsybankov@yandex.ru
[2]Институт археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам
Viện Khảo cổ học, Viện Hàn lâm Khoa học xã hội Việt Nam
Phan Chu Trinh 61, Hà Nội, Việt Nam
E-mail: khacsukc@gmail.com; doitrong@hotmail.com
[3]Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН
Старомонетный пер., 35, стр. 2, Москва, 119017, Россия
E-mail: leb@igem.ru

Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме

В статье рассматривается проблема происхождения бифасиальной индустрии в раннем палеолите Юго-Восточной Азии. Проанализированы каменные артефакты раннего палеолита стратифицированных стоянок Года и Роктынг, обнаруженных в районе г. Анкхе (Вьетнам). Данные материалы образуют гомогенную индустрию, в которой отчетливо проявляется единообразие способов первичного расщепления, подготовки и оформления орудий, являющихся маркерами раннепалеолитической эпохи. Заготовками для изготовления нуклеусов и орудий служили гальки, изредка в качестве заготовок использовались отщепы. Орудийный набор включает бифасы (орудия с двусторонней обработкой), изделия типа пик, орудия с намеренно выделенным острием в виде носика (шипа), скребки высокой формы, скребла различной модификации, рубящие орудия типа чопперов и чоппингов, а также зубчатые и выемчатые изделия. Особое место в этой индустрии занимают двусторонне обработанные изделия типа бифасов и типа пик. Первичное расщепление было ориентировано на оформление чаще всего простых галечных нуклеусов с естественной ударной площадкой, реже – радиальных и ортогональных ядрищ. По тектитам, обнаруженным вместе с каменными орудиями, аргоновым методом были получены две даты: 806 ± 22 и 782 ± 20 тыс. л.н. Эту индустрию предлагается назвать культурой анкхе. Происхождение культуры анкхе связано с конвергентным развитием популяций Homo erectus, которые в числе мигрантов первой волны с галечно-отщепной индустрией вышли из Африки ок. 1,8 (1,6) млн. л.н. Указанная культура не связана с ашельскими комплексами представителей второй волны миграции в Евразию.

Ключевые слова: *Вьетнам, ранний палеолит, культура анкхе, бифасы, конвергенция.*

A.P. Derevianko[1], A.V. Kandyba[1], Nguyen Khac Su[2], S.A. Gladyshev[1], Nguyen Gia Doi[2], V.A. Lebedev[3], A.M. Chekha[1], A.G. Rybalko[1], V.M. Kharevich[1], and A.A. Tsybankov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; arhkandyba@gmail.com; gladyshev57@gmail.com; Chekhandrej@yandex.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru; mihalich84@mail.ru; tsybankov@yandex.ru
[2]Institute of Archaeology, Vietnam Academy of Social Sciences,
Phan Chu Chin 61, Hanoi, Vietnam
E-mail: khacsukc@gmail.com; doitrong@hotmail.com
[3]Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry, Russian Academy of Sciences,
Staromonetny per. 35, bldg. 2, Moscow, 119017, Russia
E-mail: leb@igem.ru

© Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А., 2018

The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam

This study deals with the origin of bifacial industry in the Lower Paleolithic of Southeast Asia. We describe stone tools from the stratified sites of Goda and Rocktyng near the town of Ankhe, Vietnam. The lithics represent a homogeneous industry characterized by uniform Lower Paleolithic techniques of primary and secondary reduction. Cores and tools were made of pebbles, and some tools were manufactured on flakes. The tool-kit includes bifaces, pics, becs, carinate end-scrapers, various types of side-scrapers, choppers and chopping tools, denticulate and notched pieces. Bifaces and pics are the principal types. Primary reduction was aimed at manufacturing simple pebble cores with cortex striking platforms, whereas radial and orthogonal cores are less frequent. Tektites found with the lithics were dated by $^{40}K/^{38}Ar$-method to 806±22 and 782±20 ka BP. We propose to name this industry the Ankhe culture. It likely emerged by convergent evolution of the pebble-flake industry associated with the first wave of Homo erectus migration from Africa 1.8–1.6 million years BP, and is unrelated to the Acheulean tradition introduced by the second migration wave from Africa.

Keywords: *Vietnam, Lower Paleolithic, Ankhe culture, bifaces, convergent evolution.*

Введение

Палеолит Юго-Восточной Азии, к которой относится территория Вьетнама, выделяется своеобразием технико-типологических комплексов и принципиально отличается по многим характеристикам каменных индустрий от палеолита регионов, расположенных к западу. Первоначальное заселение человеком Юго-Восточной Азии, как считают многие исследователи, произошло 1,8 (1,6) млн л.н. в результате миграции в регион *H. erectus* не с олдованской, а с галечно-отщепной индустрией из Африки [Деревянко, 2015]. Отметим, что эта дата относится к антропологическим находкам, столь древние стоянки с каменными орудиями пока не найдены. В регионе открыто немного раннепалеолитических стоянок с хорошо выявленной стратиграфией. Возраст наиболее древних стоянок на этой территории немногим более 1 млн лет. В раннем палеолите Юго-Восточной Азии выделено несколько разновременных индустрий: тампанская, аньятская, патжитанская и др.

Со времени первоначального расселения на этой территории эректусов развитие индустрии проходило в значительной мере конвергентно, без участия каких-либо гоминин, двигавшихся с мощными миграционными потоками из западной части Евразии. Это, конечно, не означает, что указанные восточные регионы Евразии были совершенно изолированы от внешнего мира. Небольшие по численности популяции, возможно, неоднократно проникали на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, в результате чего происходил дрейф генов, но такие малочисленные инфильтрации не могли изменить в целом динамику развития каменной индустрии на востоке азиатского континента. Хорошо прослеживаемое эволюционное развитие палеолитических индустрий было автохтонным. Причина этого – не отставание древних обитателей данной территории в применении инновационных технологий обработки камня или неразвитость их когнитивных способностей [Movius, 1944, 1949; Clark, 1998; и др.], а умение приспосабливаться к особенностям экологических условий (например, к таким как отсутствие крупных источников хорошего сырья), дивергенция и др. факторы, заставлявшие человека с периода раннего палеолита широко использовать органический материал: кость, дерево и особенно бамбук [Hutterer, 1985; Pope, 1984, 1985, 1988; Pope, Cronin, 1984; Lycett, 2007; и др.].

Х. Мовиус выделил в раннем палеолите Старого Света две линии развития индустрий – ашельскую с бифасами (Африка, западная часть Евразии) и галечную с рубящими орудиями типа чопперов и чоппингов (Юго-Восточная и Восточная Азия). За последние 70 лет в Восточной и Юго-Восточной Азии были открыты и исследованы сотни палеолитических местонахождений, получен обширный фактический материал, который позволяет по-новому подойти к оценке индустрий восточной части Евразии. В эти годы исследователи неоднократно рассматривали проблему двух культурно-исторических провинций (т.н. линии Мовиуса) на международных симпозиумах и в публикациях. Одна из первых содержательных дискуссий состоялась на страницах журнала Current Anthropology в связи с выходом в свет статьи Йи Сеонбок и Д. Кларка [Yi Seonbok, Clark, 1983]. Данная дискуссия, как и многие другие, была направлена в основном на критику гипотезы Х. Мовиуса. Ученые приводили бесспорные свидетельства существования в палеолите Восточной и Юго-Восточной Азии как чопперо-чоппинговых, так и бифасиально обработанных орудий. После окончания дискуссии появилось много статей с новыми данными о наличии орудий типа рубил на палеолитических местонахождениях в восточной зоне Евразии. В настоящее время для всех очевидно, что в Восточной и Юго-Восточной Азии бифасиальная техника появилась очень рано.

Изучение палеолитических индустрий Вьетнама

Первые палеолитические местонахождения на территории Вьетнама были обнаружены французским ученым М.Л. Колани. В 1920-е – начале 1930-х гг.

она проводила полевые исследования в провинциях Хоабинь, Ниньбинь, Тханьхоа и Кванбинь, в результате которых была выделена позднепалеолитическая культура хоабинь [Colani, 1927]. Позднее Х.-Д. Кальке на севере страны обнаружил в ряде пещер каменные орудия, кости плейстоценовых животных и остеологические остатки *Homo erectus* [Kahlke, 1965, 1973]. В 1960-е гг. во Вьетнаме работал один из известных палеолитоведов второй половины XX в. П.И. Борисковский, который не только участвовал в полевых исследованиях, но и помогал в подготовке кадров. В 1960-е гг. во Вьетнаме стала формироваться своя палеолитическая школа.

Наиболее древние палеолитические стоянки, свидетельствующие о первоначальном заселении территории Вьетнама человеком, относятся к началу среднего плейстоцена [Борисковский, 1966, 1971; Kahlke, 1973; Ciochon, Olsen, 1986; Olsen Ciochon, 1990; Davidson, Noble, 1992; Nguyễn Khắc Sử, 2007a, b; и др.]. В пров. Лангшон на границе с Китаем в пещерах Тхамкуйен и Тхамхай были найдены десять зубов *H. erectus*, а также фрагменты зубов вымерших человекообразных обезьян и фаунистические остатки преимущественно вымерших видов животных: Ailuropoda, Stegodon, Pongo и др. Эти местонахождения датированы 475 ± 125 тыс. л.н. [Marwick, 2009].

На территории Вьетнама, как и Юго-Восточной Азии в целом, на протяжении всего палеолита начиная с первого появления эректусов происходило эволюционное автохтонное развитие индустрии, ориентированной на работу с деревом, костью и бамбуком. Особенно важное значение в жизни гоминин на территории Вьетнама, видимо, имел бамбук: его побеги использовали в пищу, а из зрелых стеблей изготавливали ножи, острия, наконечники и т.д. Обработка органических материалов производилась грубыми рубящими орудиями из камня, такими как чопперы, чоппинги, а также скреблами и ножами различных модификаций. Поэтому даже на стоянках эпохи неолита и даже раннего этапа бронзового века можно встретить грубые заготовки, которые исследователи нередко относят к палеолиту. В этом отношении показательны сборы на г. До во Вьетнаме. В 1960 г. во время раскопок могильника и поселения бронзового века в пров. Тханьхоа участники археологической экспедиции собрали на склонах горы грубо оббитые артефакты. В этой экспедиции в качестве консультанта принимал участие проф. П.И. Борисковский. Находки с г. До привлекли внимание исследователя своей архаичностью, и в течение длительного времени он занимался изучением данного местонахождения [1966, 1971; и др.]. Гора До находится на правом берегу р. Тю, притока р. Ма, в 23 км от берега моря. Она сложена мезозойскими базальтами, в которых встречаются кварцевые жилы. На высоте 20–40 м от подножия на поверхность выходят коренные обнажения базальта. В его осыпи древние люди брали материал для изготовления каменных орудий. В первые годы работы экспедиции было собрано 1 500 камней со следами раскалывания. П.И. Борисковский произвел статистическую обработку 825 находок: 782 артефакта он причислил к отщепам, из которых 37 изделий – к леваллуазским. Среди артефактов он выделил «2 типично ашельских ручных рубила, 1 грубое рубящее орудие, обработанное с обеих поверхностей (chopping-tools); 7 грубых рубящих орудий, обработанных с одной поверхности (choppers); и 15 прямоугольных топоровидных орудий и их обломков (hand axes, cleavers)» [1966, с. 60]. П.И. Борисковский не был уверен в древности коллекции каменных изделий, собранной на г. До [Там же, с. 60–62], тем не менее до конца жизни относил это местонахождение к раннему палеолиту. Сомнения относительно древности местонахождения До высказывали многие специалисты [Olsen, Ciochon, 1990; и др.]. В 1986 г. вьетнамские археологи нашли на г. До мастерскую бронзового века, в которой изготавливались каменные топоры, похожие на раннепалеолитические бифасы [Nguyễn Khắc Sử, 2007b]. Данный пример является яркой иллюстрацией того, что даже такой опытный профессиональный палеолитовед, как П.И. Борисковский принял поздние, но имеющие патину двусторонне обработанные каменные изделия, напоминающие по форме и технике изготовления рубила, за нижнепалеолитические. И причина этого в том, «что орудия, использовавшиеся в Южной и Восточной Азии на протяжении сотен тысяч лет, удивительно похожи друг на друга» [Movius, 1958, p. 354].

Материалы, обнаруженные на востоке Евразии, согласно критериям оценки палеолитических индустрий Африки и Евразии, имеют много специфических черт, по которым, например, невозможно выделить средний палеолит. На протяжении всего плейстоцена в Восточной и Юго-Восточной Азии эволюционно развивались индустрии каменного века, в течение более 1 млн. лет здесь не было таких инноваций в обработке камня, как в Африке и западной части Евразии. Например, в Восточной и Юго-Восточной Азии отсутствовала леваллуазская техника первичного расщепления. Это не означает, что на данной огромной территории была одна индустрия, более того, отсталого типа и неэффективная. На востоке Евразии, как и на территории Вьетнама, выделены десятки культур, которые характеризуются скалыванием с галечных, дисковидных, ортогональных и других форм нуклеусов отщепов, служивших для изготовления орудий, а также большим количеством галечных рубящих орудий. Поэтому для выделения среднего палеолита в Восточной и Юго-Восточной Азии нет обоснованных и общепринятых критериев. Каменная индустрия этих регионов

на протяжении 1,5 млн лет не находилась в состоянии застоя. Доказательством могут служить материалы открытых в Китае раннепалеолитических местонахождений, включающие двусторонне обработанные орудия типа ручных рубил. Такие изделия появились здесь ок. 1 млн л.н. и использовались на протяжении всего среднего и в первой половине верхнего плейстоцена. Важно отметить, что эта бифасиальная индустрия, сформировавшаяся на территории Китая, отличалась от ашельской в Африке и в западных районах Евразии. Индустрии со сходными характеристиками появились в Восточной Азии в результате технологической конвергенции [Деревянко, 2008, 2014; и др.]. Важным свидетельством отсутствия застойности в индустриях раннего палеолита в Юго-Восточной Азии является открытие во Вьетнаме раннепалеолитической индустрии с двусторонне обработанными орудиями (бифасы) типа ашельских ручных рубил.

Раннепалеолитические местонахождения с бифасиальной индустрией во Вьетнаме, открытые в 2014–2017 годах

С 2009 г. во Вьетнаме работает российско-вьетнамская археологическая экспедиция по изучению каменного века этой страны. С российской стороны экспедицию возглавляет А.П. Деревянко, с вьетнамской – Нгуен Кхак Шу. Исследования проводились в нескольких пещерах с культуросодержащими слоями, относящимися к верхнему плейстоцену.

В 2014 г. вьетнамским археологам удалось обнаружить раннепалеолитические местонахождения с двусторонне обработанными орудиями (бифасами) около г. Анкхе в центральной части Вьетнама. С 2015 г. по настоящее время совместная экспедиция проводит планомерные стационарные исследования на этих стоянках [Деревянко, Цыбанков, Нгуен Зианг Хай и др., 2016; Деревянко, Шу, Цыбанков и др., 2016; Деревянко и др., 2017а, б; Nguyễn Khắc Sử, Nguyễn Gia Doi, 2015]. За четыре года в районе г. Анкхе были найдены 23 раннепалеолитических местонахождения с бифасами, сосредоточенные в семи пунктах (рис. 1). В пункте Роктынг выделены 12 местонахождений, расположенных на левом берегу р. Ба на побережье водохранилища (рис. 2, 3). На этом же берегу находятся пункты Роклён 1 и Рокзау 2. Местонахождения Роклён 2 и Рокнеп 1, 2 зафиксированы к востоку от р. Ба, ближе к горам. Пункты Рокзау 1 и Рокхуонг расположены вдали от водохранилища, ниже по течению реки. На правом берегу реки обнаружены: стоянка Года, расположенная также ниже водохранилища, в некотором удалении от реки, почти напротив местонахождения Рокхуонг (рис. 4), а также стоянки

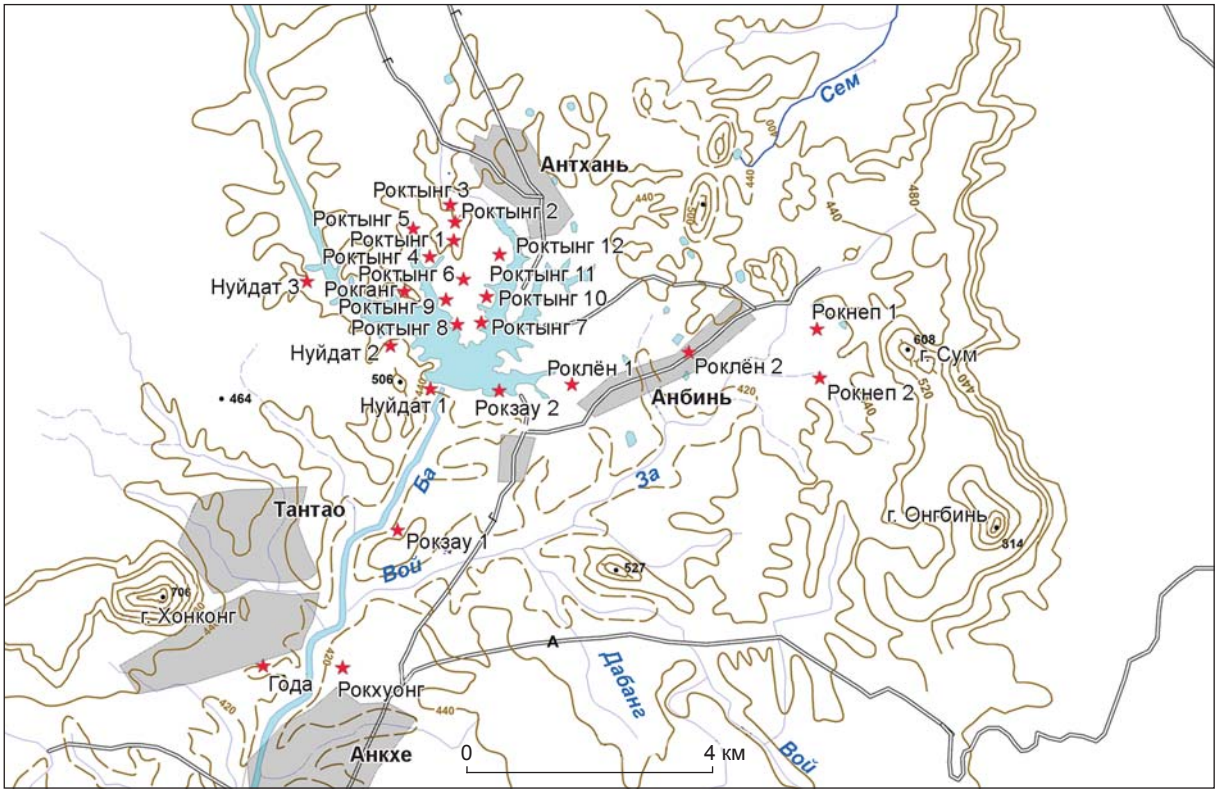


Рис. 1. Местонахождения раннего палеолита культуры анкхе.

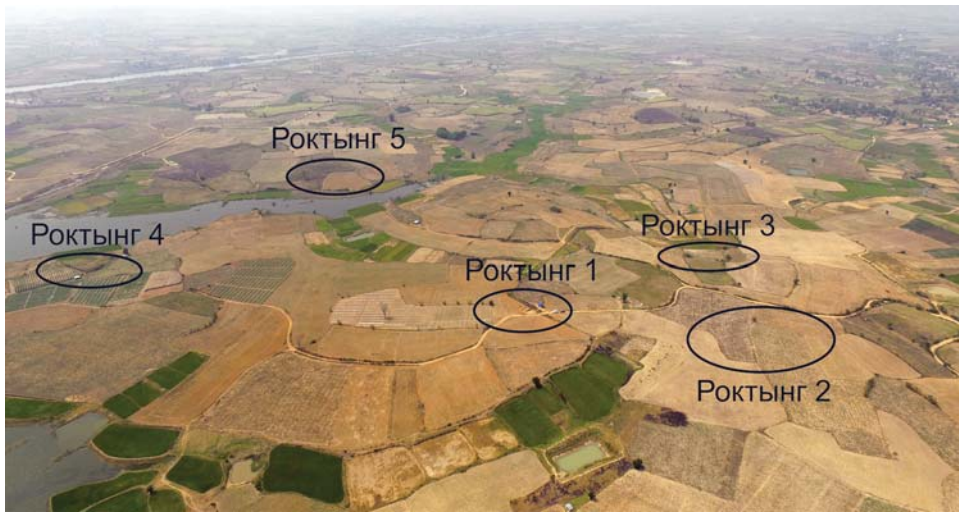


Рис. 2. Раннепалеолитические местонахождения Роктынг 1–5.

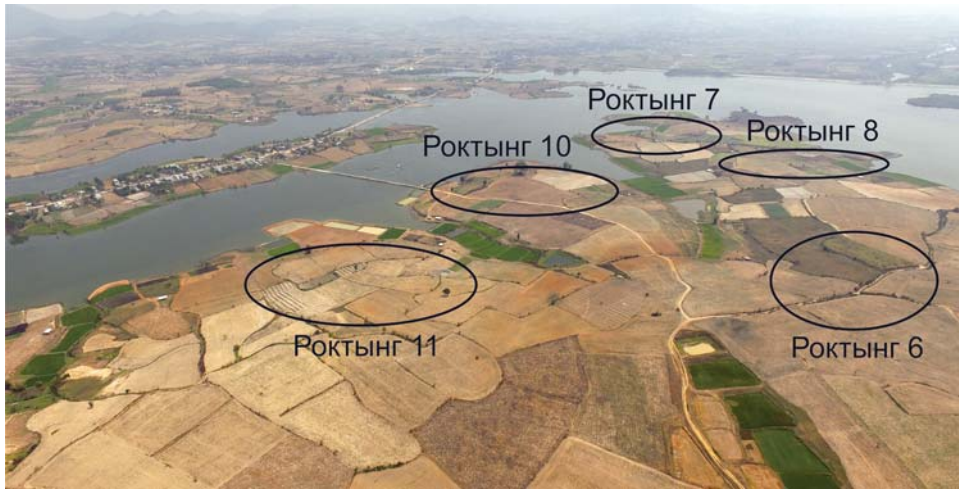


Рис. 3. Раннепалеолитические местонахождения Роктынг 6–8, 10, 11.

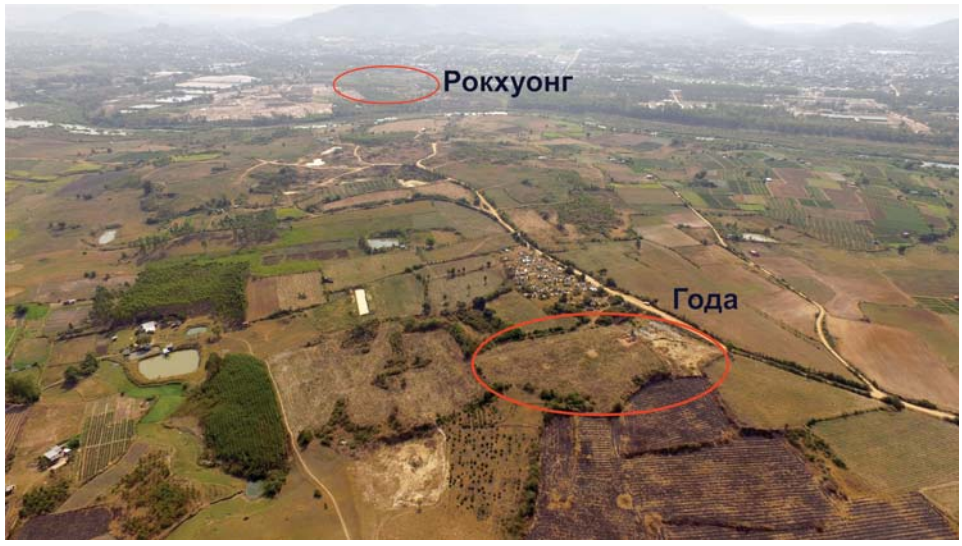


Рис. 4. Раннепалеолитические местонахождения Года и Рокхуонг.

Нуйдат 1–3, которые находятся на пологих восточных склонах небольшой г. Дат, в непосредственной близости от местной гидроэлектростанции.

На этих стоянках галечные орудия раннего палеолита были обнаружены как на современной поверхности, так и в контрольных шурфах в непотревоженном состоянии.

Стационарные полевые исследования в 2015–2018 гг. проводились в пунктах Роктынг и Года. Наиболее массовый и выразительный по технико-типологическим характеристикам материал, содержащий бифасы, удалось получить при исследовании группы стоянок в пункте Роктынг. Стоянки расположены на возвышенном холмистом плато, которое прорезано сетью речных водотоков, двигающихся в основном с запада на восток. Рельеф подвергся сильному влиянию денудационных процессов. Скальное основание сложено базальтами, кислыми туфами и гранитами, осадочные отложения – аллювиальными озерными и речными осадками и делювиальными шлейфами. Рыхлые осадки накапливались преимущественно в финале раннего и среднем плейстоцене. Длительное время цоколь до формирования рыхлых пород подвергался денудации, в результате образовалась сравнительно мощная кора выветривания. Верхний слой до глубины 20–30 см сильно видоизменен в результате длительного антропогенного воздействия (распашка и строительство хозяйственных и ирригационных сооружений). В местах, где рыхлые отложения были разрушены водными потоками, эрозией, прокладкой каналов для поливки на глубину ок. 1 м, собран подъемный материал.

По результатам полевых исследований наиболее информативными в настоящее время считаются стоянки, относящиеся к пункту Роктынг. Общая площадь территории, на которой зафиксированы раннепалеолитические стоянки, составляет несколько квадратных километров, что не позволяет объединить объекты в одно местонахождение с единым культуросодержащим горизонтом. В местах скопления каменных изделий были заложены разведочные шурфы площадью 2 м^2, в каждом из которых отмечены артефакты, залегавшие *in situ* в одних и тех же стратиграфических условиях.

Стоянки в данном пункте удалены друг от друга на разные расстояния, поэтому их выделение следует считать условным. В дальнейшем при проведении стационарных работ, вероятно, будет уточнено количество стоянок. Очевидно, что такую большую площадь не могла занимать одна стоянка гомининов раннего палеолита. Как было установлено при проведении раскопок, культуросодержащие слои находились в одном литологическом горизонте и могли незначительно отличаться друг от друга. На всех стоянках обнаружены каменные изделия, относящиеся к одному технико-типологическому комплексу. Стоянки являются, видимо, результатом кратковременной остановки гомининов на наиболее комфортном, по их оценке, месте; обжитая площадь небольшая. В данной статье приводится описание раскопанных стоянок только в пунктах Роктынг и Года (более подробное описание всех открытых местонахождений см.: [Деревянко, в печати]).

Местонахождение Роктынг 1 (координаты 14°02′253″ с.ш.; 108°40′822″ в.д.) находится на возвышенном, относительно ровном участке, занятом сельскохозяйственными угодьями. На поверхности обнаружены 52 каменных изделия: нуклеусы, гальки и валуны со следами апробации, сколы, чопперы, чоппинги, скребла, острие-унифас, бифасы, орудия с выделенным острием.

В 2015 г. после сбора с поверхности подъемного материала на местонахождении был заложен раскоп площадью 36 м^2. Раскоп находится на высоте 456 м над ур. м.

Стратиграфический разрез южной стенки раскопа включает следующие отложения:

верхняя часть рыхлых отложений – отвал, образовавшийся в результате прокладки ирригационного канала, который перекрывал непотревоженную часть современной дневной поверхности. Мощность 0,4–0,5 м. При раскопках удалось выделить три литологических горизонта (рис. 5).

Слой 1. Современная почва, погребенная под отвалом, сложена легким суглинком серого цвета. Мощность 0,1–0,2 м.

Слой 2. Серо-коричневые слабо карбонатизированные суглинки с незначительным включением дресвы (до 5 %). Местами попадаются буро-красные латеритовые включения. На участке, расположенном к югу от раскопа, данный слой был уничтожен в ходе сельскохозяйственных работ. Мощность 0,6–0,7 м.

Слой 3. Буро-красные тяжелые суглинки элювиального генезиса (латерит), сильно карбонатизированные, вниз по разрезу цвет постепенно меняется на серо-коричневый. Латеритовые и карбонатизированные отложения от кровли до подошвы вниз по разрезу постепенно перемешиваются с корой выветривания. Видимая мощность до 0,55 м.

В раскопе обнаружено 70 артефактов. Коллекция содержит гальки со следами апробации (25 экз.), сколы (14 экз.), нуклеусы на различных стадиях оформления и утилизации (18 экз.), орудия и их заготовки (13 экз.).

На местонахождении Роктынг 1 были заложены шесть шурфов, каждый площадью 2 м^2. Самый ближний находился в 25 м, а самый дальний – в 120 м к юго-западу от раскопа. Во всех шурфах прослежена близкая стратиграфия отложений, обнаружены раннепалеолитические артефакты. В шурфе 2 найдены

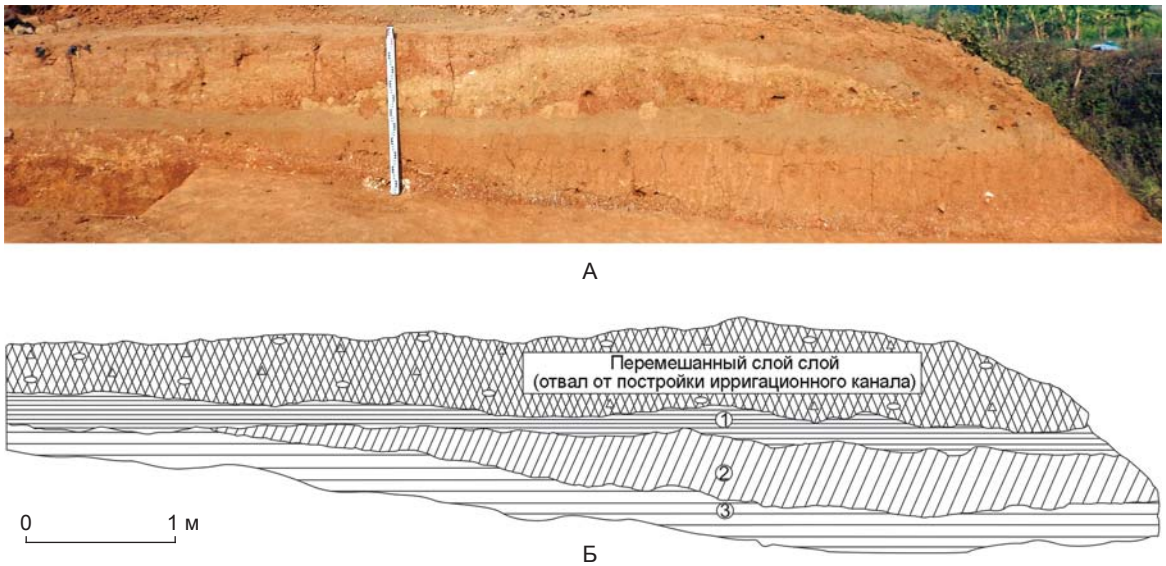


Рис. 5. Стратиграфия местонахождения Роктынг 1.

два нуклеуса – одноплощадочный однофронтальный с галечной ударной площадкой и одноплощадочный двуфронтальный со смежными фронтами скалывания, чопперовидное скребло и орудие с остриемносиком.

В 324 м на северо-восток от раскопа местонахождения Роктынг 1 зафиксировано местонахождение Роктынг 2 (координаты 14º02′253″ с.ш.; 108º40′929″ в.д.). Оно расположено на высоте 452 м над ур. м. На поверхности удалось собрать 22 артефакта. Коллекцию составляют нуклеус, гальки со следами апробации (4 экз.), крупные рубящие пикообразные орудия и их заготовки (11 экз.), сколы (6 экз.).

Неподалеку от этой стоянки на расстоянии 390 м на северо-восток от Роктынг 1 открыто местонахождение Роктынг 3. Здесь найдены три артефакта на поверхности и три в шурфе, где зафиксирована такая же стратиграфия отложений, как и на предыдущих объектах.

Местонахождение Роктынг 4 (координаты 14º02′053″ с.ш.; 108º40′584″ в.д.) – одно из важных по информативности. Оно расположено на высоте 438 м над ур. м., в 569 м к юго-западу от пункта Роктынг 1. На поверхности собраны 56 каменных изделий: нуклеусы (5 экз.), гальки со следами апробации (17 экз.), крупные пластинчатые сколы и отщепы (34 экз.).

В 2016 г. на местонахождении Роктынг 4 были заложены раскоп 1 площадью 12 м^2 и шесть шурфов (№ 1–6) по 2 м^2 каждый. В раскопе и шурфах зафиксирована следующая стратиграфическая последовательность отложений:

Слой 1. Современная почва. Состоит из двух прослоев.

А. Легкий суглинок серого цвета с незначительным включением дресвы. Мощность 0,1–0,2 м.

Б. Легкий суглинок светло-серо-коричневого цвета с незначительным включением дресвы (5–7 %). Мощность 0,20–0,25 м.

Слой 2. Сильно карбонатизированные латеритовые суглинки со значительным включением дресвы (30–40 %) красновато-коричневого цвета. Вниз по разрезу цвет отложений меняется на серо-коричневый. К кровле слоя приурочен валунно-дресвяной горизонт, содержащий артефакты. Видимая мощность 0,5–0,6 м.

В раскопе обнаружены 73 каменных артефакта. Коллекция состоит из нуклеусов (8 экз.), галек со следами апробации (31 экз.), сколов (30 экз.), орудий и их заготовок (4 экз.).

В 2017 г. стационарное археологическое изучение этого местонахождения было продолжено: вскрыты два раскопа и четыре шурфа (№ 7–10) площадью по 2 м^2; шурф 8 преобразован в раскоп 3 [Деревянко и др., 2017а].

Раскоп 2 (площадь 30 м^2) был заложен на участке, примыкающем к восточной стенке раскопа 1, работы на котором выполнялись в 2016 г.

В раскопе 2 прослежена следующая стратиграфия отложений.

Слой 1. Современная почва. Легкий суглинок серого цвета с незначительным включением дресвы. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,10–0,25 м.

Слой 2. Серо-коричневые суглинки с красноватым оттенком и с незначительными включениями дресвы (до 5 %). Слой имеет слабую карбонатизацию, местами попадаются буро-красные латеритовые включения.

Слой появляется спорадически; видимо, большая его часть была уничтожена в результате сельскохозяйственной деятельности. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 3. Буро-красные латеритовые суглинки, сильно карбонатизированные. В кровле слоя залегает галечно-дресвяная прослойка, содержащая артефакты. Видимая мощность до 0,4 м.

В раскопе обнаружены 80 каменных артефактов. Коллекция состоит из галек со следами апробации (26 экз.), преформ нуклеусов (2 экз.), сколов (41 экз.), нуклеусов (3 экз.) и орудий (8 экз.). В качестве сырья использовались валуны и гальки мелкозернистой кремнистой породы.

Раскоп 3 расположен на высоте 440 м над ур. м. на плавно понижающемся склоне в 35 м к северо-востоку от раскопа 2. Стратиграфия отложений в этом раскопе была такой же, как предыдущем. В раскопе 3 из культуросодержащего горизонта удалось извлечь 383 каменных артефакта: гальки со следами апробации (101 экз.), преформы нуклеусов (11 экз.), сколы (206 экз.), нуклеусы (30 экз.), орудия (32 экз.) и заготовки орудий (3 экз.). Установлено, что в качестве сырья использовалась чаще всего кремнистая порода плотной мелкозернистой структуры, практически без внутренних трещин, крайне редко – кварцит.

Местонахождение Роктынг 5 (координаты 14º02′302″ с.ш.; 108º40′471″ в.д.) расположено на высоте 443 м над ур. м., в 632 м к северо-западу от стоянки Роктынг 1 на плавно понижающемся восточном склоне берега небольшого залива искусственного водохранилища. На поверхности стоянки собраны 15 артефактов: нуклеусы (3 экз.), гальки со следами апробации (3 экз.), сколы (3 экз.), орудия (5 экз.) и заготовка орудия.

Местонахождение Роктынг 6 (координаты 14º01′782″ с.ш.; 108º40′927″ в.д.) расположено на высоте 448 м над ур. м., в 903 м к юго-востоку от памятника Роктынг 1 на возвышенности с сильно сглаженными в результате сельскохозяйственных работ склонами. По небольшим холмикам-останцам с кустарниковой растительностью можно предположить, что на территории стоянки было снято не менее 1 м первоначальных отложений. Археологический материал находится на понижающемся в северо-восточном направлении склоне.

Местонахождение Роктынг 7 (координаты 14º01′421″ с.ш., 108º41′116″ в.д.) расположено на высоте 440 м над ур. м., в 1 600 м к юго-востоку от памятника Роктынг 1 на понижающемся в восточном направлении пологом склоне одной из небольших возвышенностей, на котором была углубленная примерно на 1,5 м площадка для посадки риса. Остальная поверхность склона сильно изменена в результате сельскохозяйственной деятельности и занята возделываемыми полями [Деревянко, Цыбанков, Нгуен Зианг Хай и др., 2016]. Археологический материал обнаружен как на поверхности, так и в отложениях.

На расстоянии 30 м к северу от котлована с рисовым полем был заложен раскоп 1 площадью 20 м^2, в котором прослежены следующие отложения.

Слой 1. Современная почва, легкий суглинок серого цвета. Горизонт активного современного земледелия. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 2. Буро-красные латеритовые суглинки, сильно карбонатизированные, с большим включением дресвы (до 30 %). Кровля слоя представляет собой горизонт, состоящий из мелкого и среднего кварцитового галечника, сильно выветрелого, и содержит археологический материал. Видимая мощность 0,20–0,25 м.

В раскопе найдены 150 каменных артефактов: гальки со следами апробации (52 экз.), преформы нуклеусов (5 экз.), сколы (63 экз.), нуклеусы (11 экз.) и орудия (19 экз.).

На местонахождениях Роктынг 8–12 производились сбор подъемного материала и закладка шурфов, в которых в тех же литологических горизонтах, что на других местонахождениях, обнаружены артефакты.

Несколько другая стратиграфия отложений прослеживается на местонахождениях, расположенных на правом берегу Ба. Наиболее исследованным среди них является стоянка Года. Она расположена (координаты 13º58′306″ с.ш.; 108º39′136″ в.д.) в 2 км от центрального моста через реку на высоте ок. 440 м над ур. м. и ок. 50 м над урезом реки. Археологический раскоп находился в 900 м к западу от Ба на холмообразной возвышенности, сложенной коренными породами гранита. Часть местонахождения была уничтожена современным карьером. В результате его выработки образовался разрез длиной ок. 41 м. Он ориентирован с востока на запад, слабо понижается в западном направлении. Основание разреза составляют граниты, перекрытые корой выветривания, мощностью 20–30 см. На кору выветривания ложится делювиальный шлейф, который свидетельствует о глубоких природно-климатических изменениях – по всей видимости, в регионе произошло значительное похолодание. Шлейф состоит из крупнозернистой супеси, неокатанной дресвы и обломочного гранитоидного материала. Наибольшая мощность шлейфа наблюдается в восточной части разреза, наименьшая – в западной. В отдельных местах встречаются скопления грубообломочного материала, наиболее крупные образования отмечены в центральной части разреза.

Шлейф сформировался в основном в результате дефляции гранитного цоколя и небольшого переноса крупнообломочного материала с наиболее возвышенных участков поверхности. Накопление делювиального шлейфа сопровождалось эрозионными процессами, поэтому его кровля представляет собой неровную

поверхность, а нижняя часть ровным слоем перекрывает цоколь и кору выветривания. Слой, в котором обнаружен основной культуросодержащий горизонт, сформирован в результате делювиальных и эрозионных процессов, и в этом его отличие от культуросодержащих местонахождений, слоев, расположенных на левом берегу Ба.

На местонахождениях в пунктах Роктынг и др. на левом берегу Ба культуросодержащий слой залегает в латеритах, которые перекрывают и частично включены в кору выветривания, образовавшуюся на гранитном цоколе. На местонахождении Года культуросодержащий слой зафиксирован непосредственно в коре выветривания и делювиальном шлейфе. В районе данного местонахождения не выявлено слоя красноцветных латеритовых образований, которые формируются в очень теплом и влажном климате. С учетом этого можно предположить, что наиболее ранние местонахождения вблизи г. Анкхе располагаются на правом берегу Ба в районе местонахождения Года. Гоминины расселились здесь, когда климат был прохладным, аридным и происходили интенсивные процессы дефляции и эрозии. Люди продолжали расселяться в этом районе, вероятно, и в период существенного изменения природной обстановки: климат стал более теплым и влажным; начался процесс формирования рыхлых отложений в виде латеритов. Разница в датах двух указанных местонахождений составляет почти 30 тыс. лет.

Культуросодержащий слой на местонахождении Года перекрыт рыхлыми отложениями различного генезиса, которые подвергались неоднократному переотложению и были разделены, видимо, большими временными интервалами. В их составе содержатся слабо литифицированные латеритовые, делювиальные, эоловые и глинистые осадки. Таким образом, процессы осадконакопления на левом и правом берегу Ба существенно различались.

Можно предположить, что в этом районе в раннем плейстоцене гранитный цоколь длительное время не был перекрыт рыхлыми отложениями и в результате дефляционных процессов формировалась кора выветривания. Во время похолодания на финальном этапе раннего плейстоцена образовался делювиальный шлейф, состоящий из коры выветривания (5–10 см), крупной неокатанной дресвы и обломочного материала. В отдельных местах этого шлейфа, в частности, в центральной части, прослеживается скопление грубообломочного материала. Артефакты дислоцируются в коре выветривания и в нижней части делювиального шлейфа. Латериты формировались в перекрывающих шлейф отложениях в этом районе, но их переотложение, а также результаты антропогенного воздействия не позволяют зафиксировать этот слой так же четко, как на местонахождениях раннего палеолита на левом берегу Ба. Важно отметить, что по предварительным стратиграфическим наблюдениям раннепалеолитические стоянки на правом берегу несколько древнее, чем местонахождения на левом берегу Ба.

Каменная индустрия с бифасами из раннепалеолитических местонахождений Вьетнама

За четыре года исследования раннепалеолитических местонахождений с бифасами в районе г. Анкхе было обнаружено ок. 1 200 каменных изделий, в т.ч. 872 экз. извлечено из культуросодержащих горизонтов и более 300 артефактов собрано на поверхности. Все археологические находки относятся к раннему палеолиту и образуют гомогенную индустрию, которая свидетельствует об использовании одних способов первичного расщепления, подготовки и оформления маркерных изделий. Вся каменная индустрия в этом районе представляет собой единое целое, хорошо выраженный технико-типологический комплекс в аспекте как первичного расщепления, так и приемов вторичного оформления каменных орудий и их типологической классификации. Особое место в индустрии занимают двусторонне обработанные изделия типа бифасов и типа пик. Такая индустрия обнаружена во Вьетнаме впервые, мы предлагаем назвать ее культурой анкхе.

Все каменные изделия, собранные на поверхности и извлеченные из культуросодержащих горизонтов раннепалеолитических местонахождений, исследуемых в бассейне Ба, можно разделить на восемь основных классов. 1-й класс – нуклеусы, бифасы (орудия со следами двусторонней обработки) (11 экз.), 2-й – орудия типа пик (56 экз.), 3-й – орудия с намеренно выделенным острием в виде носика – шипа (40 экз.), 4-й – скребки высокой формы (4 экз.), 5-й – скребла различной модификации (54 экз.), 6-й – рубящие орудия типа чопперов и чоппингов (70 экз.), 7-й – зубчатые орудия, 8-й – выемчатые изделия [Деревянко, Шу, Цыбанков и др., 2016]. Заготовками для изготовления нуклеусов и орудий являлись, как правило, гальки и валуны разных размеров и форм, а также их фрагменты. Изредка орудия делали из сколов. Для различных хозяйственных нужд использовались, видимо, и неретушированные сколы. Сырьем на местонахождениях в районе р. Ба служили чаще всего крупнозернистый жильный кварц, очень редко – кварциты. Сырье обитатели находили в долине реки, куда по склонам г. Дат в ходе дефляции и пролювиально-коллювиальных процессов скатывались крупные отдельности камня.

Первичное расщепление на всех раннепалеолитических местонахождениях было ориентировано на эксплуатацию простых галечных нуклеусов с есте-

ственной ударной площадкой (одно- и двуплощадочные). На местонахождениях обнаружено небольшое количество нуклеусов, у которых ударная площадка оформлена одним-двумя сколами, а также радиальных ядрищ. У отдельных нуклеусов первых двух типов фиксируется несколько рабочих плоскостей (фронтов) скалывания. Среди нуклеусов с естественной ударной площадкой имеются экземпляры, у которых фронт скалывания и ударная площадка образуют почти прямой угол (рис. 6, *1*). С таких нуклеусов скалывали бесформенные отщепы различных размеров. Имеются нуклеусы, у которых фронт скалывания и ударная площадка образуют острый угол (рис. 6, *2*). Судя по негативам, с таких нуклеусов скалывали крупные отщепы с массивным ударным бугорком.

У нуклеусов второго типа ударная площадка подготавливалась преимущественно одним сколом (рис. 6, *3*). Отщепы могли скалываться с двух сопряженных или противолежащих сторон боковой поверхности ядрищ (рис. 6, *4*). Крайне редко встречаются двуплощадочные двуфронтальные нуклеусы, у которых одна ударная площадка перенесена на один из первоначальных фронтов скалывания (рис. 6, *5*).

Радиальные нуклеусы редки на рассматриваемых местонахождениях (рис. 6, *6, 7*). Они, как правило, овальной в плане формы, линзовидные в профиле и сечении. У большинства ударной площадкой служило ребро между фронтом скалывания и контрфронтом. Крупные отщепы скалывали от краев к центру. Эти нуклеусы требовали от изготовителя большей сноровки и знания структуры сырья [Деревянко, Шу, Цыбанков и др., 2016, с. 12].

Рубящие орудия представлены чопперами и чоппингами. По расположению рабочего края они делятся на поперечные (рис. 7, *1*) и продольные (рис. 7, *2*). Встречаются образцы с приостренным концом (рис. 7, *3, 4*). Одни подвергнуты односторонней обработке рабочего лезвия, другие – двусторонней. Вторичная обработка затрагивала, как правило, только лезвие; на остальной поверхности этих орудий, включая пятку, сохранена желвачная корка.

Особую группу составляют орудия с намеренно выделенным острием в виде носика (рис. 7, *5*). В отличие от бифасов и орудий типа пик у них острие выделялось или крупными сколами, или дополнительной ретушью и мелкими сколами, образующими своео-

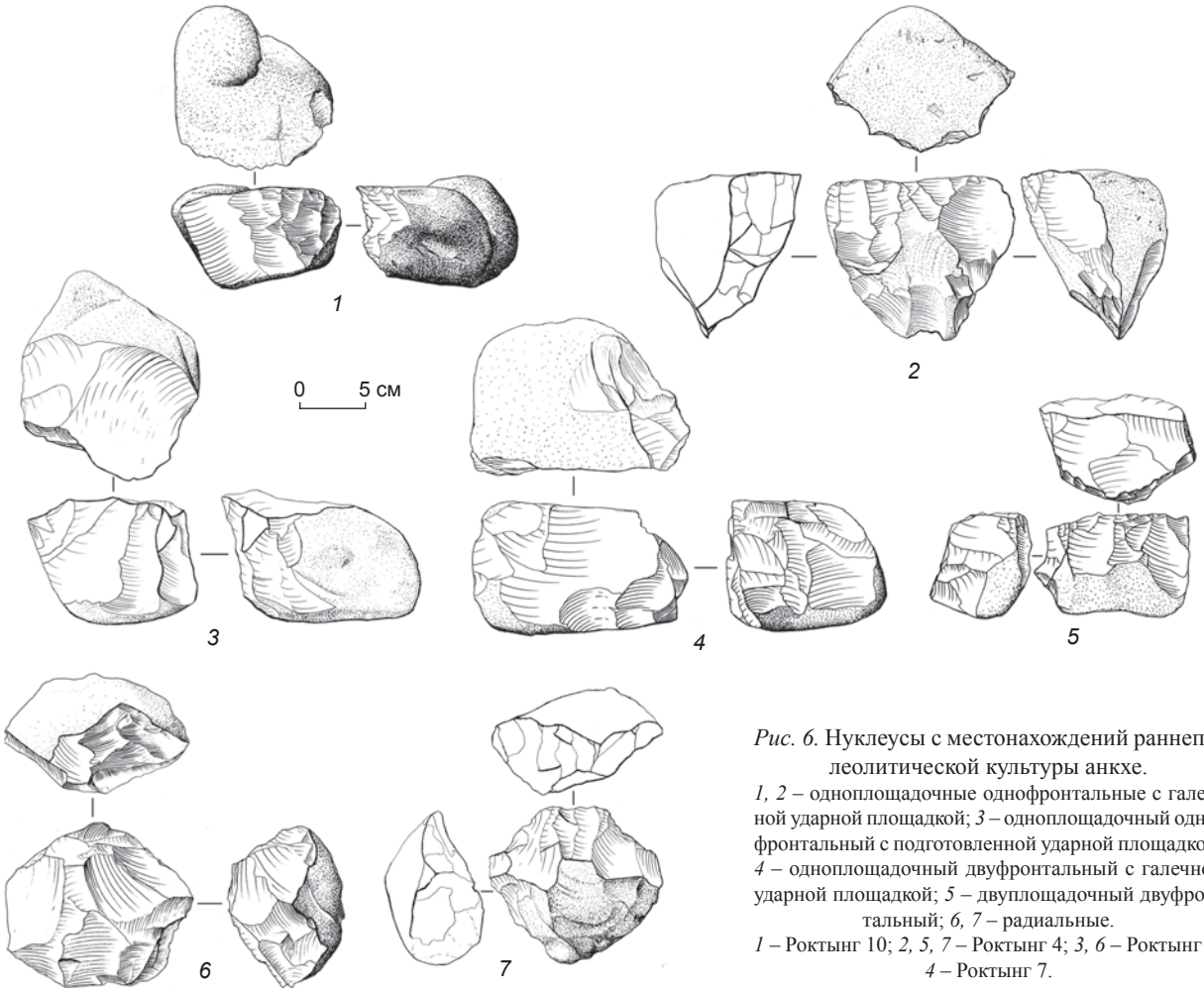


Рис. 6. Нуклеусы с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.

1, 2 – одноплощадочные однофронтальные с галечной ударной площадкой; *3* – одноплощадочный однофронтальный с подготовленной ударной площадкой; *4* – одноплощадочный двуфронтальный с галечной ударной площадкой; *5* – двуплощадочный двуфронтальный; *6, 7* – радиальные.

1 – Роктынг 10; *2, 5, 7* – Роктынг 4; *3, 6* – Роктынг 1; *4* – Роктынг 7.

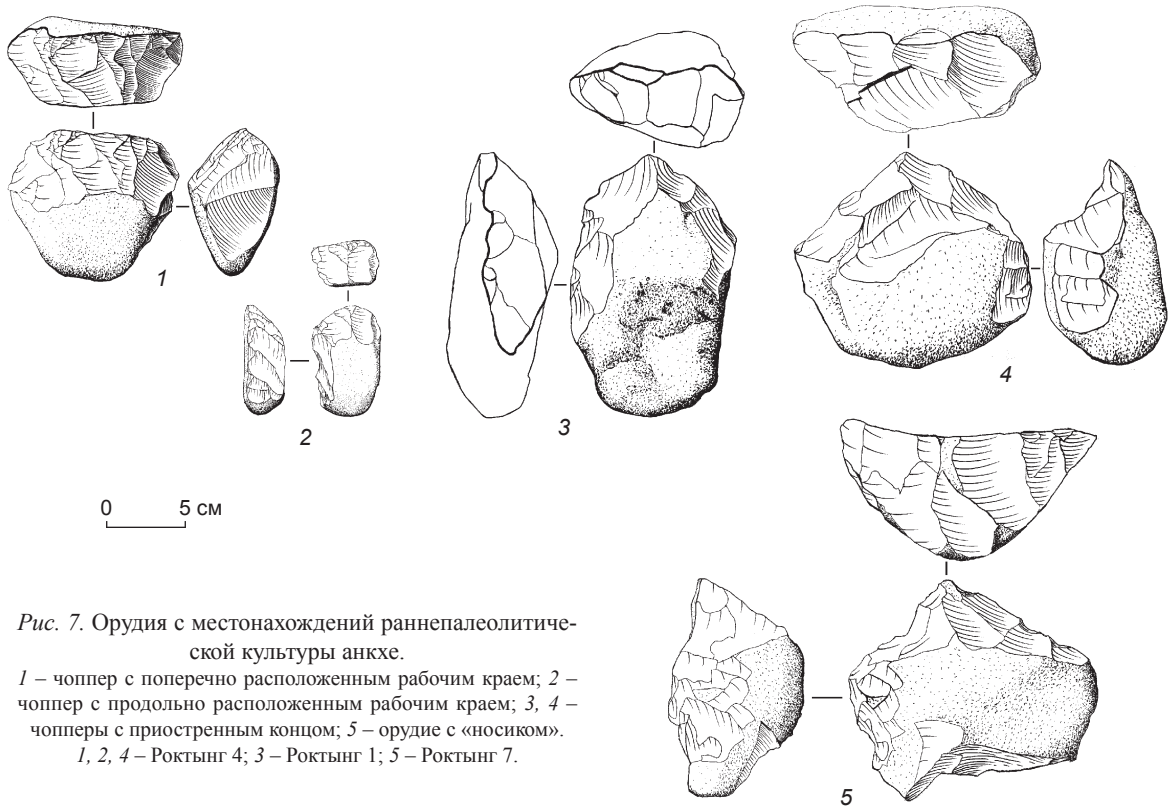


Рис. 7. Орудия с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.
1 – чоппер с поперечно расположенным рабочим краем; *2* – чоппер с продольно расположенным рабочим краем; *3, 4* – чопперы с приостренным концом; *5* – орудие с «носиком».
1, 2, 4 – Роктынг 4; *3* – Роктынг 1; *5* – Роктынг 7.

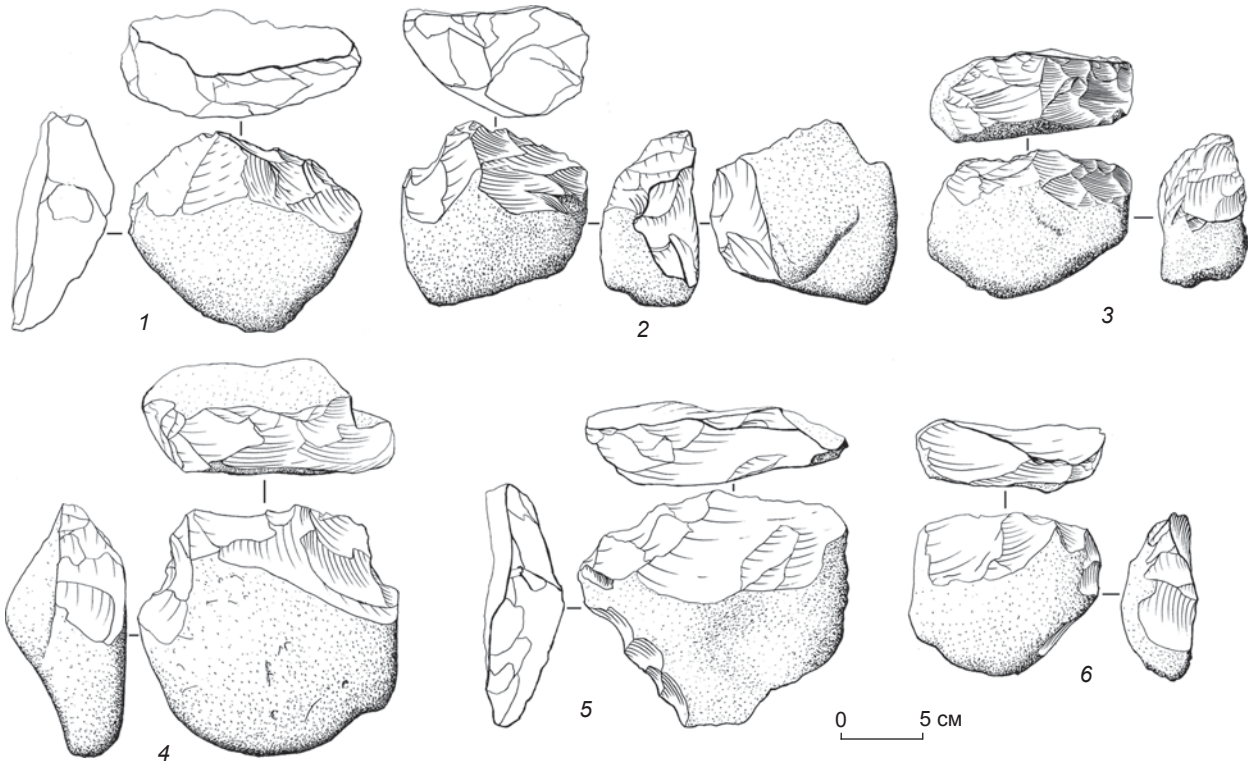


Рис. 8. Скребла с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.
1 – скребло с выпуклым лезвием; *2* – скребло с извилистым лезвием; *3, 4* – галечные скребла; *5, 6* – скребла на сколах.
1, 2, 5, 6 – Роктынг 4; *3* – Роктынг 1; *4* – Роктынг 7.

бразные плечики. Некоторые орудия этого типа имеют крупные размеры, их масса достигает 4 кг.

Значительную долю среди орудий составляют скребла нескольких модификаций. По месту расположения рабочего края скребла делятся на продольные и поперечные. Лезвие может быть выпуклым (рис. 8, *1*), вогнутым, волнистым или зубчатым (рис. 8, *2*). Подавляющее большинство этих изделий создано на гальках (рис. 8, *3, 4*), имеются также экземпляры, сделанные из крупных отщепов и фрагментов галек (рис. 8, *5, 6*). В отличие от чопперов и чоппингов скребла изготавливались на более плоских гальках, рабочий край у них обрабатывался двух-, иногда трехрядной серией крупных сколов и дополнительно подправлялся мелкой краевой ретушью. Лезвие оформлялось с одной или двух сторон. Противолежащий рабочему лезвию обушок всегда сохранял галечную корку.

Среди орудий имеются зубчатые (рис. 9, *1, 2*) и выемчатые изделия. Большая часть этих изделий небольших размеров, по сравнению с чопперами, чоппингами и скреблами. Рабочее лезвие у них оформлялось крупными сколами на продольной или поперечной боковой грани. Иногда наблюдается чередующаяся ретушь, формирующая зубцы и выемки. Как и у орудий других типов, у зубчатых и выемчатых изделий вторичной обработке подвергался только рабочий край, на остальной поверхности сохранялась галечная корка.

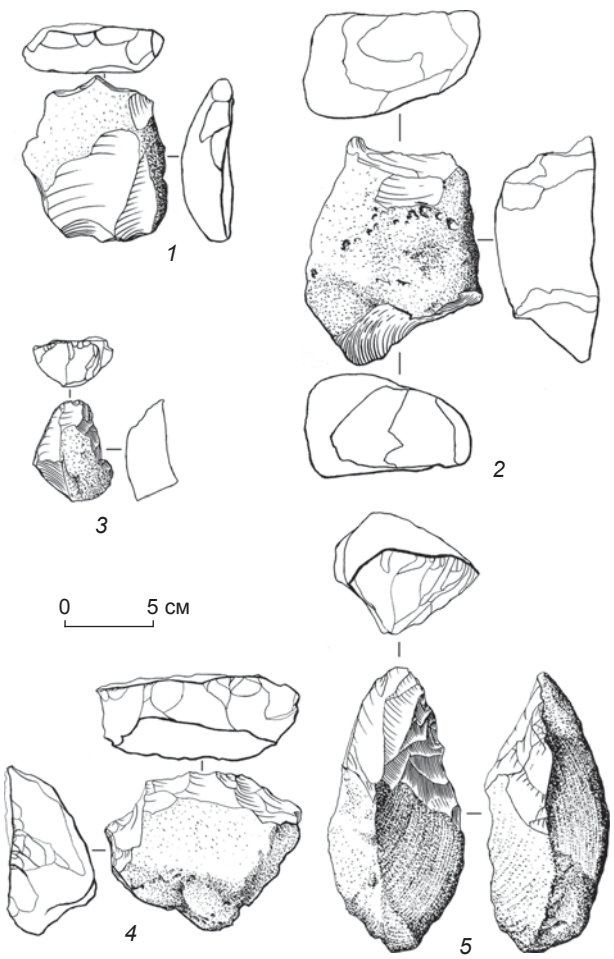


Рис. 9. Орудия с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.
1, 2 – зубчатые изделия; *3–5* – нуклевидные скребки.
1 – Роктынг 4; *2–5* – Роктынг 1.

Немногочисленную, но выделяющуюся на фоне других группу составляют нуклевидные скребки, или скребки высокой формы (рис. 9, *3–5*). Они изготавливались преимущественно на удлиненных гальках. На одном конце у них имеются негативы мелких и узких снятий. Нуклевидные скребки – особые по технико-типологической характеристике изделия раннего палеолита. Как орудия, сделанные с применением одной техники и идентичные по типологическому облику, они широко представлены в материалах местонахождений раннего палеолита на обширной территории. Наиболее ранние образцы обнаружены в доашельских горизонтах Олдувая [Leakey, 1971]. Скребки высокой формы встречаются на ряде раннепалеолитических местонахождений с галечно-отщепной и ашельской индустрией в Африке, на Ближнем Востоке, Кавказе, в Сибири на стоянке Карама и в других регионах [Clark, Kleindienst, 1974; Любин, Беляева, 2004; Амирханов, 2006; Деревянко и др., 2005]. Появление таких орудий на раннепалеолитических местонахождениях, относящихся к широкому хронологическому интервалу и удаленных друг от друга, – это результат технологической конвергенции, а не миграции человеческих популяций [Деревянко, 2015].

Наибольших затрат энергии и особого умения требовало изготовление двусторонне обработанных изделий – бифасов. Все они сделаны из крупных галек треугольно вытянутой в плане формы, линзовидных или треугольных в сечении. Вторичной обработке подвергался только конвергентно заостренный конец, который с двух сторон обрабатывался крупными сколами (рис. 10). Иногда производилась подправка лезвия более мелкими сколами. На остальной поверхности этих орудий сохранялась желвачная корка. У немногих бифасов пятка имеет следы дополнительной обработки. Среди симметричных треугольно вытянутых бифасов с необработанной пяткой особое место занимают два двусторонне обработанных изделия. Одно из них, найденное в раскопе 3 стоянки Роктынг 4 (рис. 10, *4*), сделано из крупной вытянутой гальки. Этот бифас с прямым основанием и слегка изогнутым лезвием по форме напоминает акулий зуб. Одна поверхность изделия плоская и сплошь обработана сколами, направленными от краев к центру, другая – выпуклая почти полностью обработана сколами, только в центре изделия остался небольшой участок, покрытый галеч-

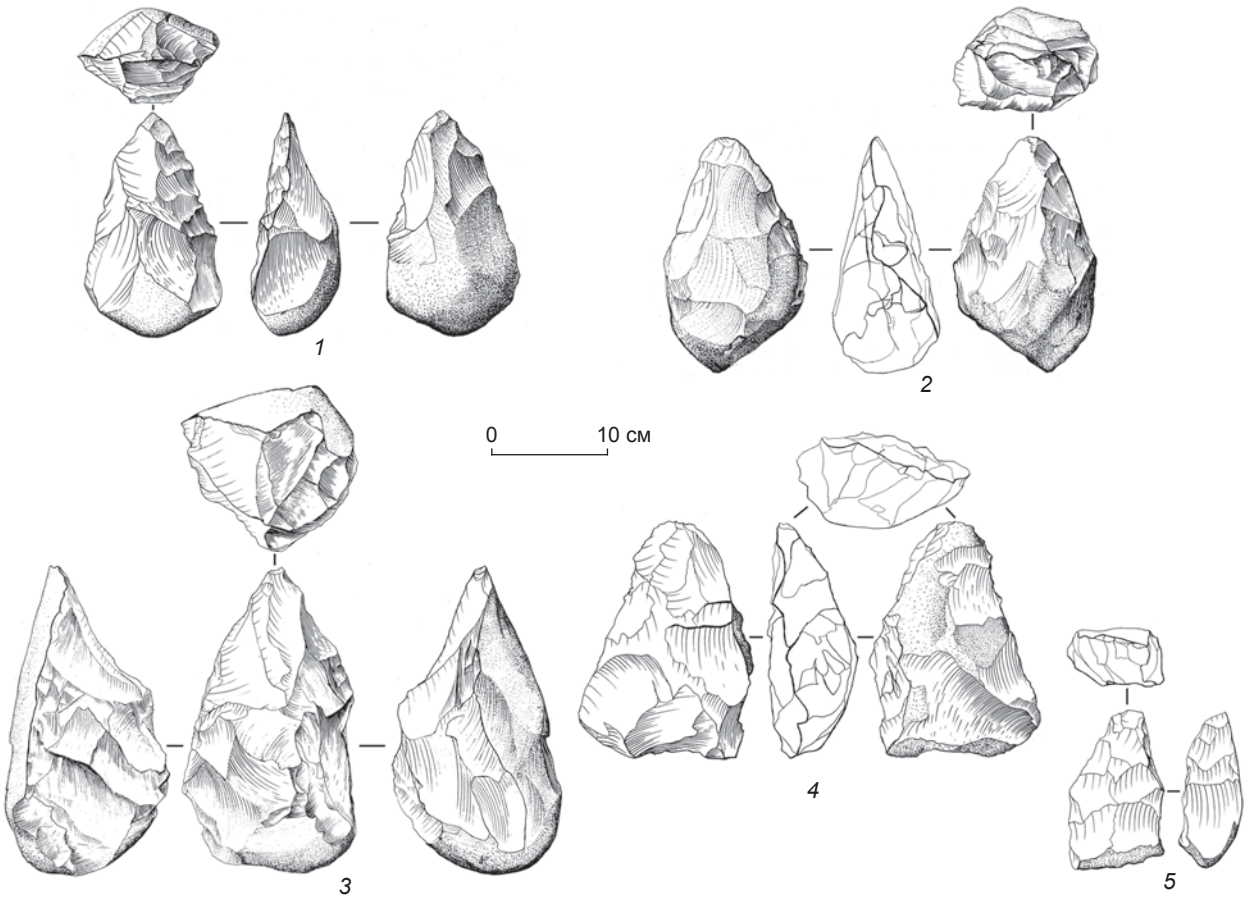


Рис. 10. Двусторонне обработанные орудия с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.
1 – Рокзау 1; *2* – Роклен 2; *3* – Роктынг 10; *4* – Роктынг 4 (раскоп 3); *5* – Роктынг 7 (раскоп 1).

ной коркой. Другое изделие, обнаруженное в раскопе стоянки Роктынг 7, в отличие от предыдущего несет следы лишь частичной обработки плоской поверхности краевой ретушью по всему периметру (рис. 10, *5*).

Близкими к ним по форме и степени обработки являются орудия типа пик. Для их изготовления использовались чаще всего крупные, массивные гальки и валуны. Как правило, пикообразные изделия крупные по размерам и весу. Вторичной обработке подвергался только заостренный рабочий край. Остальная поверхность орудий типа пик оставалась покрытой галечной коркой. Ретушь располагалась по обеим сторонам рабочего края (рис. 11, *1, 3*) или только по одной (рис. 11, *2*). Какую бы форму не имела исходная заготовка, сечение рабочего лезвия было треугольным; это характерно для орудий типа пик. В отличие от бифасов у этих изделий заостренный конец отчетливо вытянутой формы, часто асимметричный (рис. 11, *4*).

Каменная индустрия местонахождений на левом берегу Ба базировалась на местном сырье. Нуклеусы и орудия изготавливались из кварцитовых галек и валунов. Немало артефактов выполнено из сырья невысокого качества. Внутри заготовок было много трещин и включений крупных зерен, что препятствовало расщеплению. Об этом свидетельствует большое количество галек со следами апробации и плохо диагностируемых обломков. Для получения сколов-заготовок использовались простые монофронтальные нуклеусы с минимально подготовленными одной-двумя площадками. Преобладала поперечная ориентация скалывания. На местонахождениях практически отсутствуют сильно сработанные нуклеусы, на большинстве ядрищ можно проследить следы лишь одной серии первичных снятий. Очень мало радиальных ядрищ. Сколы как потенциальные заготовки играли второстепенную роль. Из культуросодержащих горизонтов извлечены сколы, которые не подверглись вторичной обработке. В целом эту индустрию можно назвать галечной: подавляющее большинство орудий сделано из галек; только отдельные скребла, зубчатые и выемчатые орудия небольших размеров оформлены на сколах. Среди орудий преобладают орудия типа пик, изделия с выделенным острием-«носиком», а также чопперо- и чоппинговидные инструменты. Реже встречаются скребла

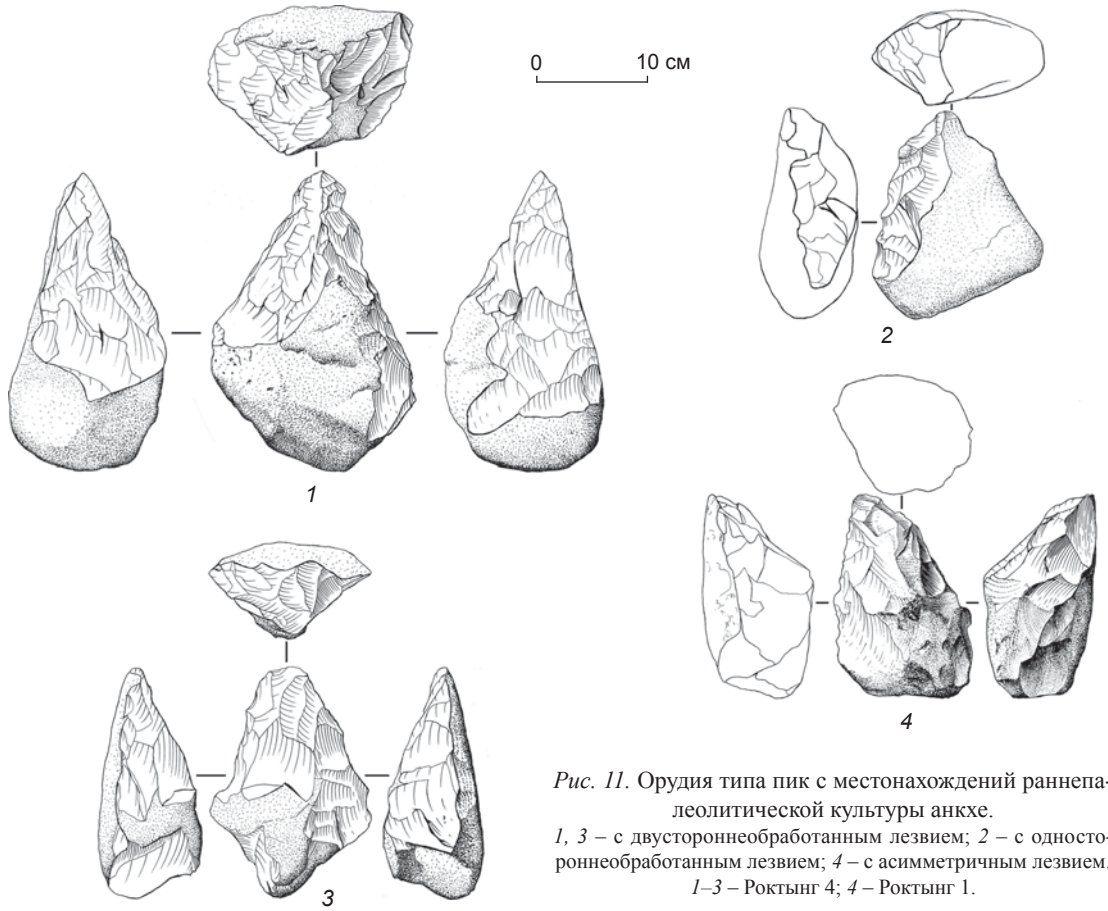


Рис. 11. Орудия типа пик с местонахождений раннепалеолитической культуры анкхе.
1, 3 – с двустороннеобработанным лезвием; *2* – с одностороннеобработанным лезвием; *4* – с асимметричным лезвием.
1–3 – Роктынг 4; *4* – Роктынг 1.

и выемчатые изделия. Специфической особенностью индустрии можно считать наличие двусторонне обработанных орудий, которые по морфологическим признакам и характеру обработки сходны с ашельскими бифасами.

С учетом залегания артефактов *in situ* в коре выветривания и латеритовых суглинках, а также их технико-типологических характеристик каменную индустрию, несомненно, следует отнести к раннему палеолиту. Вместе с каменными орудиями в культурном слое обнаружено ок. 200 отдельностей тектитов, расплавленных и застывших стекловидных образований, появившихся в результате удара метеоритов о твердую поверхность. Два образца тектитов (со стоянок Года и Роктынг 1) были переданы в лабораторию изотопной геохимии и геохронологии Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (г. Москва) для определения их абсолютной даты. В результате исследований были установлены даты культуросодержащего слоя местонахождения Года – 806 ± 22 тыс. л.н. (лабораторный номер 15962) и местонахождения Роктынг 1 – 782 ± ± 20 тыс. л.н. (лабораторный номер 15963).

Открытие во Вьетнаме раннепалеолитической культуры анкхе с бифасиальными орудиями, относящейся к финалу раннего плейстоцена, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что Юго-Восточная Азия была одним из регионов формирования бифасиальных индустрий в раннем палеолите.

Раннепалеолитические индустрии с бифасами в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии

Х. Мовиус, выдвигая гипотезу о разделении ареала раннепалеолитических индустрий на две зоны – с бифасами (Африка, Евразия до территории Индии) и с чопперами и чоппингами (территория к востоку от Индии), знал об обнаружении бифасиальных орудий в Юго-Восточной Азии. Впервые бифасы были найдены Г.Х.Р. Кёнигсвальдом в 1935 г. в южной части Центральной Явы на местонахождении Паджитан. Позднее такие же орудия были выявлены на Суматре, Калимантане, Бали и в других районах. Х. Мовиус выделил в индустрии местонахождения Паджитан 153 рубила, что составило 6,32 % от всего орудийного набора [Movius, 1944, 1949]. В процентном отношении они уступали чопперам (17,8 %). Коллекция включала также чоппинги (3,68 %). В паджитанском комплексе кроме рубил имеются 3,59 % ручных те-

сел и 8,06 % проторубил, которые типологически ближе к ручным рубилам, чем к чопперам и чоппингам [Ibid.].

Х. Мовиус, зная о наличии в паджитанской индустрии двусторонне обработанных орудий (Юго-Восточная Азия) и бифасов (местонахождение Динцунь, Китай), тем не менее отмечал отличие палеолитических комплексов Юго-Восточной и Восточной Азии от таковых остальной части Евразии [Movius, 1956, 1958]. Нельзя не задаться вопросом: почему Х. Мовиус – один из выдающихся исследователей палеолита, располагая данными о наличии в палеолитических индустриях Юго-Восточной и Восточной Азии рубил, продолжал отстаивать свою гипотезу о разделении ойкумены в раннем палеолите на две зоны: с использованием рубил и с эксплуатацией чопперов и чоппингов. Можно предложить два основных объяснения этого. Первое – паджитанскую индустрию Х. Мовиус датировал поздним плейстоценом. К данному времени отнесены бифасы, найденные в Динцуне. В этот период в Европе уже закончился ашель и развивалась мустьерская индустрия. Второе, главное, уже в годы, когда изучение палеолита Юго-Восточной и Восточной Азии только начиналось, Х. Мовиус, видимо, интуитивно понимал, что линии развития каменной индустрии у гоминин, расселявшихся на этой территории и у обитавших в Африке и западных районах Евразии, были разными.

За последние 60 лет накоплен большой объем нового материала, который подтверждает выводы Х. Мовиуса об отличиях по многим технико-типологическим показателям в целом палеолитических индустрий Восточной и Юго-Восточной Азии от синхронных или близких по времени комплексов западных территорий Евразии и Африки. Об этом своеобразии палеолита восточной части Евразии свидетельствуют также материалы палеолитических местонахождений с бифасами во Вьетнаме.

Миграция гоминин *Homo erectus* с ашельской индустрией из Африки в Евразию началась ок. 1,4 млн л.н. Убейдия в Израиле – наиболее раннее в Евразии местонахождение с ашельской индустрией [Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993]. Известен ряд ашельских стоянок древностью ок. 1 млн лет в Леванте, которые, возможно, являются свидетельствами непрерывности расселения гоминин на Ближнем Востоке [Деревянко, в печати], но достаточно убедительные данные, подтверждающие эту гипотезу, пока не найдены.

Вторая миграционная волна *Homo erectus* с ашельской индустрией устремилась из Африки на Ближний Восток в период, соответствующий МИС 20. Это подтверждается материалами хорошо исследованного местонахождения Гешер-Бенот-Яаков [Goren-Inbar, 1992, 2011; Goren-Inbar, Feibel, Verosub et al., 2000; Goren-Inbar, Sharon, 2006; Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011; и др.]. Кратко проследим распространение гоминин с ашельской индустрией второй волны миграции на востоке Евразии.

Одними из важнейших транзитных территорий миграции носителей ашельской традиции на востоке Евразии являются Аравийский п-ов и Иранское нагорье. В Аравии исследовались ашельские местонахождения в основном с поверхностным залеганием культурного слоя [Petraglia, 2003; Амирханов, 2006; и др.]. Ашель Аравии характеризуется наличием бифасов в сочетании с орудиями на отщепах, чопперами и чоппингами, абсолютным господством техники одноплощадочного нуклеуса с подпараллельным скалыванием и отсутствием кливеров. Ашельские индустрии на севере Аравии в отличие от таковых на юге включают небольшое количество кливеров. Леваллуазская система первичного расщепления почти не использовалась как на юге, так и на севере. Ашельская индустрия в Аравии появилась ок. 500–450 тыс. л.н.

Сравнение технико-типологических характеристик инвентаря ашельских местонахождений Южной Аравии и Ближнего Востока показало, что одним из немногих общих признаков ашельской индустрии является наличие бифасов. Однако бифасы на Ближнем Востоке делали в основном на отщепах, а в Южной Аравии – на желваках и крупных отдельностях. Бифасы в Аравии оформляли крупными и более мелкими сколами и почти никогда не подправляли ретушью. В Южной Аравии не зафиксирована классическая леваллуазская система первичного расщепления, тогда как на Ближнем Востоке, на местонахождении Гешер-Бенот-Яаков, отмечено самое раннее проявление этой техники, которая в дальнейшем доминировала на ашельских стоянках.

На территории Ирана обнаружены ок. 15 ашельских местонахождений, расположенных в основном в северо-западной части – вблизи Леванта и Кавказа и в северо-восточной – неподалеку от Туркмении [Biglari, Nokandeh, Heydari, 2000; Biglari, Heydari, Shidrang, 2004; Biglari, Shidrang, 2006; и др.]. Материалы большинства ашельских стоянок с поверхностным залеганием культурного слоя содержат незначительное количество бифасов, орудий, напоминающих кливеры, и свидетельствуют о редком использовании леваллуазского расщепления. Наиболее древние стоянки могут быть датированы периодом не ранее 500–450 тыс. л.н.

В Центральной Азии позднеашельская индустрия зафиксирована в Казахстане, Туркмении и Монголии. Наиболее ярко выраженная бифасиальная индустрия выявлена на местонахождениях финального этапа нижнего и раннего этапа среднего палеолита [Деревянко, 2014]. На этой обширной территории стоян-

ки с бифасами обнаружены в северо-западной (п-ов Мангышлак) и центральной частях Казахстана, в Прибайкалье и Прииртышье. В Казахстане больше всего бифасиально обработанных орудий найдено в районе Мугоджарских гор [Деревянко и др., 2001].

Все палеолитические местонахождения Центральной Азии с двусторонне обработанными орудиями типа бифасов характеризуются леваллуазской системой первичного расщепления. На них не найдены кливеры, бифасиально обработанные орудия немногочисленны, а на отдельных местонахождениях единичны, изготовлены на подтреугольных гальках. Двусторонне обработанные изделия не образуют единства и по технико-типологическим характеристикам. Все палеолитические местонахождения в Центральной Азии не древнее 300–250 тыс. лет.

Индийский субконтинент необходимо выделить в особый регион, где прослеживается раннее появление бифасиально обработанных орудий. В настоящее время в Южной Азии исследуются ок. 10 местонахождений древностью от 1,2 до 0,6 млн лет, на которых получила отражение техника двусторонней обработки камня. К таким местонахождениям следует отнести Исампур [Paddayya, 2001; Paddayya, Jhaldiyal, Petraglia, 2006; и др.], Аттирампаккам [Pappu, Akhilesh, 2006; Pappu et al., 2011; и др.], Моргаон (> 780 тыс. л.н.), Синги Талав (> 800 тыс. л.н.), Бори (670 ± 30 тыс. л.н.) [Mishra et al., 1995; Paddayya, Jhaldiyal, Petraglia, 2006; Pappu, Akhilesh, 2006; Gaillard et al., 2009; и др.]. На этих стоянках представлены двусторонне обработанные орудия, изготовленные на галечной основе, наличие ашельских кливеров проблематично. С точки зрения одного из авторов, появление двусторонне обработанных изделий на территории Индии, как в Восточной и Юго-Восточной Азии, является результатом технологической конвергенции [Деревянко, 2014].

Поток мигрантов с позднеашельской индустрией достиг территории Индии ок. 600 (500) тыс. л.н. или, может быть, несколько ранее. Р. Денналл ашельское присутствие на территориях Индии и Пакистана связывал с периодом не ранее 700–600 тыс. л.н. [Dennell, 2009, p. 375]. На территории Индии известно несколько сотен позднеашельских местонахождений, относящихся к 500–100 тыс. л.н. В пользу предположения о конвергентном возникновении бифасиальной техники в Южной Азии ок. 1 млн л.н. свидетельствуют данные о появлении ашельской индустрии на сопредельных территориях к западу от Индии (Аравия, Иран) не ранее 700 тыс. л.н.

Согласно результатам исследований, первая миграционная волна представителей *H. erectus* с этой индустрией, двигавшаяся из Африки на восток Азии ок. 1,4 млн л.н., не распространилась за пределы Ближнего Востока. Наиболее вероятно, что со второй миграционной волной эректусов с ашельской индустрией, которая покинула Африку на рубеже раннего и среднего плейстоцена (местонахождение Гешер-Бенот-Яаков), началось более быстрое продвижение ашеля в Европу и Азию. Этот процесс мог быть связан как с прямой миграцией, так и с эстафетной передачей навыков бифасиальной обработки каменных орудий от одной популяции гомининов к другой.

Первые бифасиальные орудия (типа рубил и кливеров) в Азии зафиксированы в Китае: на местонахождениях Пинлян и Юньсянь обнаружены единичные бифасы и кливеры [Le site…, 2008; Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямей, Сон Хёнгён, 2005]. На этой территории открыты ок. 30 палеолитических местонахождений нижнего, среднего и верхнего плейстоцена с т.н. рубилами и кливерами. Больше всего бифасов обнаружено в пров. Гуанси на плато Байсэ, расположенном неподалеку от границы с Вьетнамом. Местонахождения с бифасами в котловине Байсэ датированы по тектитам методом 40Ar/39Ar: 732 ± 39 и 803 ± 3 тыс. л.н. [Hou Yamei et al., 2000]. В горизонте с бифасами находились орудия с двусторонне обработанным лезвием, в т.ч. чоппинги с меньшей и большей площадью обработанной поверхности, похожие на самые древние бифасы Африки [Се Гуанмао, 2002; Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003].

Появление на территории Китая двусторонне обработанных орудий, близких к ашельским, – результат конвергенции, т.е. их появление связано с развитием автохтонной индустрии. Остальной инвентарь, сопровождающий бифасиальные изделия, не имеет ничего общего с ашельской индустрией. На территориях к западу от Китая не найдено рубил столь древнего возраста. Появление рубил в Байсэ – прекрасный пример конвергенции в раннем палеолите. В различных частях территории Китая в разные эпохи каменного века появлялись двусторонне обработанные орудия, в морфологии которых отсутствовали признаки преемственной связи с рубилами из Байсэ. Результатом конвергенции следует считать появление бифасиальных изделий на более поздних хронологических этапах при изменении адаптационных стратегий. Например, двусторонне обработанные орудия с местонахождений Динцунь отличаются от рубил с плато Байсэ типологически и технологически, а также по возрасту – они «моложе» на 500–600 тыс. лет.

Индустрия Байсэ и индустрия культуры анкхе в Центральном Вьетнаме очень близки между собой и по основным технико-типологическим показателям отличаются от ашельской индустрии Африки и Европы. Местонахождения с бифасиальной индустрией на юге Китая и во Вьетнаме значительно древнее стоянок с ашельской индустрией на транзитной территории от Африки до Восточной и Юго-Восточной Азии (Туркмения, Монголия, Казахстан). По технико-ти-

пологическим показателям эти индустрии также имеют принципиальные различия.

Некоторые исследователи после публикации дат, установленных по тектитам из местонахождений с бифасиальной индустрией Байсэ, высказали сомнения в их достоверности [Koeberl et al., 2000]. Возражения основывались на том, что, во-первых, тектиты обычно находятся не *in situ*, а в переотложенном состоянии; во-вторых, по наблюдениям этнологов, народы Юго-Восточной Азии часто использовали тектиты как основу для изготовления каменных изделий либо в качестве талисманов. Эти возражения следует исключить, если принять во внимание наличие тектитов в инситных культуросодержащих горизонтах на местонахождениях раннего палеолита в окрестностях г. Анкхе. Как отмечалось, все тектиты были обнаружены вместе с каменными орудиями в нижнем литологическом горизонте в латеритовых отложениях, обогащенных продуктами выветривания цоколя, или в продуктах коры выветривания. На стоянках в местах нахождения тектитов не зафиксированы следы антропогенного или естественного нарушения нижнего слоя. Размеры тектитов очень малы, из них невозможно изготовить какое-либо изделие. Мы считаем, что нет никаких оснований отрицать практически одновременное попадание в культуросодержащий слой раннепалеолитических местонахождений тектитов и бифасиальных орудий, открытых в северной части Центрального Вьетнама.

Раннепалеолитические местонахождения с бифасиальной индустрией в окрестностях г. Анкхе, как указывалось выше, датированы аргоновым методом по тектитам: 806 ± 22 тыс. л.н. и 782 ± 20 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2017б]. С технико-типологической точки зрения индустрии из котловины Байсэ и из окрестностей г. Анкхе сходны. Их появление, по нашему мнению, можно объяснить только технологической конвергенцией.

Выделить среди каменного инвентаря раннепалеолитических местонахождений в районе г. Анкхе бифасы, пикообразные изделия, чоппинги порой нелегко, потому что по морфологии, технике и степени обработки они существенно не отличаются друг от друга. Все эти орудия имели, вероятно, сходные функции. Для изготовителя, видимо, важно было получить орудие, позволяющее выполнять такие работы, как рубка и обработка бамбука, дробление, скобление и т.д.; форму создаваемого изделия определяли исходная заготовка, процессы раскалывания и вторичной обработки. В районе г. Анкхе бифасы, обработанные по всей поверхности, не обнаружены. Имеются в основном изделия подтреугольной формы, обработанные с двух сторон на треть или наполовину. У них тщательно оформлены острие и верхний конец. Называя эти изделия из Вьетнама бифасами, рубилами, мы должны понимать, что они не тождественны ашельским бифасам из Африки или Европы (рис. 12).

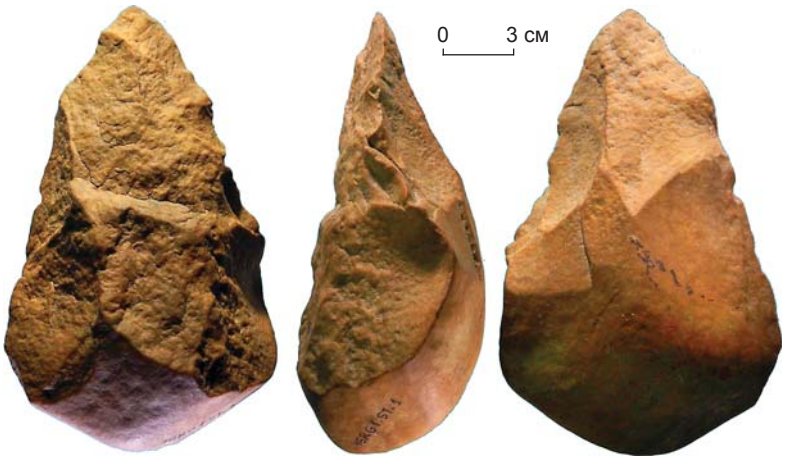


Рис. 12. Двусторонне обработанное орудие культуры анкхе.

Заключение

Отсутствие на территориях от Ближнего Востока до Вьетнама и Китая местонахождений древностью 700–800 тыс. л.н., которые принадлежали гомининам с ашельской индустрией – представителям второй миграционной волны, не позволяет связывать возникновение бифасиальной индустрии на востоке Евразии с появлением здесь нового населения. Бифасиальные комплексы Вьетнама сближает с ашельскими индустриями только наличие двусторонне обработанных орудий. Но бифасы индустрии анкхе, как и комплекс в целом, существенно отличаются от двусторонних орудий и других изделий ашеля Европы. На стоянках с индустрией анкхе отсутствуют кливеры, признаки использования леваллуазской системы расщепления. Все это свидетельствует о том, что появление бифасиальной индустрии на территории Вьетнама, как и на пространствах Китая, было обусловлено технологической конвергенцией. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии возникла на основе местной галечно-отщепной индустрии. На это указывают следы первичного расщепления и вторичной обработки каменных орудий, а также весь технико-типологический раннепалеолитический комплекс.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 693 с.

Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. – М.; Л: Наука, 1966. – 184 с.

Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 173 с.

Деревянко А.П. Проблема бифасиальной техники в Китае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 2–32.

Деревянко А.П. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 372 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. – 612 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Распространение ашельской индустрии в Евразии (в печати).

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг 4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 79–83.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг 7 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 84–88.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 20–36.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг 1 и Роктынг 4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 63–67.

Деревянко А.П., Шу Н.Х., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 74 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Нуклевидные скребки раннего палеолита // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 159–164.

Се Гуанмао. К вопросу о рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 65–73 (на кит. яз.).

Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия байсэ (Байсэ цзюшици). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 180 с. (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён. Галечные орудия в палеолите Китая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 2–15.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The Lithic Assemblages of ‘Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. – Erusalem: Hebrew Univ., 1993. – 280 p. – (Qedem – Monographs of the Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem; vol. 34).

Biglari F., Heydari S., Shidrang S. Ganj Par: The First Evidence for Lower Paleolithic Occupation in the Southern Caspian Basin, Iran // Antiquity. – 2004. – Vol. 78, N 302. – P. 1–3.

Biglari F., Nokandeh G., Heydari S. A recent find of a possible Lower Paleolithic assemblage from the foothills of the Zagros Mountains // Antiquity. – 2000. – Vol. 74. – P. 749–750.

Biglari F., Shidrang S. The Lower Paleolithic Occupation of Iran // Near Eastern Archaeol. – 2006. – Vol. 69, N 3/4. – P. 160–168.

Ciochon R.L., Olsen J.W. Paleoanthropological and archaeological research in the Socialist Republic of Vietnam // J. of Human Evol. – 1986. – Vol. 15. – P. 623–631.

Clark J.D. The Early Palaeolithic of the eastern region of the Old World in comparison to the West // Early Human Behavior in Global Context: The Rise and Diversity of the Lower Palaeolithic Record. – L.: Routledge, 1998. – P. 437–450.

Clark J.D., Kleindienst M.R. The Stone Age cultural sequence: Terminology, typology and raw material // Kalambo Falls Prehistoric Site / ed. J.D. Clark. – L.: Cambridge Univ. Press, 1974. – Vol. 2. – P. 71–106.

Colani M. L´age de la pierre dans la province de Hoa-Binh // Memoires du Service Geologique de L´Indochine. – Hanoi, 1927. – Vol. XIV, fasc. I. – 16 p.

Davidson I., Noble W. Why the first colonization of the Australian region is the earliest evidence of modern human behavior // Archaeol. Ocean. – 1992. – Vol. 27. – P. 135–142.

Dennell R.W. The Paleolithic Settlement of Asia. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. – 548 p.

Gaillard C., Mishra S., Singh M., Deo S., Abbas R. Lower and Early Middle Pleistocene Acheulian in the Indian subcontinent // Quaternary Intern. – 2009. – Vol. 30. – P. 1–8.

Goren-Inbar N. The Acheulian site of Gesher Benot Ya’aqov: An African or Asian entity? // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusen-sha, 1992. – P. 67–82.

Goren-Inbar N. Culture and cognition in the Acheulian industry – a case study from Gesher Benot Ya`aqov // Phil. Trans. R. Soc. – 2011. – Vol. 366 (1567). – P. 1038–1049.

Goren-Inbar N., Feibel C.S., Verosub K.L., Melamed Y., Kislev M.E., Tchernov E., Saragusti I. Pleistocene milestones

on the out-of-Africa corridor at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Science. – 2000. – Vol. 289. – P. 944–947.

Goren-Inbar N., Grosman L., Sharon G. The technology and significance of the Acheulian giant cores of Gesher Benot Ya'aqov, Israel // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38, iss. 8. – P. 1901–1917.

Goren-Inbar N., Sharon G. Invisible handaxes and visible Acheulian biface technology at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. – L.: Equinox, 2006. – P. 111–135.

Hou Yamei, Potts R., Yuan Baoyin, Guo Zhengtang, Deino A., Wang Wei, Clark J., Xie Guangmao, Huang Weiwen. Mid-Pleistocene Acheulean-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // Science. – 2000. – Vol. 287, iss. 5458. – P. 1622–1626.

Hutterer K.I. The Pleistocene archaeology of Southern Asia in regional context // Modern Quaternary Research in Southeast Asian. – 1985. – Vol. 9. – P. 1–25.

Kahlke H.D. Neue Funde von Urmenschen-Resten in Ostasien // Natur und Museum. – 1965. – Bd. 93 (3). – S. 109–115.

Kahlke H.D. A review of the Pleistocene history of the Orangutan (Pongo Lacepede 1799) // Asian Perspectives. – 1973. – Vol. 1. – P. 5–14.

Koeberl C., Glass B.P., Keates S.G., Potts R., Huang Weiwen, Hou Yamei, Deino A., Yuan Baoyin, Guo Zhengtang, Clark J. Tektites and the Age Paradox in Mid-Pleistocene China // Sci. – 2000. – Vol. 289. – P. 506–507.

Leakey M.D. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II – 1960–1963. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. – Vol. 3. – 306 p.

Le site de L`home de Yunxian. Quyuanhekou, Quingqu, Yunxian, Province du Hubei. – P.: CNRS, 2008. – 587 p.

Lycett S.J. Why is there a lack of Mode 3 Levallois technologies in East Asia? A phylogenetic test of the Movius–Schick hypothesis // J. of Anthropological Archaeol. – 2007. – Vol. 26 (4). – P. 541–575.

Marwick B. Biogeography of Middle Pleistocene hominins in mainland Southeast Asia: A review of current evidence // Quaternary Intern. – 2009. – Vol. 202. – P. 51–58.

Mishra S., Venkatesan T.R., Rajagurus S.N., Somayajulu H. Earliest Acheulian industry from Peninsular India // Current Anthropol. – 1995. – Vol. 36, N 5. – P. 847–852.

Movius H.L. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // Papers of the Peabody Museum of Am. Archaeol. and Ethnol. – 1944. – Vol. 19, N 3. – P. 389–399.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // Tran. Amer. Phil. Soc. New Ser. – 1949. – Vol. 38 (4). – P. 329–420.

Movius H.L. New Paleolithic sites, near Ting-T`sun in the Fen River, Shansi province, North China // Quaternaria. – 1956. – Vol. 3. – P. 13–26.

Movius H.L. Southern and Eastern Asia: Conclusions / ed. F. Ikawa-Smith // Early Paleolithic in South and East Asia. – The Hague: Mouton, 1958. – P. 351–355.

Nguyễn Khắc Sử. Khảo cổ học Tiền sử Tây Nguyên. – Hà Nội: Giáo dục, 2007a.

Nguyễn Khắc Sử. Stone Age Archaeology in Vietnam // Vietnam Archaeol. – 2007b. – Vol. 2. – P. 53–64.

Nguyễn Khắc Sử, Nguyễn Gia Doi. System of the Paleolithic Locations in the Upper Ba River // J. of Vietnam Acad. of Soc. Sci. – 2015. – Vol. 4 (168). – P. 47–63.

Olsen J.W., Ciochon R.L. A review of evidence for postulated Middle Pleistocene occupations in Vietnam // J. of Human Evol. – 1990. – Vol. 19. – P. 761–788.

Paddayya K. The Acheulian culture project of the Hunsgi and Baichbal Valleys, peninsular India // Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene. – Bristol: Western Acad. Press, 2001. – P. 235–258.

Paddayya K., Jhaldiyal R., Petraglia M.D. The Acheulian quarry at Isampur, Lower Decan. – L.: Oakville, 2006. – P. 45–73.

Pappu Sh., Akhilesh K. Preliminary observations on the Acheulian assemblages from Attirampakkam, Tamil Nadu // Axe Age, Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard / eds. N. Goren-Inbar, G. Sharon. – L.: Oakville, 2006. – P.155–180.

Pappu Sh., Gunnell Y., Akhilesh K., Braucher R., Taieb M., Demory F., Nhouveny N. Early Pleistocene Presence of Acheulian Hominins in South India // Science. – 2011. – Vol. 331. – P. 596–599.

Petraglia M.D. The Lower Paleolithic of the Arabian Peninsula occupations, adaptations, and dispersals // J. of World Prehistory. – 2003. – Vol. 17. – P. 141–179.

Pope G.G. The antiquity and paleoenvironment of the Asian Hominidae // The Evolution of the Asian Environment. – 1984. – Vol. II. – P. 822–847.

Pope G.G. Evidence of early Pleistocene hominid activity from Lampang, Northern Thailand // Bull. of the Indo-Pacific Prehistory Assoc. – 1985. – P. 2–9.

Pope G.G. Recent advances in Far Eastern paleoanthropology // Annu. Rev. of Anthropol. – 1988.– Vol. 17. – P. 43–77

Pope G.G., Cronin J.E. The Asian Hominidae // J. of Human Evol. – 1984. – Vol. 13 (5). – P. 377–398.

Yi Seonbok, Clark G. Observations on the Lower Paleolithic of Northeast Asia // Current Anthropol. – 1983. – Vol. 24, N 2. – P. 181–202.

Материал поступил в редколлегию 01.06.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.022-031
УДК 903.02

В.А. Алекперов
Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Республика Азербайджан
H. Cavid pr. 115, Baku, AZ 1143, Azərbaycan Respublikası
E-mail: arxeoloq.az@gmail.com

Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Гёйтепе (Западный Азербайджан)

Неолитическое поселение Гёйтепе (VI тыс. л. до н.э.) является емким источником информации о всех этапах развития керамики в эпоху неолита на территории не только Азербайджана, но и всего Южного Кавказа. В статье на примере керамического комплекса памятника рассматривается гончарство эпохи неолита долины Куры на Южном Кавказе. Представлены технологическая и морфологическая характеристики керамики из 14 строительных горизонтов Гёйтепе. Публикуются результаты всестороннего изучения фрагментов керамики, найденных в 2017 г. в строительном горизонте 4. Приводятся описания изделий каждой группы и итоги сравнения их характеристик. Для определения происхождения и развития традиций изготовления керамики эпохи неолита на Южном Кавказе сопоставляются результаты исследования этих и других синхронных памятников. Сделан вывод о самостоятельном развитии шулавери-шомутепинской культуры на раннем этапе и о возможном влиянии на нее межкультурных связей на более поздних этапах.

Ключевые слова: *Южный Кавказ, неолит, Гёйтепе, налепные украшения, полировка, ангобирование, битум.*

V.A. Alakbarov
Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences,
H. Javid Pr. 115, Baku, AZ 1143, Republic of Azerbaijan
E-mail: arxeoloq.az@gmail.com

Technological Development of the Neolithic Pottery at Göytepe (West Azerbaijan)

The Neolithic settlement of Göytepe (6th millennium cal BC) is of great importance for studying all stages of the Neolithic pottery not only of Azerbaijan, but also that of the Southern Caucasus. Here, we analyze pottery assemblage from the 4th building level at this site as an example of Neolithic ceramics of the Kura River valley, Southern Caucasus. We focused on the technological and morphological development of pottery from 14 building levels at Göytepe. This paper presents the results of the extensive study of pottery samples found in the 4th building level during archaeological excavations in 2017. Each pottery group was described and compared according to its technical features. The obtained results were compared with previous studies of other contemporaneous sites, to discuss the origin and technological development of Neolithic pottery in the Southern Caucasus. The conclusion was made about the independent development of the Shulaveri-Shomu culture at its early stage, and about the influence of the intercultural contacts at later stages.

Keywords: *Southern Caucasus, Neolithic, Göytepe, applied decoration, polishing, slipping, bitumen.*

Введение

Широкие археологические исследования поселений на Южном Кавказе проводились с середины 1960-х до середины 1980-х гг., а после 2000-х гг. изыскания возобновились с использованием новых подходов и методов. Изучение неолита Кавказа началось в 1951 г. с раскопок памятника Культепе I близ Нахичевани [Абибуллаев, 1963]. Исследовались поселения, расположенные вдоль р. Кура в Азербайджане и Грузии, содержащие материальные свидетельства хозяйственной деятельности и быта людей VI тыс. до н.э.

© Алекперов В.А., 2018

Ранненеолитические памятники были открыты на территории Азербайджана: Шомутепе, Тойретепе, Джиннитепе, Гусейнгулутепе [Нариманов, 1987], Гаргалартепеси [Narimanov, Mahmudov, 1971], Гёйтепе [Guliyev, Huseynov, Almammadov et al., 2008; Guliyev, Nishiyaki, Huseinov et al., 2011; Guliyev, Nishiaki, 2014; Guliyev et al., 2015], Хаси Еламксанлитепе [Nishiaki et al., 2015b]; Ментештепе [Lyonnet, 2017], Хасанлу I [Museibli, Agalarzadeh, Akhundova, 2012], и Грузии: Шулаверис-Гора [Kiguradze, 1986], Имирис-Гора [Kavtaradze, 1981], Храмис Диди-Гора [Джавахишвили, Джапаридзе, 1975] и Арухло [Hansen, Mirtskhulava, 2012]. К этому списку можно добавить Камильтепе [Helwing, Aliyev, 2012] на Мильской равнине, Иланлытепе [Нариманов, 1969, 1987], Чалагантепе [Нариманов, 1987] на равнинном Карабахе и Акнашен [Badalyan et al., 2007] в Араратской долине.

Каждый из перечисленных памятников является источником ценной информации о зарождении земледельческой экономики на Южном Кавказе. Поселение Гёйтепе (координаты 40˚58′11.84″ с.ш., 45˚42′17.81″ в.д., ок. 430 м над ур. м.) [Kadowaki et al., 2015, p. 410] расположено в среднем течении Куры в Западном Азербайджане. Оно относится к раннему периоду зарождения земледелия и обладает чертами, типичными для эпохи неолита. Памятник находится на одном из самых больших насыпных холмов в регионе – примерно 145 м в диаметре [Guliyev et al., 2008, p. 17; 2010, p. 45; Guliyev, Nishiaki, 2014, p. 4; Nishiaki, Guliyev, Kadowaki, 2015a, p. 283]. В раскопе общей площадью 1 тыс. м^2 было выделено 14 археологических слоев общей мощностью 11 м, представляющих шулавери-шомутепинскую культуру, без перерывов обитания. Согласно радиоуглеродным датам, установленным в Университете Токио по образцам из главного раскопа, поселение Гёйтепе было заселено с начала до середины VI тыс. до н.э., примерно до 5 650–5 460 гг. до н.э. [Гулиев, 2010; Nishiaki et al., 2015a, p. 289; in press; Kadowaki et al., 2017].

В данной работе приводятся общие характеристики керамики из всех 14 строительных горизонтов в Гёйтепе; представлены материалы исследования керамического комплекса из строительного слоя 4 в кв. 2A (2A1-2A2), который датирован ок. 5 505–5 500 гг. до н.э. [Nishiaki et al., in press]. В керамическом комплексе из слоя 4 по декоративным и технологическим особенностям было выделено несколько групп находок.

Общая характеристика керамики из 14 строительных горизонтов памятника

Керамика была найдена во всех неолитических слоях Гёйтепе [Guliyev, Nishiaki, 2012, 2014], наименьшее количество – в самых ранних. Все керамические изделия изготовлены вручную [Guliyev, Gusejnov, Almamedov, 2009; Guliyev et al., 2010], по-видимому, из местного сырья. Для проверки этого предположения в будущем будет проведен петрографический анализ. Керамический комплекс из Гёйтепе можно классифицировать по выявленным примесям.

Технологические характеристики

Самые ранние керамические изделия изготовлены из сырья, насыщенного минералами. Находки из верхних слоев свидетельствуют о небольшом уменьшении таких примесей. Наиболее типичные минеральные примеси – песок и базальт; включения слюды, кальцита и кварца наблюдаются реже. Растительные добавки представляют собой смесь мелко- и грубоизмельченной соломы. Формовочные массы с растительными примесями часто содержат добавки песка, иногда базальта и даже обсидиана. Отмечается также шамот – примесь дробленой обожженной керамики. Только семь фрагментов сосудов вокруг шейки покрыты монохромным битумом. Налепные (или рельефные) орнаменты обычно представлены одним горизонтально налепленным валиком, овальными или продолговатыми шишечками, круглыми или полукруглыми орнаментами. Встречаются также рельефные U- или V-образные, зигзагообразные и волнистые орнаменты, а также антропоморфные рельефные узоры [Alakbarov, 2015a, p. 167; 2015b, p. 215].

В предыдущих исследованиях по составу формовочной массы, обработке поверхности и наличию/отсутствию орнаментации были выделены шесть групп керамики [Alakbarov, 2016a, p. 1695; Guliyev, Alakbarov, 2017, p. 11]: 1-я – ангобированная, зашлифованная и окрашенная, 2-я – неорнаментированная, 3-я – заглаженная по мокрой поверхности, 4-я – с налепным орнаментом, 5-я – окрашенная и покрытая битумом, 6-я – с углубленным орнаментом. Выделенные группы характеризуются всеми чертами, присущими неолитической керамике данного региона.

Морфологические характеристики

Наибольшее распространение на Гёйтепе получила посуда с горловиной открытой формы. Глубокие и мелкие чаши, блюда и подносы встречаются реже. По форме в профиле венчики делятся на четыре группы: утонченные, округлые, уплощенные и клиновидные. Почти половину составляют фрагменты утонченных венчиков, клиновидные венчики встречаются редко. Донышки в основном плоские, иногда имеют следы текстильных оттисков (примерно 150 из

12 000 обломков керамики), что характерно для баночных сосудов «с плоским горлом». Основания, как правило, круглые в плане, но встречаются и овальные. У сосудов без горловины нижняя часть тулова часто вогнута у основания, в результате чего образовался выступ, наподобие поддона.

Было выделено два вида защипов в верхней части сосудов без горловины. Большая часть этих элементов сформирована под венчиком, который загнут вовнутрь с помощью налепной ленты шириной 3 и 5 см. Видимо, это сделано специально для удобства захвата и переноски сосудов. Детали другого вида представлены горизонтальными ручками овальной формы, которые крепились к внешней поверхности сосудов без горловины. Поскольку такие изделия представлены только обломками, можно предположить, что противолежащие ручки находились у них в нижней части [Alakbarov, 2016b, p. 60].

Характеристика групп керамики из строительного горизонта 4

Ранее керамика Гёйтепе изучалась по 14 строительным горизонтам. Некоторые результаты исследования были опубликованы [Nishiaki et al., 2015b]. Выбор керамического комплекса из строительного горизонта 4 в качестве объекта исследования определялся тем, что по многим параметрам он отличается от керамики, обнаруженной ранее в этом же слое, но в других квадратах. Так, орнамент на нескольких фрагментах рассматриваемой керамики не совпадает с таковым на найденных ранее в том же слое обломках. Битумная керамика, связанная со слоем 5, не была представлена в слое 4 ни в одном квадрате. Коллекция керамики, анализируемая в данной статье (443 фрагмента), включает полнопрофильный обломок, фрагменты венчиков (70 шт.), тулова (302 шт.) и оснований (70 шт.). Минеральные добавки обнаружены в 74 % находок от числа всех фрагментов, растительные добавки – в 21,5 %. Из теста, содержавшего и органические, и минеральные примеси, сделаны 4,5 % сосудов.

Группа 1 – ангобированная, зашлифованная и окрашенная посуда. К ней относится 20,5 % всего керамического комплекса. Подавляющее большинство изделий изготовлено из теста с органическими добавками в виде измельченной соломы, что наиболее характерно для сосудов открытого типа. Доля растительных примесей (от мелких до средних растительных остатков) в горизонтах 1–14 варьирует от низкой до высокой, причем растительные добавки редко сочетаются с минеральными включениями.

В качестве минеральных добавок использовались кварц, песок и базальт. Часто фиксируются включения песка, редко – частицы кварца и базальта, видимо, они являются естественной примесью. Один обломок венчика баночного «плоскогорлого» сосуда выделяется своеобразным составом теста. В тесте керамики группы 1 встречаются включения обсидиана вместе с мелким и достаточно равномерно распределенным песком. Керамика этой группы лучше по качеству, по сравнению с керамикой других групп. Качество обработки поверхности варьирует от среднего до хорошего.

Венчики простые, некоторые выполнены из замкнутой в кольцо ленты. Почти вся посуда сделана в технике ленточного налепа, ленты высотой 2,0–2,5 см, швы между лентами хорошо просматриваются (рис. 1, *в*).

У всех образцов заглаженная или шлифованная поверхность. Некоторые черепки с внутренней и внешней стороны покрыты красным ангобом (водный раствор глины) и зашлифованы (рис. 1, *а*). Ангобирование внешней и внутренней поверхности производилось, вероятно, для укрепления или обеспечения водонепроницаемости, а тщательное шлифование (полировка) – для придания сосудам привлекательности [Alakbarov, 2015a]. В Гёйтепе красным ангобом с последующей шлифовкой покрывали преимущественно высоко-

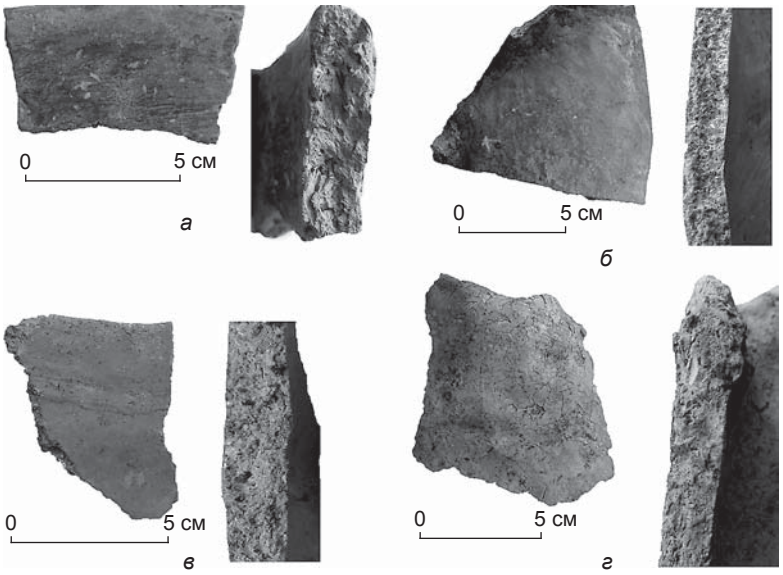


Рис. 1. Керамика группы 1.
а – фрагмент сосуда, покрытого красным ангобом и зашлифованного; *б* – фрагмент венчика грубо зашлифованного «плоскогорлого» сосуда баночной формы; *в* – фрагмент сосуда, покрытого тонким слоем краски; *г* – фрагмент венчика, загнутого вовнутрь, для захватывания. Здесь и далее иллюстрации автора.

качественные чаши открытого типа, подносы и блюда. Иногда техника ангобирования без тщательной шлифовки применялась при оформлении сосудов без горловины (рис. 1, *б*). Наличие в слое многочисленных лопаточек позволяет предположить, что с их помощью поверхность изделий полировали или заглаживали после сушки.

Среди 92 фрагментов 22 обломка «плоскогорлых» сосудов были покрыты тонким слоем краски или полностью «омыты» красноватым ангобом (рис. 1, *в*). В результате ангобирования или «омывания» изделия становились обычно красными, вероятно, из-за присутствия охры (рис. 2). Ангобирование отмечено только на сосудах закрытого типа на внешней либо на обеих поверхностях. Большая часть окрашенных керамических изделий была изготовлена из глины с неорганическими добавками, такими как базальт или песок.

Поверхность керамических фрагментов красного, красно-коричневого или светло-красного цвета. Цвет черепков на изломе варьирует от желто-серого и темно-желтого до черно-серого. У многих изделий поверхность пятнистая. Например, некоторые фрагменты при ангобировании стали красными, но ввиду нестабильности температуры обжига их цвет изменился на коричневатый. В целом обжиг достаточно хорошего качества. Керамические сосуды данной выборки имеют стенки малой толщины – от 0,4 до 1,2 см, диаметр горловин от 13 до 36, донышек – ок. 17 см. Они изготовлены из более тонкой формовочной массы со значительными примесями мелко нарезанной соломы, по сравнению с изделиями других групп. Венчики большинства сосудов из глины с растительными добавками (возможно, семена овальной формы) частично загнуты внутрь, предположительно для лучшего захвата сосуда одной рукой (см. рис. 1, *г*).

У многих сосудов закрытого типа переход к основанию выпуклый. Невысокие (с резким переходом) основания встречаются у сосудов открытого типа. Следы использования техники выбивки особенно хорошо видны в придонных частях сосудов.

В коллекции керамики из Гёйтепе имеется необычный обломок донышка сосуда из теста с примесью мелких семян: посередине внутренней поверхности дна находится выступ – это, возможно, предмет со сломанным верхом, который, скорее всего, попал в глину до обжига (рис. 3), или просто комок глины, но не специальный налеп.

Группа 2 – неорнаментированная посуда. Включает обломки стенок, венчиков и оснований, которые составляют 62 % от всего комплекса. Тесто имеет в основном примеси мелкого, среднего и грубого неорганического материала. Бóльшая часть керамики выполнена из глины с включениями дресвы. Грубозернистые примеси состоят из обсидиана, слюды, базальта и песка. Шамот присутствует в редких случаях. Песок плотный, в основном базальтовый. В тесте некоторых фрагментов отмечены растительные, а также смешанные минеральные и растительные примеси. Растительные добавки часто оставляют крупные или мелкие отпечатки на поверхности керамики.

Цвет поверхности темно-серый, коричневый, желто-серый и темно-желтый. Пятнистость появилась в процессе обжига. Цвет черепков в изломе темно-желтый, серый, желтовато-серый и черно-серый. Основная часть керамики была хорошо обожжена. Внешняя поверхность подвергалась грубой или средней по качеству обработке.

Преобладают баночные «плоскогорлые» сосуды и блюда. Диаметр венчика составляет у сосудов закрытого типа от 9 до 23 см, у сосудов открытого типа от 29 до 32 см, диаметр донышка от 8 до 20 см. Основания преимущественно дисковидной формы (рис. 4). Бóльшая часть округлых донышек имеет отпечатки плетенки (рис. 5). Такие же отпечатки прослежены

Рис. 2. Кусочек охры красного цвета.

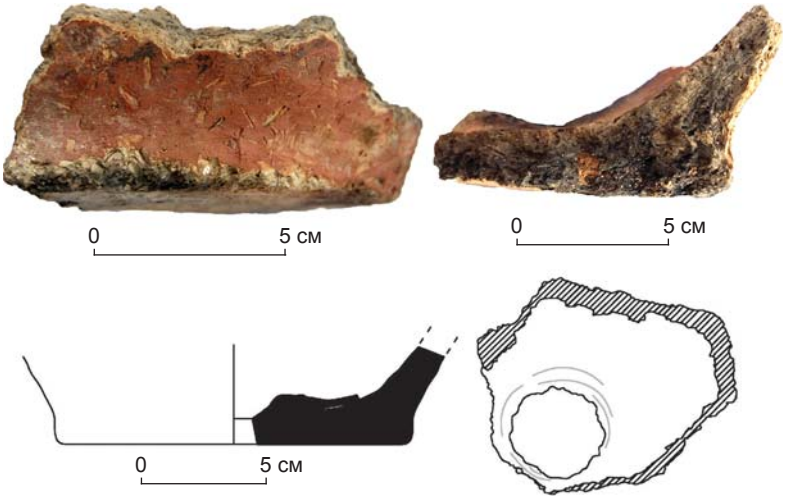


Рис. 3. Фрагмент ангобированного донышка с выступом внутри.

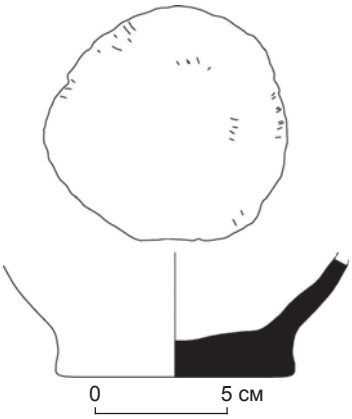


Рис. 4. Фрагмент донышка сосуда.

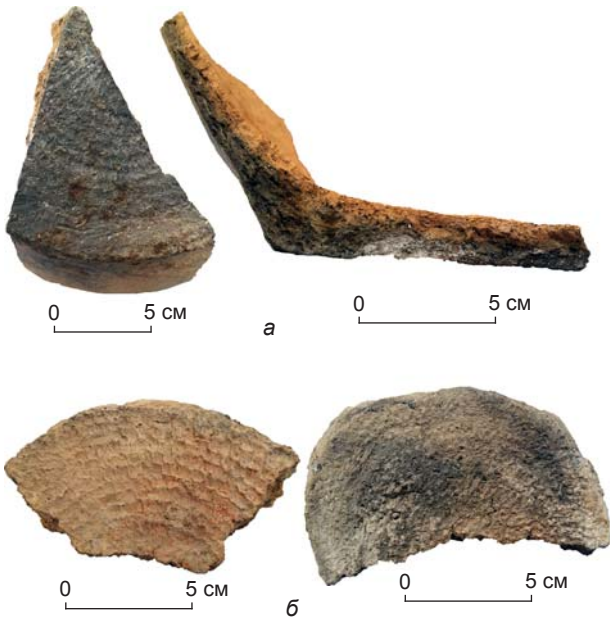


Рис. 5. Внешняя поверхность фрагмента донышка и придонной части с оттисками плетенки и его профиль (*а*), внешняя поверхность донышка с оттисками плетенки (*б*).

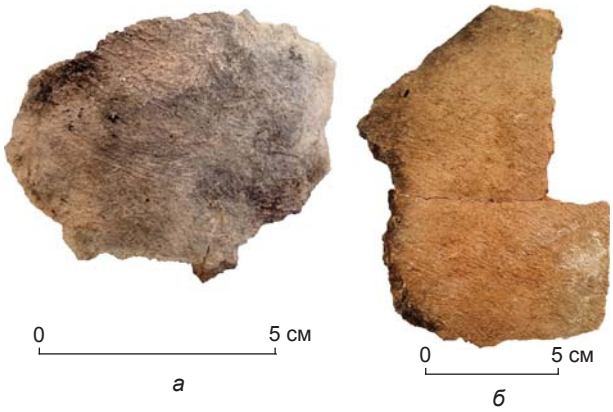


Рис. 6. Фрагменты стенок сосудов, заглаженных по мокрой поверхности.

только на одном фрагменте придонной части сосуда. Возможно, некоторые основания изготавливались на неровной поверхности, например, на земле, без последующей обработки. Донышки моделировались с помощью выбивки. Стенки сосудов достаточно тонкие – от 0,6 до 1,1 см, толщина оснований от 0,4 до 1,3 см.

У «плоскогорлых» сосудов часто наблюдаются разломы на высоте нескольких сантиметров от основания (см. рис. 4). Это может означать, что при изготовлении нижней части изделий использовали форму, т.е. сначала делали донышко, а затем на нем путем наращивания лент моделировали тулово. Большинство изделий создано в технике кольцевого налепа, верхнее кольцо представляло собой венчик. Швы между кольцами видны на изломе фрагментов. Соединение между лентами было слабым, поэтому в местах соединения часто образовывались трещины.

Группа 3 – посуда, заглаженная по мокрой поверхности. К ней относится 14 % фрагментов анализируемой коллекции. Во многих случаях следы такого заглаживания имеются на обеих поверхностях или только на одной. Важно отметить, что и внутренняя, и внешняя поверхность сосудов (или только одна из них) тщательно заглаживались по горизонтали и вертикали с помощью куска кожи, пока сосуд был еще мокрым (рис. 6). Тесто керамики группы 3 в отличие от таковой других групп обычно содержало только примеси дресвы в виде мелких или средних частиц базальта или песка. Один обломок свидетельствует об использовании хорошо растертой тонкой глины без примесей. Степень обработки поверхностей – от средней до грубой.

Основную часть составляют баночные «плоскогорлые» сосуды, подносы и небольшие чаши. Судя по фрагментам, придонные части были выпуклые. Один из фрагментов, относящийся к участку от венчика до основания, принадлежал сосуду, выполненному, очевидно, руками из одного комка глины (рис. 7).

Горшки моделировали из лент шириной от 2,5 до 5,5 см; места соединения лент четко видны на изломе. На фрагментах донышек прослеживается толстый слой глины, налепленный на их поверхности.

Цвет поверхности сосудов – от темно-желтого и желтовато-серого до коричневого и серого – зависел, вероятно, от условий обжига; цвет излома темно-желтый, желтовато-серый и серый. Обжиг хороший. Некоторые не полностью окисленные фрагменты имеют пятнистый окрас. На внутренней и внешней поверхности многих фрагментов стенок и оснований отмечен налет сажи – от сильного до слабого, что позволяет предположить использование сосудов для приготовления пищи.

Группа 4 – посуда с налепным орнаментом. Представлена почти во всех слоях Гёйтепе. В анализируемой коллекции керамика с налепным орнаментом

составляет 3 %. Она выполнена из глины более плотной, по сравнению с изделиями других групп. Бóльшая часть сосудов изготовлена из глины с минеральными добавками. Количество фрагментов из глины с растительными примесями невелико.

Преобладают изделия, сделанные из глины со значительными примесями базальта и песка. Часто наблюдаются включения в виде малых и средних обломков обсидиана. Швы между кольцами лент легко различимы практически на всех фрагментах. Кольца венчика обычно шириной ок. 1 см, а тулова – ок. 2–5 см.

Некоторые фрагменты расслаиваются, видимо, из-за многократного нагревания при эксплуатации и выглядят как результат неравномерного обжига. Поверхность керамики этой группы в основном темная (серая, желтовато-серая, темно-серая, коричневая); цвет черепков на изломе темно-желтый и серовато-желтый. Стенки изнутри и снаружи покрыты черным или темно-коричневым налетом сажи. Это позволяет предположить, что сосуды использовались в основном для приготовления пищи.

Степень обработки поверхности – от средней до грубой. Для этой группы типичны баночные «плоскогорлые» сосуды. Диаметр венчика варьирует в пределах 12–30 см.

Налепные орнаменты украшают обычно плоскогорлые сосуды. Это V-образные узоры (рис. 8, *а*), косые линии (рис. 8, *б*), овальные или круглые шишечки, расположенные ниже венчика. Концы овальных налепных элементов заострены или закруглены. Несколько фрагментов имеют необычное оформление. У одного около венчика, загнутого вовнутрь, для облегчения захвата прилеплена шишечка (рис. 9). Другой фрагмент украшен несколькими овальными шишечками, которые расположены горизонтально на расстоянии 0,5 см ниже венчика и 4,5 см друг от друга. Особо украшены еще три фрагмента: на первом – четыре глиняные шишечки, образующие гроздь винограда, расположены на 1,8 см ниже венчика (см. рис. 8, *в*); на втором – два овальных налепа расположены один над другим, наподобие грозди, в 2 см ниже венчика (см. рис. 8, *г*); на третьем – неизвестный мотив в виде косой линии, начинающейся от венчика (см. рис. 8, *б*).

На многих фрагментах вокруг налепных узоров можно заметить отпечатки большого и других пальцев, оставленные в процессе изготовления.

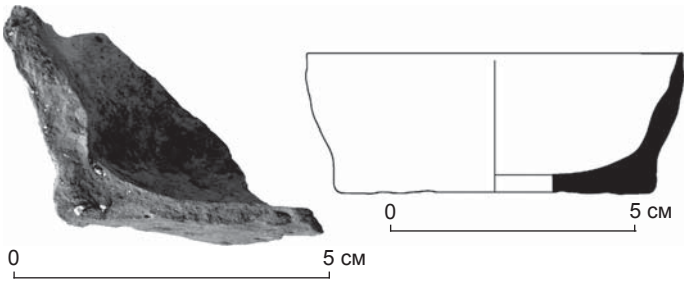


Рис. 7. Фрагмент сосуда, выполненного из одного комка глины.

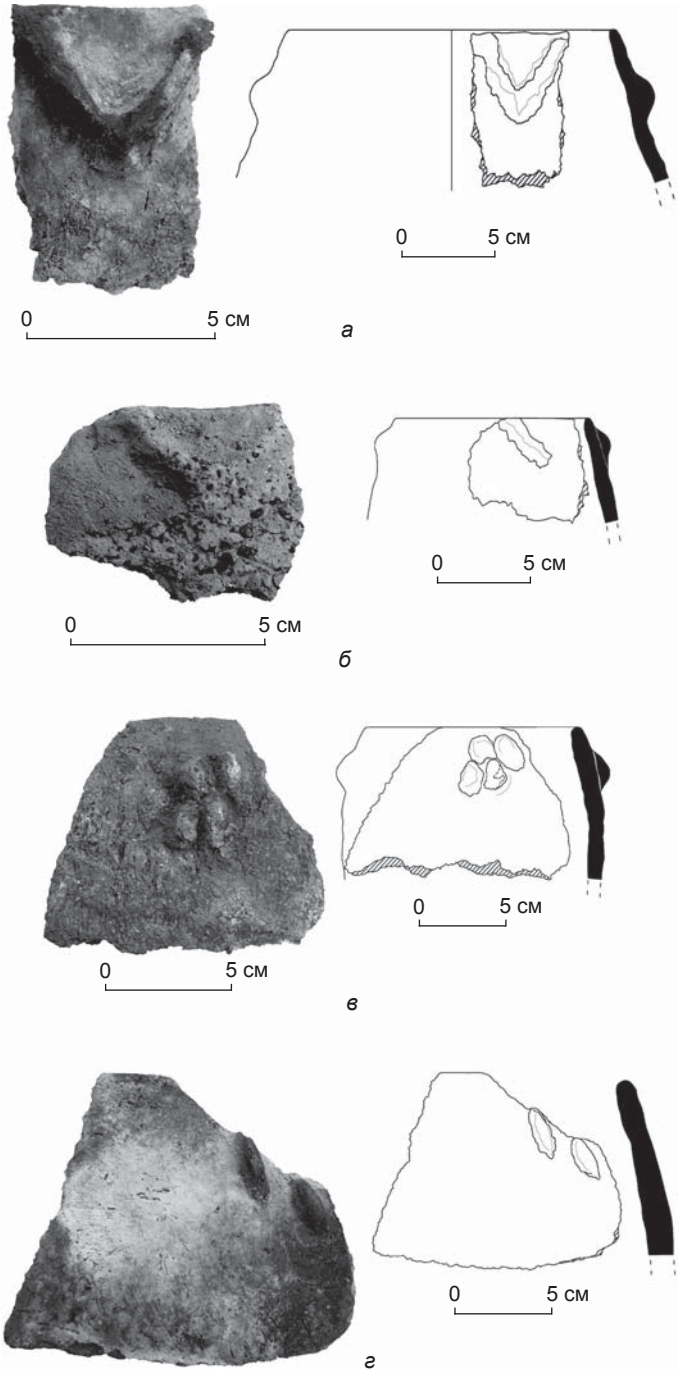


Рис. 8. Фрагменты сосудов с налепным орнаментом.

Рис. 9. Фрагмент сосуда с налепной шишечкой.

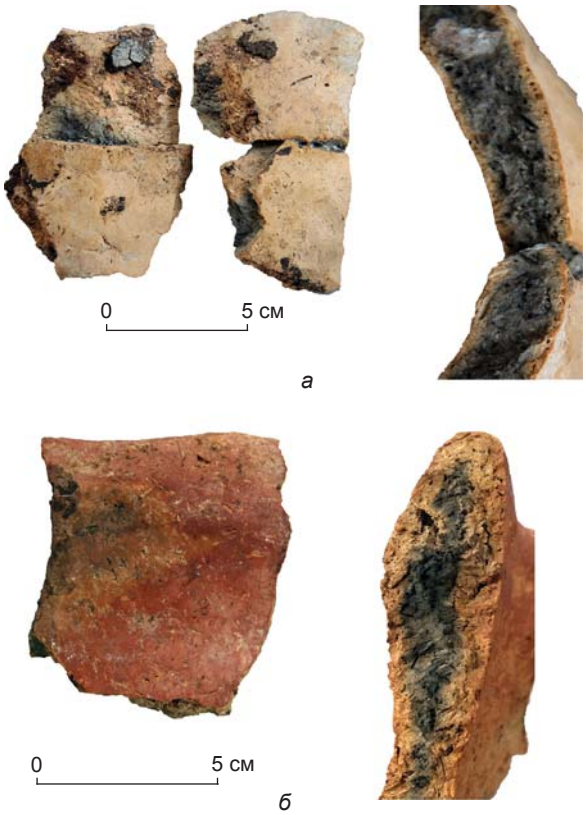


Рис. 10. Фрагменты сосудов с остатками битума.

Группа 5 – посуда, окрашенная и покрытая битумом. Она немногочисленна, составляет 0,5 % от всего комплекса. На внешней поверхности имеются остатки кусочков битума, который мог использоваться как клей для заполнения трещин при повторном использовании посуды или для улучшения водонепроницаемости (рис. 10). В Гёйтепе битум, поскольку его источники находятся в непосредственной близости от стоянки, использовался во многих целях, например, для реставрации и окрашивания сосудов.

На стоянке были найдены только два небольших фрагмента венчика и стенки, относящиеся к тонкостенным сосудам этой группы. Тесто одного фрагмента включает неорганические и органические примеси: большое количество мелко нарезанных растительных материалов и несколько крупных гранул базальта, а другого – небольшие гранулы базальта. Степень обработки поверхности – от средней до тонкой.

Поверхность черепков обычно красная или темно-желтая. На изломе черепок черно-серый ввиду неполного окисления. Один фрагмент слегка заполирован с обеих сторон. Венчик покрыт красной водорастворимой краской.

Сравнительный анализ

Анализируемый керамический комплекс небольшой, но его можно сравнить с коллекциями керамики других синхронных памятников Южного Кавказа. Изделия группы 4 из теста с примесью дресвы и с налепными украшениями, относящиеся к шулавери-шомутепинской культуре из бассейна Куры, сопоставимы с сосудами, содержащими примесь дресвы в формовочной массе и украшенными налепными круглыми и овальными шишечками со стоянок Шомутепе [Narimanov, 1987], Хасансу I [Museibli, Agalarzadeh, Akhundova, 2012], Шулаверис-Гора [Kiguradze, 2001], Имирис-Гора и Храмис Диди-Гора [Kiguradze, 1986], Арухло [Bastert-Lamprichs, 2012, 2017] и Акнашен [Chataigner, Badalyan, Arimura, 2014].

Полузакрытые сосуды из глины с растительными примесями, служившие, вероятно, для переноски, известны на неолитических поселениях в среднем течении Куры: Шомутепе (6 000 лет до н.э.) [Нариманов 1986, с. 118; Ахундов, 2012, табл. 138, *1*; 177; 192, *1*; 206, *7*; 207], Гаргалартепеси [Narimanov, Mahmudov, 1971, p. 14; Нариманов 1986, с. 27], Ментештепе (ок. 5 800–5 650 лет до н.э.) [Lyonnet, 2017, p. 141–142]; в равнинном Карабахе: Иланлытепе [Нариманов, 1969, с. 397; 1987, с. 27, 49; Narimanov, Mahmudov, 1972, p. 14], Чалагантепе [Нариманов, 1986, с. 8]; на Мильской равнине: MPS 4 [Helwing, Aliyev, 2017, fig. 39], MPS 5 [D'Anna, 2017, fig. 12, внизу], MPS 18 [Ricci, 2012, fig. 178], MPS 103 [D'Anna, 2017, fig. 12, вверху].

Сходство материалов из Гёйтепе и перечисленных стоянок проявляется по таким показателям, как профиль плоских оснований, форма сосудов, текстильные оттиски на внешней стороне оснований, способ изготовления и обработки поверхности. Технология изготовления керамических сосудов (в т.ч. ленточно-кольцевой налеп при формировании тулова), техника формирования донцев, использование красного ангоба с последующей шлифовкой поверхности сосуда с растительными примесями в тесте, орнаментация

налепными мотивами сосудов с минеральными добавками в формовочной массе – все эти приемы находят аналогии в неолитической керамике поселения Ментештепе, расположенного в нескольких километрах от Гёйтепе [Lyonnet et al., 2016; Lyonnet, 2017]. Красный ангоб и шлифовка также отмечаются на неолитических памятниках Мильской равнины (MPS 4, 5, 23 и 103) [Helwing, Aliyev, 2017, p. 41; D'Anna, 2017, p. 48, fig. 10].

Отпечатки плетенки в целом не типичны для керамики Мильской равнины, но единичные случаи использования такого орнамента зафиксированы на памятниках Камильтепе и MPS 4 [D'Anna, 2017, p. 48]. Отпечатки плетенки, напоминающие орнамент на керамике из Гёйтепе, имеются на донышках двух пифосов из MPS 103 [Ibid., fig. 11]. Общие черты в изготовлении сосудов и обработке поверхности прослеживаются по находкам с Мильской равнины [D'Anna, 2012] и из Гёйтепе. Такое сходство позволяет предположить, что обитатели Гёйтепе имели близкие связи с жителями вышеперечисленных синхронных поселений.

Заключение

Гёйтепе – одно из немногих поселений, полностью отражающих процессы развития керамики раннего неолита, поэтому оно очень важно для понимания этого периода на Южном Кавказе. Керамика из слоя 4 Гёйтепе изготовлена из глины с минеральными и растительными включениями. Находки различаются по форме, но практически сходны по технологии изготовления. По сравнению с керамикой из верхних слоев (ок. 5 500–5 450 лет до н.э.), найденной в предыдущие годы, керамика из строительного слоя 4 сделана из сырья с большим содержанием неорганических добавок. Преобладающая часть сосудов изготовлена с помощью техники ленточного налепа при формировании стенок и техники выбивки при моделировании донышек. Небольшие сосуды лепили руками из целого куска глины.

Керамические изделия, по-видимому, обжигались на открытом огне в окислительной среде, причем обжиг часто был неравномерным. Венчики в коллекции этого слоя простые: закругленные и утонченные.

Анализ следов использования (наличие или отсутствие сажи на внутренней и внешней поверхности) и форм показал, что группу 1 составляет столовая (небольшие чаши для еды и питья) и хозяйственная (закрытые сосуды для хранения и открытые – кухонные) посуда. Хозяйственная и кухонная посуда (сосуды баночной формы для приготовления пищи) представлена в группах 2 и 3. Баночные «плоскогорлые» сосуды использовались преимущественно для приготовления пищи: на их поверхности была сажа. Только один фрагмент такого сосуда не имел следов сажи. Ввиду малочисленности образцов назначение посуды группы 5 определить трудно.

В Гёйтепе распространены сосуды с характерными для шулавери-шомутепинской культуры оттисками плетенки на поверхности донышек. Однако подобные отпечатки не встречаются на более раннем неолитическом памятнике Ментеш, датированном ок. 5 800–5 650 лет до н.э. [Lyonnet, 2017, p. 141]. Это, вероятно, объясняется тем, что памятник относится к раннему периоду шулавери-шомутепинской культуры, когда не было традиции использования плетеных ковриков в качестве прокладок. В публикациях, посвященных памятнику Ментеш, указывается, что сосуды группы 1 по форме и примесям в тесте отличаются от изделий шулавери-шомутепинской культуры. В середине XX в. исследователи включали примеси мелкорубленной соломы и семян в один класс («растительные»). Примеси семян отмечены в формовочной массе изделий группы 1 из слоя 4 поселения Гёйтепе, которое находится в нескольких километрах от поселения Ментеш. Некоторые закрытые сосуды, описанные выше, встречаются в Гёйтепе и Шомутепе [Ахундов, 2012, p. 142, рис. 138, *1*; 177; 192, *1*; 206, *7*; 207].

Проведенный анализ выявил некоторые специфические признаки керамики из строительного горизонта 4 Гёйтепе. Почти вся керамика из неолитических поселений в бассейне Куры имеет общие черты и относится к шулавери-шомутепинской культуре. На ранней стадии культура развивалась самостоятельно, а на последующих – под влиянием связей, установившихся между ее носителями и представителями юго-восточных культур равнинного Карабаха.

Благодарности

Автор выражает особую признательность д-ру Фархаду Гулиеву, руководителю археологической экспедиции в Гёйтепе, за поддержку и создание условий для работы с керамикой на памятнике в полевой лаборатории. Автор также благодарен проф. Мехмету Оздогану из Университета Стамбула за консультации, касающиеся неизвестных керамических форм. Автор признателен д-ру Джулио Палумби и д-ру Сейджи Кадоваки за консультации и редактирование этой статьи.

Список литературы

Абибуллаев О.А. Некоторые итоги изучения холма Кул Тепе // СА. – 1963. – № 3. – С. 157–167.

Ахундов Т.И. У истоков Кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. – Баку: Ин-т археологии и этнографии НАНА, 2012. – Кн. 1: Шомутепе. – 386 с.

Гулиев Ф. Некоторые вопросы эпохи неолита Южного Кавказа // Материалы Междунар. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». – Тбилиси, 2010. – С. 130–131.

Джавахишвили А., Джапаридзе О. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1969–1971 гг.). – Tbilisi: Metsienereba, 1975. – 216 с.

Нариманов И. Г. Раскопки энеолитического поселения Иланлитепе // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 396–397.

Нариманов И.Г. Отчет I отряда Мильско-Карабахской археологической экспедиции за 1986 год // Науч. архив Ин-та археологии и этнографии НАНА. № О-445.

Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. – Баку: Elm, 1987. – 260 с.

Alakbarov V. Pottery production at Neolithic Göytepe (West Azerbaijan) // Hileya. – 2015a. – N 102 (11). – P. 166–169.

Alakbarov V. Göytəpə neolit dövrü abidəsinin keramika məmulatlarının qatqı miqdarlarının qruplar üzrə təbəqələrə uyğun bölgüsü // Gənc Alimlərin Əsərləri. – 2015b. – N 12. – P. 214–218.

Alakbarov V. The importance of Goytepe Neolithic pottery in the study of development of early pottery production in the South Caucasus // Proceedings of IV international scientific conference of young researchers dedicated to the 93rd Anniversary of the National leader of Azerbaijan, Heydar Aliyev. – Baku, 2016a. – B. II. – P. 1695–1696.

Alakbarov V. Göytəpənin 2-ci və 3-cü tikili səviyyələrinə aid keramika məmulatlarının müqayisəli təhlili // Geostrategiya. – 2016b. – N 4 (34). – P. 59–61.

Badalyan R., Lombard P., Avestisyan P., Chataigner C., Chabot J., Vila E., Hovsepyan R., Willcox G., Pessin H. New data on the late prehistory of the southern Caucasus. The excavations at Aratashen (Armenia): preliminary report // Les cultures du Caucase (Vie–IIIe siècle avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. – P.: CNRS, 2007. – P. 37–62.

Bastert-Lamprichs K. The pottery (from Aruchlo) // Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. – Berlin: Deutsches Archäol. Inst. 2012. – P. 71–82. – (Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan; N 44).

Bastert-Lamprichs K. Das neolithisce Aruchlo: Die Keramik der kampagnen 2012–2014 // The Kura Projects (New research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus). – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2017. – P. 233–246. – (Archäologie in Iran und Turan; N 16).

Chataigner C., Badalyan R., Arimura M. The Neolithic of the Caucasus. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – 25 p.

D'Anna M.B. The pottery of Kamiltepe (MPS 1) // Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2012. – P. 38–44. – (Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan; N 44).

D'Anna M.B. Some New insights into the Neolithic "Unpainted Ceramic Horizon" of the Mill Plain // The Kura Projects (New research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus). – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2017. – P. 43–49. – (Archäologie in Iran und Turan; N 16).

Guliyev F., Alakbarov V. Traces of Anatolian Cultures according to the Recent Neolithic Investigations in Azerbaijan (On the Basis of Archaeological Sites of the Mid Kura Valley) // Anatolian Rivers between East and West Axes and Frontiers. Geographical, economic and cultural aspects of the human-environment interactions between the Kızılırmak and Tigris Rivers in ancient times. – Batumi: Shota Rustaveli State Univ., 2017. – P. 10–12.

Guliyev F., Gusejnov F., Almamedov H. Excavations of the Neolithic settlement at Goytepe (Azerbaijan) // Azerbaijan – Land between East and West. Transfer of Knowledge and Technology during the "First Globalization" of the VIIth-IVth Millennium B.C.: Intern. Symp. – Baku, 2009. – P. 29–30.

Guliyev F., Huseynov F., Almammadov X., Hajizade N. Göytəpə Neolit Dövrü Yaşayış Məskənində Aparılan Arxeoloji Qazıntılar // Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar. – Bakı, 2008. – P. 17–20.

Guliyev F., Nishiaki Y. Excavations at the Neolithic settlement of Goytepe, the Middle Kura Valley, Azerbaijan, 2008–2009 // Proceedings of the 7th ICCANE. – L.; Wiesbaden, 2012. – Vol. III: Fieldwork and Recent Research-Posters. – P. 71–84.

Guliyev F., Nishiaki Y. Excavations at the Neolithic Settlement of Göytepe, West Azerbaijan, 2010–2011 // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. – 2014. – Vol. II: Excavation and Progress Reports, Posters. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2014. – P. 3–16.

Guliyev F., Nishiyaki Y., Huseynov F., Kadowaki S., Tanno K., Hayakawa Y. Göytəpə Neolit Dövrü Yaşayış Yerində Arxeoloji Qazıntılar // Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar. – Bakı, 2010. – P. 45–54.

Guliyev F., Nishiyaki Y., Huseinov F., Kadowaki S., Shimogama K., Akashi C., Kume S., Zamanov O. Göytəpə Neolit Dövrü Yaşayış Yerində Arxeoloji Qazıntılar // Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar. – 2010. – Bakı, 2011. – P. 50–64.

Guliyev F., Nishiyaki Y., Kadowaki S., Nakata H., Alakbarov V., Shimogama K., Salimbayov S., Arai S., Abbasova S., Miki T., Ahmadova V. Göytəpə və Hacı Əlləhmanlı neolit dövrü yaşayış yerlərində arxeoloji araşdırmalar // Azərbaycanda 2014-cü ildə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları. – Bakı, 2015. – P. 21–24.

Hansen S., Mirtskhulava G. The Neolithic settlement of Aruchlo. Report on the excavations in 2009–2011 // Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2012. – P. 58–86. – (Archäeologische Mitteilungen aus Iran und Turan; N 44).

Helwing B., Aliyev T. Field work in the Mil Plain: the 2010–2011 expedition // Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., Eurasien-Abteilung, 2012. – P. 4–17. – (Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan; N 44).

Helwing B., Aliyev T. Excavations in the Mil Plain Sites, 2012–2014 // The Kura Projects (New research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus). – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2017. – P. 11–42. – (Archäologie in Iran und Turan; N 16).

Kadowaki S., Maher L., Portillo M., Albert R.M., Akashi C., Guliyev F., Nishiaki Y. Geoarchaeological and palaeobotanical evidence for prehistoric cereal storage in the

southern Caucasus: the Neolithic settlement of Göytepe (mid 8th millennium BP) // J. of Archaeol. Sci. – 2015. – N 53. – P. 408–425.

Kadowaki S., Ohnishi K., Arai S., Guliyev F., Nishiyaki Y. Mitochondrial DNA Analysis of Ancient Domestic Goats in the Southern Caucasus: A Preliminary Result from Neolithic Settlements at Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe // Intern. J. of Osteoarchaeol. – 2017. – N 27. – P. 245–260.

Kavtaradze G. The Chronology of Georgian Aeneolithic Bronze Age Archaeological cultures in the light of new data – Tbilisi: Metsienereba, 1981. – 157 p. (in Georg., summary in Engl. and Russ.).

Kiguradze T. Neolitische Siedlungen von Kwemo-Kartli, Georgien. – München: C.H. Beck, 1986. – 118 S.

Kiguradze T. Caucasian Neolithic // Encyclopedia of Prehistory. – 2001. – Vol. IV: Europe. – P. 55–76.

Lyonnet B. Mentesh Tepe 2012–2014. The Pottery // The Kura Projects (New research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus). – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2017. – P. 141–144. – (Archäologie in Iran und Turan; N 16).

Lyonnet B., Guliyev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Pecqueur L., Jovenet E., Baudouin E., Fontugne M., Raymond P., Degorre E., Astruc L., Guilbeau D., Le Dosseur G., Benecke N., Hamon K., Poulmarc'h M., Courcier A. Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri Culture in Azerbaijan // Quaternary Intern. – 2016. – N 395. – P. 170–183.

Museibli N., Agalarzadeh A., Akhundova G. Neolit dövrü Həsənsu yaşayış yerində arxeoloji qazıntılar // Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar-2011. – Bakı, 2012. – P. 45–49.

Narimanov I.H., Mahmudov F.R. 1971-ci ildə Qarğalartəpəsi və Əlikömək təpəsində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı // AMEA AEI EA. N H-57.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological contexts of the earliest Pottery Neolithic in the southern Caucasus: radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // Am. J. of Archaeol. – 2015a. – N 119 (3). – P. 279–294.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S., Alakbarov V., Miki T., Salimbayov Sh., Akashi Ch., Arai S. Investigating cultural and socioeconomic change at the beginning of the Pottery Neolithic in the Southern Caucasus–The 2013 Excavations at Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // Bull. of the Am. Schools of Oriental Res. – 2015b. – N 374. – P. 1–28.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S., Omori T. Neolithic residential patterns in the southern Caucasus: Radiocarbon analysis of rebuilding cycles of mudbrick architecture at Goytepe, west Azerbaijan. – In press.

Ricci A. The Mil-Qarabag Plain and the Kvemo Kartli Survey Projects: a preliminary account of the first two field seasons (2010–2011) // Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. – Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2012. – P. 127–145. – (Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan; N 44).

Материал поступил в редколлегию 01.03.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.032-040
УДК 904+57.045

Г.Т. Омурова[1], В.В. Баринов[2], О.В. Кардаш[3], Е.А. Ваганов[2], В.С. Мыглан[2]

[1]Центрально-Азиатский институт прикладных исследований Земли, Кыргызская Республика
Борбор Азиялык Жерди Прикладдык Изилдөө Институту
Т. Фрунзе к., 73/2, Бишкек, 720027, Кыргыз Республикасы
E-mail: gulzar.omur@gmail.com
[2]Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: nelisgar@mail.ru; rector@sfu-kras.ru; v.myglan@gmail.com
[3]Сургутский государственный университет
ул. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка)

В работе проведен анализ встречаемости нарушений анатомической структуры (морозобойные и светлые кольца, флуктуации плотности структуры древесины) и выпавших годичных колец в образцах древесины со средневекового археологического памятника Надымский городок, расположенного в субарктической зоне Западной Сибири. В результате построена хронология экстремальных климатических событий, охватывающая период с 1170 по 1505 г. В ходе исследования был применен комплексный подход, основанный на привлечении таких параметров, как выраженность экстремального события, синхронность образования аномалий структуры и выпавших годичных колец у всех анализируемых древесных пород; годы, на которые приходятся как аномалии структуры, так и выпавшие кольца; годы минимума прироста в хронологиях. Это позволило выявить восемь (1259, 1342, 1347, 1354, 1366, 1440, 1448, 1466 гг.) наиболее значимых климатических событий для изучаемой территории. Сопоставление выделенных нами экстремумов с информацией по другим регионам показало, что событие 1259 г. прослеживается по различным источникам и, вероятно, носит глобальный характер; 1342, 1466 гг. – зафиксированы на севере Западной Сибири и в Северной Америке, т.е. имели межрегиональный характер; события 1347, 1440 гг. проявились только на севере Западной Сибири. На указанные годы приходятся всплески кислотности и аэрозольных включений (по данным ледовых колонок), а также сведения исторических источников о сильных холодах, заморозках, неурожаях и т.п. Безусловно, эти события оказали сильное воздействие на социально-экономические процессы в Западной Сибири.

Ключевые слова: *морозобойные кольца, климатические экстремумы, археологическая древесина, Надымский городок, Западная Сибирь.*

G.T. Omurova[1], V.V. Barinov[2], O.V. Kardash[3], E.A. Vaganov[2], and V.S. Myglan[2]

[1]Central-Asian Institute for Applied Geosciences,
T. Frunze 73/2, Bishkek, 720027, Kyrgyz Republic
E-mail: gulzar.omur@gmail.com
[2]Siberian Federal University,
Pr. Svobodny 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia
E-mail: nelisgar@mail.ru; rector@sfu-kras.ru; v.myglan@gmail.com
[3]Surgut State University,
Lenina 1, Surgut, 628412, Russia
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

© Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Ваганов Е.А., Мыглан В.С., 2018

Reconstruction of Extreme Paleoclimatic Events in Northwestern Siberia Using Ancient Wood from Fort Nadym

This study addresses the occurrence of damage to the anatomical structure (frost rings, light rings, and fluctuations of the wood density) and missing tree rings in wood samples from Fort Nadym—a medieval fort in the subarctic zone of Western Siberia. The chronology of extreme climatic events was reconstructed for the 1170–1505 period. We used multiple criteria such as severity of events; coincidence of structural pathologies and missing annual rings across all species; coincidence of structural anomalies with missing rings in specific years and years of minimum growth in chronologies. These criteria have allowed us to identify eight significant climatic events for the study area. The comparison of information on those events with that relating to other regions has shown that the 1259 event, evidenced by various sources, was likely global. Two other events, 1342 and 1466, are registered in northwestern Siberia and North America, and are therefore inter-regional. The 1347 and 1440 events concerned only northwestern Siberia. These years coincide with those of documented volcanic eruptions, peaks of acidity and aerosol development in polar ice cores, as well as the historical accounts of severe cold, crop failure, etc. All these events had a strong impact on socio-economic processes in Western Siberia.

Keywords: *Frost rings, climatic extremes, ancient wood, Fort Nadym, Western Siberia.*

Введение

В настоящее время значительная часть дендрохронологических исследований в Сибири направлена на изучение комплекса параметров годичного кольца (ширина, плотность, изотопный анализ и др.) для индикации изменений внешней среды в прошлом [Sidorova et al., 2013; Taynik et al., 2016; Wilson et al., 2016; Buntgen et al., 2016; и др.]. Как правило, в качестве материала для исследований выступают образцы, отобранные с живых деревьев и остатков древесины, сохранившихся на дневной поверхности и осадочных отложениях. При этом такой источник палеоклиматической информации, как археологическая древесина, почти не привлекается, несмотря на существующие в мировой практике примеры удачного ее использования для решения экологических задач [Baillie, 1982, p. 197–211; Becker, 1983; Cook, Kairiukstis, 1990, p. 28, 220; Zhang et al., 2003; и др.].

В представленном исследовании на основе анализа нарушений структуры годичного кольца и выпавших годичных колец в ископаемой древесине с археологического памятника Надымский городок была проведена реконструкция истории экстремальных событий на севере Западной Сибири, что позволило получить уникальную информацию об особенностях климатических условий летних месяцев за последнее тысячелетие.

Материалы и методы

Район исследования расположен близ впадения р. Оби в Обскую губу – залив Карского моря Северного ледовитого океана. Климат здесь континентальный (годовая амплитуда температур 36–40 °С). Средние температуры июля составляют 11–14 °С, но в отдельные дни могут достигать 27–30 °С. Сумма температур вегетационного периода 700–800 °С. За год выпадает от 300 до 400 мм осадков, ок. 70 % из них приходится на теплый период. Речные долины на юге целиком заняты древесной растительностью, а в междуречьях доминируют безлесные пространства, где встречаются массивы своеобразных заболоченных редин и редколесий. Высота стволов лиственницы сибирской в возрасте 100 лет обычно не превышает 5–6 м, а диаметр – 10–15 см [Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с. 196].

Материалом для исследования послужили поперечные спилы древесины, отобранные в 2011–2012 гг. на археологическом памятнике Надымский городок (рис. 1). Мерзлый культурный слой обеспечил прекрасную сохранность органических материалов, в первую очередь древесины. Всего было отобрано 107 образцов лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ledeb.), 89 ели сибирской (*Picea obovata* Ledeb.) и 75 сосны сибирской (*Pinus sibirica* Du Tour).

Для верификации показателей древесно-кольцевых хронологий (ДКХ), построенных на основе анализа образцов археологической древесины, мы отобрали керны с живых деревьев. В непосредственной близости от Надымского городка хвойного леса нет [Омурова и др., 2013]. По этой причине образцы (34 шт.) отбирались в лиственничном редколесье на левом коренном берегу р. Надым, в 20 км к юго-западу от археологического объекта (участок Nad, рис. 1). Керны были взяты по стандартной методике на высоте 1,3 м от дневной поверхности, что позволило уменьшить в образцах число аномалий структуры годичных колец, возникших под действием микролокальных (орографических) условий произрастания деревьев и слабых приземных заморозков [Гурская, Шиятов, 2006].

Измерения ширины годичных колец у образцов проводились на полуавтоматической установке LINTAB 5 (с разрешением до 0,01 мм). Серии датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919, p. 57] и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1983] и TSAP V3.5 [Rinn, 1996, p. 3–250]. Результатом

работы стало построение трех ДКХ по археологической древесине лиственницы сибирской (Larix_Nad), ели сибирской (Picea_Nad), сосны сибирской (Pinus_Nad) [Омурова и др., 2013] и одной по произрастающим деревьям лиственницы сибирской (Nad). Они были стандартизированы скользящим сплайном в 2/3 длины каждой серии в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2008]. Для календарной привязки хронологий по каждой древесной породе (сосна, ель, лиственница) они были перекрестно датированы с ДКХ Yamal [Хантемиров и др., 2011].

Нарушения структуры годичных колец выявлялись путем визуального осмотра образцов на микроскопе Stemi 2000C (Carl Zeiss) при 40–50-кратном увеличении и фиксировались посредством маркировки поврежденного кольца. Для определения календарной даты и исключения ошибки, связанной с наличием выпавших колец, выполнялось повторное измерение участка образца, содержащего аномалию, с последующей его перекрестной датировкой. Аномалии структуры и выпавшие кольца, приходящиеся на первые 20 лет жизни дерева, в работе не учитывались, т.к. из-за тонкого теплоизоляционного слоя коры в этот период деревья получают повреждения даже при незначительных заморозках в вегетационный период [Быков, 2000].

Нами учитывались следующие типы аномальных структур: морозобойное кольцо (f) – искаженная структура клеток, поврежденных заморозком в сезон роста, когда формируется ксилема; флуктуация древесины (fl) – слой клеток в пределах годичного кольца, который отличается от соседних по размеру, форме и толщине клеточной стенки; светлое кольцо (l) – зона поздней древесины годичного кольца с заметно слабой лигнификацией [Баринов, Мыглан, Тайник, 2017]. Отдельно была проанализирована информация о выпавших годичных кольцах (m), выявленных в ходе перекрестной датировки. Данная аномалия представляет собой годичное кольцо, полностью отсутствующее на радиальном срезе в связи с прекращением деятельности камбиального слоя. Следует учесть, что в отличие от перечисленных выше аномальных структур, которые свидетельствуют об экстремальных погодных проявлениях внутри вегетационного периода, выпавшие кольца выступают интегральным индикатором температурного режима вегетационного сезона в целом [Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996, с. 124].

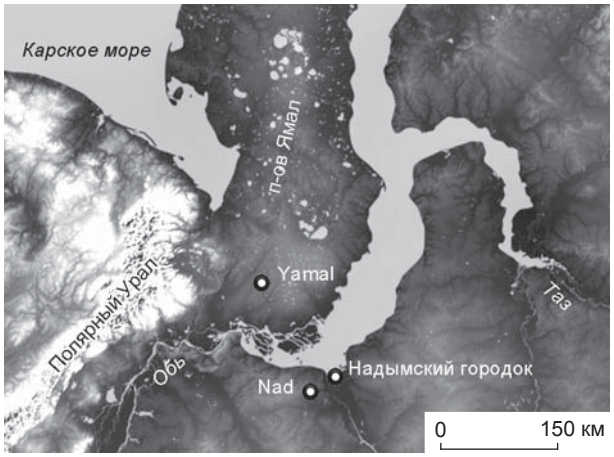


Рис. 1. Расположение археологического памятника Надымский городок и участков отбора материала для древесно-кольцевых хронологий Nad и Yamal.

Построение хронологии экстремальных климатических событий осуществлялось для периода с 1170 по 1505 г., когда EPS ≥ 0,85 (показатель чувствительности ДКХ к изменению внешних факторов, зависит от количества анализируемых образцов и показывает, как конкретная ограниченная выборка отражает сигнал популяции или генеральной совокупности). На первом этапе были выделены годы экстремальных климатических событий. Критерием служило совпадение дат образования двух и более аномалий структуры и выпавших колец в анализируемой выборке. На втором этапе оценивалась сила экстремальных событий на основе таких параметров, как выраженность события – случаи, когда процентное соотношение количества найденных аномалий и выпавших колец к общему числу образцов превышает среднее значение в выборке; синхронность образования аномалий структуры и выпавших годичных колец у всех исследуемых древесных пород; годы, на которые приходятся как аномалии структуры, так и выпавшие кольца; годы минимума прироста в хронологиях (когда значения индексов прироста выходят за пределы двойного стандартного отклонения).

Для выделения экстремальных событий, которые в прошлом охватывали территорию исследуемого региона, полученные нами даты были сопоставлены с климатическими экстремумами в ДКХ Yamal (рис. 1) [Хантемиров и др., 2011]; а для определения событий глобального масштаба – с экстремумами по ДКХ, полученными для удаленных районов [Баринов, Мыглан, Тайник, 2017; Salzer, Hughes, 2010]. Для верификации событий межрегионального характера привлекались исторические источники [Борисенко, Пасецкий, 1983, с. 127–179; Бараш, 1989, с. 65–176; и др.] и данные о следах вулканических извержений в ледовых кернах [Clausen et al., 1997; Zielinski et al., 1994].

Результаты и обсуждение

В результате лабораторных исследований на образцах археологической древесины было выявлено 124 аномалии структуры и 126 выпавших колец, на кернах

Таблица 1. **Характеристики древесно-кольцевых хронологий**

ДКХ	Протяженность		Кол-во образцов	Аномалии структуры годичного кольца						Выпавшие кольца		
	Длина, лет	Интервал, гг.		f	l	fl	Всего	Частота возникновения	Кол-во совпадений	Всего	Частота возникновения	Кол-во совпадений
Picea_Nad	387	1120–1507	89	35	2	20	57	0,6	81 (65)	15	0,2	
Pinus_Nad	549	1010–1559	75	18	0	14	32	0,4		29	0,4	114 (90)
Larix_Nad	541	1075–1616	107	22	1	12	35	0,3		82	0,8	
Nad	314	1697–2011	34	31	0	17	48	1,5	19 (39)	66	2	52 (79)

Примечания. Символ f – морозобойное кольцо; l – светлое кольцо; fl – флуктуация древесины; частота возникновения – количество аномалий или выпавших колец, приходящихся на один образец; количество совпадений – число аномалий и выпавших колец, приходящихся на один год в двух и более случаях, в скобках – процент от всех зафиксированных.

с живых деревьев – соответственно 48 и 66 (табл. 1). Значительная часть аномалий структуры годичных колец представлена морозобойными повреждениями и флуктуациями плотности. Наиболее чувствительными породами в коллекции образцов археологической древесины являются ель (частота возникновения аномалий 0,6) и лиственница (частота возникновения выпавших колец 0,8). Однако при сопоставлении с хронологией по произрастающим деревьям (Nad, табл. 1) видно, что частота возникновения аномалий и выпавших колец у них более чем в 2 раза выше. Вероятно, это объясняется невозможностью во многих случаях определить, к какой части ствола относился спил, взятый с археологической древесины, в то время как керны с живых деревьев были отобраны на одной высоте от поверхности земли. Кроме того, нельзя исключать того, что при строительстве Надымского городка мог использоваться плавник, принесенный течением из более южных (более теплых) районов. В пользу этого говорит большее число совпадений дат образования аномалий и выпавших колец в археологической древесине по сравнению с живыми деревьями (табл. 1). Вероятно, в условиях сурового климата в окрестностях Надымского городка заморозки происходят достаточно часто, однако носят локальный характер и повреждают лишь отдельные деревья. В то время как в более южных районах деревья реагируют только на сильные заморозки, возникающие реже, но охватывающие большую территорию и повреждающие значительное число деревьев.

Для оценки схожести реакции археологической древесины и живых деревьев на изменения параметров окружающей среды был выполнен расчет количества аномалий и выпавших колец в зависимости от возраста образцов (по 25-летиям) по общей породе – лиственнице (рис. 2). Полученные результаты показали однотипность реакции древесной растительности в прошлом и настоящем, тем самым подтвердили пригодность археологического материала для построения хронологии экстремальных событий за исследуемый период.

Согласно методике для реконструкции экстремальных палеоклиматических событий, первоначально были выделены годы, когда происходило образование как двух и более аномалий структуры, так и выпавших колец у образцов археологической древесины

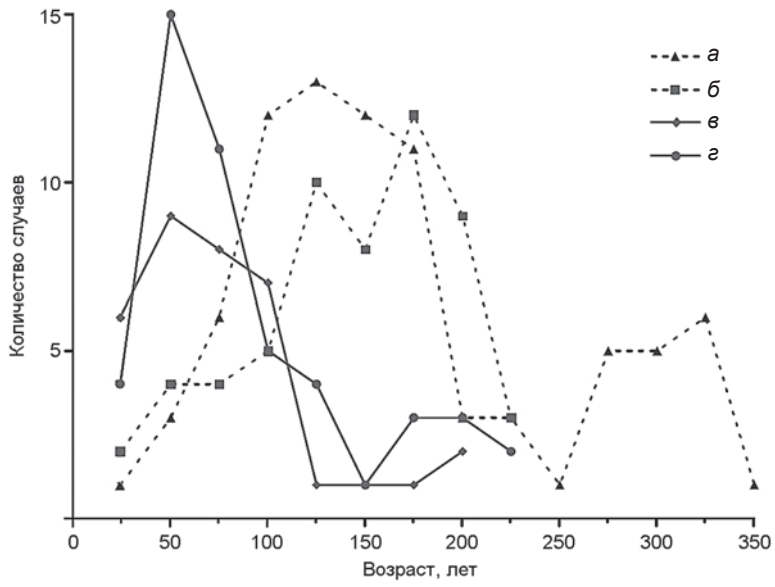


Рис. 2. Распределение аномалий и выпавших колец в археологической древесине и живых деревьях лиственницы в зависимости от возраста.
а – выпавшие кольца у археологической древесины; *б* – выпавшие кольца у живых деревьев; *в* – аномалии структуры годичных колец у археологической древесины; *г* – аномалии структуры годичных колец у живых деревьев.

(табл. 2). По аномалиям структуры годичного кольца выделено девять дат экстремальных событий (1201, 1343, 1358, 1362, 1371, 1398, 1409, 1417, 1444 гг.), на которые приходится 28 (22 %) из 124 обнаруженных аномалий (табл. 2). Пять событий прослеживаются только по одной из трех древесных пород (по два – ель и сосна, одно – лиственница); четыре – по двум (одно – ель и сосна, два – ель и лиственница, одно – сосна и лиственница). Характерной особенностью археологического материала с Надымского городка является наличие значительного числа флуктуаций плотности древесины (рис. 3), которые совпадают по времени образования с морозобойными и светлыми кольцами. Как и в высокогорных районах [Баринов, Мыглан, Тайник и др., 2015; Баринов, Мыглан, Назаров и др., 2016], это указывает на общую причину возникновения нарушений в структуре годичных колец, связанную со снижением летних температур.

По выпавшим годичным кольцам выявлено 14 экстремальных климатических событий (1239, 1291, 1300, 1330, 1342, 1352, 1379, 1387, 1401, 1402, 1412, 1420, 1459, 1481 гг.), на которые приходится 54 (42 %) из 126 выпавших колец (табл. 2). В шести случаях выпадение колец фиксируется на образцах только одной породы (лиственница), в пяти – двух (один – ель и сосна, два – ель и лиственница, два – сосна и лиственница), в трех – всех трех пород. Вероятно, 1342, 1352 и 1412 гг. были крайне неблагоприятными, что привело к одновременному выпадению годичных колец, несмотря на видовые отличия в реакции деревьев на изменения условий окружающей среды.

По аномалиям и выпавшим кольцам выделено 16 дат экстремальных климатических событий (1259, 1333, 1347, 1354, 1366, 1374, 1383, 1386, 1392, 1426, 1433, 1440, 1448, 1453, 1455, 1466 гг.). На них приходится 53 (43 %) из 126 аномалий и 60 (48 %) из

Таблица 2. **Даты образования аномалий структуры и выпавших годичных колец**

Год	Picea_Nad	Pinus_Nad	Larix_Nad	Параметры				Год	Picea_Nad	Pinus_Nad	Larix_Nad	Параметры			
				I	II	III	IV					I	II	III	IV
1201	–	2fl	–	+	–	–	–	1383	2f	–	2m	–	–	+	–
1239	1m, min	1m	–	–	–	–	+	1386	–	1m	1f	–	–	+	–
1240	min	–	–	–	–	–	+	1387	1m	–	4m	–	–	–	–
1259	**»**	**1f, 1fl, 2m**	**min**	+	–	+	+	1392	1f, 1m	–	1f, 3m	–	–	+	–
1263	»	min	–	–	–	–	+	1398	2f	–	–	–	–	–	–
1264	»	–	–	–	–	–	+	1401	–	–	2m	–	–	–	–
1265	»	–	–	–	–	–	+	1402	–	1m	8m	+	–	–	–
1291	–	–	2m, min	–	–	–	+	1409	1f, 4fl	–	1fl	–	–	–	–
1300	–	–	2m	–	–	–	–	1412	1m	2m	3m	–	+	–	–
1330	–	–	2m	–	–	+	–	1417	–	2f	–	–	–	–	–
1333	–	–	2fl, 3m, min	–	–	+	+	1420	–	–	2m	–	–	–	–
1342	**1m**	**2m**	**3m, min**	+	+	–	+	1426	1f, 1m	2f	1m	–	–	+	–
1343	–	–	2f	–	–	–	–	1433	2f, 1m	–	–	–	–	–	–
1347	**1fl, 1m**	**2m, min**	**2m, min**	–	+	+	+	**1440**	**4f, 8fl, 1l, 2m**	**1fl**	**1fl**	+	+	+	–
1352	1m	2m	3m	–	+	–	–	1444	1f, 1fl	–	–	–	–	–	–
1354	**1m, min**	**4m, min**	**2f, 5m**	+	+	+	+	**1448**	**1fl**	**3m**	**2fl, 6m**	+	+	+	–
1358	–	1f, 1fl	1f, 1fl	–	–	–	–	1453	1f	–	4m, min	–	–	–	+
1362	1f	–	2f, 1fl	–	–	–	–	1455	1f	–	1f, 1m	–	–	–	–
1366	**–**	**1fl, 4m, min**	**8m, min**	+	–	+	+	1459	min	–	5m, min	+	–	–	+
1371	2fl	1f, 1fl	–	–	–	+	–	**1466**	**4f, 2fl, 1l, min**	**2f, 2fl**	**1f, 1fl, 1m**	+	+	+	+
1374	1l	–	1m	–	–	+	–	1481	–	1m	1m	+	–	–	–
1379	1m	–	2m	–	–	–	–								

Примечания. Обозначения аномалий структуры см. в примеч. к табл. 1; m – выпавшее кольцо; min – минимум прироста; I – случаи, когда процентное соотношение количества найденных аномалий структуры и выпавших колец к общему числу образцов хронологий, содержащих этот год, превышает среднее значение в выборке; II – даты, когда аномалии и выпавшие кольца фиксируются по трем породам; III – годы, на которые приходятся как аномалии, так и выпавшие кольца; IV – минимумы прироста. Жирным шрифтом выделены даты выраженных экстремальных событий.

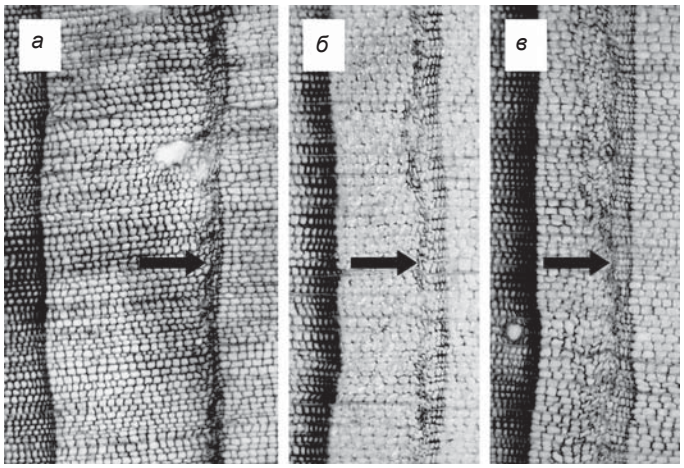


Рис. 3. Флуктуация плотности древесины 1440 г.
а – сосна сибирская (образец ng291, кольцо 106); *б* – ель сибирская (образец ng144, кольцо 108); *в* – лиственница сибирская (образец ng413, кольцо 188). Стрелочками указаны флуктуации в пределах годичного кольца.

124 выпавших колец (табл. 2). В трех случаях аномалии и выпавшие кольца фиксируются на образцах только одной породы (по одному каждая), в семи – двух (пять – ель и лиственница, два – сосна и лиственница), в шести – всех трех пород. В климатическом плане такое сочетание аномалий и выпавших колец в пределах одного года свидетельствует о коротком вегетационном периоде, в течение которого происходили сильные заморозки, что должно отражаться в резком снижении прироста древесины [Хантемиров, 2009]. Для проверки этого предположения методом наложенных эпох были выделены и наложены друг на друга 41-летние интервалы, содержащие год экстремального климатического события (рис. 4). Полученные результаты показали, что в случае экстремальных событий, выделенных только по аномалиям, влияние климатических факторов, приводящих к возникновению аномалий структуры, нивелируется климатическими условиями в течение сезона и не оказывает существенного воздействия на годовой прирост (рис. 4, *а*). В случае экстремальных событий, фиксирующихся по аномалиям и выпавшим кольцам, несмотря на разный породный состав, наблюдается резкое синхронное снижение прироста (рис. 4, *б*).

Обращение к такому показателю, как минимумы прироста, позволило выделить 15 дат (табл. 2): девять – только по одной породе (пять – ель, четыре – лиственница), шесть (1259, 1263, 1347, 1354, 1366, 1459 гг.) – по двум (по две – ель и лиственница, ель и сосна, сосна и лиственница). Примечательно, что нет случаев, когда минимумы прироста фиксировались сразу у трех древесных пород. Сопоставление этих данных с информацией об экстремальных событиях показало, что четыре выделенных нами минимума пришлись на годы выпадения годичных колец, семь – на даты возникновения аномалий и выпавших колец, а четыре не имеют совпадений с аномалиями и выпавшими годичными кольцами.

Для оценки процента поврежденных деревьев был рассчитан такой показатель, как выраженность экстремального события. Из выборки были выделены годы, когда величина этого показателя превысила среднее арифметическое значение: 1201, 1259, 1342, 1354, 1366, 1402, 1440, 1448, 1459, 1466, 1481 гг. (табл. 2). Характерно, что аномалии структуры и вы-

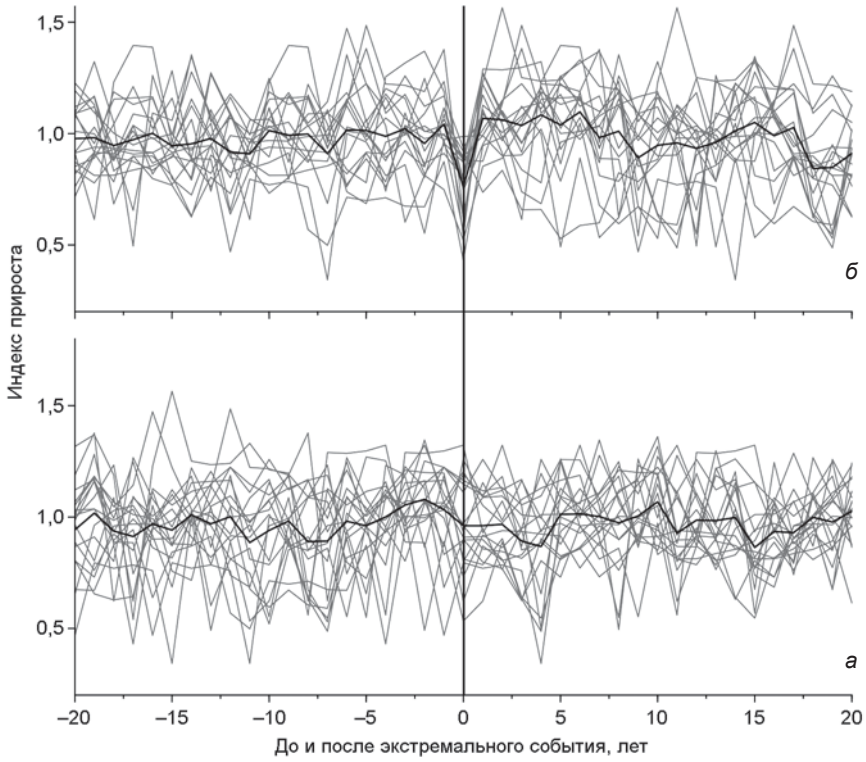


Рис. 4. Реакция прироста деревьев на экстремальные климатические события, выделенные по аномалиям структуры и выпавшим годичным кольцам.
а – события, выявленные только по аномалиям структуры; *б* – события, выявленные по аномалиям и выпавшим кольцам. Горизонтальная линия – среднее значение прироста ширины годичных колец, вертикальная – год возникновения экстремального события.

павшие кольца, датируемые указанными годами, отмечаются и у деревьев в возрасте более 200 лет (у которых толстый слой коры уже должен предохранить делящиеся клетки камбия от повреждения низкими температурами). Это косвенно свидетельствует о силе воздействия обозначенных экстремальных событий.

Проведенный анализ четырех параметров, являющихся индикаторами силы экстремальных климатических событий, показал, что за период с 1170 по 1505 г. произошло 29 событий, соответствующих хотя бы одному параметру (табл. 2). Однако только в шести случаях (1259, 1342, 1347, 1366, 1440, 1448 гг.) наблюдается совпадение трех, а в двух (1354, 1466 гг.) – четырех параметров. Следовательно, именно на эти годы пришлись наиболее сильные климатические экстремумы в районе Надымского городка.

Оценка эффективности выделенных нами параметров для определения сильных экстремальных событий, выполненная путем расчета отношения количества последних (1259, 1342, 1347, 1354, 1366, 1440, 1448, 1466 гг.) к общему числу событий, выявленных по каждому параметру в отдельности, показала, что на первый параметр (выраженность экстремального события) приходится семь дат из 11 выявленных (т.е. 64 %), на второй (синхронность образования аномалий структуры и выпавших годичных колец у всех анализируемых древесных пород) – шесть из девяти (67 %), на третий (годы, на которые приходятся как аномалии структуры, так и выпавшие кольца) – семь из 16 (44 %) и на четвертый (годы минимума прироста в хронологиях) – шесть из 15 (40 %). Как видим, использование только одного параметра для выделения экстремальных климатических событий не позволяет выполнить корректную реконструкцию. Только применение комплексного подхода, основанного на анализе нескольких параметров, дает возможность получить объективную информацию о сильных экстремальных событиях в прошлом.

Сравнение полученных результатов с данными прямых и косвенных источников

Для выяснения, в какой мере выделенные нами экстремальные климатические события проявились на региональном уровне, было проведено их сопоставление с информацией о таких событиях, выделенных по ДКХ Yamal [Хантемиров и др., 2011] для территории, расположенной в 170 км к северо-западу от Надымского городка. В интервале с 1170 по 1505 г. выявлено пять общих дат (1259, 1342, 1347, 1440, 1466 гг.), т.е. пришедшиеся на эти годы экстремальные климатические события были регионального масштаба. Выделенные нами события 1354, 1366, 1448 гг., несмотря на то что были прослежены по трем-четырем параметрам, не подтвердились, они имели локальный характер и проявились только в районе Надымского городка. В этом случае проведенный анализ наглядно показал, что привлечение территориального критерия – сопоставление данных по сопряженным (соседним) участкам – позволяет выявить региональные события и исключить из анализа локальные (прослеживающиеся только на одной ДКХ).

Последующее сопоставление общих для севера Западной Сибири пяти дат (1259, 1342, 1347, 1440, 1466 гг.) с опубликованными данными об экстремальных климатических событиях в Северном полушарии показало, что события 1347 и 1440 гг. за пределами п-ова Ямал не проявились, экстремумы 1342 и 1466 гг. зафиксированы только в хронологии HI5 для Северной Америки [Salzer, Hughes, 2010], событие 1259 г. прослеживается на территории Центрального Алтая (ДКХ Jelo) [Баринов, Мыглан, Тайник, 2017] и Северной Америки (ДКХ HI5). Таким образом, проведенная работа позволила выделить три экстремальных климатических события на севере Западной Сибири, проявившихся сразу на двух континентах и оказавших влияние на природные процессы в Северном полушарии.

Причины климатических экстремумов такой силы, как и в случае с объяснением депрессий прироста древесины, вероятно, следует искать в похолоданиях, вызванных затемнением атмосферы вследствие попадания в ее высокие слои продуктов вулканических извержений. Недостаток тепла из-за дефицита солнечной радиации – лимитирующий фактор в жизни древесных растений (обусловливает снижение прироста) [Zielinski, 2000; Robertson et al., 2009; Toohey et al., 2016; и др.]. По этой причине для верификации полученных нами данных о четырех сильных экстремальных событиях за период с 1170 по 1505 г. были привлечены информация о следах вулканических извержений и сведения исторических источников.

Экстремальное событие 1259 г. совпадает со всплеском содержания сульфатов, зафиксированным во всех ледовых колонках Гренландии и Антарктиды, что было вызвано крупнейшим извержением вулкана Самалас, выбросы которого транспортировались от источника по всему миру [Clausen et al., 1997; Guillet et al., 2017]. Согласно историческим данным, в 1258–1259 гг. в Европе и Средней Азии наблюдались холод, сухой туман, неурожаи и эпидемии [Stothers, 2000]. В землях Великого Новгорода в мае 1259 г. отмечались очень сильные заморозки [Борисенко, Пасецкий, 1983, с. 137]. На событие 1342 г. приходится всплеск содержания сульфатов в ледовых колонках GISP2, GRIP и BIPOLAR [Salzer, Hughes, 2010]. В Западной Европе и на Руси зима 1342 г. была очень суровой, весна – холодной. В Новгородской земле имела место эпизоотия. Во всей Европе был неурожай от избытка влаги и как следствие голод. На Руси с 1342 г.

началась десятилетняя полоса неурожайных и голодных лет [Бараш, 1989, с. 106–107]. На событие 1466 г. приходится всплеск содержания сульфатов в ледовых колонках GISP2 и GRIP [Salzer, Hughes, 2010]. Таким образом, все выявленные нами даты региональных экстремальных событий согласуются с информацией об извержениях вулканов, сульфатными профилями ледовых кернов и сведениями исторических источников о неблагоприятных погодных условиях.

В то же время если сопоставить историческую информацию о происходивших социальных процессах с вышеприведенными датами экстремальных природных событий в исследуемом регионе, то прямой корреляции не наблюдается. Однако, возможно неслучайно, именно после экстремального события 1440 г. в Западной Сибири началась серия военных походов новгородских и московских князей в низовья р. Оби – волость Югру [Полное собрание…, 1982, с. 90–98]. Можно предположить, что климатические изменения, вызванные природными событиями, отразились на экономике русского населения Европейского Северо-Востока – зоны рискованного земледелия. Это спровоцировало военную активность, направленную на получение контроля и использование сторонних ресурсных территорий, в частности на севере Западной Сибири.

Заключение

Результаты работы показали, что археологическая древесина имеет существенный потенциал как в деле построения древесно-кольцевых хронологий, так и в плане выявления экстремальных климатических событий на основе анализа распределения аномалий структуры и выпавших годичных колец. Так, применение комплексного подхода, основанного на анализе нескольких параметров, позволило выявить сильные экстремальные климатические события в окрестностях Надымского городка, произошедшие в 1259, 1342, 1347, 1366, 1440, 1448, 1354, 1466 гг. В результате сопоставления этих дат с хронологиями Yamal [Хантемиров и др., 2011], HI15 [Salzer, Hughes, 2010] и Jelo [Баринов, Мыглан, Тайник, 2017] были выделены события глобального (1259 г.), межрегионального (1342, 1466 гг.) и регионального (1347, 1440 гг.) масштабов. Проведенная верификация показала, что на указанные годы приходятся следы извержений вулканов в ледяных кернах или известные даты крупных вулканических извержений, а также информация исторических источников о сильных холодах, заморозках, неурожаях и т.п. Можно предположить, что выделенные экстремальные климатические события не раз выступали катализаторами социальных процессов. Возможно, именно по этой причине после экстремального события 1440 г. началась серия военных походов новгородских и московских князей в низовья р. Оби (волость Югру).

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-14-30011).

Список литературы

Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе. – Л.: Гидрометеоиздат, 1989. – 236 с.

Баринов В.В., Мыглан В.С., Назаров А.Н., Ваганов Е.А., Агатова А.Р., Непоп Р.К. Экстремальные климатические события в Республике Алтай по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. биологическая. – 2016. – № 2. – С. 1–11.

Баринов В.В., Мыглан В.С., Тайник А.В. Экстремальные климатические события в Центральном Алтае за последние 1500 лет по данным древесно-кольцевой хронологии Jelo // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2017. – № 1. – С. 91–102.

Баринов В.В., Мыглан В.С., Тайник А.В., Ойдупаа О.Ч., Ваганов Е.А. Экстремальные климатические события в Республике Тыва по дендрохронологическим данным // Сиб. экол. журн. – 2015. – Т. 22, № 4. – С. 507–517.

Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л.: Гидрометеоиздат, 1983. – 240 с.

Быков Н.И. Дендрохронология снежных лавин и циркуляционных процессов атмосферы зимнего и переходного периодов на Алтае // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 2. – С. 56–60.

Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. – Новосибирск: Наука, 1996. – 246 с.

Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР: Азиатская часть. – М.: Мысль, 1978. – 512 с.

Гурская М.А., Шиятов С.Г. Распределение морозобойных повреждений в древесине хвойных деревьев // Экология. – 2006. – № 1. – С. 9–15.

Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Мыглан В.С. Установление времени строительства (перестройки) Надымского городка: дендрохронологический аспект // Журн. Сиб. федер. ун-та. Сер.: Биология = J. of Siberian Federal Univ. Biology. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 185–195.

Полное собрание русских летописей. – Л.: Наука, 1982. – Т. 37. – 382 с.

Хантемиров Р.М. Динамика древесной растительности и изменения климата на севере Западной Сибири в голоцене: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 43 с.

Хантемиров Р.М., Горланова Л.А., Сурков А.Ю., Шиятов С.Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2011. – № 2. – С. 89–102.

Baillie M.G.L. Tree-Ring Dating and Archaeology. – L.: Croom-Helm, 1982. – 272 p.

Becker B. Prehistoric dendrochronology for archaeological dating: Hohenheim oak series present to 1800 BC // Proc. of the First Intern. Symposium ^{14}C and Archaeology, Groningen, 1981 / eds. W.G. Mook, H.T. Waterbolk. – Strasbourg: Council of Europe, 1983. – P. 503–510. – (PACT: J. of European Study Group on Physical, Chemical and Mathematical Techniques Applied to Archaeology; vol. 8).

Buntgen U., Myglan V.S., Ljungqvist F.C., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclaus J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., Vaan M.A.C., de, Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirdyanov A.V. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geoscience. – 2016. – Vol. 9. – P. 231–236.

Clausen H.B., Hammer C.U., Hvidberg Ch.S., Dahl-Jensen D., Steffensen J.P. A comparison of the volcanic records over the past 4000 years from the Greenland Ice Core Project and Dye 3 Greenland ice cores // J. of geophysical research: Oceans. – 1997. – Vol. 102, iss. C12. – P. 26707–26723.

Cook E.R., Kairiukstis L.A. Methods of dendrochronology. Applications in the environmental sciences. – L.: Kluwer Academic Publisher, 1990. – 351 p.

Cook E.R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). – 2008. – URL: http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html (дата обращения: 26.10.2016 г.).

Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. – Wash.: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.

Guillet S., Corona C., Stoffel M., Khodri M., Lavigne F., Ortega P., Eckert N., Sielenou Pd., Daux V., Churakova (Sidorova) O., Davi N., Edouard J.-L., Yong Zhang, Luckman B.H., Myglan V.S., Guiot J., Beniston M., Masson-Delmott V., Oppenheimer C. Climate response to the Samalas volcanic eruption in 1257 revealed by proxy records // Nature Geoscience. – 2017. – Vol. 10. – P. 123–128.

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-ring Bull. – 1983. – Vol. 43. – P. 69–78.

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Robertson I., Froyd C.A., Gagen M., Hicks S. Climates of the past: evidence from natural and documentary archives // J. of Quaternary Sci. – 2009. – Vol. 24. – P. 411–414.

Salzer M.W., Hughes M.K. Volcanic Eruptions over the last 5,000 Years from High Elevation Tree-Ring Widths and Frost Rings // Tree Rings and Natural Hazards: A State-of-Art / eds. M. Stoffel, M. Bollshweiler, D.R. Butler, B.H. Luckman. – Dordrecht: Springer, 2010. – P. 469–483.

Sidorova O.V., Siegwolf R.T.W., Myglan V.S., Ovchinnikov D.V., Shishov V.V., Helle G., Loader N.J., Saurer M. The Application of Tree-Rings and Stable Isotopes for Reconstructions of Climate Conditions in the Russian Altai // Climatic Change. – 2013. – Vol. 120, iss. 1. – P. 153–167.

Stothers R. Climatic and Demographic Consequences of the Massive Volcanic Eruption of 1258 // Climatic Change. – 2000. – Vol. 45, iss. 2. – P. 361–374.

Taynik A.V., Barinov V.V., Oidupaa O.Ch., Myglan V.S., Reinig F., Büntgen U. Growth coherency and climate sensitivity of Larix sibirica at the uppertreeline in the Russian Altai-Sayan Mountains // Dendrochronologia. – 2016. – Vol. 39. – P. 10–16.

Toohey M., Sigl M., Ludlow F., LeGrande A.N., Anchukaitis K.J. Volcanic Impacts on Climate and Society working group // Past Global Changes Magazine. – 2016. – Vol. 24, iss. 1. – P. 29.

Wilson R., Anchukaitis K., Briffa K.R., Büntgen U., Cook E., D'Arrigo R., Davi N., Esper J., Frank D., Gunnarson B., Hegerl G., Helama S., Klesse S., Krusic P.J., Linderholm H.W., Myglan V.S., Osborn T.J., Rydval M., Schneider L., Schurer A., Wiles G., Zhang P., Zorita E. Last millennium northern hemisphere summer temperatures from tree rings. Part I: The long term context // Quaternary Sci. Rev. – 2016. – Vol. 134. – P. 1–18.

Zhang Q.B., Cheng G.D., Yao T.D., Kang X.C., Huang J.G. A 2,326-year tree-ring record of climate variability on the northeastern Qinghai-Tibetan Plateau // Geophys. Res. Lett. – 2003. – Vol. 30, iss. 14. – CiteID 1739. – URL: https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1029/2003GL017425 (дата обращения: 26.10.2016 г.).

Zielinski G.A. Use of paleo-records in determining variability within the volcanism-climate system // Quaternary Sci. Rev. – 2000. – Vol. 19. – P. 417–438.

Zielinski G.A., Mayewski P.A., Meeker L.D., Whitlow S., Twickle, M.S., Morrison M., Meese D.A. Record of volcanism since 7000 B.C. from the GISP2 Greenland ice core and implications for the volcano-climate system // Sci. – 1994. – Vol. 264. – P. 948–952.

Материал поступил в редколлегию 07.11.16 г.,
в окончательном варианте – 10.01.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.041-048
УДК 902.01

Л.И. Авилова, А.Н. Гей
Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: aviloval@mail.ru; donkuban@mail.ru

Конструктивные особенности колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона в III–I тыс. до н.э.

В статье рассматриваются упрочняющие металлические элементы в колесных повозках Евразии. Выделяются типы конструкций, намечаются некоторые этапы развития и распространения технологических традиций в обществах с разной социальной организацией и различной этнической принадлежности. На территории Шумера и Юго-Западного Ирана имеются ранние (III тыс. до н.э.) свидетельства использования колесных повозок: их остатки в погребениях, изображения на сосудах и цилиндрических печатях, глиняные и металлические модели. Ранний тип креплений представляет собой ряд гвоздей, вбитых по краю сплошных дощатых колес. Восстанавливаются ременные протекторы на колесах, служившие для их стяжки и защиты от износа и повышавшие комфортность езды. Колесница была принадлежностью лиц высокого социального ранга и использовалась в военных, охотничьих и ритуальных целях. Новый тип упрочняющих деталей – плоские металлические шины с дополнительными пластинами – появился на рубеже III и II тыс. до н.э. в Сузиане и Центральной Азии. В раннем железном веке крепления в виде гвоздей вдоль обода вновь стали применяться после тысячелетнего перерыва, но на колесах нового типа – со спицами. Они известны на обширной территории от Балкан и Эгеиды до Бактрии. Обзор материалов эпохи бронзы из курганных захоронений в восточноевропейских степях показывает, что металлические конструктивные элементы не использовались в ямной, новотиторовской, катакомбной и синташтинской культурах. Это косвенно свидетельствует о множественности технологических традиций изготовления колесных повозок.

Ключевые слова: *бронзовый век, железный век, Ирано-Месопотамский регион, колесные повозки, металлические упрочняющие детали, технологические традиции.*

L.I. Avilova and A.N. Gey
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: aviloval@mail.ru; donkuban@mail.ru

On the Construction Features of Wheeled Vehicles in Iran and Mesopotamia (Third to First Millennia BC)

Reinforcing metal elements in early Eurasian wheels are described. A typology of wheel constructions is proposed, and stages of their evolution and diffusion in socially and ethnically diverse societies are reconstructed. In Sumer and southwestern Iran, early (3d millennium BC) evidence of the use of wheeled transport includes remains of wagons in burials, representations on vessels and cylinder seals, as well as clay and metal models. The early reinforcing details were bronze nails pinned along the rims of solid wheels. Thick leather straps on treads served for binding wheels, prevented wear, and made riding more comfortable. Chariots marked high social status of their owners, and were used for military, hunting, and ritual purposes. Around 2000 BC, metal tread-bands with additional plates were introduced in Susiana and Central Asia. In the Early Iron Age, after a 1000-year long break, studded treads reappeared, but on spoked wheels. Such a construction occurs across a huge territory from the Balkans and Aegean to Bactria. The review of materials from the Bronze Age kurgan burials in the Eastern European steppes reveals no evidence of the use of metal details in the Pit Grave, Catacomb, Novotitorovka or Sintashta cultures, indirectly suggesting multiplicity of wheel-manufacturing traditions.

Keywords: *Bronze Age, Iron Age, Iran, Mesopotamia, wheeled vehicles, metal reinforcing details, technological traditions.*

© Авилова Л.И., Гей А.Н., 2018

Введение

Тема развития колесного транспорта широко обсуждается в научной литературе [Nagel, 1966; Ковалевская, 1977; Littauer, Crouwel, 1979; Нефёдкин, 2001; и др.]. Военный аспект истории использования колесниц индоевропейскими народами исследуется в монографии Д. Энтони [Anthony, 2010]. Обсуждаются фундаментальные проблемы происхождения и распространения колесного транспорта. Так, тема связи колесного транспорта с расселением индоевропейских народов из кочевой прародины стала центральной в ряде работ Е.Е. Кузьминой [1994, 2008] и коллективной монографии «Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии» [2014]. В сборнике «Происхождение и распространение колесничества» [2008] обсуждается время и место одомашнивания лошади и появление двухколесной повозки как важного элемента в военном деле, социально-политической истории и идеологии древних обществ Евразии.

Поводом для написания данной статьи стало изображение запряженной парой быков повозки среди петроглифов грота Чатур Бху Нэш (Chatur Bkhu Nash) в Северной Индии [Новоженов, 2012, с. 113, рис. 57; с. 374, 379], конкретно – детали в виде коротких радиальных линий, отходящих от внешнего контура колеса (рис. 1, *3*). По-видимому, древний художник стремился передать какой-то характерный конструктивный элемент. В поисках соответствий мы обратились к археологическим материалам эпохи бронзы и железного века из различных регионов. Рассматриваются в основном находки из Месопотамско-Иранского региона и южнорусских степей, привлекаются также сравнительные материалы более позднего времени и более отдаленных территорий. Нас интересуют конструкции колес с использованием металлических деталей. На основании этих данных предпринята попытка наметить этапы развития и распространения технологических традиций в обществах с разными типами социальной организации и различной этнической принадлежности.

Материалы

Ряд древнейших свидетельств использования колесных повозок, в т.ч. с упрочняющими металлическими деталями, имеется на территории Шумера и культурно связанной с ней Сузианы. Используемые ближневосточные материалы относятся к периоду с рубежа IV–III тыс. до н.э. до II тыс. до н.э. включительно.

Приведем краткий обзор ранних колесных повозок, остатки которых обнаружены в погребениях Суз и Киша (середина III тыс. до н.э.). Они имеют колеса с металлическими креплениями – рядом гвоздей, вбитых вдоль обода. В погр. В 280 могильника на холме Донжон в Сузах [Mecquenem, 1943, p. 122–124, pl. 10] найдены обугленные остатки четырехколесной повозки. Колеса разного размера, одна пара диаметром 83 см, другая – 64,4 см (рис. 1, *5, 6*). Поскольку повозка была помещена в погребение в разобранном состоянии, неясно, принадлежали колеса одному или двум экипажам. Металлические гвозди длиной 4,5–5,0 см фиксировали толстые кожаные ремни на ободьях. На больших колесах обнаружено 91 и 86 гвоздей, на малых – по 64. Остатки колесницы были найдены на другом холме Суз – в Царском городе, участок 1, погр. 555. Колесо, деформированное в форме овала размерами 77 × 68 см, также с металлическими гвоздями по краю [Tallon, 1987, vol. 1, p. 303, fig. 44]. Хронологически эти находки соответствуют захоронениям с повозками на царском некрополе Ура Раннединастической эпохи (далее РД) III [Ibid., vol. 1, p. 301], но там металлические крепления колес не зафиксированы [Woolley, 1934, p. 64, 108–109, pl. 30]. В Кише на могильнике Y (РД) двух- и четырехколесные повозки найдены в трех погребениях, причем в погр. 529 обнаружены оба типа. На колесах повозки из погр. 354 [Langdon, Watelin, 1934, p. 13, fig. 3, *30–34*] зафиксированы кожаные ремни-протекторы, закрепленные 55 гвоздями (рис. 1, *8*).

Известны изображения колесных экипажей на различных объектах, наиболее ранние относятся к РД (начало – середина III тыс. до н.э.). Это рисунки на сосудах с пурпурной росписью из Хафадже (Восточный Ирак) и Суз (Юго-Западный Иран) [Delougaz, 1952, p. 70, pl. 62; Carter, 1985, p. 45]. Данный тип росписи надежно датирует материалы временем РД I (2900–2750 гг. до н.э.) и началом РД II (2750–2600 гг. до н.э.) [Van De Mieroop, 2016, p. 41, 42]. На сосуде из Хафадже изображена тяжелая повозка с четырьмя сплошными колесами, запряженная онаграми (рис. 1, *1, 2*). Наиболее интересная деталь – зубчатое обрамление вроде бахромы по окружности колес, что, видимо, изображает упрочняющую конструкцию из ремней, закрепленных на ободе металлическими гвоздями. Судя по наличию колчана со стрелами, повозка использовалась в военных или охотничьих целях. О конструкции колес можно судить и по изображениям на знаменитом «штандарте» из царского некрополя Ура середины III тыс. до н.э. Они имеют вид сплошных дисков и изготовлены из трех массивных досок: средней со ступицей в центре и двух крайних в форме сегментов; части скреплены короткими поперечинами [Hansen, 2003]. На сосуде с пурпурной росписью из Суз (погр. 322 могильника на холме Донжон) [Carter, 1985, p. 45] изображена повозка, запряженная быком. По окружности колес показаны короткие радиальные штрихи (рис. 1, *4*) – вероятно, выступающие гвозди оковки

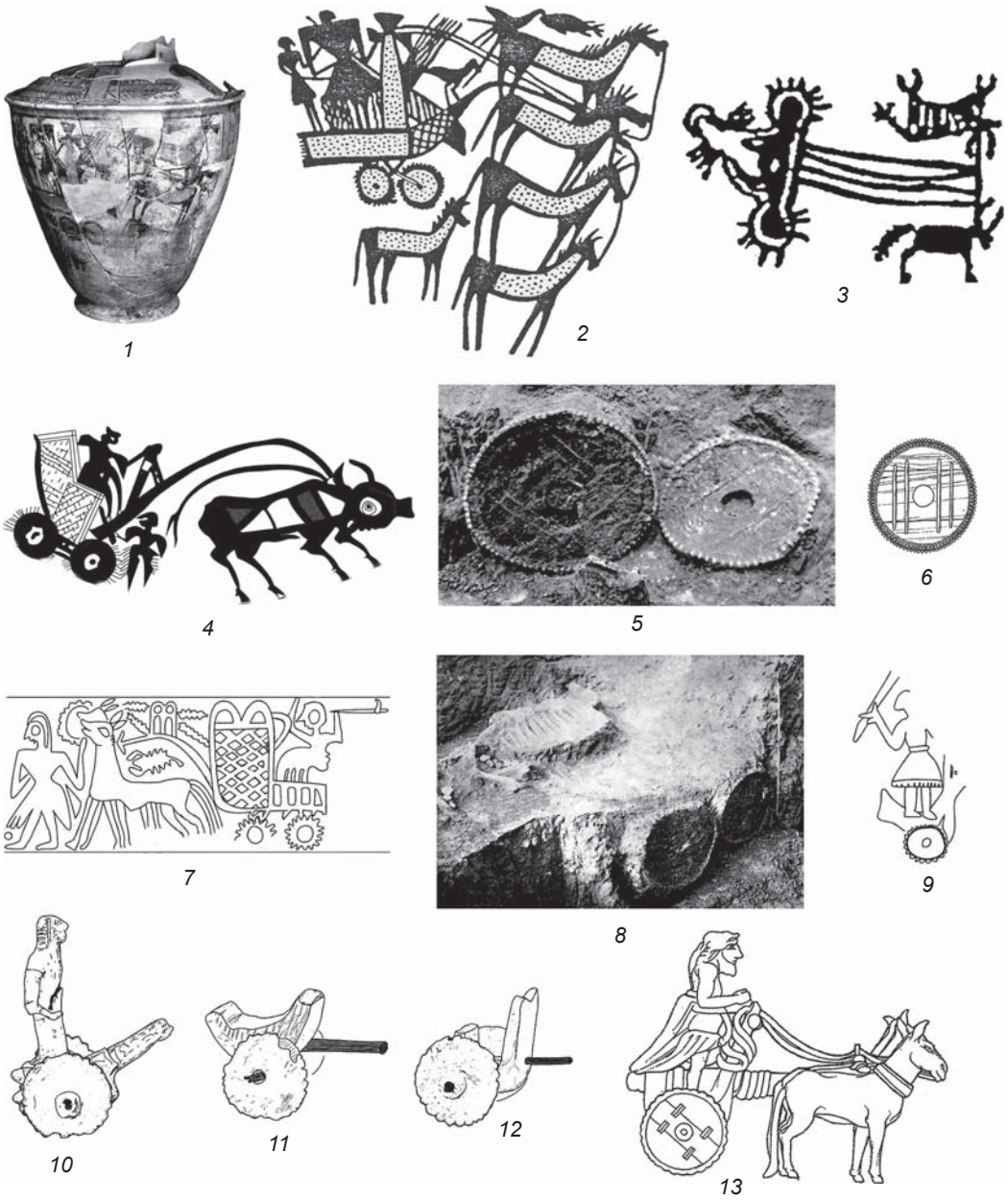


Рис. 1. Ближневосточные колесные повозки III тыс. до н.э. с креплениями колес в виде ряда гвоздей, представленные в погребальных комплексах и изобразительных источниках.

1, 2 – изображение на сосуде с пурпурной росписью из Хафадже, РД I–II; *3* – рисунок на петроглифах в гроте Чатур Бху Нэш, Северная Индия; *4* – изображение на сосуде с пурпурной росписью из Суз, могильник на холме Донжон, погр. 322; *5*, *6* – колеса из погр. В 280 могильника на холме Донжон в Сузах; *7* – оттиск печати на сосуде из Урука; *8* – повозка из погр. 354 могильника Y в Кише; *9* – изображение на резной хлоритовой вазе из Хафадже; *10* – терракотовая модель из Киша; *11, 12* – терракотовые модели из Ниппура; *13* – медная модель из Телль-Аграба.

[Mühl, 2014]. В целом композиция очень близка изображению повозки в гроте Чатур Бху Нэш.

Изображения колес с дополнительными деталями имеются также на цилиндрических печатях и их оттисках. Оттиск печати на сосуде из Урука (первая половина III тыс. до н.э.) представляет торжественную процессию [Boehmer, 1985, S. 104, Abb. 6.7, № 58]. Идущий впереди человек изображен с круглым предметом (бубен?) в руке, седок с топором. По окружности колес показано зубчатое обрамление, как на сосудах из Хафадже и Суз (рис. 1, *7*).

Еще одна группа изображений – модели колесниц РД. В ряде случаев у них колеса с профилированными ободьями, что передает в глине выступающие шляпки гвоздей. Так, две модели из Ниппура имеют колеса с зубчатым краем [Legrain, 1930, pl. 45, 46]

(рис. 1, *11, 12*). Такие же колеса и у другой глиняной модели, которая происходит из городских слоев Киша. Она составная – двухколесный экипаж, фигурка стоящего возницы (рис. 1, *10*) и несколько эквидов [Langdon, Watelin, 1934, pl. 14, *1*]. Хорошо сохранившаяся медная модель квадриги найдена в храме Шара на Телль-Аграбе [Delougaz, Lloyd, 1942, p. 257, fig. 200]. Колеса сплошные трехчастные, с зубчатыми краями, что передает гвозди оковок (рис. 1, *13*). Повозка открытая, легкая, без кузова. С помощью четырех животных она могла двигаться быстро. Возможно, это боевая колесница или экипаж для ритуальных игр-состязаний.

Изображения колесниц присутствуют в резьбе по камню. На фрагменте хлоритовой вазы из храма Сина в Хафадже представлена двухколесная легкая повозка с возницей, который держит в руке длинный предмет (рукоять топора? дубина?) [Frankfort, 1935, p. 48, fig. 55] (рис. 1, *9*).

Обзор ближневосточных материалов III тыс. до н.э. позволяет предложить некоторые технические характеристики повозок с металлическими креплениями колес в виде ряда гвоздей. Это тяжелый корпус и массивные сплошные колеса, надетые на неподвижную ось. Сопротивляемость колеса вращению и показатель трения были велики, что требовало частой смазки. Повозка буксовала по грязи, но в сухое время года по равнинам Месопотамии могла двигаться достаточно быстро. Часто вбитые по ободу гвозди закрепляли кожаные ремни, стягивавшие три массивные доски составного колеса и предохранявшие колеса от износа. Колесница была сложным и дорогостоящим сооружением, что вместе с необходимостью содержания тягловых животных делало ее принадлежностью лиц высокого социального ранга.

Комплексы из некрополей Ура, Киша и Суз документируют важную роль тяжелых телег со сплошными колесами в погребальном ритуале. Они могли использоваться для доставки грузов к месту захоронения [Anthony, 2010, p. 403]. Повозки упоминаются в шумерских текстах (gišGIGIR). В ряде случаев это колесницы культового назначения, принадлежащие божеству или царю. Так, текст конца III тыс. до н.э. «Нисхождение Ур-Намму в подземный мир» описывает прибытие царя в Кур (царство мертвых) на колеснице; в могилу помещены также тягловые животные (эквиды – ANŠE). Царь приносит колесницу с упряжкой в жертву божеству [Littauer, Crouwel, 1979, p. 45].

Остро стоял вопрос об уменьшении массы, повышении быстроты и маневренности повозки. Выход был найден в изменении конструкции: экипаж стал двухколесным и превратился в боевую колесницу. Этот класс повозок представлен моделями из Ниппура, Киша, Телль-Аграба и резным изображением из Хафадже.

Приведем наблюдения по хронологии типов повозок с металлическими деталями, известных по археологическим материалам. В конце IV тыс. до н.э. Сузы были центром раннегосударственного образования Сузиана, располагавшегося на территории современного Хузистана. Регион входил в «большой Шумер» и находился под контролем шумерских городов-государств [Potts, 2015, p. 81, 82]. В период позднего Урука Сузиана вышла из орбиты шумерской цивилизации. Стадия Сузы III (протоэламитский период) соответствует началу РД в Южной Месопотамии (3100–2700 гг. до н.э.). В это время в регионе возобладали культурные традиции Иранского плато. Один из признаков самобытности – появление собственной протоэламитской письменности. Таблички не расшифрованы, но их язык отличен от шумерского [Potts, 2012, p. 601]. Последующее развитие Сузианы связано с Эламом, а ок. 2300 г. до н.э. регион вошел в состав империи Саргона Аккадского. На Ближнем Востоке известно много повозок конца III – II тыс. до н.э., но крепления колес в виде гвоздей отсутствуют [Littauer, Crouwel, 1979, p. 48–98]. В это время появился новый тип упрочняющих деталей колес – пластинчатые шины-оковки с дополнительными боковыми пластинами, заходящими на плоскости колеса [Ibid, p. 39]. Они представлены в захоронениях начала II тыс. до н.э. в Сузах. Шины состоят из нескольких дуговидных секций с тремя парами боковых пластин каждая (рис. 2, *1*, *2*). Они найдены в погр. A 89 на холме Донжон (находятся в музее Тегерана) [Tallon, 1987, vol. 1, p. 302, fig. 46] и в захоронении на участке 1 в Царском городе (хранятся в Лувре) [Ibid., p. 337, № 1304].

Полными аналогами оковок нового типа являются находки конца III – начала II тыс. до н.э. из некрополя Гонур-Депе в Туркменистане. В погр. 3900 и 3200 обнаружены хорошо сохранившиеся повозки, колеса которых укреплены металлическими шинами с боковыми пластинами [Сарианиди, Дубова, 2010] (рис. 2, *3–5*). Этот факт отражает глубокие связи двух регионов на рубеже III и II тыс. до н.э. и указывает на сходство проходивших в них процессов формирования местных элит.

Материалов по колесным повозкам эпохи поздней бронзы (XVI–XII вв. до н.э.) на Ближнем Востоке и в Египте достаточно много. Во II тыс. до н.э. была одомашнена лошадь, быстро ставшая основным тягловым животным, появилась легкая боевая колесница новой конструкции – с колесами со спицами, что явилось революцией в военном деле [Нефёдкин, 2001, с. 58–60]. Как подчеркивал С. Пигготт, это не было результатом внутренней эволюции тяжелой повозки со сплошными колесами и упряжкой онагров, а было заимствовано в готовом виде у групп подвижного негородского бесписьменного населения, обитавше-

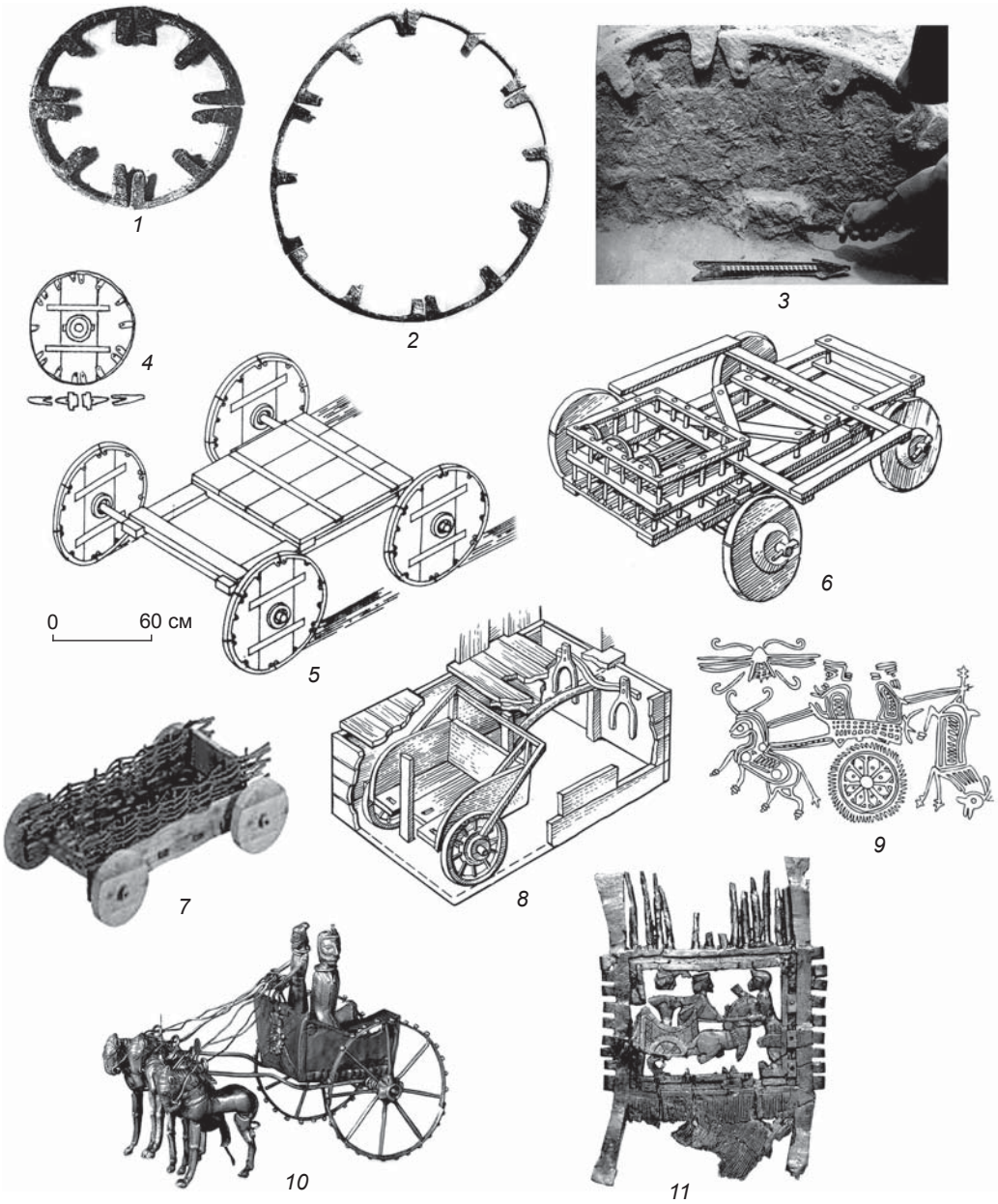


Рис. 2. Крепления колес в виде шин-оковок из погребений II тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и в Центральной Азии (*1–5*), повозки без металлических креплений с памятников бронзового века Восточной Европы (*6–8*) и изображения повозок с креплениями колес в виде ряда гвоздей I тыс. до н.э. (*9–11*).
1 – Сузы, могильник на холме Донжон, погр. А 89; *2* – Сузы, Царский город, погребение на участке 1; *3* – некрополь Гонур-Депе, погр. 3900; *4, 5* – некрополь Гонур-Депе, погр. 3200, реконструкция; *6* – курганный могильник Останний в Прикубанье; *7* – курганный могильник Улан IV на нижнем Дону; *8* – могильник Синташта на Южном Урале, погребальная камера 30; *9* – оттиск печати из Гордиона; *10* – золотая статуэтка из Амударьинского клада; *11* – деревянный гребень из курганного могильника Таксай-1.

го к северу от высокоразвитых цивилизаций Ближнего Востока, в области распространения дикой лошади. В этих сообществах, часть которых относилась к индоевропейской языковой семье, использовались легкие повозки с лошадиной упряжкой, имевшие колеса со спицами [Piggott, 1978, p. 42]. Быстрое массовое распространение боевых колесниц позволяет связывать их с появлением пришлых этнических групп (хурритов, касситов), существованием государства Митанни и рассматривать на широком фоне индоевропейской проблемы [Moorey, 1986].

Конструкция колес с креплением ремнями и гвоздями в материалах II тыс. до н.э. не представлена. Может показаться, что она изжила себя как недо-

статочно совершенная и исчезла в новой этнической среде. Но это не так. В раннем железном веке такие крепления появились вновь [Mühl, 2014], причем на колесах новой конструкции – со спицами. Подобные находки известны от Балкан и Эгеиды до Бактрии. Укажем на оттиск печати из Анатолии (Гордион, ок. 800 г. до н.э.) со сценой охоты (рис. 2, *9*). Золотая статуэтка из Амударьинского клада – шедевр ювелирного искусства Ахеменидской эпохи – детально изображает боевую колесницу с четверкой коней. Большие колеса с восемью спицами окованы металлическими шинами, на ободьях выступают крупные шляпки гвоздей [Littauer, Crouwel, 1979, fig. 82] (рис. 2, *10*). С. Мюль приводит данные по боевым колесницам I тыс. до н.э. с такими креплениями, в частности, каталог изображений на рельефах дворцовых комплексов Ниневии [Mühl, 2014, p. 167, 168].

Чрезвычайно интересны новые находки из Западного Казахстана. В курганном могильнике Таксай-1 в погребении знатной женщины (VI–V вв. до н.э.) найден обугленный деревянный гребень с ажурным резным изображением колесницы. Колеса со спицами имеют зубцы по окружности – крепления в виде гвоздей [Алтынбеков, Новоженов, 2014, рис. 1] (рис. 2, *11*).

Обсуждение

Вернемся в эпоху бронзы. Было ли использование металлических креплений на колесах в это время повсеместным явлением? Обратимся к материалам из Восточной Европы. В конце IV – III тыс. до н.э. колесные повозки широко распространились в южнорусских степях. Такие находки известны от Приуралья на востоке до низовьев Дуная на западе. Наибольшая их концентрация отмечается в степном Прикубанье, несколько меньшая в Нижнем Поднепровье и Поднестровье. Современная методика раскопок курганов позволила зафиксировать многочисленные случаи помещения повозок в погребальные камеры [Рогудеев, 2008, с. 75–85].

Повозки примерно из 220 захоронений различных территориальных вариантов ямной и новотиторовской культур рубежа раннего и среднего периодов бронзового века (конец IV – первая четверть III тыс. до н.э.) представляют собой телеги со сплошными трехчастными колесами. Так, повозки из погребений курганного могильника Останний в Восточном Приазовье имели неподвижные оси и сплошные колеса из трех толстых досок с массивной ступицей, что напоминает ближневосточные находки. Конструкция кузова была гораздо более сложной: основой служила рама из массивных продольных брусьев и более легких поперечин. На нее с помощью многочисленных вертикальных стояков крепились доски настила, иногда в несколько ярусов, чем достигалась легкость и одновременно прочность конструкции (рис. 2, *6*). Размеры кузова 2,20 × 1,15 м, диаметр колес ок. 70 см [Гей, 2000, с. 180–184].

Повозки катакомбной культуры среднего периода эпохи бронзы (вторая – третья четверти III тыс. до н.э., на данное время известно ок. 120 захоронений) имеют сходную конструкцию. Основное новшество сводится к применению большой крестовины из брусьев, соединяющих по диагонали углы кузова. Повозки также имеют сплошные дисковые колеса из трех частей (могильник Улан IV на нижнем Дону) [Шишлина, Ковалев, Ибрагимова, 2013] (рис. 2, *7*).

Показательно, что при значительной серии повозок из погребений степных культур независимо от сохранности и вариантов конструкции ни для полных экземпляров, ни для кузовов или отдельных колес ни разу не отмечено использование металлических крепежных или соединительных деталей. Все соединения выполнены с помощью деревянных же шипов, штифтов и стержней, вставленных в высверленные или выдолбленные для них отверстия или каналы. И если применительно к отдельным упрощенным вариантам кузова допустимо предположение об использовании для погребения неполной конструкции или даже ее имитации, то в случае с колесами это практически исключено, поскольку многие из них имеют следы износа в районе втулки.

Вопрос о применении специальных шин для смягчения хода или дополнительного скрепления частей колесного диска остается открытым. У хорошо сохранившихся колес толщина в центральной части достигает 6–7, иногда 10–12 см, а к краям уменьшается до 2–4 см, что выглядит нелогичным для обеспечения проходимости экипажа. О возможности существования накладных шин говорят лишь отдельные и, прямо скажем, неоднозначные наблюдения. Укажем случаи обнаружения черной или белой каймы по краям лежащих плашмя колес в новотиторовских погребениях Прикубанья (Останний, 1/150; Пластуновский I, 2/13), отчетливое, до 12 см, утолщение по ободу у колес из кенотафа, раскопанного у станицы Пластуновской в 1977 г. [Нехаев, 1977], а также глиняную модель колеса с утолщением по краю из катакомбного погребения могильника Дарья в низовьях Маныча [Ларенок, 1997, табл. 97].

Замечательным событием в истории изучения эпохи поздней бронзы стало открытие курганного могильника Синташта II тыс. до н.э. на Южном Урале [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 215, рис. 116]. В погребальных камерах обнаружены боевые колесницы сложной конструкции (рис. 2, *8*). У них дощатый кузов и два колеса с восемью–десятью спицами. К изогнутому дышлу крепилось ярмо, рассчитанное на двух лошадей (их костяки обнаружены в захороне-

ниях). Вопросы вызывает реконструкция соединения оси с дышлом с помощью брусьев-держателей, помещенных снаружи по сторонам кузова. Ничего подобного не обнаружено больше ни в одном могильнике. Небольшие размеры, легкость и мобильность делали эти колесницы превосходным транспортным средством военного или охотничьего назначения, позволявшим племенам ариев быстро преодолевать огромные расстояния в полосе евразийских степей и лесостепей. Как и на Ближнем Востоке, колесницы обозначали высокий социальный статус погребенных воинов. Однако и здесь не найдено никаких свидетельств оковки колес.

Заключение

По наличию и особенностям упрочняющих металлических деталей можно выделить два основных типа конструкции колесных повозок эпохи бронзы в Евразии. Ранний тип крепления сплошных колес с помощью ремней-протекторов и гвоздей фиксируется на территории Шумера и Юго-Западного Ирана в начале III тыс. до н.э. в виде остатков колесниц в погребениях, изображений на сосудах и цилиндрических печатях, глиняных и металлических моделей. Следующий этап развития месопотамско-южноиранской технической мысли представлен плоскими металлическими шинами-оковками, известными на рубеже III и II тыс. до н.э. в Сузиане и Центральной Азии. Хронология и география находок свидетельствует о том, что упрочняющие металлические элементы повозок явились достижением передовых земледельческих цивилизаций Ближнего Востока и были распространены в среде раннегосударственных образований. Немалую роль в этом сыграла относительная доступность сырья – меди/бронзы.

В раннем железном веке крепления в виде гвоздей вдоль обода стали применяться вновь после тысячелетнего перерыва, но на колесах нового типа – со спицами. Такие находки известны на обширной территории от Балкан и Эгеиды до Бактрии и казахстанских степей, что представляет собой редкий пример возрождения однажды изобретенной конструкции в иной этнической и культурной среде.

Как ранние тяжелые повозки со сплошными колесами, так и легкие колесницы I тыс. до н.э. были принадлежностью лиц высокого социального положения и использовались в военных, охотничьих и ритуальных целях.

Обзор значительного массива материалов эпохи бронзы из курганных захоронений в восточно-европейских степях позволяет утверждать, что металлические конструктивные элементы того или иного типа не применялись в повозках подвижных скотоводческих культур – ямной, новотиторовской, катакомбной и синташтинской. Это косвенно свидетельствует о множественности технологических традиций изготовления колесных повозок.

Список литературы

Алтынбеков К., Новоженов В.А. Повозки ранних кочевников в центре Евразии // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. – Алматы: Остров Крым, 2014. – С. 308–355.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник: Пути и судьбы. – М.: Наука, 1977. – 150 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 558 с.

Ларенок П.А. Отчет об исследованиях Таганрогской археологической экспедиции в 1992 г. Таганрог. 1997 // Архив ИА РАН. Р-I. № 20235.

Нефёдкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XIV–I вв. до н.э.). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2001. – 528 с.

Нехаев А.А. Отчет о полевых исследованиях совместной археологической экспедиции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника и Краснодарского краевого совета ВООПИК в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 6849.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012. – 500 с.

Происхождение и распространение колесничества. – Луганск: Глобус, 2008. – 319 с.

Рогудеев В.В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск: Глобус, 2008. – С. 71–90.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 144–171. – (Тр. Маргиан. археол. экспедиции; т. 3).

Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / Е.Е. Кузьмина, В.А. Новоженов, А.В. Епимахов, К. Алтынбеков, А.Р. Хазбулатов, К.М. Линдафф, И.Н. Швец, Э.Р. Усманова, И.В. Чечушков, А.Б. Ипполитова. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 454 с.

Шишлина Н., Ковалев Д., Ибрагимова Э. Повозки катакомбной культуры евразийских степей // Бронзовый век: Европа без границ: Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – С. 119–126.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the

Modern World. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2010. – 553 p.

Boehmer R.M. Uruk-Warka XXXVI: Survey des Stadtgebietes von Uruk. IV: Glyptik // Baghdader Mitteilungen. – 1985. – Bd. 16. – S. 99–198.

Carter E. Notes on archaeology and the social and economic history of Susiana // Paléorient. – 1985. – Vol. 11. – P. 43–48.

Delougaz P. Pottery from the Diyala region. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1952. – 182 p. – (Oriental Institute Publications; N 63).

Delougaz P., Lloyd S. Pre-Sargonic temples in the Diyala region. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1942. – 320 p. – (Oriental Institute Publications; N 58).

Frankfort H. Oriental Institute discoveries in Iraq, 1933/34: Fourth preliminary report of the Iraq expedition. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1935. – 103 p. – (Oriental Institute Communications; N 19).

Hansen D.P. "Standard of Ur" (cat. No. 52) // Art of the first cities: The third millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / eds. J. Aruz, R. Wallenfels. – N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2003. – P. 97–100.

Langdon S., Watelin L. Excavations at Kish: Oxford Field Museum Expedition. – P.: Paul Guenther, 1934. – Vol. IV: 1925–1930. – 72 p.

Legrain L. Terra-cottas from Nippur. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1930. – 142 p. – (Publications of the Babylonian section, N 16).

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. – Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979. – 229 p.

Mecquenem R., de. Fouilles de Suse, 1933–1939: Archeologie susienne. – P.: Presses universitaries de France, 1943. – 161 p. – (Mémoires. Mission Archéologique Française en Iran; N 29).

Moorey P.R.S. The emergence of the light, horse-drawn chariot in the Near East, c. 2000–1550 B.C. // World Archaeology. – 1986. – Vol. 18. – Iss. 2: Weaponry and Warfare. – P. 196–215.

Mühl S. "Metal makes the wheel go round": the development and diffusion of studded-tread wheels in the Ancient Near East and the Old World // AΘΥΡΜΑΤΑ: Critical Essays on the Archaeology of the Eastern Mediterranean in Honour of E. Susan Sherratt. – Oxford: Archaeopress Archaeology, 2014. – P. 159–176.

Nagel W. Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich. – B.: Verl. B. Hessling, 1966. – 96 S. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 10).

Piggott S. Chinese chariotry: an outsider's view // Arts of the Eurasian Steppelands. – L.: Percival David Foundation of Chinese Art, 1978. – P. 32–51.

Potts D.T. A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. – Oxford: John Wiley & Sons, 2012. – 1445 p.

Potts D.T. The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State: Cambridge World Archaeology. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. – 513 p.

Tallon F. Métallurgie Susienne: De la fondation de Suse au XVIIIe siècle avant J.-C.: 2 vols. – P.: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1987. – Vol. 1. – 416 p.; Vol. 2. – 350 p.

Van De Mieroop M. A History of the Ancient Near East, ca. 3000–323 BC. – 3rd ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2016. – 400 p.

Woolley C.L. Ur Excavations. The Royal Cemetery. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1934. – Vol. II: Text. – 604 p.

Материал поступил в редколлегию 23.04.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.049-058
УДК 903.05

В.И. Молодин, И.А. Дураков, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; idurakov@yandex.ru; l.mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com

Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины

В статье представлены результаты изучения предметов, связанных с бронзолитейным производством, которые были обнаружены на поселениях развитой бронзы Среднего Прииртышья. Подробно рассматриваются изделия сейминско-турбинского облика с поселенческих памятников Черноозерье VI, Абрамово-10, Венгерово-2. Исследуются конструктивные и морфологические особенности литейных форм, определяется состав формовочных масс, а также реконструируются предметы, для отливки которых они использовались. Большое внимание уделяется анализу археологического контекста нахождения обсуждаемых литейных форм. Приводятся результаты изучения участков бронзолитейного производства на межжилищном пространстве (Абрамово-10) и территории специализированного жилища (Венгерово-2), на которой располагались различные теплотехнические устройства и хозяйственные ямы. Наличие на памятниках однотипных производственных площадок, теплотехнических устройств устойчивых форм и литейного оборудования, а также признаков многоразового использования форм с целью тиражирования изделий позволило сделать вывод об унификации производственной деятельности и бытовании у носителей кротовской культуры собственной развитой традиции бронзолитейного производства. Наличие на поселениях литейных форм и изделий подтверждает гипотезу о том, что в Среднем Прииртышье предметы сейминско-турбинского типа изготавливались непосредственно носителями автохтонной кротовской культуры. Иртыш с его притоками был транспортной артерией, которая имела определяющее значение для проникновения, распространения и адаптации сейминско-турбинской традиции. Изделия сейминско-турбинского облика, принесенные в регион их создателями, становились здесь достоянием мастеров автохтонных культур. Местные металлурги, имевшие собственные сложившиеся традиции бронзолитейного производства, использовали образцы современного оружия для самостоятельного изготовления аналогичных изделий.

Ключевые слова: *сейминско-турбинские бронзы, кротовская культура, Прииртышье, поселения, литейные формы.*

V.I. Molodin, I.A. Durakov, L.N. Mylnikova, and M.S. Nesterova
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; idurakov@yandex.ru; l.mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com

The Adaptation of the Seima-Turbino Tradition to the Bronze Age Cultures in the South of the West Siberian Plain

Seima-Turbino type clay bronze-casting molds from the Middle Bronze Age sites in the middle Irtysh basin (Chernoozerye VI, Abramovo-10, and Vengerovo-2) are described with regard to construction, composition of paste, and types of casts. Special attention is paid to the archaeological context. At Abramovo-10, the casting area was located between the houses; at Vengerovo-2, in a special structure with furnaces and utility pits. Similar types of casting areas, furnaces, and reusable molds attest to the unification of the casting process and a sophisticated tradition practiced by the autochthonous Krotovo people, who, judging by the molds and casts, manufactured the Seima-Turbino type bronze weapons themselves. Irtysh with its tributaries was a transportation route along which the tradition spread. Initially Seima-Turbino bronze artifacts had been imported, but eventually they were replicated by local casters, who, in certain respects, adhered to their own metallurgical tradition.

Keywords: Seima-Turbino bronzes, Krotovo culture, Irtysh, settlements, molds.

© Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., 2018

Введение

Тема «сейминско-турбинские бронзы» изучена в целом неплохо, но многое в ней остается невыясненным. Памятники с предметами сейминско-турбинского типа зафиксированы на огромной территории, но в самостоятельную археологическую культуру они не выделены, поскольку не определены границы их ареала, не найдены поселенческие комплексы со следами производства таких предметов, каждый погребальный памятник характеризуется своеобразием. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых для обозначения памятников с подобными предметами предложили термин «сейминско-турбинский транскультурный феномен» [1989]. До сегодняшнего дня принято связывать распространение сейминско-турбинских изделий с мигрантами, которые двигались с востока на запад, навстречу носителям срубно-андроновских традиций [Черных, Наваррете, 2011, с. 20–21].

За последнее десятилетие количество предметов сейминско-турбинского типа значительно увеличилось за счет изделий из Прииртышья. В этом регионе на могильниках одиновской и кротовской культур (Преображенка-6 [Молодин, 2013], Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, с. 81–82, рис. 137; 139, *1, 25*], Тартас-1 [Молодин и др., 2009], Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988]) в пяти погребениях обнаружены не только классические сейминско-турбинские изделия, но и литейные формы для их отливки. Однако вопрос о местном изготовлении сейминско-турбинских бронз до обнаружения на поселениях свидетельств такого производства оставался открытым.

Литейные формы и производственные участки на поселениях кротовской культуры

Литейные формы найдены на поселенческих памятниках кротовской культуры Черноозерье VI [Кондратьев, 1974, с. 18; Стефанова, 1988, рис. 6, *3*], Венгерово-2 [Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2015, с. 323–324, рис. 1, *2*], Абрамово-10 (рис. 1). Эти находки имеют особое значение, поскольку позволяют надежно связать производство сейминско-турбинских бронзовых изделий с конкретными территорией и культурой.

На поселении Черноозерье VI, расположенном на надпойменной террасе левого берега р. Иртыш в 1 км к северо-востоку от д. Черноозерье в Саргатском р-не Омской обл., найден обломок формы для отливки копья – фрагмент керамической створки с рабочей камерой и разъемом. Он находился среди производственного мусора из литейной мастерской, которая располагалась на краю надпойменной террасы [Кондратьев, 1974, с. 18]. Поскольку поселение является многослойным [Стефанова, Стефанов, 2007], вполне возможно, что форма относится к кротовской культуре.

На поселении Абрамово-10 найдены два обломка глиняных литейных форм для отливки кельтов. Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Омь, в 5 км к ЮЗ от г. Куйбышева в Куйбышевском р-не Новосибирской обл. [Молодин, 1985, с. 35] (рис. 1). Одна находка – фрагмент средней части створки с участком боковой стенки рабочей камеры и разъема (рис. 2, *1*). Форма изготовлена из формовочной массы, состоящей из глины и калиброванного песка среднего размера. Формовка производилась по модели на подмодельной плите, отпечаток которой сохранился на плоскости разъема. Судя по рабочей камере формы, отлившийся в ней кельт в средней части тулова был шестигранный в сечении и клиновидный в профиле (рис. 2, *2*). На линии схождения боковой и лицевой граней кельта на обломке сохранились следы ребра жесткости. По схождению плоскостей стенок рабочей камеры и разъема формы можно предположить, что высота кельта не превышала 8,7 см. На внешней стороне формы прослежены примыкающие к разъему две глубокие наклонные риски, которые служили ориентиром в процессе отцентровки формы при соединении створок. Такие нарезы характерны для литейных форм кротовской культуры этого периода. Они выявлены, например, на формах из могильников Тартас-1 и Сопка-2 [Там же, рис. 28, *1, 5*], а также на формах синхронных культур Сибири [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 46–47; рис. 2, *1, г*; 3, *1, в, е*].

Обломок другой формы – верхняя часть створки с литниковым каналом и рабочей камерой (рис. 3, *1*). Створка изготовлена из формовочной массы, состо-

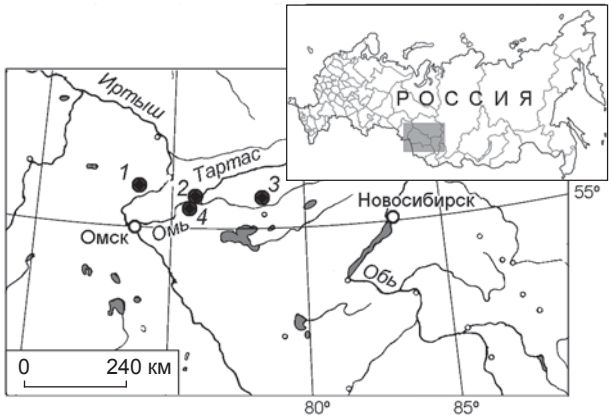


Рис. 1. Поселения кротовской культуры с литейными формами для отливки бронзовых изделий сейминско-турбинского типа.
1 – Черноозерье VI; *2* – Венгерово-2; *3* – Абрамово-10; *4* – Старый Тартас-1.

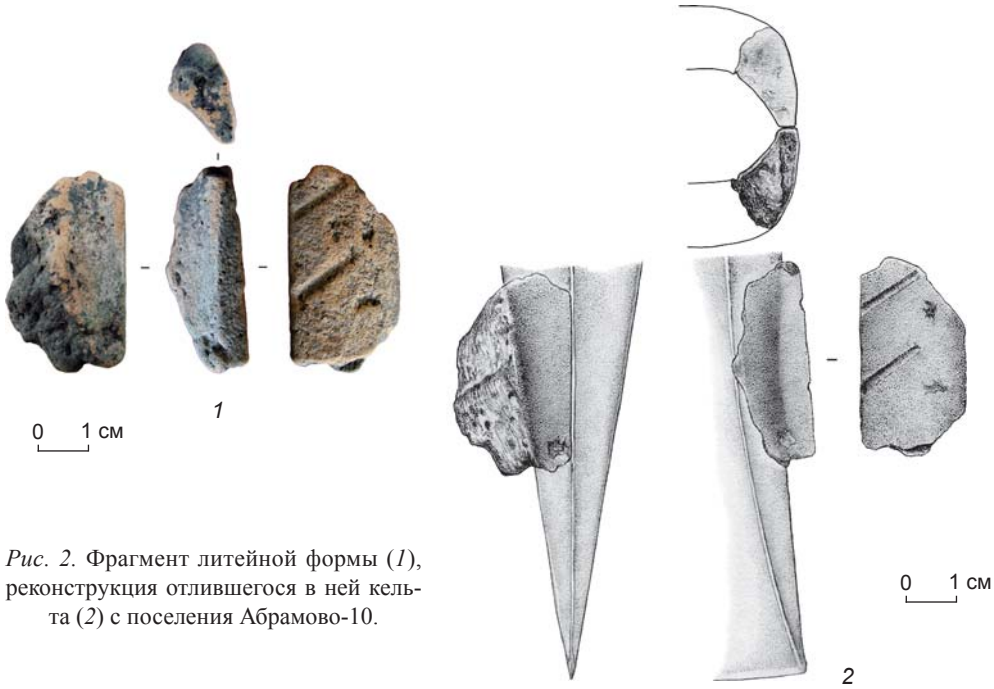


Рис. 2. Фрагмент литейной формы (*1*), реконструкция отлившегося в ней кельта (*2*) с поселения Абрамово-10.

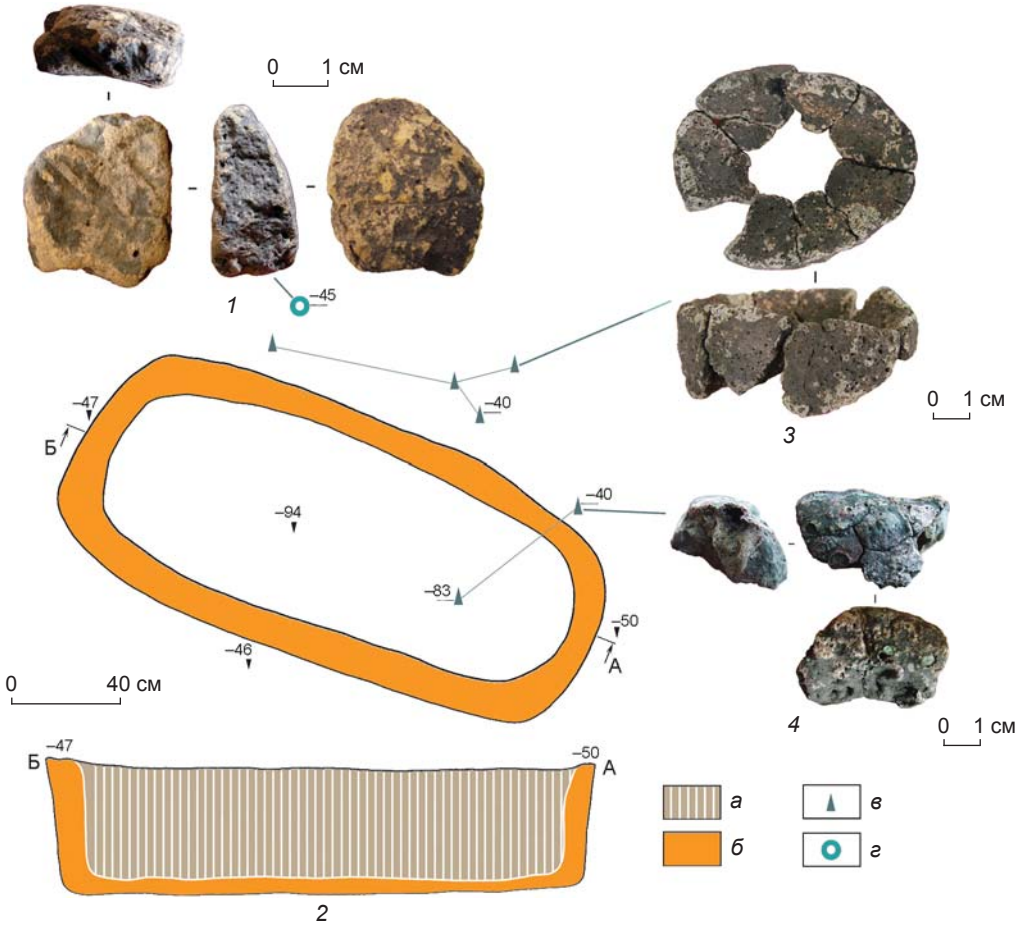
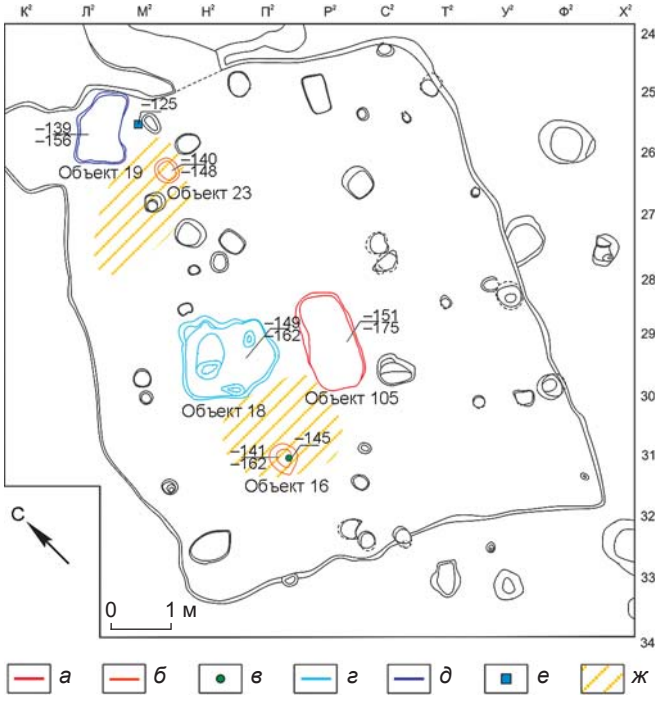


Рис. 3. Фрагмент литейной формы (*1*), план и разрез очага (сооружение Б) (*2*), литейные тигли (*3*, *4*) с поселения Абрамово-10.

а – темно-серый суглинок с включениями пепла и сажи; *б* – прокаленная глина; *в* – фрагмент тигля; *г* – фрагмент литейной формы.

1



2

Рис. 4. Общий вид (*1*) и план (*2*) жилища № 7 с поселения Венгерово-2.

а – очаг; *б* – теплотехнические сооружения – горны; *в* – капля бронзы; *г* – яма для хранения золы; *д* – хозяйственная яма; *е* – каменная форма для отливки кельта; *ж* – места распространения технической керамики.

ящей из глины с примесью калиброванного песка и кальцинированных дробленых костей. На рабочей камере формы сохранился фрагмент рельефа, украшавшего отливку. Он состоит из пояска наклонных штрихов между двумя горизонтальными линиями, образующими своеобразную лесенку – орнаментальный элемент, характерный для сейминско-турбинских кельтов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 46].

Рассматриваемые обломки форм были найдены на участке бронзолитейного производства, расположенном в межжилищном пространстве поселения Абрамово-10. Его производственные сооружения включали плавильный очаг (рис. 3, *2*) и хозяйственную яму для отходов. Очаг (сооружение Б) представлял собой прямоугольную яму, ориентированную длинной осью по линии СЗ – ЮВ [Соболев, 1984]. Ее размеры 2,0 × 0,89 м, глубина 0,47 м. Отвесные стенки и ровное дно ямы покрыты слоем прокаленной глины мощностью до 0,14 м. Заполнение состояло из темно-серого суглинка с включениями сажи, золы и комочков прокаленной глины. В непосредственной близости от очага и в его заполнении обнаружены обломки не менее чем семи тиглей (рис. 3, *3*, *4*), один из них реставрирован (рис. 3, *3*). Хозяйственная яма (№ 124) расположена в 0,8 м к СВ от очага. Она подовальной формы, размерами 1,7 × 0,9 м, глубиной 0,24 м. Стенки ямы отвесные, дно ровное. В заполнении зафиксированы фрагменты керамики и костей, ошлакованные обломки тигля.

Наиболее яркой находкой является обломок формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа с поселения Венгерово-2 [Молодин и др., 2015, рис. 1], расположенного на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. [Молодин, Полосьмак, 1978; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. Изделие обнаружено на уровне пола жилища № 7 [Молодин и др., 2015, с. 323–324, рис. 1, *2*] (рис. 4). Находка представляет собой обломок каменной литейной формы для отливки кельта (рис. 5). Форма изготовлена из темно-серого мягкого (твердость 2 по шкале Мооса) мергеля. Сохранились часть рабочей камеры и разъем створок. Судя по следам на форме, все ее основные полости сначала были на-

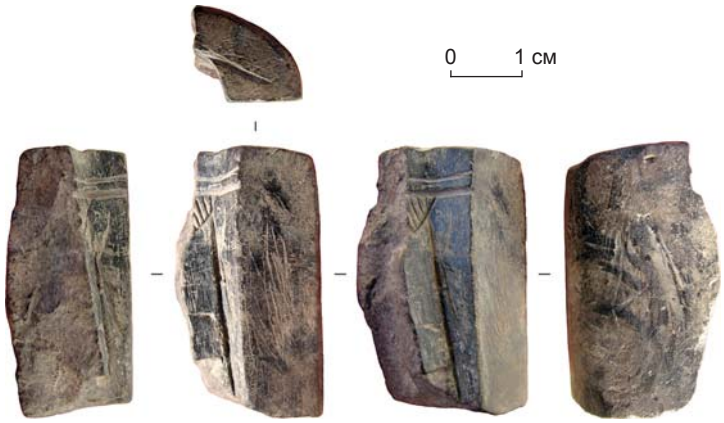


Рис. 5. Фрагмент литейной формы из жилища № 7 поселения Венгерово-2.

мечены на выровненной поверхности заготовки в виде контура, а затем вырезаны ножом в технике, близкой к резьбе по дереву. Например, на поверхности всех углублений, формирующих рельефный орнамент, хорошо видны следы двусторонней подрезки концом лезвия ножа. Спинка створки, которой сначала ножом была придана округлая форма, слегка подработана крупнозернистым абразивом. Такая технология изготовления формы характерна для сейминско-турбинской литейной традиции. Признаки ее применения имеются на ряде изделий из мягкого камня, например, на тальковой форме из погр. № 282 могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, рис. 397], на известняковой форме из скопления артефактов, обнаруженного около мог. 21 могильника Ростовка (г. Омск) [Матющенко, Синицына, 1988, с. 30–31, рис. 36, 37].

По негативу рабочей камеры можно реконструировать изделие, которое в ней отливали (рис. 6). Кельт, шестигранный в сечении в средней части, с туловом, клиновидным в профиле, слегка расширявшимся к лезвию, имел овально-уплощенную втулку. Судя по углу наклона стенки рабочей камеры относительно плоскости разъема формы, высота кельта не превышала 12,5–12,7 см. Втулка по краю орнаментирована двумя тонкими рельефными валиками и пояском из свисающих штрихованных равнобедренных треугольников. Сохранившаяся в форме боковая грань кельта украшена двумя глубокими прочерченными линиями, составляющими равнобедренный треугольник, основание которого обращено к плоскости разъема формы. Лицевая плоскость кельта отделена от боковых граней прочерченной линией, имитирующей ребро жесткости, типичное для кельтов сейминско-турбинского круга [Черных, Кузьминых, 1989]. По конструктивным особенностям и орнаментации находка с поселения Венгерово-2 близка к кельтам сейминско-турбинского типа [Косарев, 1970, с. 124, рис. 1, 6, 7]. Согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 46–55, рис. 10, *7*, *8*; 15, *1*; 16, *4*], данное изделие относится к разряду К-12 или К-18.

Форма разрушилась, вероятно, в результате термического воздействия. Ее рабочая камера имеет следы многократного использования в виде слоя медной окалины темно-серого цвета. Опытным путем установлено, что каменная форма может выдержать более 100 отливок [Бельтикова, 1993, с. 65; Coghlan, 1951, p. 73],

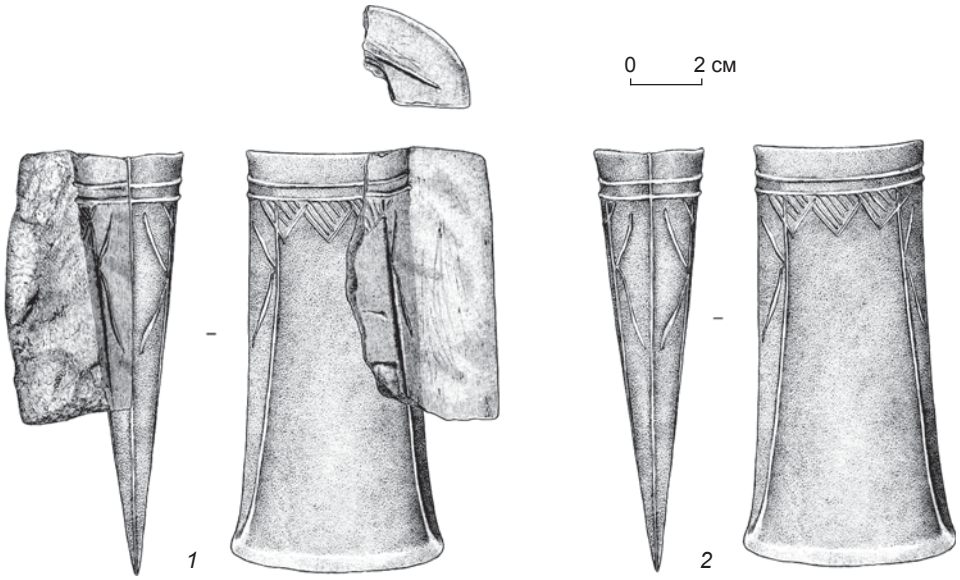


Рис. 6. Реконструкция кельта, отливавшегося в форме, из жилища № 7 поселения Венгерово-2.

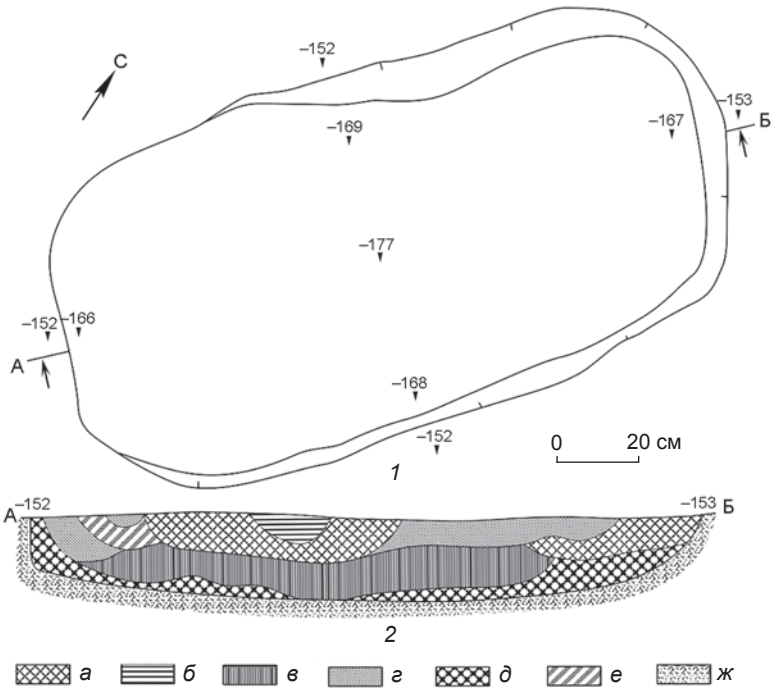
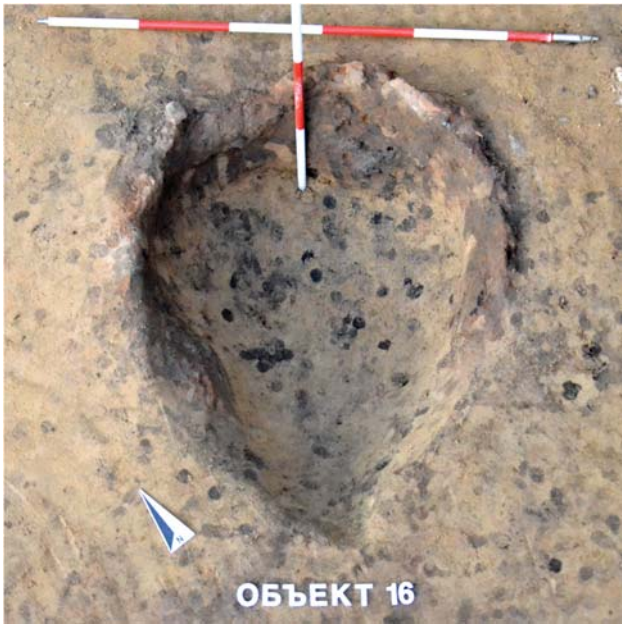


Рис. 7. План (*1*) и разрез (*2*) очага (объект № 105) жилища № 7 поселения Венгерово-2.

а – черно-серая мешаная супесь с включениями обожженной глины; *б* – серо-черная мешаная супесь; *в* – кирпично-оранжевая прокаленная супесь; *г* – светло-серая супесь; *д* – желто-серая мешаная супесь; *е* – серая золистая супесь; *ж* – «материк».

т.е. она могла использоваться в серийном производстве. Бронзолитейная мастерская, на территории которой найдено изделие, имеет признаки длительного функционирования и масштабного производства. Производственный участок занимает большую часть жилища № 7 (см. рис. 4, *2*), состоит из многофункционального очага (рис. 7), двух специализированных плавильных горнов (рис. 8, 9) и двух ям для утилизации золы и заготовки костей (рис. 10).

Очаг (объект № 105) представлял собой расположенную в центре жилища прямоугольную яму размерами 1,65 × 0,87 м и глубиной до 0,21 м, заполненную золой, прокаленной супесью, фрагментами кальцинированных костей, обломками керамики, кусочками обожженной глины, среди которых находились скол с орудия и абразив на фрагменте керамики (см. рис. 7). Очаг, судя по характеру заполнения и находкам в нем, служил как для приготовления пищи, обогрева и освещения, так и для производ-



1

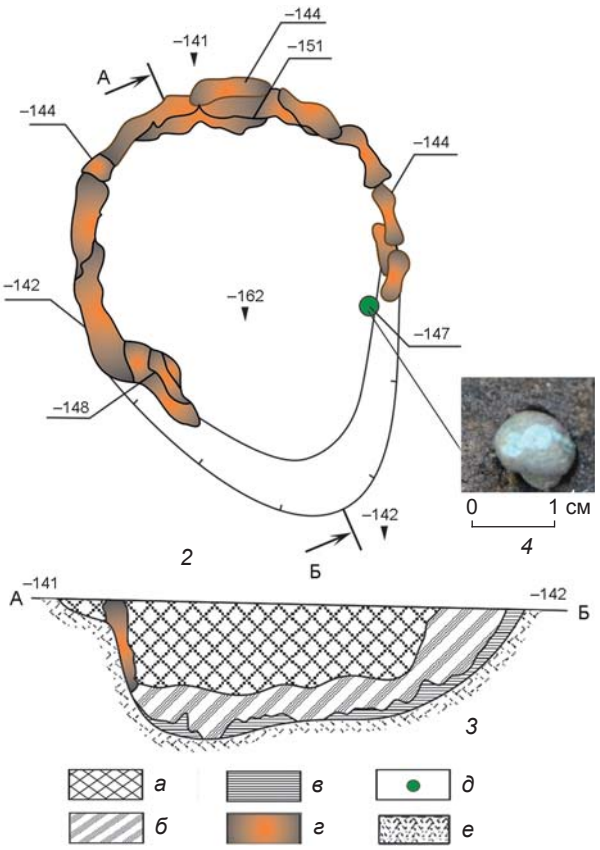


Рис. 8. Общий вид (*1*), план (*2*) и разрез (*3*) горна (объект № 16) в жилище № 7 поселения Венгерово-2, капля бронзы из него (*4*).

а – серо-желтая мешаная супесь; *б* – темно-серая супесь с прокаленными включениями; *в* – желто-серая мешаная плотная супесь; *г* – глиняная обмазка; *д* – капля бронзы; *е* – «материк».

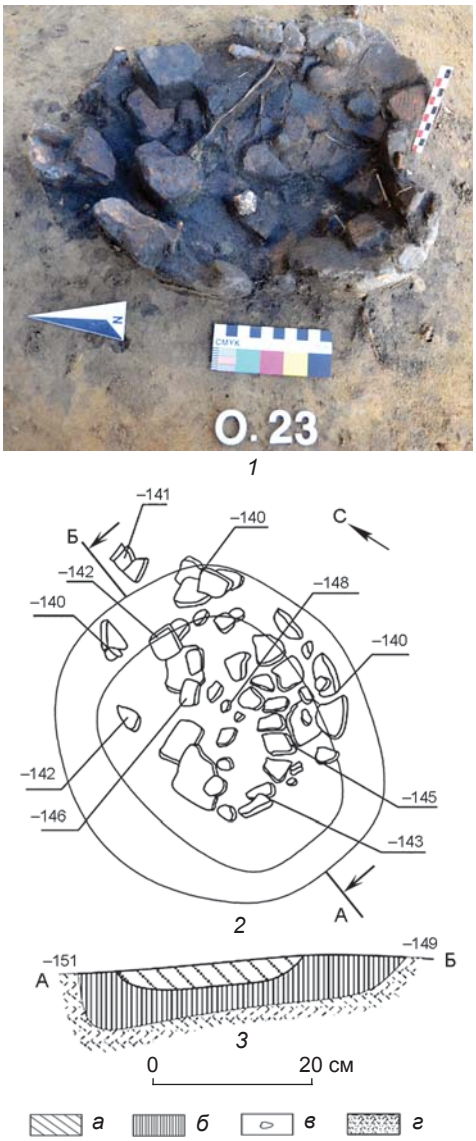


Рис. 9. Общий вид (*1*), план (*2*) и разрез (*3*) горна (объект № 23) жилища № 7 поселения Венгерово-2.
а – серо-черная супесь; *б* – желто-серая мешаная супесь; *в* – фрагмент керамики; *г* – «материк».

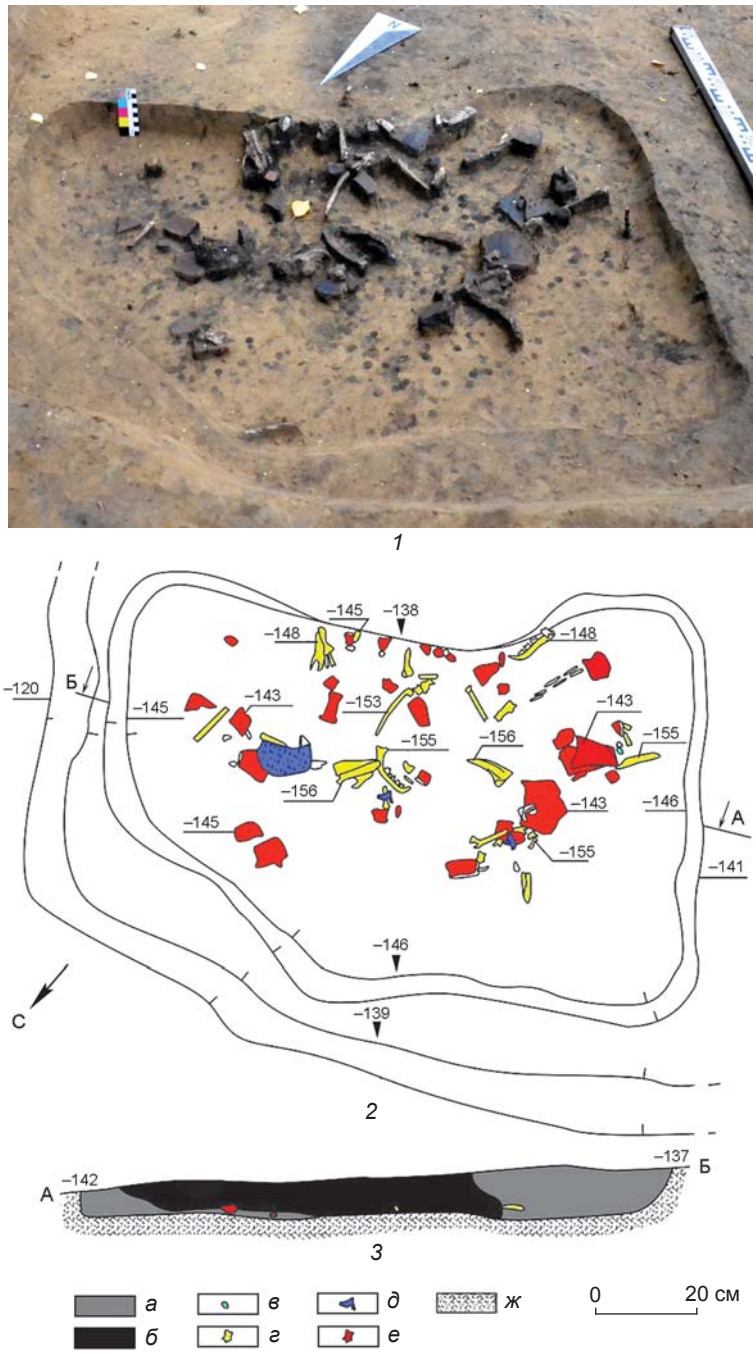


Рис. 10. Общий вид (*1*), план (*2*) и разрез (*3*) хозяйственной ямы (объект № 19) в жилище № 7 поселения Венгерово-2.
а – мешаная темно-серая супесь с вкраплениями желтого суглинка; *б* – черная прокаленная супесь; *в* – камень; *г* – фрагмент кости животного; *д* – кости и чешуя рыбы; *е* – фрагмент керамики; *ж* – «материк».

ственных операций. Он уступает аналогичным центральным очагам других жилищ по глубине и количеству находок в заполнении. Согласно стратиграфическим данным, на заключительном этапе функционирования объекта использовалась только его западная часть.

В 1 м к ЮЗ от центрального очага находился специализированный плавильный горн с облицованными глиной стенками и дном (объект № 16) (см. рис. 8). Он представлял собой небольшую яму каплеобразной формы, ориентированную длинной осью по линии С – Ю с небольшим отклонением к В. Ее размеры 0,54 × × 0,46 м, глубина 0,16 м. Северная, западная и восточная стенки ямы отвесные, южная – пологая, дно плавно понижает-

ся с юга на север. Слой глиняной обмазки (мощность до 3 см) зафиксирован на поверхности всего объекта, кроме его южной части, которая выступала за границу окружности (0,17 × 0,04 м). Северная стенка обожжена сильнее, чем другие. По всей видимости, у южного выступа были установлены меха. Подаваемый ими поток воздуха достигал противоположной стенки, что создавало область наиболее высокой температуры. В заполнении теплотехнического устройства, кроме обожженной глины и угольков, найдена капля бронзы (см. рис. 8, *3*). Применение искусственного нагнетания воздуха в металлообработке кротовской культуры подтверждается наличием сопел в погребениях могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, с. 247, рис. 394]. Горны подобного типа встречались на памятниках кротовской культуры, например, на поселении Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 75].

Другой горн (объект № 23) находился в 1,5 м к северу от вышеописанной конструкции (см. рис. 9). Он представлял собой округлую яму размерами 0,4 × × 0,38 м, глубиной 0,07 м. Северная, западная и восточная стенки ямы практически отвесные, южная – пологая, дно неровное, плавно понижается с юга на север на 5 см. Дно и стенки выложены фрагментами керамических сосудов. В заполнении обнаружен фрагмент технической керамики: мелкий обломок литейного стержня для отливки втульчатого орудия. Данный горн практически идентичен рассмотренному выше. Основным отличием является использование фрагментов бытовой керамики для футеровки дна и стенок ямы. Аналогичным образом облицованы стенки теплотехнической конструкции в жилище № 10 [Молодин и др., 2017, с. 371]. Подобное техническое решение использовалось в металлообработке не только мастерами кротовской, но и одиновской культуры [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, рис. 4].

На территории бронзолитейного производства зафиксированы ямы для утилизации золы и заготовки костей. Одна из них (объект № 18) имела форму неправильного пятиугольника с неровными наклонными стенками и округлыми углами. Ее размеры 1,55 × 1,25–1,4 м, глубина 0,13–0,17 м. Дно неровное, в центре приподнятое, в западной части углубленное. Заполнение ямы состояло из золистой супеси.

Другая яма (объект № 19) имела форму подпрямоугольника с выпуклой северной и вогнутой южной сторонами (см. рис. 10). Ее размеры 1,20 × 0,69–0,85 м, глубина 0,06–0,1 м. В заполнении ямы найдены 57 фрагментов керамики, в т.ч. венчики не менее чем четырех сосудов, кости животных, среди которых определены достоверно кости лисицы (черепные коробки и нижние челюсти, бедренные кости) и лошади (грифельная передняя), а также жаберная крышка, чешуя и кости рыбы, скол гальки.

Следы бронзолитейного производства на поселении Венгерово-2 имеются практически во всех десяти исследованных жилищах. Однако по организации производственных площадок, количеству теплотехнических устройств и характеру предметного комплекса специализированным на бронзолитейном производстве можно считать только жилище № 7.

Заключение

Наиболее полные данные о бронзовых изделиях сейминско-турбинского облика [Кузьминых, 2011] позволяют считать Среднее Прииртышье одним из регионов, наиболее насыщенных этими артефактами. Наличие свидетельств вторичной металлообработки на кротовских поселениях Венгерово-2 и Абрамово-10, удаленных друг от друга более чем на 100 км, указывает на унификацию производственной деятельности. На этих памятниках имеются однотипные производственные площадки, на которых зафиксированы теплотехнические сооружения, хозяйственные ямы и ямы для хранения отходов, теплотехнические сооружения устойчивых форм, техническая традиция создания которых восходит к предшествующей одиновской культуре Барабинской лесостепи (на памятнике Старый Тартас-5 обнаружен очаг, одна из стен которого выложена крупными фрагментами тулова керамического сосуда [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014]); однотипные тигли (рис. 11), конструкции которых отражают автохтонные традиции [Молодин, Дураков, Мыльникова и др., 2012; Дураков, Кобелева, 2017, с. 23–24]; ярко выраженные признаки серийного производства (использование многоразовых форм, рассчитанных на тиражирование изделий, которое превышало потребности населения поселков).

Наличие следов развитого бронзолитейного производства на поселенческих комплексах в Среднем При-

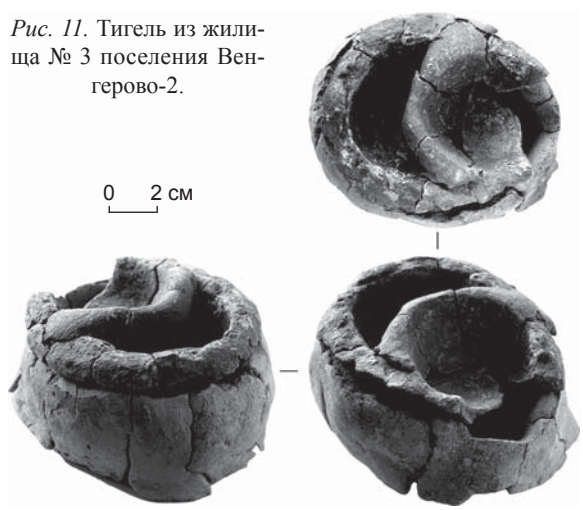


Рис. 11. Тигель из жилища № 3 поселения Венгерово-2.

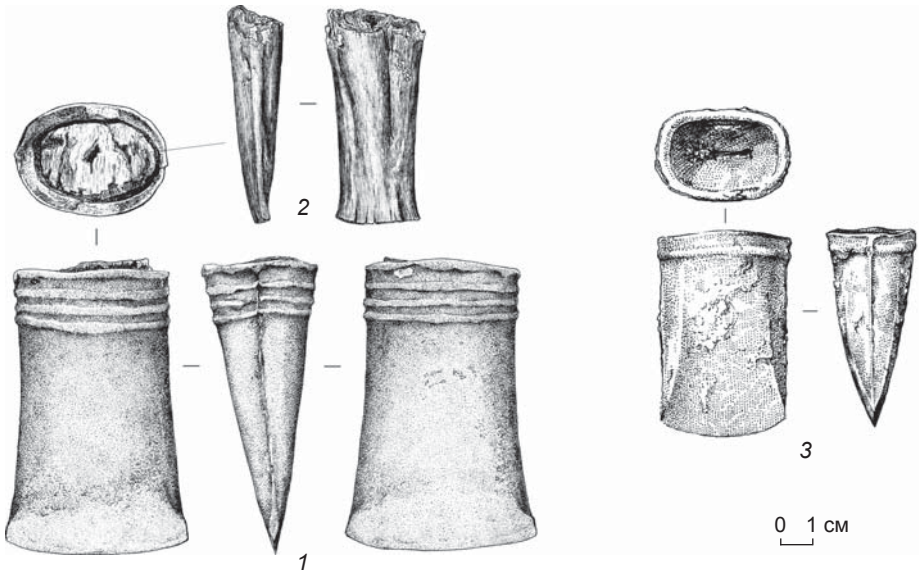


Рис. 12. Кельты (*1*, *3*) и фрагмент деревянной рукояти (*2*) с поселения Старый Тартас-1.

иртышье позволяет сделать вывод о том, что изготовлением изделий сейминско-турбинского типа, которое можно считать эпохальным явлением для этого региона, занимались не мигранты, а, несомненно, носители автохтонной кротовской культуры. В пользу данного заключения свидетельствуют и найденные на поселениях рассматриваемого периода бронзовые предметы сейминско-турбинского облика. Так, на поселении Старый Тартас-1, в культурном слое которого залегала керамика одиновской и кротовской культур [Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005], обнаружены два бронзовых кельта, относящиеся, бесспорно, к изделиям сейминско-турбинского облика. Один кельт, во втулке которого сохранился фрагмент деревянной рукояти (рис. 12, *1, 2*), относится, согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, к разряду К-4 или К-6 [Молодин, Дураков, Софейков и др., 2012]. К этому же разряду следует причислить другой кельт, найденный в 2017 г. (рис. 12, *3*). В отличие от предыдущего, он меньше по размерам, имеет выраженные ребра жесткости и рельефный валик по верхней кромке.

Важнейшую роль в проникновении, распространении и адаптации сейминско-турбинской традиции играли, вероятно, Иртыш и его притоки. Истоки этой традиции, очевидно, следует искать в верхнем течении Иртыша. Косвенными свидетельствами в пользу данного предположения могут служить изделия сейминско-турбинского типа, обнаруженные в Синьцзяне [Молодин, 2017; Молодин, Комиссаров, Ван Пэн, 2017; Mei, 2009, fig. 3, *1–3*].

Появившиеся на территории Среднего Прииртышья изделия сейминско-турбинского облика, являвшиеся лучшими образцами передовых технологий, стали достоянием мастеров – представителей автохтонных одиновской и кротовской культур. Местные металлурги, опираясь на собственные традиции бронзолитейного производства, по этим образцам изготавливали аналогичные изделия. Источниками сырья для западно-сибирского населения ввиду отсутствия своей рудной базы служили месторождения на территории современного Восточного Казахстана, Рудного Алтая, и, возможно, еще более южных районов Центральной Азии.

Благодарность

Работа выполнена на средства гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00406).

Список литературы

Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 38–75.

Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 49. – С. 23–25.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 43–52.

Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1974. – Вып. 15. – С. 17–19.

Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1970. – С. 116–132.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. – 2011. – Вып. 125. – С. 240–262.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Том. гос. ун-т, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские проявления в Центральной Азии и в Китае // Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: the VIII Intern. Academic Conf. – Changchun, 2017. – P. 337–347.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. – 451 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Археология и этнография. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 104–119.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софейков О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 226–230.

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Ван Пэн. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – С. 715–716.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е. Новые данные по многослойному поселению Старый Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 406–409.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Борзых К.А., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ковыршина Ю.Н. Проявление сейминско-турбинского феномена на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 321–325.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Борило Б.С. Венгерово-2: новые данные по кротовской культуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 368–372.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Археология и этнография. – 2014. – Т. 13, вып. 3. – С. 110–125.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1978. – С. 17–29.

Соболев В.И. Отчет о работе Барабинского отряда Новосибирской археологической экспедиции. 1984 // Архив ИА РАН. № 11723.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Ур. гос. ун-т, 1988. – С. 53–75. – (Вопросы археологии Урала; вып. 19).

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии Урала и Западной Сибири: к 70-летию Т.М. Потемкиной. – Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2007. – С. 84–93.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Черных Е., Наваррете М.И.М. Древняя металлургия в глубинах евразийских степей. Расцвет и коллапс производственных систем // Достояние поколений. – 2011. – № 1 (10). – С. 18–27.

Coghlan H.H. Notes of the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World // Occasional Papers of Technology. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1951. – N 4. – 131 p.

Mei J. Early Metallurgy in China: Some Challenging Issues in Current Studies // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and beyond: Proc. of the 6th Intern. Conf. on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys (BUMA VI). – Beijing; L., 2009. – P. 9–16.

Материал поступил в редколлегию 04.02.18 г.,
в окончательном варианте – 28.03.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.059-065
УДК 903.05

А.П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Створка металлической литейной формы (кокиля) сейминско-турбинского времени из Верхнего Прииртышья

Целью публикации является введение в научный оборот уникальной находки – створки металлической формы (кокиль) для изготовления трех втульчатых наконечников дротиков эпохи развитой бронзы (сейминско-турбинского времени) из Верхнего Прииртышья. Во-первых, литье в металлические формы (кокили) относится к специальным способам, имеющим ограниченное распространение даже в настоящее время. Во-вторых, эта технология, появившись еще в эпоху палеометалла, была впоследствии утрачена на длительное время. В-третьих, наличие литья в кокили является определенным критерием прогрессивности и производительности бронзолитейного производства. Литниковая система створки металлической формы из Верхнего Прииртышья относится к типу ступенчатой заливки металла (сверху, снизу) и является створчатым кокилем с вертикальным разъемом. Технология литья металлических наконечников сохранялась в Евразии вплоть до раннего железного века. В ходе проведенных исследований установлено, что на территории юга Западной Сибири литье дротиков в металлических формах (кокилях) появилось достаточно рано и относится к эпохе развитой бронзы. Именно в эту эпоху бронзолитейное производство, представленное разнообразной литейной оснасткой (из металла, камня, глины и органических материалов) получает наиболее широкое распространение в Евразии. Вероятно, из Верхнего Прииртышья, включая Западный Алтай, на юг Западной Сибири распространялись исходные образцы литейных форм и изделий, которые на месте тиражировались в менее ценных и технологичных материалах (глина).

Ключевые слова: *Верхнее Прииртышье, сейминско-турбинское литейное производство, металлические литейные формы (кокили).*

A.P. Borodovsky
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

A Half of a Metal Bipartite Mold of the Seima-Turbino Period from the Upper Irtysh Region

We describe a rare find—part of a Middle Bronze Age bipartite metal chill mold from the Upper Irtysh basin, used for casting three socketed javelin heads of the Seima-Turbino type. The use of metal molds (chill molds) for bronze casting is a sophisticated technique that is rather rare even at the present time. Having originated in the Bronze Age, it was subsequently abandoned for a long time. Chill molds indicate an advanced and efficient bronze casting. In terms of the gate system, the specimen is a hinged vertically split chill mold. In Eurasia, the technique of casting javelin heads in chill molds was practiced until the Early Iron Age. In Western Siberia, it originated no later than the Middle Bronze Age. At that time, bronze casting in molds made of metal, stone, clay, and organic materials was highly developed. Apparently, the Upper Irtysh basin, including western Altai, was the region from whence prototypical metal molds had spread and were subsequently replicated in less valuable and less technologically efficient materials such as clay.

Keywords: *Upper Irtysh, Seima-Turbino, bronze casting, metal molds (chill molds).*

© Бородовский А.П., 2018

Введение

Материал, из которого сделана форма, определяет тот или иной способ литья. В эпоху бронзы существовало четыре основных способа: литье в каменную, глиняную или глиняно-земляную форму, литье по выплавляемой модели, а также с использованием металлических форм (кокилей). Кокиль (фр. coguille – «раковина, скорлупа») – разборная форма из металла, способная выдерживать целую серию заливок (от сотни до нескольких тысяч). Первые металлические формы появились уже в эпоху развитой бронзы. В различных регионах Евразии известны бронзовые формы для изготовления кельтов и топоров [Гришин, 1971, с. 11–14; Чернецов, Мошинская, Талицкая, 1953, с. 123–127; Соловьев, 2003, с. 40, рис. 33; Wang, Ottaway, 2004, p. 37]. Металлические литейные формы активно использовались и в раннем железном веке, но исключительно для отливки наконечников стрел предскифских и скифских типов VIII–IV вв. до н.э. (рис. 1). Такие предметы найдены в разных регионах Евразии, но основное их количество – на территории лесостепной Украины*.

В археологической литературе до сих пор продолжается дискуссия о функциональном назначении металлических форм. Существуют две точки зрения. Одни исследователи считают, что такие формы были собственно кокилями, т.е. в них непосредственно заливали металл, по мнению других, они использовались как пресс-формы для получения восковых отливок [Wang, Ottaway, 2004, p. 37]. В середине прошлого века при публикации Новочеркасского клада (лесостепная Украина) А.А. Иессен предположил, что створка бронзовой литейной формы (кокиля) из него (рис. 1, *1*) предназначалась для отливки наконечников стрел или же их восковых моделей [1953, с. 50]. В то же время Л. Ундервуд, анализируя целую литейную форму из Мосула (Северный Ирак) (рис. 2), пришел к выводу, что она является пресс-формой для изготовления восковых моделей наконечников стрел [Underwood, 1958, p. 17–22]. Эту точку зрения последовательно и категорично оспаривал Б.А. Шрамко: «Предположение Л. Ундервуда о том, что хорошая сохранность мосульской формы объясняется использованием ее лишь для получения промежуточных восковых моделей наконечников стрел, трудно признать убедительным. Для изготовления бронзовых наконечников эти модели не нужны. Отливка в литейной форме (кокили) восковых моделей ничем не могла улучшить процесс изготовления бронзовых наконечников в данной форме, сделать рентабельной ее использование» [2002, с. 165].

Рис. 1. Кокили для отливки наконечников стрел эпохи раннего железа из лесостепной Украины.
1 – створка литейной формы из Новочеркасского клада; *2* – деталь сложносоставной формы из западного укрепления Бельского городища.

Рис. 2. Кокиль из Мосула (Северный Ирак).
1 – детали формы; *2* – форма в сборе.

За Уралом к числу таких немногочисленных артефактов кроме кокилей с Иткульского городища (Челябинская обл., Верхнеуфалейский р-н, д. Даутово, северный берег оз. Иткуль) [Бельтикова, 1993, с. 54, рис. 6; 7, *1–13*] относится створка металлической формы для трех наконечников из Верхнего Прииртышья (рис. 3*, 1, 2*).

В целом в эпоху металла развитие кокильного литья в Евразии было дискретно. После эпохи раннего же-

---

*Выражаю искреннюю признательность канд. ист. наук М.А. Дараган (Институт археологии НАН Украины (г. Киев)) за исчерпывающие консультации по вопросам распространения кокилей в скифское время.

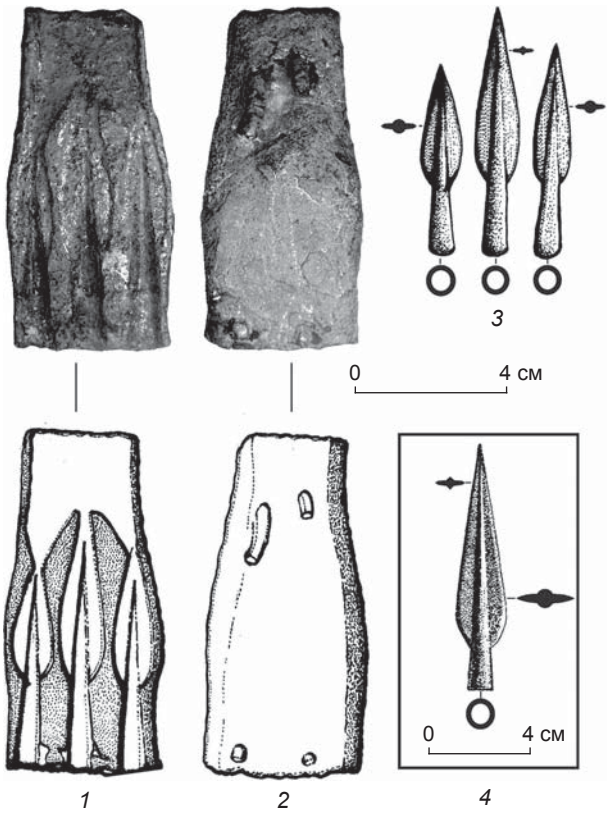


Рис. 3. Створка металлической формы (кокиль) из Верхнего Прииртышья (*1, 2*), рисунки оттисков наконечников по этой форме (*3*) и бронзовый наконечник с памятника Сопка-2 в Барабинской лесостепи (*4*) [Молодин, 1985, с. 59, рис. 28, *1*].

леза эта технология была утрачена на длительное время и возродилась только в XVII столетии [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 8].

Описание находки

Состав металла створки определялся методом элементного анализа на электронном микроскопе Hitachi TM 3000 с энергодисперсионной приставкой Brucer Quantax 70 (оператор М.М. Игнатов). Замеры производились на одном из нижних (укороченном) литников и на внутренней поверхности литейной формы (см. *таблицу*, соответственно образцы 1 и 2). На участке литника, не покрытом окислами, содержание меди составляло до 65,47 %, а на внутренней поверхности формы с обильными окислами, а также черными пятнами и вкраплениями какого-то вещества – всего лишь 42,21 %. Учитывая эти данные, можно заключить, что предмет был изготовлен преимущественно из медного сплава, который до сих пор используется для производства кокилей [Иванов, Карпенко, 1999, с. 182].

Размеры створки литейной формы из Верхнего Прииртышья 9 × 4 × 3 см, толщина стенок от 2 до 4 мм, масса 119,5 г. Соответственно, масса полного комплекта деталей литейной оснастки должна была составлять 239 г. Следует подчеркнуть, что на створке кокиля сохранились признаки ее отливки – четыре питателя (литника) на внешней стороне. Судя по их расположению, при изготовлении створки заливка металла велась с противоположной стороны относительно устья самого кокиля, которое использовалось впоследствии для отливки серии наконечников. Литники внизу створки были срублены почти полностью, а вверху частично сохранились (рис. 3, *2*). Расположение этих остатков питателей позволяет определить тип литниковой системы металлической формы из Верхнего Прииртышья. Оно характерно для заливки через несколько (четыре) самостоятельных литников [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 109, рис. 4, *12*, *е*].

Результаты энергодисперсионного анализа состава металла

Химический элемент	Образец 1	Образец 2
Cu	65,47	42,21
C	5,53	24,18
O	6,44	21,06
Si	0	4,4
S	1,5	2,6
Sn	6,96	2,16
Ca	0	1,36
Al	0	0,74
Fe	0	0,37
Cl	14,09	0,36
Ph	0	0,33
Mg	0	0,24

Поскольку на рабочей поверхности формы отсутствуют специальные штифты и углубления для них, необходимые для тщательного совмещения створок при заливке металла в кокиль, возможно, их функцию выполняли четыре выступающие наружу стержня-литника, оставшиеся от предшествующей технологической операции (отливки формы). Присутствие этих элементов на внешней поверхности кокиля не подразумевало наличие специальной зажимной обоймы для рабочей стяжки формы. Такая деталь имеется в литейном комплекте из Мосула (см. рис. 2).

Литниковая система верхнеиртышской кокильной полуформы для отливки наконечников представлена литниковой чашей размером 2,7 × 2,5 × 0,8 см, от которой отходят три стояка для распределения металла в каждую из трех формообразующих поло-

стей (см. рис. 3, *1*). Литейные стержни для получения втульчатых насадов наконечников располагались в нижней части кокиля. Они, очевидно, были неподвижно закреплены в специальном поддоне-ванночке, как и на форме из Мосула (см. рис. 2). Величина литейных (запирательных) стержней верхнеиртышского кокиля для отливки наконечников различных размеров должна была составлять от 5,0 до 5,5 см.

В целом створка кокиля из Верхнего Прииртышья по своим конструктивным особенностям имеет определенное сходство с раннескифскими металлическими формами для отливки наконечников стрел из Новочеркасского клада и Мосула, датируемыми не позднее первой трети I тыс. до н.э.

Обсуждение

Кокиль обычно состоит из двух полуформ, которые фиксируются штырями (фиксаторами) (см. рис. 1) и перед заливкой металла закрепляются замками. На створке металлической формы из Верхнего Прииртышья эти приспособления, вероятно, вследствие ее архаизма, еще отсутствуют (см. рис. 3, *1*). Более поздние (раннескифского и скифского времени) кокили, известные на Северных Балканах, в Греции, Северном Причерноморье, лесостепной Украине, Северном Ираке и на Южном Урале, уже имеют такую деталь, необходимую для жесткой фиксации створок форм [Woolley, 1921, p. 89; Иессен, 1953, с. 50, рис. 1, 7; Зеленин, 2011, с. 231–232; Шрамко, 2002, с. 163, рис. 1, 2; Штітельман, 1947, с. 161, рис. 1, 4; Фурманська, 1958, с. 42, табл. 1, 6; Robinson, 1941, p. 410–411, tabl. CXXVI, 2139; Romsauer, 2004, S. 401, Tabl. I, *1*].

При отливке втульчатых наконечников внутри створок кокиля должен располагаться литейный (запирательный) стержень. В скифское время (вторая треть I тыс. до н.э.) в Северном Причерноморье, лесостепной Украине и на Южном Урале известна целая серия металлических стержней для индивидуальной отливки наконечников [Штітельман, 1947, с. 161, рис. 1, *1*; Мурзин и др., 1997, с. 11, рис. 11, *1, 8*; Ольговський, 2011, с. 137, рис. 54, *4*, с. 149, рис. 62; Фурманська, 1958, с. 43, табл. I, *5*; Крутилов, 2006]. В этой связи следует подчеркнуть, что если в материалах раннего железного века представлены в основном отдельные формы с одним запирательным стержнем, то для эпохи развитой бронзы (на примере створки кокиля из Верхнего Прииртышья) можно констатировать наличие нескольких литейных стержней, жестко закрепленных на специальном поддоне-ванночке. Позднее такая деталь представлена на металлических формах раннескифского времени из Новочеркасского клада и Мосула (см. рис. 1, *1*; 2). Следует подчеркнуть, что эта конструктивная особенность кокиля является его отличительным признаком, по сравнению с металлическими формами для литья по восковым моделям наконечников стрел скифской эпохи. Попутно необходимо заметить, что металлические (медные) литейные стержни (сердечники) использовались с каменными литейными формами. Например, как это представлено в материалах Иткульского городища на Южном Урале [Бельтикова, 1993, с. 54]. Расположение ряда литейных (запирательных) стержней внизу кокилей из Верхнего Прииртышья и Мосула свидетельствует о заливке металла в форму под действием силы тяжести. В современных условиях, при литье в кокиль под давлением, литейный стержень располагается в верхней части формы.

Еще одним свидетельством использования металлических форм как кокилей является наличие антипригарного покрытия на внутренних поверхностях. Оно предохраняет от резкого термического удара при заливке металла и схватывания отливки с формой. Кроме того, при литье в металлическую (бронзовую или медную) форму скорость кристаллизации сплава очень значительная. В качестве антипригарного материала могли использовать, например, сажу или тальк. Ранее все каменные литейные формы обязательно покрывали таким материалом. Наличие темного, возможно, антипригарного покрытия зафиксировано на бронзовой двустворчатой форме для отливки скифских наконечников из Симферополя в Крыму [Зеленин, 2011, с. 231–232].

Для защиты кокиля от резкого воздействия высокой температуры при заливке металла необходимо огнеупорное покрытие. Этот защитный слой также предохраняет рабочую поверхность формы от оплавления и схватывания с отливкой. В современных условиях в состав огнеупорного покрытия, предназначенного для медных сплавов, входит графитовый порошок, смешанный с вареным маслом или его заменителями [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 192]. Толщина этого слоя во многом определяет скорость охлаждения отливки внутри кокиля. Оттиск, сделанный моделировочной резиной с рабочей поверхности металлической литейной створки из Верхнего Прииртышья, позволил установить наличие на ней черно-серого порошкообразного вещества, которое, возможно, являлось огнеупорным покрытием. Энергодисперсионный анализ этого вещества показал, что в его состав из органогенных химических элементов входит фосфор (0,33 %). Для нанесения такого огнеупорного покрытия в современных условиях кокиль необходимо разогреть до 150–280 °С. В дальнейшем его еще раз нагревают до рабочей температуры, зависящей от состава заливаемого сплава, толщины стенок отливки и ее размеров.

В зависимости от конфигурации отливаемых изделий кокили могут быть цельными (неразъемные) и разъемными. Последние подразделяются на створ-

чатые и с параллельным разъемом створок. Разъемные металлические формы применяются для литья сложных изделий, которые имеют части, затрудняющие удаление отливки из кокиля путем вытряхивания [Зотов, 1988, с. 271, рис. 142, *б*]. Исходя из этих конструктивных и функциональных принципов кокиль из Верхнего Прииртышья можно отнести к створчатым с вертикальным разъемом. В верхней части формы располагалась достаточно большая литейная емкость. Ее объем явно связан с необходимостью заливки значительного количества жидкого металла, предназначавшегося для изготовления нескольких наконечников. Следует обратить внимание и на саму форму створки кокиля из Верхнего Прииртышья. Кокили для индивидуальной отливки наконечников раннескифского и скифского времени имеют совершенно другие очертания. Наиболее ранние литейные формы этой эпохи цилиндрические. Далее наряду с ними появляются бутылочные и постепенно наблюдается переход к коническим.

При литье в кокиль металл охлаждается быстрее, чем в формах из других материалов, поэтому питатели его литниковой системы делают значительно большими в сечении [Там же, с. 272]. Однако для кокиля из Верхнего Прииртышья такая особенность не характерна. У него литники, как и на створке из Новочеркасского клада, непосредственно совмещены с втулками будущих отливок наконечников. Возможно, такая морфологическая особенность рельефной и значительно выступающей за поверхность пера втулки во многом была обусловлена технологией литейного производства, а не только соображениями жесткости конструкции предмета. Следует еще заметить, что высокая скорость охлаждения металла в кокиле способствует получению плотных отливок с мелкозернистой структурой. Это существенно повышает прочность и пластичность металла полученных изделий. Такие механические качества крайне важны для наконечников. Указанные технологические особенности лишний раз свидетельствуют об их неразрывной связи с типологическими характеристиками готовых изделий.

Прогрессивность кокильного литья в эпоху развитой бронзы подтверждается целым рядом известных из современной практики преимуществ кокилей по сравнению с литейной оснасткой из других материалов, включая камень и глину [Там же, с. 27; Иванов, Карпенко, 1999, с. 180, 182; Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 190]. Во-первых, это бóльшая прочность металлической формы, позволяющая более тщательно прорабатывать ее рабочую поверхность. Во-вторых, литье в кокиль дает возможность достигать более высокого качества отливок. В-третьих, оно позволяет добиваться существенно лучших для традиционного литейного производства результатов в массовости продукции, поскольку благодаря высокой теплопроводности металлической формы отливка в ней быстрее затвердевает, что повышает скорость и производительность литейного процесса. В-четвертых, при кокильном литье требуется минимальная механическая обработка поверхностей готовой отливки. Наряду с этим следует указать и недостатки использования кокилей в литейном производстве. К ним относятся дороговизна и трудоемкость изготовления, плохая заполняемость тонкостенных отливок, возможность возникновения трещин на готовых изделиях [Зотов, 1988, с. 271; Иванов, Карпенко, 1999, с. 180; Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 191]. Однако для технологии и масштабов литейного производства эпохи развитой бронзы преимущества использования кокилей для тиражирования металлических наконечников явно были более значительными по сравнению с их недостатками. Тем более что кокильное литье по своей производственной сути является трудо- и материалосберегающей эффективной технологией. Сложность изготовления и высокая стоимость кокилей во многом определяют ее эффективность только в серийном, массовом производстве отливок. Наконечники для такой производственной деятельности являются идеальным объектом.

Конфигурация рабочих полостей кокиля из Верхнего Прииртышья достаточно информативна для культурно-хронологической атрибуции как самой формы, так и возможных отливок (см. рис. 3, *3*). Оттиск с рабочей поверхности створки позволил получить модели трех втульчатых наконечников различного размера. Длина изделий варьирует от 6 до 7 см, ширина пера – от 1,0 до 1,2 при ширине втулки 0,9 см. Массивность этих предметов позволяет атрибутировать их как наконечники дротиков. Керамическая форма для отливки подобного наконечника (см. рис. 3, *4*) известна среди сопроводительного инвентаря одного из кротовских погребений (кург. 14, погр. 2) некрополя Сопка-2 в лесостепном Обь-Иртышском междуречье [Молодин, 1985, с. 59, рис. 28, *1*]. По морфологии эти изделия близки к наконечникам копий сейминско-турбинского облика [Там же, с. 60]. Такое масштабированное воспроизводство общей формы и пропорций последних в наконечниках дротиков может быть связано с определенным приоритетом метательных орудий эпохи развитой бронзы над стрелковым вооружением (луком).

Конструктивно все наконечники, отливавшиеся в литейной форме из Верхнего Прииртышья, втульчатого типа. В этой связи следует отметить, что к востоку от Волги, включая лесостепное и степное Обь-Иртышское междуречье, в эпоху поздней бронзы наряду с втульчатыми были распространены еще черешковые [Там же, с. 125, рис. 63, *5*; Бородовский, Софейков, Колонцов, 2002], тогда как в Северном Причерноморье в раннескифское время бытовали исключительно втульчатые. Очевидно, это связано с технологическим фактором. Он обусловлен особенностями конструкции литейных форм. В отличие

от втульчатых изделий, черешковые отливались в формах без литейных стержней (сердечников).

Особое внимание следует обратить на явно разные размеры наконечников дротиков, производимых одномоментно в кокиле из Верхнего Прииртышья (см. рис. 3, *3*), что противоречит умозрительным типологическим построениям об их возможном изменении на протяжении определенного времени. С одной стороны, бóльшая величина центральной полости в сравнении с двумя боковыми вполне могла быть обусловлена исключительно технологическими особенностями. Расположенная под самым центром литейной чаши, она, возможно, выполняла функции центрального стояка, поглощая основную массу металла в ходе начала его заливки. С другой стороны, отсутствие различий в размерах наконечников, отливавшихся в кокиле из Новочеркасского клада (см. рис. 1, *1*), позволяет предположить в случае с литейной формой из Верхнего Прииртышья намеренное изготовление изделий с различными характеристиками и, следовательно, синхронность бытования таких вещей.

Заключение

В рамках реконструкции процесса развития технологии и организации литейного дела в среднем бронзовом веке на территории юга Западной Сибири и сопредельных регионов нахождение ранних металлических форм (кокилей) имеет очень важное значение. Прежде всего потому, что постепенное формирование технологии литья ремесленного уровня началось именно в середине II тыс. до н.э. [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 4]. Технологическим признаком качественных изменений является появление и распространение такой специализированной и более производительной литейной оснастки, как многоразовые металлические формы (кокили) [Зотов, 1988, с. 270]. Литье в кокиль – наиболее эффективный способ. Металлические литейные формы, безусловно, являются для эпохи развитой бронзы революционным технологическим новшеством. Очевидно, что появление кокилей для отливки наконечников стрел в полной мере отвечало потребности в серийном производстве таких изделий в условиях повышения мобильности населения и конфликтности взаимоотношений древних коллективов.

Следует подчеркнуть, что литье в металлическую форму всегда относилось к специальным видам литейных технологий [Там же; Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 182]. Даже в современных условиях оно оптимально для изготовления широко распространенных изделий. Тогда как для художественных отливок кокильное литье является не только малоперспективным [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 182], но и слишком прогрессивным [Зотов, 1988, с. 270]. Судя по створке кокиля, найденной в Верхнем Прииртышье, эта передовая технологическая традиция появилась на юге Западной Сибири и ряде сопредельных территорий уже в эпоху развитой бронзы. Именно тогда складывались основные предпосылки массового тиражирования металлических изделий, включая предметы вооружения, и базовые принципы производственной специализации, получавшие отражение в литейной оснастке.

Однако такая связь на археологическом уровне представлена далеко не всегда так однозначно. Например, только в Ольвии литейная кокильная оснастка связана с производственными комплексами. В частности, из таких объектов происходят два стержня из Западного теменоса. Один найден в заполнении ямы 33 вместе с обломками льячек, сопел и затычек для них, кусками бронзолитейного, силикатного шлака и бракованными изделиями [Крутилов, 2006, с. 213]. В ботросе 12 кроме запирательного стержня находились фрагменты литейных тиглей, 79 обломков литников и большое количество бронзового шлака [Там же, с. 214]. А вот значительная коллекция фрагментов кокилей с обширной площади (более 4 875 га) Бельского городища происходит из разных частей этого грандиозного памятника, и реальный контекст их обнаружения, к сожалению, неизвестен. Более того, целый ряд подобных находок напрямую не связан с поселениями, например, створки металлических литейных форм из Новочеркасского клада и «клад» литейщика из окрестностей Бельского городища [Зеленин, 2010, с. 207, 208].

Необходимо подчеркнуть, что в погребениях эпохи развитой бронзы лесостепного Обь-Иртышского междуречья в сопроводительном инвентаре с признаками «производственной специализации» [Молодин, 1985, с. 58, 59] наиболее эффективные металлические формы (кокили) пока не обнаружены. Данный факт можно интерпретировать как еще один аргумент в пользу «вторичности» бронзолитейного производства на юге Западной Сибири во II тыс. до н.э. по сравнению с более южными сопредельными территориями, в т.ч. Верхним Прииртышьем. Очевидно, этот регион являлся одним из ключевых в плане проникновения на север образцов наиболее совершенной литейной оснастки, необходимой для массового тиражирования изделий, которые в местных условиях отливались в единичных экземплярах преимущественно в более доступных глиняных формах.

Относительно обстоятельств обнаружения створки кокиля из Верхнего Прииртышья следует заметить, что подавляющее большинство всех известных на данный момент металлических литейных форм для изготовления раннескифских и скифских наконечников стрел из лесостепной Украины – случайные находки. На юге Западной Сибири в некоторых случаях это касается и глиняных литейных форм сейминско-турбинского времени (Умна-6) [Бородовский, 1999].

Случайность обнаружения створки кокиля из Верхнего Прииртышья не умаляет исторического значения этого важного предмета. Прежде всего потому, что кокильное литье во все времена являлось не только исключительно специализированным литейным процессом, но и достаточно редким по своему территориальному распространению [Зотов, 1988, с. 270]. Кроме того, появившись в Евразии еще в эпоху палеометалла, оно было полностью утрачено на длительный период. Поэтому любые факты нахождения ранних кокилей крайне интересны и важны для реконструкции дискретности процесса развития древнего евразийского литейного дела. Более того, это один из надежных критериев технологического уровня бронзолитейного производства определенной эпохи. Не менее важно и то, что сложность и дороговизна кокилей тесно связана с производственной специализацией и профессиональным оборудованием в рамках транскультурного сейминско-турбинского феномена. Энергодисперсионный анализ состава металла, из которого была изготовлена створка металлической формы из Верхнего Прииртышья, выявил наличие олова (от 2,16 до 6,96 %), что вполне соответствует рецептуре самусько-сейминских бронз. В целом такая литейная оснастка для своего времени была уникальна и достаточно редка. Об этом красноречиво свидетельствует немногочисленность подобных находок, относящихся к эпохе бронзы на территории Евразии.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036). Благодарю М. Драган, И. Толочко и А. Дедюлькину за возможность получения фотографий литейных форм из Новочеркасского клада и Бельского городища.

Список литературы

Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 38–75.

Бородовский А.П. Исследования в Новосибирском Приобье и на нижней Катуни // АО 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 261–262.

Бородовский А.П., Софейков О.В., Колонцов С.В. Материалы поздней бронзы из северной Кулунды (Карасукский район Новосибирской области) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 14–16.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 89 с., 19 л. ил., карт. – (САИ; вып. В3-12).

Зеленин Ю. Новые формы для отливки наконечников стрел скифского типа, найденные на территории Украины в 2009 г. // Домонгол: Альманах древней культуры и искусства. – 2010. – № 1. – С. 207–211.

Зеленин Ю. Новые литейные формы, найденные на Украине // Домонгол: Альманах древней культуры и искусства. – 2011. – № 2. – С. 231–235.

Зотов Б.Н. Художественное литье. – М.: Машиностроение, 1988. – 304 с.

Иванов В.Н., Карпенко В.М. Художественное литье. – Минск: Выш. шк., 1999. – 206 с.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. – 1953. – Т. XVIII. – С. 49–110.

Крутилов В.В. Литейные формы // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь: Благотворительный фонд «Деметра», 2006. – С. 213–220. – (Материалы по археологии и этнографии Таврии; suppl. 2).

Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю. Художественное литье. – СПб.: Политехника, 1996. – 232 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Черненко Е.В. Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции. – Киев: [б. и.], 1997. – 11 с.

Ольговський С.Я. Скіфо-антична металообробка архаїчного часу. – Київ: КНТ, 2011. – 224 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2003. – 224 с.

Фурманська А.І. Ливарні форм из розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1958. – Т. VII. – С. 40–60.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая В.А. Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.

Шрамко Б.А. Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии // РА. – 2002. – № 1. – С. 163–166.

Штітельман Ф. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею // Археологія. – 1947. – Вип. 1. – С. 161–164.

Robinson D.M. Excavations at Olynthus. – Baltimore: Johns Hopkins Press (L.: Milford), 1941. – Pt. X: Metal and Minor Miscellaneous Finds: an Original Contribution to Greek Life. – XXVIII, 594 p. – (The Johns Hopkins University Studies in Archaeology; N 31).

Romsauer P. Fragment kokily na odlievanie hrotov šípov skýtskeho typu zo Smoleníc // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen: Festschrift für Jozef Vladár zum 70. Geburtstag / eds. J. Bátora, V. Furmánek, L. Veliačik. – Nitra: Archeologický ústav SAV, 2004. – S. 401–412.

Underwood L. Bronze Age Technology in Western Asia and Northern Europe. Part I // Man. – 1958. – Vol. LVIII. – P. 13–38.

Wang Q., Ottaway B.S. Casting Experiments and Microstructure of Archaeologically Relevant Bronzes. – Oxford: BAR, 2004. – 87 p. – (BAR Intern. Ser., N 1331).

Woolley C.L. Carchemish: Report on the excavations at Jerablus on behalf of the British Museum. – L.: British Museum, 1921. – Pt. II: The town defences. – 266 p.

Материал поступил в редколлегию 14.11.16 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.066-074
УДК 903.43

В.А. Борзунов
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия
E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Зотинское III городище – укрепленный центр зауральских металлургов раннего железного века

В 1974 и 1977 гг. археологи Уральского государственного университета вскрыли участки (441 м²) оборонительной системы и производственной площадки городища раннего железного века на р. Багаряк в предгорной части лесного Зауралья. Укрепленное поселение площадью 3 800 м² занимает вершину высокого (40–43 м) скалистого мыса с отвесными краями. С северо-восточной, напольной, стороны оно ограничено невысоким (до 0,7 м) каменистым валом и внешним мелким ровиком-водоотводом с одним проходом шириной ок. 2 м. Под валом зафиксирован тонкий слой погребенной почвы с обломками иткульской керамики, в насыпи – углистые супеси, прокалы и обугленные деревянные конструкции. Установлено, что в древности фортификации состояли из двухрядной бревенчатой оборонительной стены шириной ок. 2 м и встроенной в нее подквадратной (ок. 3,0 × 2,6 м) башни, в основании укрепленных щебнем, а с напольной стороны – плитами известняка. Близ вала и вдоль северо-западного края внутреннего пространства городища выявлены остатки трех глинобитных площадок для обработки меди и железа, два углубленных производственных очага, хозяйственная яма и, по-видимому, развал глинобитного металлургического горна. Данный памятник представляет собой остатки самого восточного и позднего (IV–II вв. до н.э.) сезонного укрепленного центра иткульских металлургов – аборигенов горно-лесного Зауралья. К востоку и югу от городища, в низовьях рек Синары и Караболки, находились самые западные бастионно-башенные крепости лесостепных скотоводов – носителей гороховской культуры V–II вв. до н.э. Скорее всего, именно у них строители иткульского укрепленного поселения заимствовали идею возведения оборонительной башни.

Ключевые слова: *лесное Зауралье, городище металлургов, ранний железный век.*

V.A. Borzunov
Yeltsin Ural Federal University,
Pr. Lenina 51, Yekaterinburg, 620083, Russia
E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Zotino III: An Early Iron Age Metallurgical Center in the Trans-Urals

In 1974 and 1977, an archaeological expedition from the Ural State University excavated part (441 m²) of a fortified Early Iron Age manufacturing site on the Bagaryak River near Zotino, in the forest zone of the Trans-Urals foothills. The site, measuring 80 m by 50–66 m (total area, 3800 m²), is located on a 40–43 m high cliff. Its northeastern inland side is protected by a low stone and earthen wall, preserved to the height of 0.75 m, and is delimited by a shallow outer drainage ditch. The single entrance is ~2 m wide. Under the wall, there is a thin layer of buried soil with fragments of the Itkul ceramics. Inside the wall, carbonaceous sandy loam, pieces of calx, and charred remains of wooden structures were found. Our reconstruction suggests that the original 2 m wide wall consisted of two rows of logs and a built-in square tower ~3.0 m by 2.6 m. The base of the walls and tower were strengthened with rubble, and its outer face was enforced with limestone slabs. Near the wall and along the northwestern edge of the site's inner space, remains of three adobe platforms for processing copper and iron were identified, two dug-in ovens, a utility pit and, apparently, remains of an adobe melting furnace. This is the easternmost and latest (400–100 BC) seasonal fortified metallurgical center of Itkul—an autochthonous culture in the forest zone of the eastern Ural Mountains. In the forest-steppe east and south of it, on the lower reaches of the Sinara and Karabolka rivers, the westernmost fortresses built by the Gorokhovo herders (500–100 BC) are situated—the likely source of the Itkul fortification tradition.

Keywords: *Forest zone, Trans-Urals, Early Iron Age, metallurgy, fortification.*

© Борзунов В.А., 2018

Введение

Зотинское III городище находится у границы восточного склона Урала и зауральского лесного предгорья, на левом берегу р. Багаряк (правый приток Синары), в 2 км к востоку от с. Зотина Каслинского р-на Челябинской обл. (рис. 1, 2). Памятник занимает вершину высокого (ок. 40–43 м) скалистого мыса. С юго-восточной стороны в нижней части утеса расположены известные Зотинская карстовая пещера и одноименный грот – верхнепалеолитическая стоянка.

Площадка городища подтрапециевидная, покатая, с перепадом высот до 8 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ. С трех сторон она ограничена крутыми и отвесными обрывами, с северо-восточной, напольной, – дуговидными валом и внешним рвом с проходом шириной ок. 2 м (рис. 3, *I*). Длина вала 73–75 м, ширина – 4,0–4,5, высота – до 0,75 м. Ширина канавы 2,5 м, глубина – 0,2–0,3 м. Поверхность мыса открытая, задернованная. По краям площадки культурный слой выклинивается и прослеживаются выходы скальных пород. Общие размеры памятника 80 × × 50÷66 м, площадь – 3 800 м^2.

В 1770 г. на горе побывал начальник 2-й Оренбургской физической экспедиции РАН И.И. Лепехин, составивший описание Зотинской пещеры [Продолжение…, 1822, с. 210]. Городище было открыто в 1911 г. В.Я. Толмачевым и получило наименование «Зотинское Левобережное». В 1912 г. уральский краевед В.П. Бирюков обнаружил напротив с. Зотина еще два городища, названные им Зотинскими Верхним и Нижним Правобережными. Об этом он сообщил письмом В.Я. Толмачеву (ГАСО. Ф. 139. Ед. хр. 3. Л. 37).

В 1974 г. археолог В.Т. Петрин при участии биолога Н.Г. Смирнова провел раскопки Зотинского грота и его предвходовой площадки. Материалы верхнего палеолита залегали во всех пяти слоях стоянки, но большей частью тяготели к нижнему глинистому горизонту. В сильно перемешанном верхнем гумусированном слое найдены фрагменты лепной керамики раннего железного века и обломки современных гончарных сосудов [Петрин, 1974; Петрин, Смирнов, 1977, с. 56, 61–67]. Тогда же В.Т. Петрин и Т.Н. Нохрина заложили над пещерой, в северном углу городища, которое они назвали Нижнезотинским, разведочную траншею (12 × 3 м), ориентированную по линии ЮЗ – СВ (рис. 3, *I*), а также два шурфа. В отчете 1974 г. сведений об этих раскопках нет. Коллекция находок (№ 1371, хранилище ПНИЛ УрФУ) включает медный или бронзовый нож, обломок острия железного ножа, каменный диск со спиральным солярным орнаментом и отверстием в центре (рис. 4, *4, 8, 15*), по одному изделию неустановленного назначения из цветного металла и железа, две костяные по-

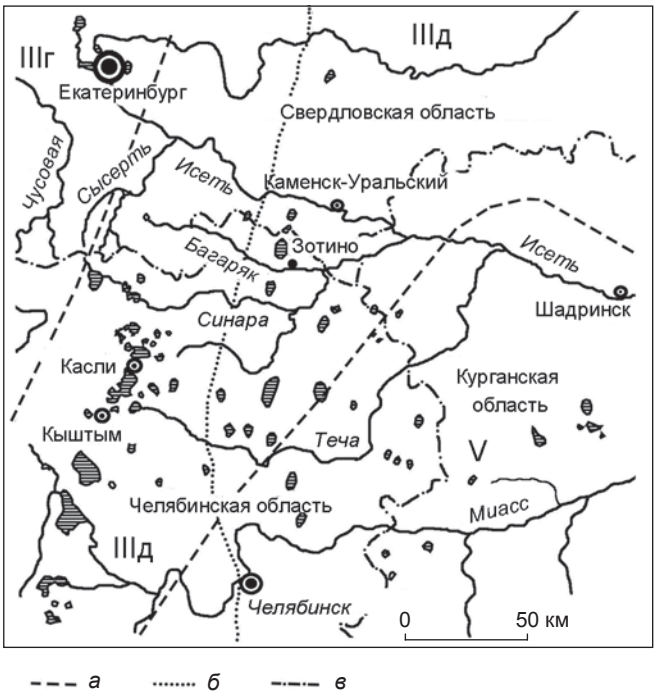


Рис. 1. Современные природно-климатические зоны в районе исследований [Горчаковский, 1968, рис. 35].
III – лесная, тайга: IIIг – южная тайга, IIIд – предлесостепные сосновые и березовые леса; V – лесостепь.
а – границы зон и подзон; *б* – восточная граница Уральской горной страны; *в* – границы областей.

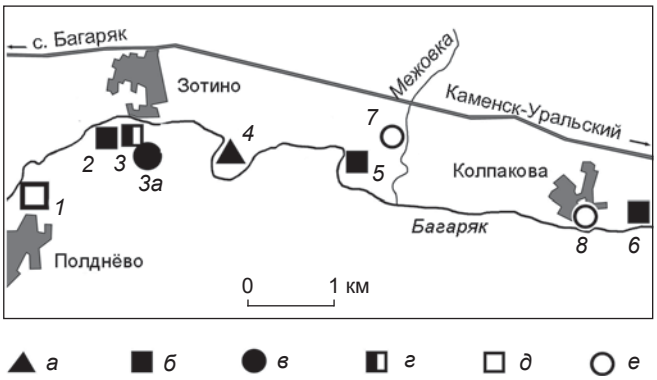


Рис. 2. Городища железного века и поселения эпохи поздней бронзы в окрестностях сел Зотина, Полднёвского и д. Колпакова.
1 – Полднёвское; *2* – Зотинское I (Зотинское Верхнее Правобережное, Красный Камень); *3, 3а* – Зотинское II (Зотинское Нижнее Правобережное), 1-я и 2-я площадки соответственно; *4* – Зотинское IV; *5* – Зотинское III (Зотинское Левобережное, Нижнезотинское, Лепёхинское, Весёк); *6* – Колпаковское городище; *7* – Межовка; *8* – Колпаковское (селище).
а–г – городища и укрепленные жилища с керамикой: *а* – гамаюнского типа, *б* – гамаюнского и иткульского, *в* – гороховского, *г* – гамаюнского, иткульского и воробьевско-гороховского типов; *д* – неатрибутированное городище; *е* – поселения (селища) эпохи бронзы.

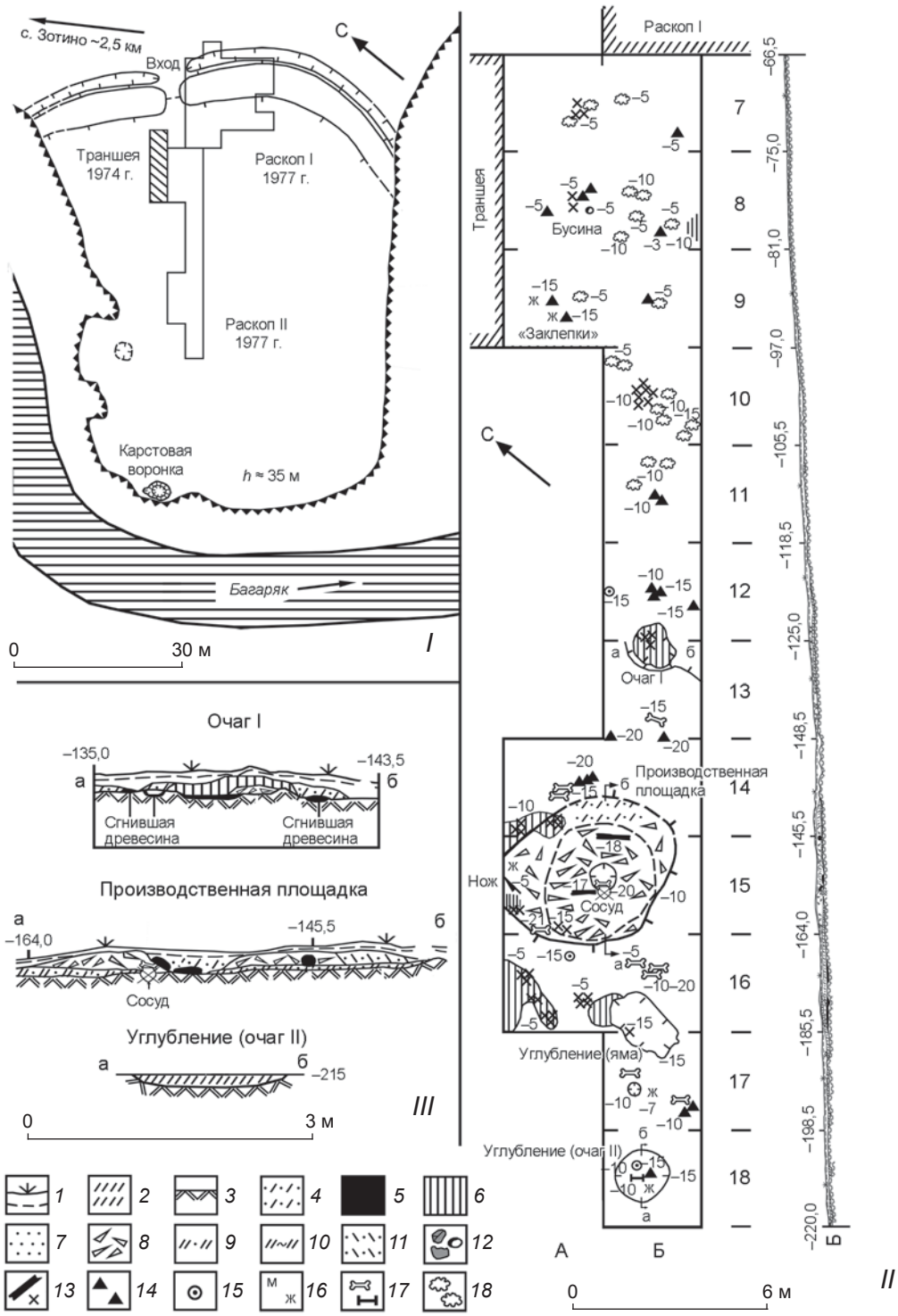


Рис. 3. Зотинское III городище.

I – план памятника; *II* – план и профиль раскопа II 1977 г.; *III* – разрезы археологических объектов. Отметки глубин на плане – от современной поверхности, на профилях – от условного нуля.

1 – дерн и верхний темно-серый (черный) подзол; *2* – светло-серая супесь с включениями золы; *3* – скальные породы (материк); *4* – светло-коричневая супесь; *5* – черный углистый слой; *6* – прокаленная желтая и красноватая супесь; *7* – светло-желтая супесь; *8* – прокаленная красная глиняная обмазка; *9* – темно-серая супесь (древний погребенный подзол); *10* – супесь темного пепельного цвета с включениями золы и углей; *11* – желто-коричневая супесь; *12* – камни, щебень, куски известняка; *13* – обугленные бревна, жерди и крупные угли; *14* – обломки керамики; *15* – керамический диск с отверстием в центре («маховичок», «пряслице»); *16* – изделия из меди (м) и железа (ж); *17* – кости животных (необожженные и обугленные); *18* – шлаки.

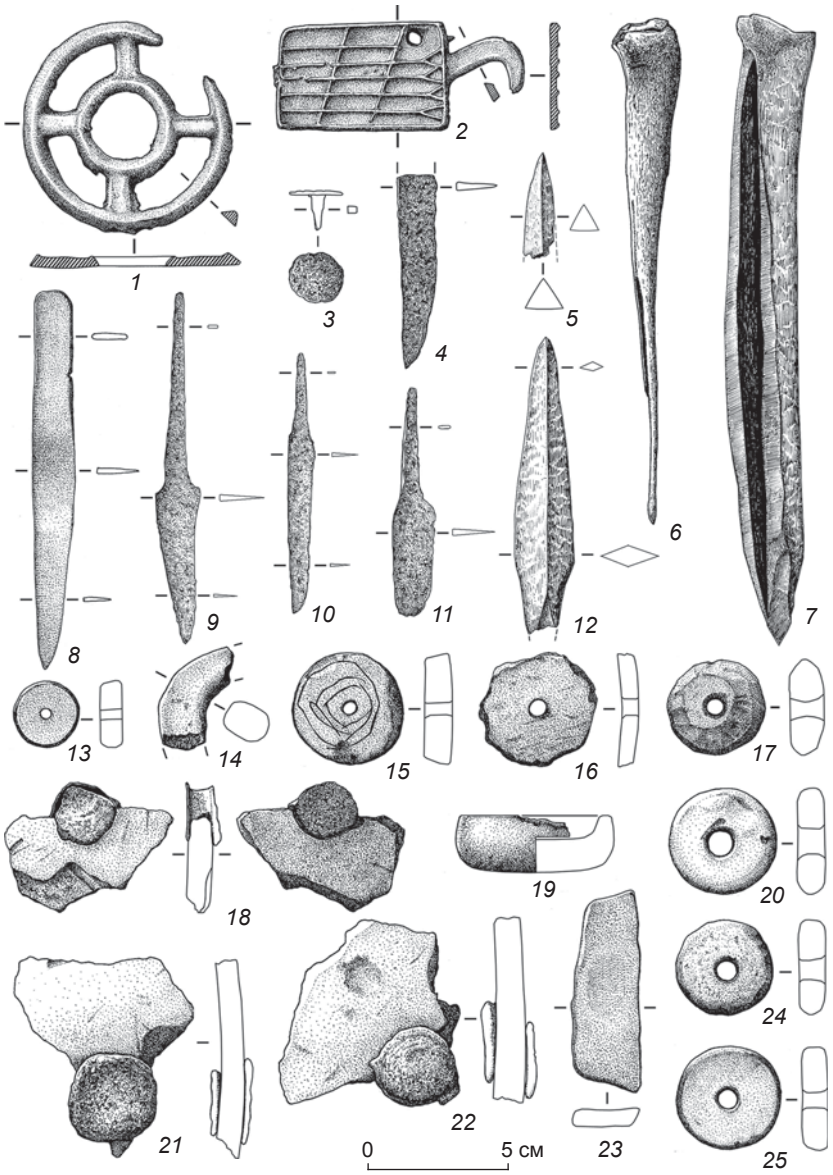


Рис. 4. Иткульский вещевой комплекс Зотинского III городища: материалы раскопок В.Т. Петрина 1974 г. (*4, 8, 15*), В.А. Борзунова 1977 г. (*1–3, 5–7, 9–14, 16–25*). Рисунки В.И. Стефанова.
1, 2 – медь; *3, 4, 9–11* – железо; *5–7, 12* – кость; *8* – медь или бронза; *13, 15, 17* – каменный тальк; *14, 16, 20, 24, 25* – керамика; *19, 23* – камень; *18, 21, 22* – железо, керамика.

делки и 38 фрагментов керамики. Все эти вещи относятся к иткульской культуре раннего железного века. Керамика представлена обломками сосудов двух групп: универсальных, орнаментированных гребенчатым штампом («иткульский первый тип»), и производственных неорнаментированных.

В 1976 г. мною было открыто еще одно городище раннего железного века в окрестностях с. Зотина, а у Зотинского Нижнего Правобережного зафиксирована вторая оборонительная система. Памятники получили новые названия с римской нумерацией – Зотинские I–IV (см. рис. 2, *2–5*). В 1976–1978 и 1980 гг. на них и соседнем Колпаковском городище были проведены раскопки. Результаты исследования Зотинского I (Красный Камень) и IV полностью опубликованы [Борзунов, 1981, 1993], сведения о других памятниках изложены лаконично [Борзунов, 1977, 1978, 2008а, б].

В 1977 г. я заложил на Зотинском III городище два смежных раскопа общей площадью 405 м^2: один (I) на восточном отрезке оборонительной системы и прилегающих участках площадки городища, другой (II) вдоль северо-западного края памятника. Оба раскопа были ориентированы по линии ЮЗ – СВ, при этом второй примкнул к разведочной траншее 1974 г. (см. рис. 3, *I*).

Оборонительная система городища

Вал и остатки оборонительной стены. Исследованный отрезок слегка расплывшейся каменистой насыпи максимальной высотой 0,7 м покоился на горизонте частично разрушенной погребенной почвы толщиной 10–25 см. Последняя включала слои темно-серой и светло-коричневой супеси с обломками иткульской керамики. Насыпь была перекрыта черным подзолом мощностью 5–30 см со щебнем и крупными кусками известняка. Выше залегал тонкий (3 см) пласт дерна. Тело вала сложено из щебня (толщина слоя 5–60 см), супеси темного пепельного цвета с включениями золы и углей (8–15 см) и желто-коричневой супеси (10–15 см). В этих напластованиях, преимущественно в золистой супеси, фиксировались остатки обугленных деревянных конструкций. Поверх них местами прослеживались пятна прокаленной желтой и красной супеси (уч. Б–Е/3). В насыпи на разных глубинах встречались фрагменты иткульской керамики, идентичной находкам из нижнего горизонта, но шлаков не было. Общая мощность культурных слоев составляла от 0,3 до 0,9 м. Материк представлен скальными породами и монолитной скалой (рис. 5).

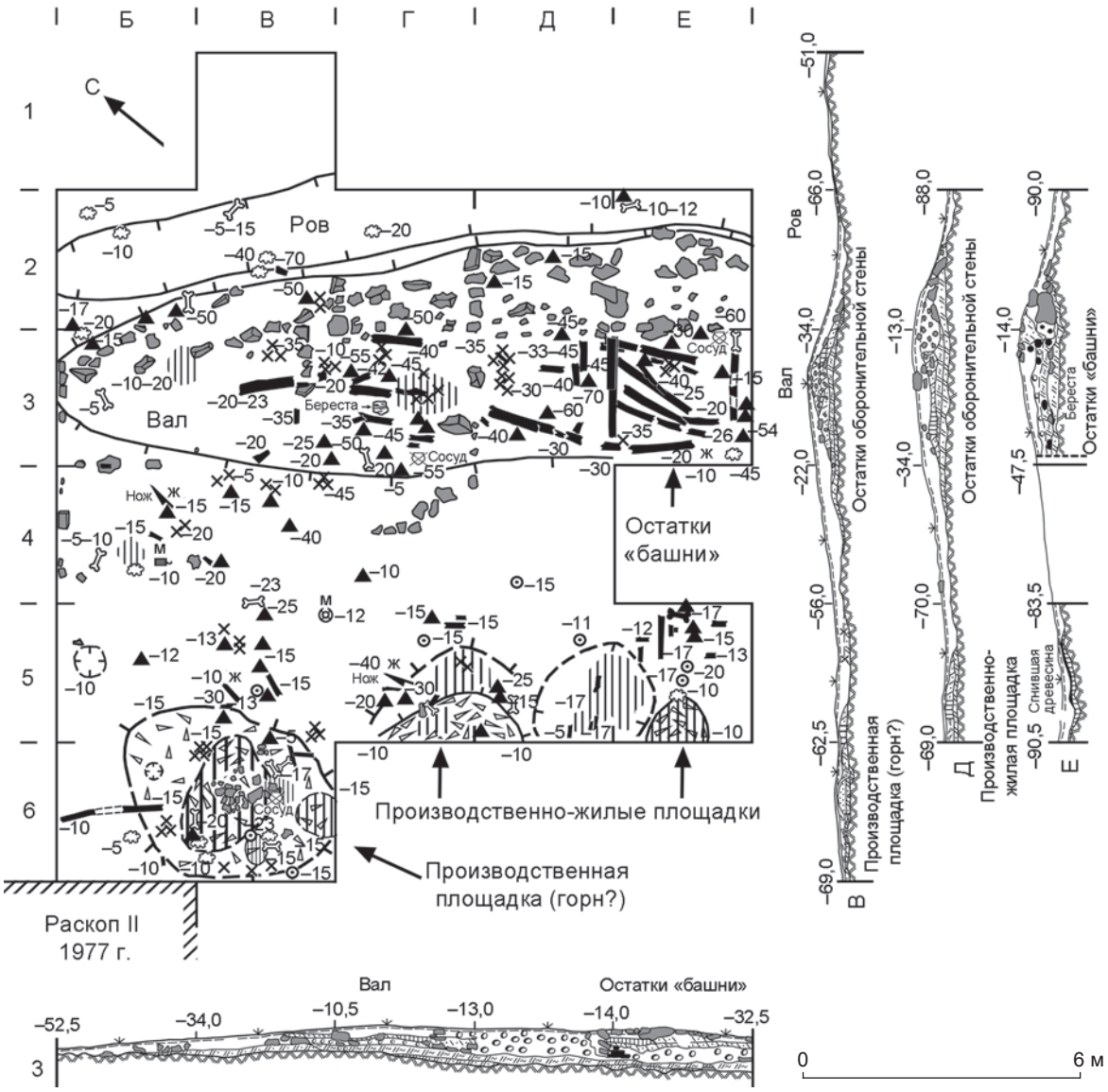


Рис. 5. План и профили раскопа I 1977 г. на Зотинском III городище (отметки глубины на плане – от современной поверхности, на профилях – от условного нуля).
Усл. обозн. см. рис. 3.

Близ входа на городище (уч. Б/2–3) вал резко сужался. Здесь, в северо-западной стенке уч. Б/2, на глубине 17 см найдены два фрагмента шейки сосуда, похожего на воробьевский. Возможно, от него же был черепок, обнаруженный на уч. Б/3 (гл. 25–30 см). По краям расплывшейся насыпи на уч. Б–В/3 залегали кости животных, в южном углу уч. Е/3 (гл. 45 см) обнаружен кусочек шлака. В верхних слоях вала зафиксированы современные предметы: железная прямоугольная пластинка (уч. Е/10, гл. 10 см), четырехгранный кованый гвоздь (уч. В/3, гл. 25 см) и бордовая пластмассовая кубическая бусина (уч. Д/2, гл. 15 см).

На уч. В–Д/3 на глубине 20–45 см от поверхности вала расчищены обломки обугленных березовых бревен диаметром 10–20 см и куски бересты. Бревна лежали двумя-тремя почти параллельными насыпи вала рядами. Ширина полосы разброса бревен 1–2 м.

Башнеобразное сооружение. В 12 м к юго-востоку от входа на городище, на уч. Д–Е/3, в заполнении вала выявлен оригинальный объект (рис. 5). Он представлял собой подквадратную в плане постройку типа клети размерами ок. 3,0 × 2,6 м, сложенную из бревен диаметром 12–18 см. Сооружение было встроено в линию оборонительной стены и, возможно, слегка выступало в напольную сторону. Зафиксированы бревна трех нижних ярусов и способ их укладки: друг на друга, «колодцем». На углах сооружения концы бревен заходили друг за друга на 10 см. Веро-

ятно, для этого они особым образом были затесаны (крепление «в лапу»). При возведении более поздних, совершенных и самых устойчивых срубов практиковался выпуск концов бревен; в этом варианте на бревнах с небольшим отступом от их концов вырубались пазы разной формы (рубка «в чашу» или «в обло» с тремя разновидностями: «в охряпку», «в охлупень», «в реж»). Пространство башнеобразного сооружения было заполнено щебнем с включением обломков обугленных бревен из верхних ярусов, перекрыто желто-коричневой супесью, прокаленной желто-розовой супесью и кусками известняка. В развале «башни», на уч. Е/3, найдены фрагменты иткульской керамики (гл. 15–55 см) и обломок трехгранного костяного наконечника стрелы (гл. 35 см) (см. рис. 4, *5*). Под восточным углом объекта в слое раннего селища обнаружены черепки раздавленного иткульского сосуда (гл. 60 см).

Крепида вала, стены и «башни». С напольной стороны основание стен и башнеобразного сооружения было укреплено крупнощебеночной подсыпкой и наклонно поставленными известняковыми плитами. Камни располагались параллельной внешнему краю насыпи полосой, расширявшейся от входа к восточной части вала (1,0–2,4 м) (см. рис. 5).

Ров. На уч. Б–Е/2, В/1 исследован небольшой отрезок канавы, прилегавший снаружи к напольному краю вала. Его ширина (1–2 м) и глубина (0,2–0,4 м) увеличивались от входа на городище в юго-восточном направлении. В разрезе ровик сегментовидный. Основанием его являлась материковая скала. Заполнение – перекрытый дерном черный подзол с редкими включениями шлаков, костей животных и обломков иткульской керамики (см. рис. 5).

Площадка городища и ее объекты

На вскрытом внутреннем пространстве городища выявлены производственные и производственно-жилые объекты, которые размещались двумя изолированными группами.

Стратиграфия основной части городища. За пределами объектов под дерном (1–3 см) залегал горизонт темно-серого подзола (3–10 см) с угольками, шлаками и черепками. На остальных участках под дерном и подзолом (2–5 см) прослеживались объекты двух типов: 1) углубленные на 10–20 см в скальный грунт очаги и ямы, заполненные прокаленными или золистыми супесями; 2) производственные глинобитные платформы высотой 15–25 см, под которыми прослеживались остатки раннего культурного горизонта. Последний представлен тонкими (2–5 см) слоями погребенной супеси (светло-желтой, местами – прокаленной желтой и красно-желтой), содержащими кости животных и фрагменты иткульской керамики. Общая мощность культурного горизонта на площадке составляла от 10 до 45 см. Материк – известняковая скала (см. рис. 3, *II, III*; 5).

Первая группа объектов. Она находилась в северо-восточной части городища в непосредственной близости от вала (раскоп I, уч. В–Е/5, В/6), на расстоянии 3–5 м от него. Один объект данной группы вскрыт почти полностью, три – частично (см. рис. 5).

В 5–6 м к югу от входа на городище, на уч. Б–В/5–6, выявлена производственная площадка. Остатки объекта представляли собой овальную в плане и сегментовидную в разрезе глинобитную платформу 4,9 × × 3,6 м, высотой 0,04–0,25 м, ориентированную в меридиональном направлении. Глубина ее фиксации от современной поверхности 15–30 см, размеры придонной части 0,8 × 0,4 м. Центр занимало большое (2,5 × 1,8 м) чашевидное углубление (0,12–0,15 м), заполненное прокаленной розоватой и желто-коричневой супесью с вкраплениями углей. В его пределах, на глубине 10–25 см, расчищено скопление камней (1,5 × 1,0 м). Рядом с ним на глубине 15–17 см найдены кости животных и развал иткульского производственного сосуда без декора. Исследованное углубление похоже на очажную яму, но более всего – на внутреннюю камеру универсального (металлургического и кузнечного) горна (ср.: [Борзунов, 1981, с. 113, 116, рис. 1, *б*]). К югу от него, на глинобитной платформе, прослеживались пятна прокаленного суглинка. В пределах данного объекта и вокруг него, помимо обломков иткульских сосудов и костей животных, найдены кусочки шлаков, фрагмент стенки производственного сосуда с железной «заклепкой», три керамических диска с отверстиями в центре и круглая каменная чашечка (см. рис. 4, *19, 20*). Ближайшими аналогами последней являются каменные переносные жертвенники и глиняные лепные ритуальные курильницы из сарматских курганов Южного Приуралья [Мошкова, 1963, табл. 11, *21, 22–24;* Смирнов, 1975, рис. 19, *7*; 23, *9*; 1989, с. 168, 174, табл. 69, *15, 62, 63*]. В развале того же глинобитного сооружения зафиксированы обломки обугленных жердей диаметром 10–20 см. В слое темно-серой супеси под платформой залегали кости животных (уч. В/6, гл. 20 см).

В 1,3 м к северу от данного объекта, на уч. Б/5 (гл. 10–16 см), выявлено овальное углубление (0,8 × × 0,7 см), заполненное серой супесью. На уч. Г–Е/5 частично вскрыты две глинобитные площадки и котлован между ними. Верхний уровень фиксации объектов 10,6 и 12,0 см. Платформы состояли из прокаленной розовато-красной обмазки. Северо-восточная в плане сегментовидная, размерами 3,1 × 1,0 м, с северо-восточной стороны оконтурена прокаленной желто-коричневой и розоватой супесью с включением углей. Юго-западная площадка полуовальная (1,3 × 0,9 м).

Котлован округлый, 2,3 м в поперечнике, глубиной 0,25 м. Его скальное основание было покрыто светло-серой, местами розоватой супесью толщиной 5–7 см. В северо-восточной части углубления зафиксирована тонкая (3 см) прослойка сгнившего дерева. Все объекты перекрывал горизонт темно-серого подзола с дерном (6–12 см). В котловане, на платформах и вокруг них на глубине от 13 до 40 см найдены обломки иткульских сосудов, в т.ч. большого производственного, железный нож, костяной наконечник стрелы и пять дисков-«маховичков» – четыре керамических и один из каменного талька (см. рис. 4, *9, 12, 17, 25*). Рядом с глинобитными площадками залегали обломки обугленных жердей диаметром 7–15 см.

Между валом и объектами первой группы находки более многочисленны и разнообразны: битая посуда, кости животных, кусочки шлака, костяная проколка, железный нож, два медных изделия с литейным браком – прямоугольная орнаментированная пластинка и ажурная колесовидная бляшка (см. рис. 4, *1, 2, 6, 10*).

Вторая группа объектов. Она локализовалась в западной части городища (раскоп II, уч. А/14–16, Б/12–18), на удалении 17–18 м от первой, и состояла из глинобитной площадки, двух очагов и ямы (см. рис. 3, *II, III*).

Производственная площадка на уч. А–Б/14–16 сооружена на древнем почвенном слое (погребенная темно-серая супесь толщиной 3–8 см) и перекрыта тонким (3–5 см) горизонтом дерна с темно-серым подзолом. Материк – скальные породы. Площадка глинобитная, прокаленная, в плане овальная, в сечении линзовидная, размерами 6,0 × 4,2 × 0,23 м, ориентирована по линии ЗСЗ – ВЮВ. В обмазке, на глубине 17–18 см, залегали два обугленных бревна длиной 84 и 195 см, диаметром 18–20 см. С северной и западной сторон площадки прослеживались прослойки прокаленного суглинка. Горизонт под платформой также прокален. В центре объекта находилось округлое (диаметр 0,8 м) углубление (0,18 м), заполненное светло-коричневой супесью. На дне лежали две известняковые плитки. Под ними в слое погребенной почвы (гл. 19–20 см) обнаружена нижняя часть иткульского производственного сосуда, а в ней – кость животного. На территории объекта и вокруг него найдены фрагменты иткульской керамики, кости животных, обломок железного ножа, керамические диски-«маховички» – целый из стенки сосуда и обломок глиняного лепного (см. рис. 4, *11, 14, 24*).

Очаг I на уч. Б/12 был перекрыт темно-серым подзолом и дерном. Глубины фиксации 8–28 см. Очаг неправильной овальной формы (1,4 × 1,2 м), с западного края слегка углублен в скальный грунт. Заполнение – прокаленный светло-коричневый, местами розоватый и желто-бурый суглинок с угольками. Дно покрыто тонким (3–4 см) углистым слоем. По краям прокала прослеживалась сгнившая древесина. Под центральной частью очага зафиксирована линза светло-желтой супеси. В 1,5–2,0 м к северо-востоку от объекта найдены обломки большого иткульского производственного сосуда, керамический диск-«маховичок» и костяное кинжаловидное острие (см. рис. 4, *7, 16*).

Очаг II на уч. Б/18 чашевидный (1,8 × 1,8 × 0,15 м), выкопан в скальных породах, заполнен светло-серой углистой супесью с вкраплениями кальцинированной кости, перекрыт темно-серым подзолом и дерном (15 см). В заполнении найдены три фрагмента неорнаментированной иткульской керамики, «маховичок» из каменного талька (см. рис. 4, *13*) и железная пластинка.

Между очагом II и производственной площадкой, на уч. Б/16–17, расчищена подпрямоугольная (2,2 × 1,2 м) яма (0,13 м), ориентированная в меридиональном направлении. Дно неровное, бугристое, заполнение – светло-коричневая супесь. С северо-западной стороны ямы прослеживались прокалы и углистые пятна. Возможно, данный объект использовался в хозяйственных или производственных целях.

Между ямой и очагом II, на уч. Б/17, обнаружены обломки иткульской керамики, точильный брусок и железное гвоздевидное изделие с круглой шляпкой, по-видимому, шило или булавка (см. рис. 4, *3, 23*).

Пространство между двумя группами объектов. На уч. А/7–9, Б/7–11 под дерном, в тонком (5–18 см) горизонте темно-серого подзола поверх материковой скалы залегали многочисленные железные шлаки и обломки иткульской керамики (см. рис. 3, *II*). Здесь же найдены мелкая шаровидная (0,5 см) сердоликовая бусина (уч. А/8, гл. 7 см) и три фрагмента стенок производственных сосудов с железными «заклепками» (уч. А/9, гл. 15 см) (см. рис. 4, *18, 21, 22*).

Находки

Вещевой комплекс памятника проанализирован в отдельной статье [Борзунов, 2018]. В данной публикации перечислю основные категории инвентаря (см. рис. 4) и другие находки. В слое раннего селища, под валом, найдены иткульская керамика первого типа, костяной трехгранный наконечник стрелы, кости животных, в насыпи – иткульская посуда, в т.ч. производственная, во рву – кости животных и шлаки. На площадке городища обнаружены обломки иткульской «столовой» (первый тип) и производственной посуды, ритуальная (?) плоскодонная чашечка из каменного талька, керамические и глиняные диски с отверстием в центре (вероятно, детали лучкового устройства для добывания огня), костяные проколки, кинжаловидное острие, медные или бронзовые коле-

совидная отливка (украшение или псалий) и прямоугольная орнаментированная пряжка с крючком, сильно сточенные железные ножи и черепки с железными «заклепками» неопределенного назначения, а также кости животных и шлаки. Часть иткульской керамики и костей животных залегала под глинобитными платформами. Близ вала найдена импортная античная бусина из оранжевого сердолика. Кости принадлежали диким и домашним животным: волку, медведю, косуле, лосю, крупному и мелкому рогатому скоту, лошади (определение канд. биол. наук П.А. Косинцева). Преобладали остатки домашних животных (227 костей от 18 особей против 71 кости от 16 особей). Больше всего в коллекции костей лошади (159 от восьми особей) и косули (52 от 10 особей) [Борзунов, 1982, с. 106, табл. 5; Косинцев, 1986, с. 81, 83, 89, табл. 1, *19*]. Единичными находками представлена гамаюнская (VII–IV вв. до н.э.), воробьевская и гороховская (VI–II вв. до н.э.) керамика раннего железного века, средневековая бакальская посуда. Иткульский комплекс датируется IV–II вв. до н.э.

Обсуждение результатов исследования

Поселение раннего железного века основано на ранее не заселявшейся площадке. Непродолжительное время оно было открытым, без системы искусственной обороны. Об этом свидетельствует наличие под валом тонкого почвенного слоя с редкими фрагментами иткульской керамики, в т.ч. производственной, а также костями животных и обломком наконечника стрелы.

Вскоре раннее селище было превращено в специализированный металлургический центр иткульской культуры и ограждено с напольной стороны, по основанию мыса, защитной системой. Фортификации состояли из двухрядной стены шириной ок. 2 м, заполненной в нижней части щебнем и укрепленной снаружи глыбами известняка. Судя по остаткам бересты, стена была сооружена из березовых бревен. Тем не менее нельзя исключать вероятность использования также сосны, характерной для реликтовых боров на противоположном берегу реки. Теоретически можно предположить, что внутренний пояс оборонительной стены был ниже внешнего и являлся постаментом для помоста из жердей, на котором периодически дежурила стража. Важно подчеркнуть, что защитная стена была не частокольная (вертикальной конструкции), а именно горизонтальной кладки. Возведение палисадов на скалах было крайне затруднительно либо вообще невозможно. Это отличает иткульские и гамаюнские крепости горного Зауралья от южно-таежных и лесостепных укрепленных поселений Тоболо-Иртышья, где оборонительные системы сооружались на песчаных грунтах.

Напольная стена Зотинского III городища довольно ординарная: в плане дуговидная, с одним проходом. Необычным в ней было только подквадратное сооружение типа клети, чуть выступавшее снаружи от внешнего ряда бревен стены. Я склонен интерпретировать его как простейшую оборонительную и дозорную башню. Бастионно-башенные конструкции по периметру стен были характерны для воробьевских, саргатских и особенно гороховских укреплений. В гамаюнском и иткульском фортификационном зодчестве они единичны и зафиксированы только на р. Багаряк (Зотинское II городище, 1-я система; возможно, Дальнее Багарякское городище). Корни этого специфического элемента уходят в оборонную архитектуру энеолита – эпохи бронзы Средней Азии и Ближнего Востока. У лесостепного населения раннего железного века Тоболо-Иртышья бастионно-башенные сооружения получают распространение в VI–IV вв. до н.э. – I–III вв. н.э., причем как результат заимствования этого новшества южными полукочевыми уграми у ираноязычных племен Приаралья (чирикрабатская, джетыасарская, кюзелигырская культуры, Хорезм) [Стоянов, 1989, с. 99; Борзунов, 2002, с. 94–95; 2014, с. 401].

Внешний ровик Зотинского III городища узкий, неглубокий, со скальным основанием. Скорее всего, он являлся водоотводной канавой, практически не имевшей оборонительного значения. Со временем в нее стали сбрасывать шлаки, кости животных, битую посуду. Установлена закономерность: чем мощнее и выше соседний участок вала, тем шире и глубже канава. Это указывает на то, что из нее брали камни для крепиды насыпи. При копке данной канавы и возведении оборонительной стены был полностью срезан слой раннего иткульского поселения по обе стороны от насыпи. Не исключено, что большая часть периметра мыса была без искусственных оборонительных сооружений и защищалась только естественным образом – очень крутыми либо отвесными склонами утеса.

Все вскрытые периферийные участки иткульского укрепленного центра содержали остатки и объекты, связанные с производством и обработкой цветного и черного металлов: шлаки, тигельную керамику, железные и медные изделия, глинобитные площадки для металлообработки, производственно-жилые помещения. Основная масса шлаков залегала между вскрытыми глинобитными площадками, в валу они не зафиксированы. Известно, что иткульские производственные площадки располагались рядом с металлургическими горнами. Судя по аналогичному иткульскому городищу Серный Ключ в верховьях р. Уфы, где вскрыты остатки 19 глинобитных горнов и две глинобитные площадки для металлообработки [Борзунов, 1998], можно предположить, что и на Зотинском III все центральные участки были заняты ме-

таллургическими объектами – производственными площадками, кузнями и горнами. Близ входа, на уч. Б–В/5–6, обнаружен один объект, похожий на горн. Тем не менее развалов глинобитных горнов с каркасом из березовых жердей, подобных открытому на соседнем городище Красный Камень [Борзунов, 1977], выявить не удалось. Остатки овальных глинобитных платформ более близки раскопанным в урочище Серный Ключ.

Маловероятно, что все городища, исследованные в окрестностях с. Зотина, функционировали одновременно. Судя по керамике и вещевому комплексу, самое раннее из них – гамаюнское Зотинское IV – существовало в VII – начале VI в. до н.э. Гамаюнское Зотинское II (1-я площадка) с периферийными иткульскими объектами отнесено к VI–V вв. до н.э. Следующее за ним Зотинское I (Красный Камень) с гамаюнской, иткульской, исетской и воробьевско-гороховской керамикой датировано V–IV вв. до н.э. Самыми поздними памятниками (IV–II вв. до н.э.) являются иткульское Зотинское III городище и 2-я площадка Зотинского II с гороховской посудой.

Зотинское III городище являлось типичным сезонным укрепленным центром зауральских металлургов, одним из самых восточных форпостов горно-уральского иткульского населения. Ниже по течению Багаряка выявлен только один памятник с иткульской керамикой первого типа – Колпаковское городище, основанное на руинах гамаюнского укрепления (раскопки К.В. Сальникова 1953 г., В.А. Борзунова 1978 г.). Далее к востоку и юго-востоку – по низовьям Синары и на р. Караболке – им противостояли самые западные городища гороховской культуры V–II вв. до н.э.

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.7280.2017/БЧ («Урал и Западная Сибирь в древности»).

Список литературы

Борзунов В.А. Исследование городищ эпохи раннего железа на реках Багаряк и Синаре // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 131.

Борзунов В.А. Раскопки Зотинских городищ на р. Багаряк // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 157.

Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1981. – С. 112–118.

Борзунов В.А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1982. – С. 78–112.

Борзунов В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 111–134.

Борзунов В.А. Исследования городища Серный Ключ на реке Уфе // Урал в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф. – Екатеринбург: Науч.-изд. совет УрО РАН; Банк культурной информации, 1998. – Ч. I. – С. 16–21.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. – 2002. – № 3. – С. 79–97.

Борзунов В.А. Зотинские городища // Челябинская область: энцикл. – Челябинск: Каменный пояс, 2008а. – Т. 2. – С. 518–519.

Борзунов В.А. Колпаковское городище // Челябинская область: энцикл. – Челябинск: Каменный пояс, 2008б. – Т. 3. – С. 310–311.

Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 380–415.

Борзунов В.А. Зотинское III городище – укрепленный центр зауральских металлургов начала железного века: инвентарь и остеологический комплекс // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2018. – № 2 (41). – С. 69–80.

Горчаковский П.Л. Растительность // Урал и Приуралье. – М.: Наука, 1968. – С. 211–262.

Косинцев П.А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1986. – С. 79–89.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с., 32 табл. – (САИ; вып. Д1–10).

Петрин В.Т. Отчет об исследовании гротов на восточном склоне Среднего Урала. Свердловск, 1974 // Архив ПНИЛ УрФУ (ПНИАЛ УрГУ). Ф. II. Д. 183. 31 с., 34 рис.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1977. – С. 56–71.

Продолжение Записок путешествия академика Лепехина. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1822. – 440 с. – (Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению ее президента; т. 4).

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.

Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – С. 98–103.

Материал поступил в редколлегию 20.01.17 г.,
в окончательном варианте – 13.01.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.075-082
УДК 903.3_728(571.150) “637”

А.С. Федорук[1], Д.В. Папин[1, 2], О.А. Федорук[1]
[1]Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: fedorukas@mail.ru; papindv@mail.ru; olunka.p@mail.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке

В статье на основании обширного археологического материала в хронологическом порядке описываются конструктивные особенности построек андроновской, черкаскульской, саргаринско-алексеевской и ирменской культур, а также памятников «бурлинского типа». Выполнена графическая реконструкция ряда строений. По результатам анализа и обобщения материалов сделан вывод о существовании общей условной модели сооружения, преобладавшей в представлениях о домостроительстве у населения региона на среднем и позднем этапах бронзового века. Это каркасно-столбовая одно-, реже двухкамерная конструкция прямоугольной или подквадратной формы с выступающим за пределы котлована входом коридорного типа. Отмечается специфика воплощения данной модели в рамках эпох и отдельных археологических культур. Для андроновского времени характерны сооружения тяжелого и легкого типов, больших и средних размеров, каркасно-столбовой, а возможно, и срубной конструкции, с плоской, двускатной или усеченно-пирамидальной крышей. В эпоху поздней бронзы традиция возведения легких построек с двускатной кровлей представлена черкаскульским жилищем поселения Калиновка II. На памятниках «бурлинского типа» изучены каркасно-столбовые полуземлянки и наземные сооружения тяжелого типа различных размеров с крышей в форме конуса или усеченной пирамиды. Многочисленные саргаринско-алексеевские строения представляют собой полуземлянки тяжелого типа крупных и средних размеров с каркасом из столбов и усеченно-пирамидальной кровлей. С ними схожи ирменские сооружения. Судить об особенностях корчажкинских построек преждевременно в силу малочисленности изученных строений.

Ключевые слова: *эпоха бронзы, Алтай, домостроительство, реконструкция.*

A.S. Fedoruk[1], D.V. Papin[1, 2], and O.A. Fedoruk[1]
[1]Altai State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: fedorukas@mail.ru; papindv@mail.ru; olunka.p@mail.ru
[2]Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

Middle and Late Bronze Age House-Building in the Steppe and Forest-Steppe Altai

This article integrates information on the house-building practices of people represented by cultures such as Andronovo, Cherkaskul, Sargary-Alekseyevka, Irmen, Korchazhka, and Burla. A graphic reconstruction of dwellings is attempted, and a prototypical model of the house is described with regard to the Middle and Late Bronze Age steppe and forest steppe Altai. It is a rectangular or nearly square single or two-chamber timber-frame-pillar structure, with a corridor-type exit extending beyond the foundation pit. Diachronic and cultural variations of this prototype are listed. Andronovo dwellings were robust or light, large or medium-large, based on the frame-and-pillar design with a flat, ridge or truncated-pyramidal roof. Late Bronze Age dwellings are represented by a light Cherkaskul house with a gable roof at Kalinovka II. The Burla dwellings are either semi-underground frame-pillar or robust variously sized houses with conical or truncated-pyramidal roofs. Numerous Sargary-Alekseyevka dwellings are large or medium-sized, robust semi-underground with pillar frames and truncated-pyramidal roofs. The Irmen dwellings are similar to them. The Korchazhka dwellings are few, and their design is difficult to reconstruct.

Keywords: *Middle Bronze Age, Late Bronze Age, Altai, housebuilding, reconstructions.*

© Федорук А.С., Папин Д.В., Федорук О.А., 2018

Введение

Вопросам домостроительства эпохи бронзы на юге Западной Сибири посвящено немало исследований [Матвеев, Сидоров, 1985; Овчаренко, Мыльникова, Дураков, 2005; Чича…, 2009, с. 20–30; Берлина, 2013; Мыльников, 2014; Мыльников, Мыльникова, 2015; и др.]. Специалистам удалось разработать и апробировать методику реконструкции древних сооружений. В то же время материалы степного и лесостепного Алтая до сих пор не стали объектом полноценного специального изучения. С момента выхода в свет обобщающей работы В.А. Борзунова, Ю.Ф. Кирюшина, В.И. Матющенко [1993], а также написанных ими глав коллективной монографии [Очерки…, 1995, с. 133–137, 143–146, 160–176] других публикаций не появилось. Между тем на сегодняшний день известно уже более 50 строений эпохи бронзы, в т.ч. 38 сооружений среднего и позднего этапов бронзового века. Раскопаны постройки каждой из представленных в регионе археологических культур. Назрела необходимость анализа и обобщения имеющихся материалов, определения их места и значения в кругу древностей юга Западной Сибири и выхода на качественно новый уровень – уровень реконструкций.

Анализ материалов

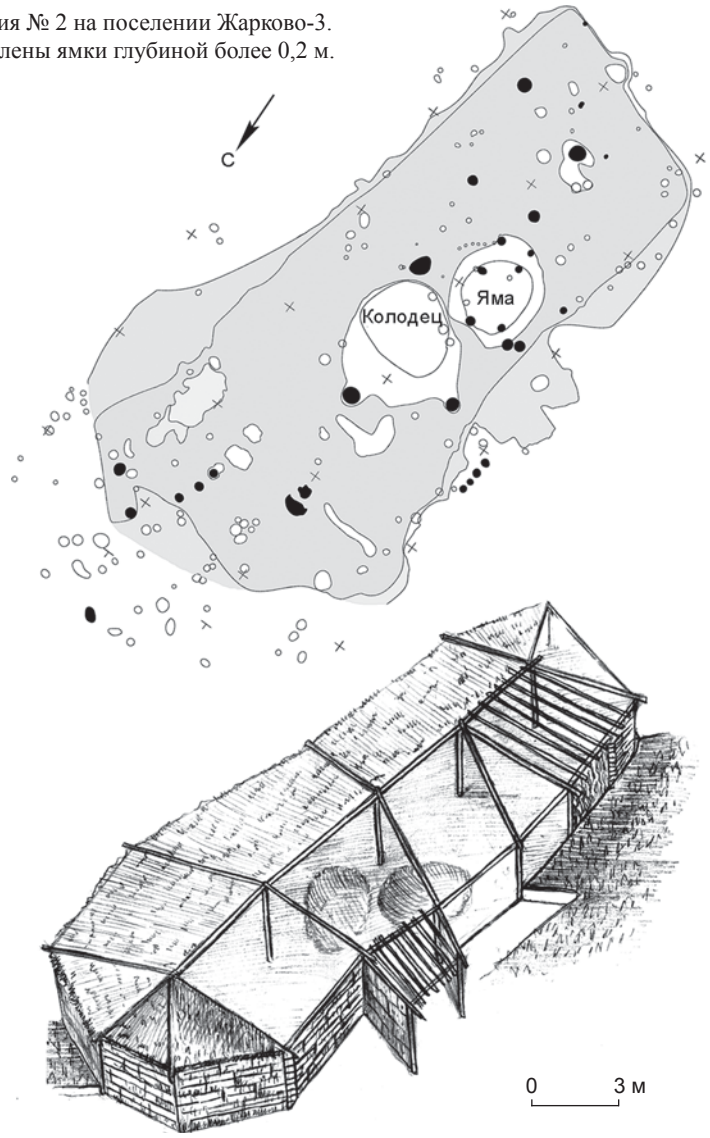
Для систематизации построек, исходя из особенностей фактического материала, был определен набор их наиболее значимых признаков двух различных, но взаимосвязанных уровней. Признаки, объективно зафиксированные при проведении археологических раскопок: 1) котлован (количество камер, размеры, форма, конструктивные элементы за пределами стен); 2) ямки от столбов (расположение относительно котлована; размеры, конструктивные особенности); 3) объекты (очаги, ямы, канавки, углубления и их расположение относительно котлованов). Признаки, связанные с интерпретацией материалов раскопок: 1) каркас сооружения (несущие элементы (столбы, сруб), расположение относительно котлована); 2) стены (материал, способ крепления к каркасу, углубление, дополнительное утепление); 3) кровля (материал, способ его крепления, дополнительное утепление). Результатом данной классификации стало выделение групп строений, отражающих особенности сооружений каждой из представленных в регионе археологических культур.

Средний этап бронзового века. На территории степного и лесостепного Алтая он представлен исключительно памятниками *андроновского* культурного пласта [Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 210–211, 220; Абдулганеев и др., 2003, с. 57; Удодов, 1994, с. 9; Федорук, Папин, Редников, Федорук, 2015]. Исследованные постройки разнотипны. На поселениях Жарково-3 и Ляпустин Мыс это однокамерные полуземлянки (углублены в материк на 0,2–0,3 м), на памятнике Переезд – двухкамерное наземное сооружение (0,10–0,15 м). Две постройки (Жарково-3 и Переезд) имеют крупные размеры (150 и 180 м^2 соответственно) и подпрямоугольный котлован, третья (Ляпустин Мыс) – небольшая (44–50 м^2) подквадратная. Дно котлованов ровное. В двух случаях (Жарково-3, Ляпустин Мыс) прослежены коридорообразные входы. На поселении Ляпустин Мыс столбовые ямы не выявлены, что вкупе с небольшой площадью котлована наводит на мысль о постройке срубного типа. На памятниках Переезд и Жарково-3 наличие столбовых ям диаметром 0,1–0,5 м, глубиной 0,1–0,5 м, приуроченных к краям и центру котлованов, указывает на каркасно-столбовую конструкцию. Каркас мог состоять из ряда высоких столбов вдоль длинной оси котлована и менее высоких – по его периметру. Между собой они связывались жердями. Стены и кровля построек были легкого или тяжелого типа. На поселении Жарково-3 (легкий тип) стены могли быть тыновыми или плетневыми, возможно обмазанными глиной и снаружи утепленными дерновой кладкой. Проходящий через центральную ось котлована ряд столбовых ям указывает на двускатную кровлю (рис. 1). В данном случае она могла сооружаться из тонких жердей, которые для теплоизоляции покрывались тростником. На поселении Переезд (тяжелый тип) стены были наклонными, опиравшимися на каркас, а кровля в форме усеченной пирамиды либо односкатной [Удодов, 1994, с. 9].

Легкие постройки широко представлены на андроновских памятниках в лесостепной зоне Урала, Северного Казахстана и в отдельных районах Центрального и Восточного Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 77]. Определенное сходство (каркасно-столбовая конструкция, прямоугольная форма, стены и кровля легкого типа, двускатная крыша) прослеживается с жилищем срубной культуры на I Береговском поселении [Горбунов, 1989, с. 68–70, табл. X, 2]. Сооружения тяжелого типа, очевидно близкие постройке поселения Переезд, более известны по материалам последующего времени в Казахстане (Саргары, Суук-Булак) [Маргулан и др., 1966, с. 255, рис. 126; Маргулан, 1979, с. 305, рис. 220; Зданович, 1983, с. 71] и Притоболье (Камышное, Язево, Садчиковское, Замаревское селище) [Потемкина, 1985, с. 327–330].

Поздний этап бронзового века. В Кулунде и Рудном Алтае преобладают материалы саргаринско-алексеевской культуры. В Северной Кулунде представлены ирменские комплексы и памятники «бурлинского типа», в Восточной – черкаскульские материалы на поселениях Калиновка II и Черная Курья III. В Приобье доминируют памятники ирменской культуры, ши-

Рис. 1. План и вариант реконструкции сооружения № 2 на поселении Жарково-3. Здесь и далее на рисунках черной заливкой выделены ямки глубиной более 0,2 м.



роко представлены корчажкинские. На сегодняшний день раскопаны постройки всех перечисленных групп. В рамках этой эпохи наиболее ранним строением можно считать жилище № 2 поселения Калиновка II, связанное с *черкаскульской* керамикой [Иванов, 2000, с. 73–83], которая маркирует период, предшествующий появлению на памятнике саргаринско-алексеевских материалов. Постройка небольшая (ок. 32 м^2), однокамерная, подпрямоугольной формы, с входом-коридором в средней части короткой западной стены. Котлован врезан в материк на 0,12–0,15 м. Пол ровный. В котловане зафиксировано 36 ям от вбитых в материк (в основном вертикально) заостренных кольев. Столбов было всего три, у разных стен. Общая глубина котлована не превышала 0,45 м от древней дневной поверхности, что позволяет отнести сооружение к наземным конструкциям. По мнению Г.Е. Иванова, жилище имело плетневые стены и крышу легкого типа. Предполагалось дополнительное утепление стен дерном, а крыши – камышом [Там же].

Можно согласиться с реконструкцией Г.Е. Иванова. Очевидно, постройка относилась к каркасно-столбовым конструкциям легкого типа – вдоль краев неглубокого котлована сооружался каркас из кольев и столбов, пространство между которыми заполнялось плетнем, обмазанным глиной (рис. 2). Снаружи стены могли утепляться дерновой клад-

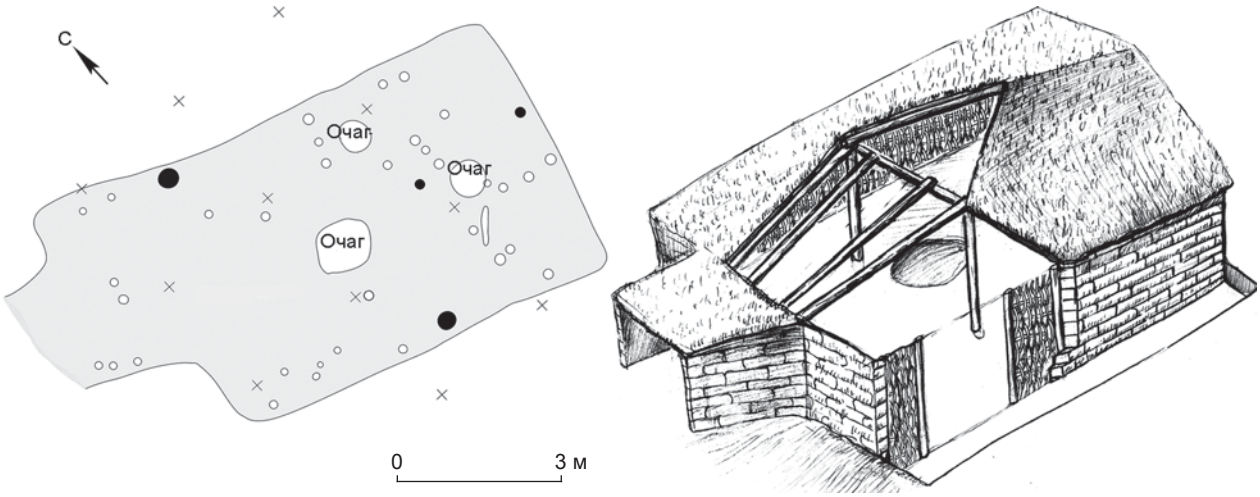


Рис. 2. План и вариант реконструкции жилища № 2 на поселении Калиновка II.

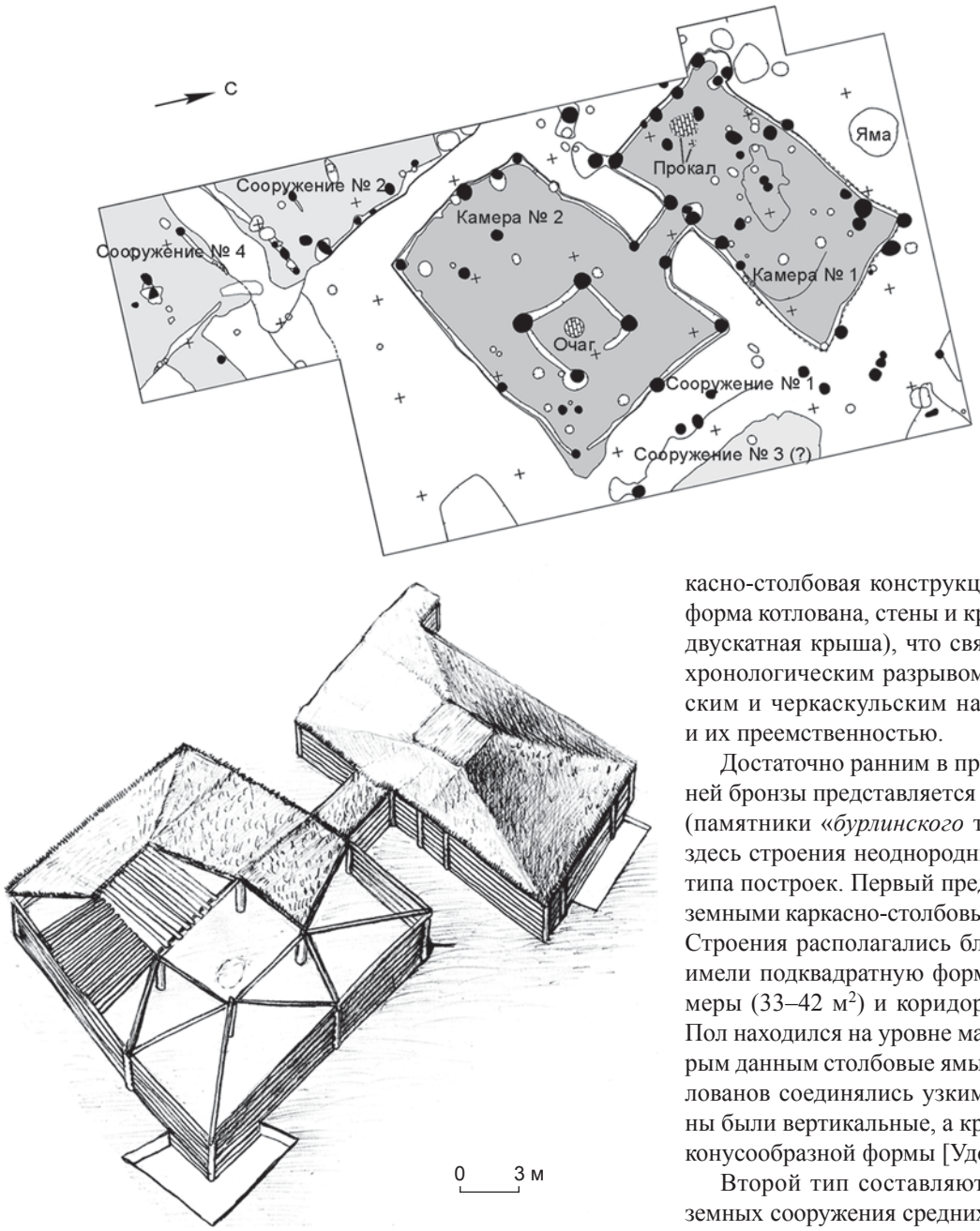


Рис. 3. План и вариант реконструкции сооружения № 1 на поселении Бурла-3.

кой. Кровля в таком случае была легкой, двускатной или плоской, сооруженной из тонких жердей и камышовых матов. По основным морфологическим особенностям (небольшие размеры, подпрямоугольная форма, вход в центре короткой стены, наземный тип, каркас из столбов, наличие очагов, в т.ч. центрального, двускатная кровля) строение близко постройкам черкаскульской культуры [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 8–9]. Вместе с тем очевидна его схожесть с андроновским сооружением поселения Жарково-3 (каркасно-столбовая конструкция, прямоугольная форма котлована, стены и кровля легкого типа, двускатная крыша), что связано с небольшим хронологическим разрывом между андроновским и черкаскульским населением поселка и их преемственностью.

Достаточно ранним в пределах эпохи поздней бронзы представляется поселение Бурла-3 (памятники «*бурлинского* типа»). Изученные здесь строения неоднородны, выделяются два типа построек. Первый представлен двумя наземными каркасно-столбовыми сооружениями. Строения располагались близко друг к другу, имели подквадратную форму, небольшие размеры (33–42 м^2) и коридорообразные входы. Пол находился на уровне материка. По некоторым данным столбовые ямы по периметру котлованов соединялись узкими канавками. Стены были вертикальные, а крыша, скорее всего, конусообразной формы [Удодов, 1994, с. 12].

Второй тип составляют четыре полуподземных сооружения средних и крупных размеров [Там же; Федорук, Папин, Редников, 2015а; Федорук, Папин, Редников, Федорук, Демин, 2015]. Расстояние между стенами построек 1–2 м. Котлованы площадью от 60 до 200 м^2, углублены в материк на 0,2–0,4 м, имеют подпрямоугольную форму и ровный пол. В одном случае имеется коридор-переход между камерами, в другом – коридорообразный вход в углу котлована. Столбовые ямки выстраиваются в четкую систему – наиболее глубокие располагаются рядами вдоль стен и по центру. Между собой они соединялись канавками шириной 0,10–0,15 м и глубиной до 0,2 м. Этот тип построек реконструируется по изученному полностью сооружению № 1 (рис. 3). В центре котлованов распо-

лагалась прямоугольная рама, опирающаяся на четыре–шесть высоких несущих столбов. Вдоль края котлована устанавливались, возможно, менее высокие, столбы, держащие внешнюю раму, которая связывалась с центральной перекладиной. Расстояние между котлованами и профиль ям указывают на вертикальные стены. Упирающиеся в столбовые ямы канавки оставлены, видимо, горизонтально уложенными между столбами и углубленными в дно котлована бревнами. Вероятно, к столбам они крепились в технике заплота. В этом случае кровля опиралась с одной стороны на центральную раму, с другой – на внешнюю или бревна стен. Кровля в таком случае могла быть в центральной части плоской (с дымовым отверстием над очагом или без него), по краям – пирамидальной. Размеры ям от столбов каркаса указывают на тяжесть крыши. Возможно, для теплоизоляции поверх жердей укладывался слой дерна.

За пределами региона подобные строения имеют широкий круг аналогий. Наиболее территориально и хронологически близкими являются саргаринско-алексеевские постройки Казахстана и ирменские Приобья. Сближает их каркасно-столбовая конструкция, полуземляночный тип, наличие двух камер с коридором-переходом, возможно, единые подходы к возведению стен и кровли. Особенностью бурлинских сооружений является плотность их расположения и наличие соединяющих столбы каркаса узких канавок. В кругу единовременных памятников подобные канавки известны только в наземных постройках летних поселений Меновное и Побока (Восточный Казахстан) [Ткачев и др., 2000].

В западной части степного и лесостепного Алтая наиболее многочисленны сооружения *саргаринско-алексеевской* культуры – 15 построек [Демин, Ситников, 1999, с. 25–26; Иванов, 2000, с. 25, 35–36, 62–63, 72–85; 2004, с. 49; 2005, с. 53; 2016; Папин, Федорук, Шамшин, 2014; Ситников, 2015, с. 113–114; Федорук, Папин, Редников, 2015б]. Они сходны между собой по ряду конструктивных особенностей котлованов и каркаса. Котлованы имеют подпрямоугольную форму, вертикальные стенки, ровный пол, прорезают материк на 0,2–0,8 м. Система расположения столбовых ям и их размеры указывают на каркасно-столбовую конструкцию и тяжелый тип строений. В ряде случаев зафиксированы входы-коридоры (Жарково-3, Рублево VI, Чекановский Лог-1). При этом очевидны индивидуальные особенности построек. В частности, сооружение № 1 поселения Жарково-3 – углубленная на 0,3–0,7 м в древнюю поверхность крупная (площадь ок. 260 м^2) однокамерная полуземлянка (рис. 4). Каркас состоял из связанных между собой центральной и внешней рам, базирующихся на вертикальных столбах. Стены сооружались, вероятно, из горизонтально уложенных жердей, зажатых между двумя рядами вертикальных столбов по краям котлована (закладная техника). Отсутствие столбовых ям в северном углу котлована может свидетельствовать об использовании на данном участке постройки растущих деревьев в качестве столбов либо о бревенчатых стенах, скрепленных способом замкового углового сопряжения (в обло, в охлуп или иное). Зафиксированы следы дополнительного утепления

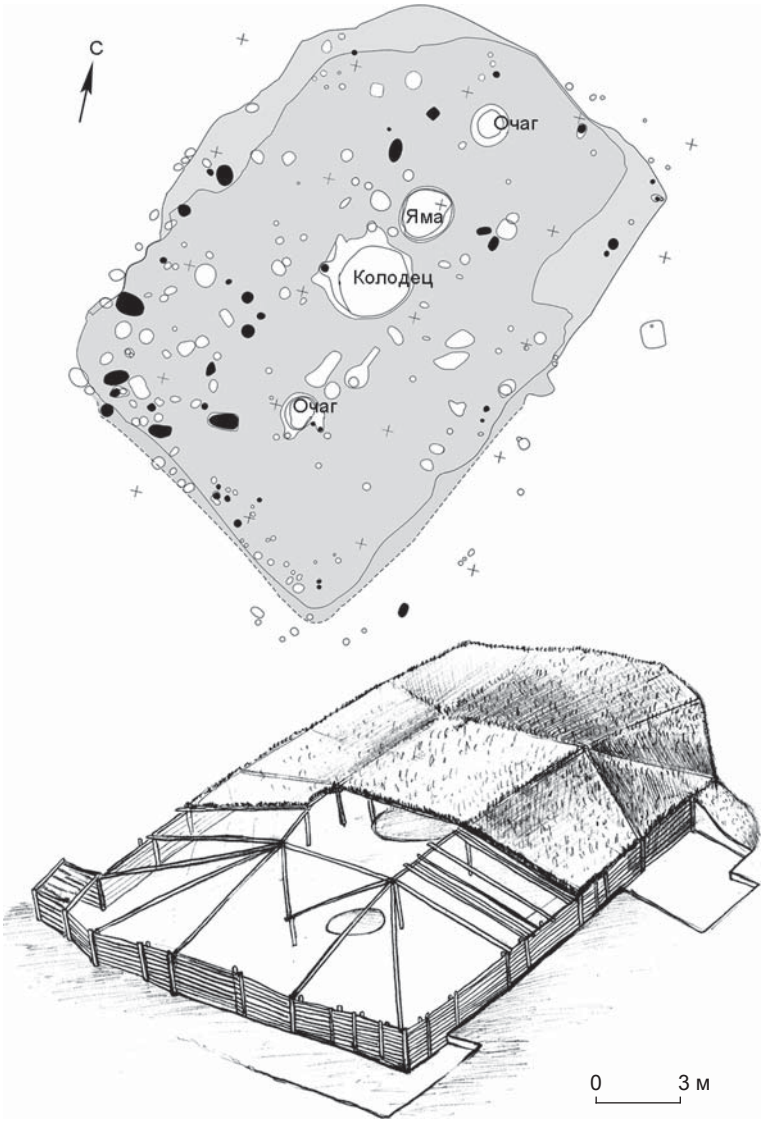


Рис. 4. План и вариант реконструкции сооружения № 1 на поселении Жарково-3.

стен завалинкой из земли с золой. В западном углу сооружения предположительно находился коридорообразный вход. Тяжелая кровля опиралась на рамы и стены. Возможно, для ее теплоизоляции также использовался дерн.

Иначе выглядело сооружение № 1 поселения Рублево VI (рис. 5). Оно представляло собой крупную (площадь 120–200 м^2) и глубокую полуземлянку, состоящую из двух камер, соединенных переходом. Камера № 1 (площадь 45–80 м^2) углублена на 0,5–0,9 м от древней дневной поверхности. Отсутствие столбов вдоль стен котлована (в сочетании с черной гумусированной полосой по его внутреннему периметру) и их наличие в центральной части (вдоль длинной оси) позволяют предполагать срубную конструкцию с двускатной кровлей, которая опиралась на центральную раму и верхние венцы сруба. С внешней стороны стен для утепления была сооружена завалинка из золы с землей. Очевидно, камера ненамного возвышалась над древней поверхностью. В северном углу котлована имелся коридор-вход, в центральной части противолежащей ему стены располагался коридорообразный переход во вторую камеру. Она больше (площадь 65–120 м^2) и глубже (до 1,0 м от древней дневной поверхности) первой. Каркас и кровля такие же, как у сооружения № 1 поселения Жарково-3. Стены могли состоять из горизонтальных рядов жердей, закрепленных между столбами каркаса. С внешней стороны стен была завалинка из золы с землей. Видимо, эта камера, так же как первая, ненамного возвышалась над древней дневной поверхностью.

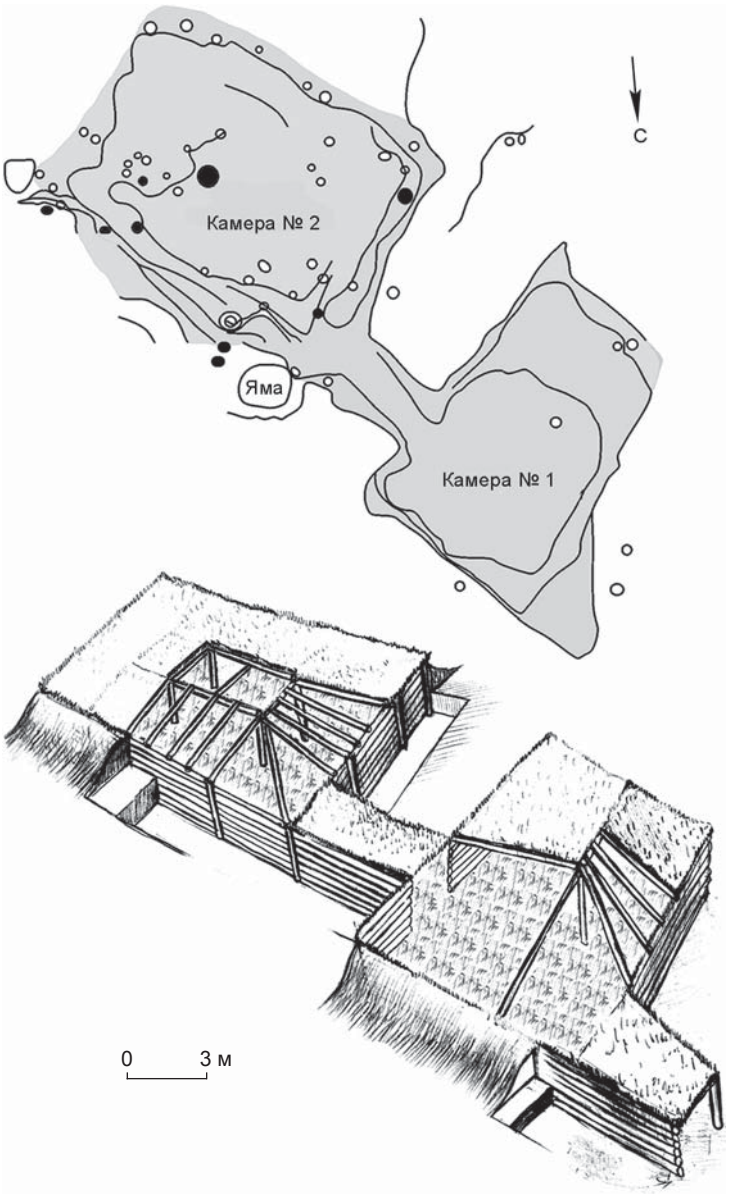


Рис. 5. План и вариант реконструкции сооружения № 1 на поселении Рублево VI.

Саргаринско-алексеевским постройкам Алтая находится множество аналогий на территории Казахстана. Каркасно-столбовая конструкция – явление распространенное (поселения Саргары, Трушниково, Малокрасноярка, Барашки-1, Шортанды-Булак, Суук-Булак), срубная же достаточно редка (жилище № 2 поселения Усть-Нарым) [Маргулан, 1979, с. 198–203, 224; Маргулан и др., 1966, с. 255, рис. 126; Ткачёва, 1997, с. 8]. Можно провести параллель с ирменскими материалами Новосибирского Приобья и Барабы. В частности, постройка № 1 поселения Жарково-3 соотносится с большими каркасно-столбовыми полуземлянками, а камера № 1 сооружения № 1 памятника Рублево VI – со срубными [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 31–47]. Камера № 2 этого сооружения сопоставима с ирменскими каркасно-столбовыми полуземлянками, но меньше по размерам. Сочетание в одном строении разных конструкций подтверждает синкретичный характер традиций населения региона.

Сооружения *ирменской* культуры на Алтае представлены восемью постройками. Судя по имеющимся данным, их площадь различна – от 20 (Речкуново-3) до 150 м^2 (Малый Гоньбинский Кордон-1, поселение 3). Котлованы углублены в материк на 0,1–0,8 м, что свидетельствует о существовании сооружений наземного, полуподземного и подземного типов. Сооружения имели оформленные входы-коридоры. Расположение столбовых ям преимущественно по периметру и в центре камер ука-

зывает на каркасно-столбовую конструкцию [Шамшин, 1988, с. 9; Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 212; Очерки…, 1995, с. 172]. Исключение составляет жилище поселения Крестьянское-9, где их отсутствие [Иванов, 1990, с. 87] предполагает наличие сруба.

Сооружения *корчажкинской* культуры в Приобье представлены тремя полуземлянками (Корчажка I и V) и двумя наземными постройками (Костенкова Избушка) [Шамшин, 1988, с. 8; Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 211, 221; Очерки…, 1995, с. 145]. Эти сооружения полноценно не опубликованы, что не позволяет провести их анализ.

Рассмотренные типы построек отражают уровень развития домостроительных традиций и специфику этнокультурного взаимодействия в регионе на среднем и позднем этапах бронзового века. Особенности отдельных сооружений, видимо, определялись их функциональным назначением, а также наличием местных источников строительного материала. Данные факторы носили универсальный характер и связаны с хозяйственно-культурным типом конкретных групп населения, но рассмотрение данной проблематики выходит за пределы настоящей работы.

Заключение

Обобщив рассмотренные материалы, можно построить условную модель сооружения, преобладавшую в представлениях о домостроительстве у населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке. Это каркасно-столбовая одно-, реже двухкамерная конструкция прямоугольной или подквадратной формы с входом в виде выступающего за пределы котлована коридора. Для андроновского времени характерны сооружения тяжелого и легкого типов, больших и средних размеров, каркасно-столбовой, а возможно, и срубной, конструкции, с плоской, двускатной или усеченно-пирамидальной крышей. В позднем бронзовом веке традиция возведения легких построек с двускатной кровлей воплощается в черкаскульском жилище (Калиновка II), хотя его особенностью является использование кольев для сооружения каркаса и наземный тип строения. Постройки тяжелого типа получили широкое распространение и характерны для большинства культур эпохи поздней бронзы региона. К ним относятся сооружения поселения Бурла-3 – каркасно-столбовые полуземлянки или наземные строения различных размеров с крышей в форме конуса либо усеченной пирамиды. Спецификой этих построек являются плотность их расположения и наличие соединяющих опорные столбы канавок, вероятно указывающих на использование заплотной техники крепления стен к столбам каркаса. Саргаринско-алексеевские сооружения демонстрируют приверженность общей модели – представляют собой полуземлянки тяжелого типа больших и средних размеров с каркасом из столбов и усеченно-пирамидальной кровлей. Отмеченное сочетание в одной постройке срубной и каркасно-столбовой конструкций (Рублево VI) свидетельствует о многокомпонентном составе этого населения. Ирменские сооружения схожи с саргаринско-алексеевскими, что объясняется активными этнокультурными контактами степного и приобского населения.

Представленные в регионе андроновские, саргаринско-алексеевские и ирменские постройки находят широкие аналогии на сопредельных территориях. Сходство проявляется в основных подходах к сооружению: каркасно-столбовой тип, углубленность котлованов, преимущественно вертикальные стены и двускатная либо пирамидальная кровля. При этом есть и отличия, связанные, в первую очередь, с наличием местного строительного материала. Наиболее ярко это демонстрируют андроновские и саргаринско-алексеевские постройки. Если на территории Казахстана часто использовался камень, то в рассматриваемом регионе – дерево. Жилище № 2 поселения Калиновка II, с одной стороны, близко черкаскульским строениям Зауралья, с другой – четко вписывается в андроновскую традицию возведения легких построек.

Таким образом, доминирующей тенденцией в домостроительстве населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке является дальнейшее развитие андроновской традиции, которая прерывается только в переходное к эпохе железа время в связи с появлением новых групп населения, что согласуется с общим трендом для юга Западной Сибири и Казахстана. Специфично на этом фоне выглядят «бурлинские» постройки. Их особенности, видимо, связаны с привнесенными из Средней Азии традициями.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Правительства РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом (договор № 14.Z50.31.0010), в рамках госзадания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/4.6).

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. – Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. – С. 50–78.

Берлина С.В. Некоторые вопросы методики реконструкции жилищ эпохи бронзы и раннего железного века юга Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 10–13.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпохи камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 4–45.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т; Уфа: Башк. гос. пед. ин-т, 1989. – 134 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые результаты археологических раскопок поселения Чекановский Лог-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 25–35.

Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: Башкир. фил. СССР, 1983. – С. 59–76.

Иванов Г.Е. Поселение Крестьянское-9 – памятник финальной бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 86–103.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 160 с.

Иванов Г.Е. Керамический комплекс поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 49–56.

Иванов Г.Е. Разведочные работы 1972 г. в степном Алтае // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 52–55.

Иванов Г.Е. Раскопки поселения Суслово-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Вып. XXII. – С. 54–59.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. – Барнаул: [б. и.], 1992. – Вып. 15. – С. 194–222.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 363 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1985. – С. 29–54.

Мыльников В.П. Типы жилищ и особенности домостроения по данным археологии: историографический аспект // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 562–573.

Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 72–86.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. – 196 с.

Овчаренко А.П., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2005. – Т. 1. – С. 141–154.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 1. – Кн. 1: Поселения и жилища. – 485 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево-VI) // Маргулановские чтения-2014: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Алматы; Павлодар: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 82–87.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2015. – 215 с.

Ткачёв А.А., Ткачёва Н.А., Винокурова Е.И., Лысенко Ю.А. Охранные раскопки поселения Меновное в Восточном Казахстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 130–134.

Ткачёва Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла III // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015а. – № 4/1 (88). – С. 280–284.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилища эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Человек и Север: Антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015б. – Вып. 3. – С. 190–193.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А. Сооружение андроновского периода на поселении Жарково-3 // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 284–288.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А., Демин М.А. Традиции домостроительства населения эпохи поздней бронзы степного Алтая (по материалам поселения Бурла 3) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. – № 3/2 (87). – С. 250–255.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1988. – 16 с.

Материал поступил в редколлегию 27.02.17 г.,
в окончательном варианте – 23.05.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.083-091
УДК 903.26

К.В. Конончук[1], А.Г. Марочкин[2, 3]
[1]Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: konstantinkonon@mail.ru
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Советский пр., 18, Кемерово, 650000, Россия
[3]Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия
E-mail: comcon@yandex.ru

Предметы художественной металлопластики из окрестностей Томской писаницы

В статье впервые введена в научный оборот информация о нескольких уникальных древних предметах художественной металлопластики, обнаруженных в 1970-х, 1990-х и 2010-х гг. возле Томской писаницы: одной зооморфной фигурке, двух антропоморфных личинах и одной орнитоморфной подвеске. Определены их аналогии в культовых и погребальных комплексах Южной и Западной Сибири. Аргументировано стилистическое тождество фигурки лошади/кулана некоторым категориям скифо-сибирского культового литья из материалов тагарской и кижировской культур V–IV вв. до н.э. Обоснована принадлежность антропоморфных личин к томско-нарымскому варианту позднекулайского культового литья и предложена их датировка в пределах I в. до н.э. – V в. н.э. с возможным омоложением до VI в. н.э. в аспекте формирования посткулайских раннесредневековых культур. Установлено, что орнитоморфное изображение, датированное VI–VII вв. н.э., относится к транскультурному раннесредневековому канону, восходящему к позднекулайской изобразительной традиции. Предположена общность Томской писаницы с культовыми местами раннего железного века и раннего Средневековья Западной и Южной Сибири, выраженная в практике вотивных захоронений вещей, в т.ч. предметов художественной металлопластики. Обозначена семантическая связь подобных практик в окрестностях Томской писаницы с североазиатской традицией «жертвенников» вблизи наскальных изображений. Высказана версия о вариативности форм культового отношения позднекулайского населения к нижнетомским петроглифам в первой половине I тыс. н.э.

Ключевые слова: *художественное литье, ранний железный век, раннее Средневековье, культовое место, Томская писаница.*

K.V. Kononchuk[1] and A.G. Marochkin[2, 3]
[1]Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya nab. 18, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: konstantinkonon@mail.ru
[2]Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sovetsky pr. 18, Kemerovo, 650000, Russia
[3]Kemerovo State University,
Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: comcon@yandex.ru

Artistic Metalwork Found Near the Tomskaya Pisanitsa

We describe rare toreutic items found in the 1970s, 1990s, and 2010s near the Tomskaya Pisanitsa rock art site—a zoomorphic figurine, two anthropomorphic masks, and an ornithomorphic pendant. Parallels among the ritual and funerary artifacts from Southern and Western Siberia are discussed. The figurine representing a horse or an onager resembles certain examples of ritual toreutic art of the Tagar and Kizhirovo cultures (500–300 BC). Anthropomorphic masks represent the Tomsk-Narym variant of late

© Конончук К.В., Марочкин А.Г., 2018

Kulaika toreutics (100 BC to 500 AD) but may be as late as the sixth century, being associated with the post-Kulaika early medieval tradition. The ornithomorphic figurine, dating to 500–700 AD, belongs to the early medieval trans-cultural tradition that had originated from late Kulaika art. The Tomskaya Pisanitsa site resembles Early Iron Age and early medieval sanctuaries of Western and Southern Siberia with votive hoards of artifacts including toreutic ones. Such sites are part of the Northern Asian tradition of offerings made near rock art galleries. Hypotheses are advanced about the attitudes of the late Kulaika people to rock art sites in the first half of the first millennium AD.

Keywords: *Artistic metalwork, Early Iron Age, Early Middle Ages, sanctuaries, rock art, Tomskaya Pisanitsa.*

Введение

В июле 2015 г. при расчистке одной из расщелин над скальными плоскостями Томской писаницы участник петроглифической экспедиции А.С. Техтереков обнаружил литую фигурку лошади или кулана. В разные годы в окрестностях памятника были обнаружены еще три предмета художественной металлопластики: две антропоморфные личины и орнитоморфная подвеска. Из них только изображение птицы частично опубликовано [Ковтун, 2001, с. 45], остальные в силу разных причин оставались неизвестными научному сообществу. Анализ этих предметов позволяет вернуться к вопросу о культовых практиках на крупнейшем петроглифическом комплексе Нижнего Притомья.

Описание предметов художественной металлопластики

Бляха в виде фигурки кулана/лошади. Обнаружена в нижней части расщелины-водотока, протянувшейся с северо-запада на юго-восток над плоскостью с наскальными изображениями 2-й группы (рис. 1). Предмет лежал в толще рыхлых отложений каменной крошки и земли и, скорее всего, был перемещен относительно первоначального месторасположения. Бляха представляет собой рельефную фигуру лошади или кулана, повернутую влево, с вытянутой вперед шеей и опущенной головой (рис. 2). На оборотной стороне находится петля для горизонтального ремня. Размеры предмета 46 × 27 × 10 мм, масса 16,88 г. Вся поверхность покрыта патиной. Элементный состав определен рентгенофлуоресцентным методом на спектрометре ArtTAX (Brüker) в отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа (эксперт С.В. Хаврин): медь – более 97 %, мышьяк – 0,5–1,0, свинец – 0,2–0,6, никель – 0,1–0,5, железо – 0,1–0,5 %, олово – следы. Фактически предмет выполнен из чистой меди.

Формы трактованы реалистично. Надо лбом возвышается челка. Овально-треугольные уши поставлены вертикально, правое чуть выдается вперед. Глаз передан овалом. Ноздри и рот слаборазличимы из-за патины. Голова отграничена от шеи более высоким рельефом скул. Холка передана в виде выраженного горбика. Лопатка показана в более высоком рельефе, чем туловище и бедро. Последнее отграничено от живота вырезом. Ноги массивные, короткие. Длинный хвост опущен и примыкает к голеням задних ног.

Антропоморфная личина с приостренной верхней частью. Найдена в 1970-х гг. на площадке над скалой с изображениями 2-й группы (по устному сообщению В.В. Боброва). Находчик неизвестен, как и достоверный контекст обнаружения. Личина выполнена в технике плоского одностороннего литья. Размеры изделия 55 × 18 × 2 мм, масса 9,58 г. Форма предмета приближена к эллипсоидной, с острым окончанием верхней части и вытянутым прямоугольным основанием, края которого не обработаны после отливки. Изображение нанесено с внешней, «выпуклой» стороны (рис. 3).

Рис. 1. Томская писаница.
1 – плоскость с наскальными изображениями; *2* – место обнаружения фигурки лошади/кулана.

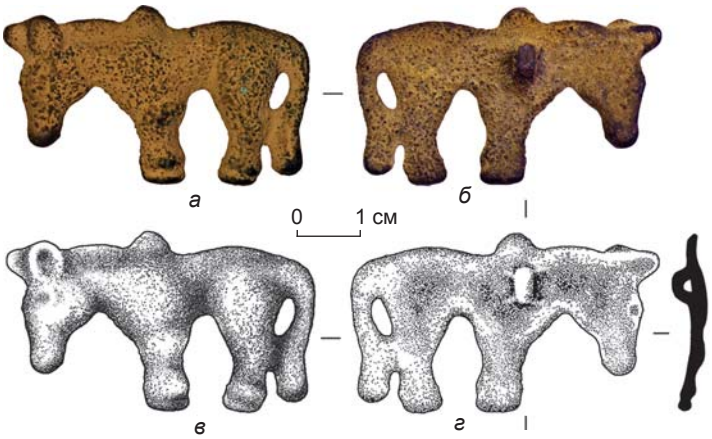


Рис. 2. Подвеска в виде фигурки лошади/кулана.
а, б – фото; *в, г* – рисунок; *а, в* – лицевая сторона, *б, г* – оборотная.

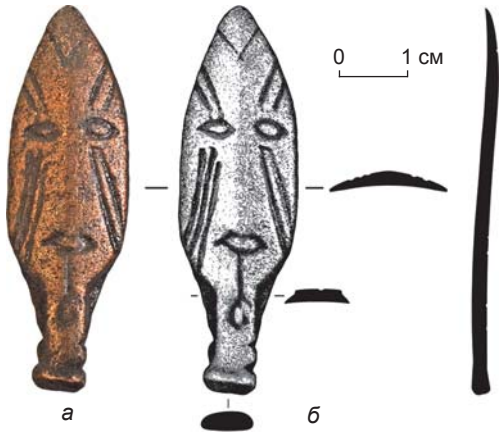


Рис. 3. Антропоморфная личина с приостренной вершиной.
а – фото; *б* – рисунок.

Черты лица и элементы головного убора показаны слегка углубленными контурами. Поперечный разделитель между лицом и головным убором отсутствует, как и какие-либо рельефные обозначения носа и подбородка. Острой вершине предмета приданы ромбовидные очертания посредством V-образного знака. Глаза и рот изображены в виде изоморфных горизонтальных эллипсов с незаполненным внутренним пространством. Над глазами расположены парные короткие линии, направленные от краев личины к ее центру. По диагонали вниз от правого глаза идут три слегка изогнутые линии, от левого – две почти прямые. От рта до середины шеи-основания проведена вертикальная линия с петлевидным окончанием. В нижней части основания на боковые грани симметрично нанесено по две небольшие риски, вероятно, для крепления предмета к какой-либо основе. Низ основания подчеркнут небольшим барельефным валиком.

Антропоморфная личина с усеченной верхней частью. Обнаружена в 1990-х гг. на правом берегу р. Писаной, неподалеку от ее устья, т.е. в непосредственной близости от 1-й группы рисунков (устное сообщение Г.С. Мартыновой). Сохранность изделия достаточно хорошая, большая часть поверхности покрыта благородной патиной. Личина выполнена в технике плоского литья. По абрису фиксируются незачищенные литейные заусенцы. Размеры предмета 59 × 33 × 2 мм, масса 27,3 г. Форма изделия полуовальная, с усеченной верхней частью. Внизу выделена шея-основание подпрямоугольной формы. Симметрично ей на верхнем срезе расположен небольшой подпрямоугольный выступ. Изображение нанесено на внешней, «выпуклой» стороне (рис. 4).

Глаза и рот показаны изоморфными горизонтальными эллипсами с незаполненным внутренним пространством. От глаз вниз расходятся парные диагональные линии. Барельефом обозначены линия головного убора или бровей, нос либо наносник шлема, а также усы.

Орнитоморфная подвеска. Обнаружена у подножия скалы, поблизости от рисунков 2-й группы в 1991 г. сотрудником музея-заповедника (по устному сообщению Г.С. Мартыновой). Подвеска представляет собой реалистичное изображение хищной птицы (сокола или орла) в т.н. геральдической позе. Размеры предмета 50 × 33 × 22 мм, масса 18,67 г. Изделие выполнено в технике плоского одностороннего литья. Сохранность хорошая, вся поверхность покрыта благородной патиной (рис. 5). Лицевая сторона подвески выпуклая, оборотная – слабовогнутая, без изображений, на ней вверху сохранились остатки петли

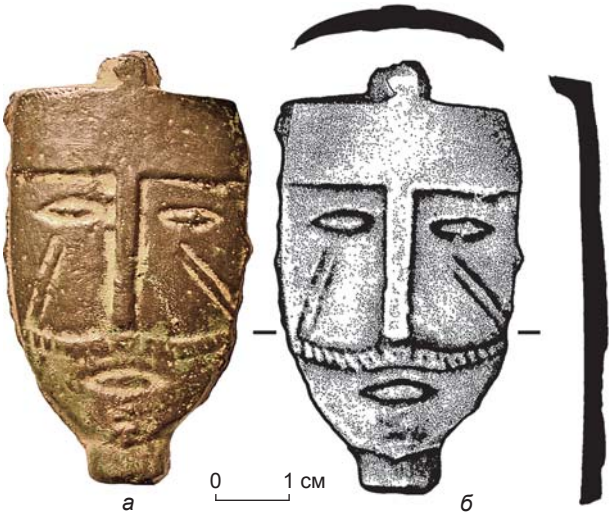


Рис. 4. Антропоморфная личина с усеченной вершиной.
а – фото; *б* – рисунок.

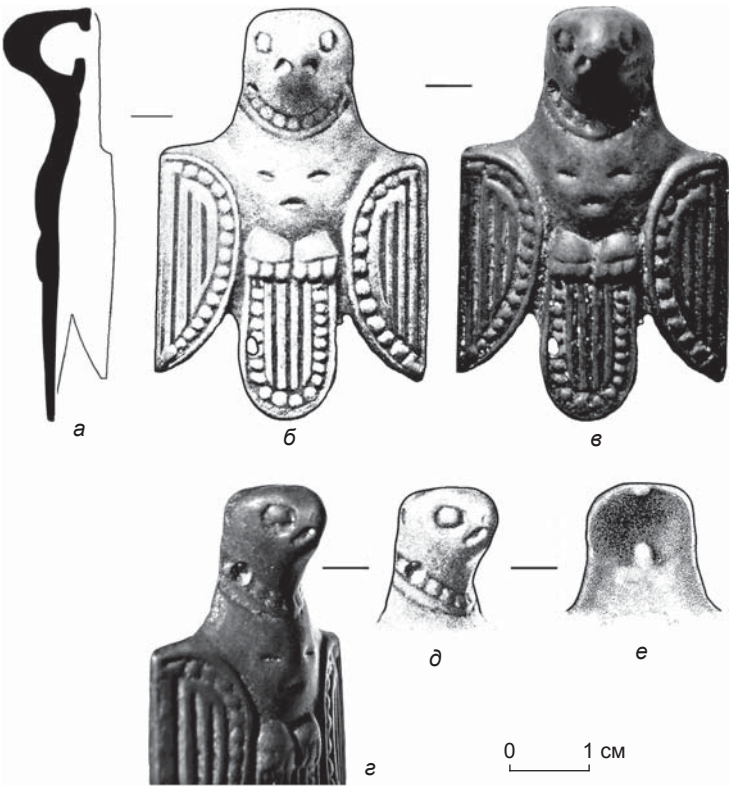


Рис. 5. Орнитоморфная подвеска.
а, б, д, е – рисунок; *в, г* – фото; *а* – продольное сечение по центру; *б, в* – вид анфас; *г, д* – вид верхней части в профиль; *е* – оборотная сторона в верхней части.

для продевания ремешка. Справа в области шеи птицы имеется патинированное конусовидное углубление, происхождение и назначение которого остаются неясными.

Рельефно выделена голова, на которой углублениями обозначены округлые глаза и загнутый клюв. Длинная шея украшена полукруглым «ожерельем». Опущенные вниз крылья и удлиненный полуовальный хвост оконтурены валиками и мелким «жемчужником», а их внутреннее пространство заполнено вертикальными валиками. Над хвостом рельефно выделены лапы с поджатыми когтями. На груди птицы тремя линзовидными углублениями показана стилизованная личина.

Культурно-хронологическая принадлежность предметов в свете стилистических аналогий

Культурно-хронологическая атрибуция археологических предметов, найденных вне контекста, чаще всего основана на методе аналогий и нередко гипотетична. Однако для рассматриваемых изделий круг стилистически близких предметов очерчивается достаточно четко. По всей видимости, наиболее древней среди этих изделий является зооморфная бляха-подвеска в виде фигурки лошади/кулана. Данный образ, по мнению специалистов, возник в Южной Сибири в скифское время и связан с культурой степных племен [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 46]. В южно-сибирской металлопластике этого времени изображение стоящей лошади или кулана использовалось при оформлении ручек котлов, горельефов и наверший на рукоятках ножей тагарской культуры [Амзараков, 2012; Завитухина, 1983, с. 64]. В Ачинско-Мариинской лесостепи и к северу от нее известна серия объемных фигурок кулана с подогнутыми ногами, «лежащих» на бронзовых зеркалах, – в материалах Айдашинской пещеры [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. XI, *5*; XII], Ишимского клада [Плотников, 1987, рис.1, *1–11*]. Подобный предмет был найден в Минусинской котловине [Завитухина, 1983, с. 64, рис. 156]. Такие фигурки предлагалось датировать переходным тагаро-таштыкским временем [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 45–46].

Наиболее близки, почти идентичны зооморфной бляхе-подвеске литые фигурки лошадок из Степановки и Шеломокского клада в Томском Приобье [Плетнёва, 1976, рис. 27, *15*; 2012, с. 18–20]. Помимо объемного исполнения, общим для всех предметов является наличие на оборотной стороне крепежного устройства – петли (на находках из Шеломокского клада и окрестностей Томской Писаницы) и стерженька со шляпкой (на фигурке из Степановки). При анализе степановской находки Л.М. Плетнева обосновала ее типологическое сходство с фигурками V–IV вв. до н.э. из тагарского могильника Малая Иня (юг Красноярского края) [Членова, 1967, табл. 25, *21*] и святилища на Лысой горе на р. Яя (северные предгорья Кузнецкого Алатау) [Там же, табл. 34, *6*; Мартынов, 1976, рис. 1, *63*]. Эти аналогии справедливы и для фигурки из окрестностей Томской писаницы. С учетом вышесказанного время создания данного зооморфного изображения в пределах V–IV вв. до н.э. При этом допустимо более позднее размещение предмета на скале. В культурном отношении изделие близко тагарским древностям Ачинско-Мариинской лесостепи или кижировским (шеломокским) комплексам Томского Приобья, генетически связанным с тагарским миром.

Обе антропоморфные личины являются образчиками антропоморфного литья, сформировавшегося на позднем этапе существования кулайской исторической общности в юго-восточной части ее ареала

(по Ю.П. Чемякину – томско-нарымский вариант кулайской металлопластики) [Чемякин, 2013]. По типологии Ж.Н. Труфановой, овальные личины с приостренной вершиной составляют II иконографический тип антропоморфных изображений кулайского плоскостного литья, а усеченно-овальные – IV [2003, с. 16]. Для обоих предметов следует отметить такую типичную позднекулайскую черту, как «небрежность» исполнения, выраженную в незачищенных краях и других мелких дефектах [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 7–8].

«Остроголовое» изображение из окрестностей Томской писаницы в рамках II иконографического типа имеет выраженное сходство с «шлемоголовой» парабельской личиной из Среднего Приобья, датируемой специалистами последней третью I тыс. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 75, 106] или рубежом эр [Бородовский, 2015, с. 94]. Еще более близки этому изделию две позднекулайские личины из коллекции случайных сборов Новосибирского краеведческого музея [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 8, *5*, *6*]. Иконографически их сближают «остроголовость», округлость форм, наличие выраженной шеи-основания, штриховой декор предполагаемой области головного убора, эллипсоидные очертания глаз и рта. Примечательны изогнутые линии-«татуировки» под глазами. Особенность личины из окрестностей Томской писаницы в ее миниатюрности, подчеркнутой схематичности, отсутствии разделительных линий между лицом и областью головного убора, а также изображений носа и подбородка.

Очень большое сходство рассматриваемый нами предмет имеет с приостренной личиной из насыпи кург. 60 Тимирязевского курганного могильника I, датируемого О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой V–VI вв. н.э. и относимого к началу раннего Средневековья [1983, рис. 12, *7*]. Однако этот период в Томском Приобье авторы соотносят с финалом слияния местного населения с кулайским [Там же, с. 127], что в принципе подтверждает связь личин подобного типа с позднекулайской изобразительной традицией. Наконец, отметим отличия находки из окрестностей Томской писаницы от ромбовидных антропоморфных личин, формирующих раннесредневековый транскультурный предметный комплекс Западной Сибири [Бородовский, 2015]: округленность очертаний, отсутствие барельефных элементов и крепежных выступов на торцах [Там же, рис. 1, *3, 4*].

Личина с усеченной верхней частью находит многочисленные аналогии в материалах культовых мест и кладов Томско-Нарымского Приобья и Среднего Притомья. Можно отметить предметы из Кулайского и Парабельского культовых мест [Чиндина, 1984, рис. 17, *3, 4*; 35, *3*], Ишимского [Плотников, 1987, рис. 1, *1*] и Елыкаевского [Могильников, 1968, рис. 3, *9*] кладов. Появление и бытование подобных изделий определяется Л.А. Чиндиной в пределах саровского этапа [1984, с. 122], но она допускает и средневековый возраст некоторых из них, в частности, личин с Лисьего мыса и из Елыкаевского клада [Чиндина, 1991, рис. 20, *8, 9*]. В последнем случае это не противоречит предложенной ранее В.А. Могильниковым средневековой атрибуции Елыкаевской коллекции [1968, с. 268].

Вместе с тем на датировку т.н. «смешанных» кладов Западной Сибири, в которых имеются аналогичные рассматриваемым личины, существуют две точки зрения. Одна представлена в работах В.А. Могильникова [1968] и Ю.А. Плотникова [1987, с. 125], датирующих подобные скопления вещей средневековым временем из-за наличия предметов вооружения из железа. Другая точка зрения изложена Ю.В. Шириным, который, исходя из морфологии железного оружия фоминской культуры и отсутствия средневековых поясных наборов, предложил ограничить верхнюю дату «смешанных» кладов V в. н.э. и связать их с позднекулайской традицией вотивных «захоронений» вещей в культовых местах [1993, с. 159–161; 2003, с. 120]. Подобное предположение представляется более доказательным, и если оно верно, то «средневековый» возраст некоторых антропоморфных личин может быть пересмотрен в сторону удревнения. Впрочем, в литературе неоднократно отмечалась генетически обусловленная близость позднекулайской и раннесредневековой (релкинской) металлопластики, дифференциация которых зачастую возможна только в контексте [Чиндина, 1991, с. 61–63, 66–68]. Учитывая это, логичным будет датировать рассматриваемые личины в широком диапазоне, от рубежа эр и вплоть до VI в., с констатацией их поздне- или посткулайской принадлежности.

Стилистический канон, согласно которому выполнена орнитоморфная подвеска, также сложился в позднекулайское время [Чиндина, 1984, с. 72–74; Труфанова, 2003, с. 19]. В раннем Средневековье этот образ получил широкое, транскультурное распространение на Урале и в Западной Сибири, в т.ч. в релкинской и верхнеобской культурах Верхнего и Среднего Приобья [Чиндина, 1991, с. 58–59, рис. 22, *2*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 19]. Применительно к Среднему Притомью и Кузнецкой котловине наиболее поздняя датировка подобных изображений не выходит за пределы VI–VII вв. н.э. [Кузнецов, 2013]. По всей видимости, именно этим временем следует датировать и подвеску из окрестностей Томской писаницы.

Находки в контексте культовых мест раннего железного века и раннего Средневековья Западной Сибири

Обнаруженные предметы разновременные. Наиболее раннее изображение имеет тагарский или кижировский облик и датируется серединой – второй половиной I тыс. до н.э., а остальные связаны с поздне- или посткулайским культовым литьем и относятся к первой половине I тыс. н.э., возможно, VI–VII вв. н.э. Еще раз отметим, что предметы не образуют единого локального скопления, как на Парабельском или Ишимском культовых местах. Их «захоронение» связано с участками, отстоящими друг от друга на десятки метров. Вероятнее всего, мы имеем дело с остатками нескольких разновременных кладов или с размещением одиночных предметов. К сожалению, остается неизвестным полный археологический контекст этих замечательных находок. Вместе с тем концентрация «эксклюзивных» предметов на относительно небольшом участке местности требует объяснения. В качестве такового вполне логичным будет допустить отношение находок к культовому месту, по аналогии с хорошо известными культовыми памятниками раннего железного века и раннего Средневековья (Кулайская гора, Парабельское, Ишимское и др.).

Общеизвестна обязательная приуроченность культовых мест Урало-Западносибирского региона к примечательному, необычному элементу ландшафта. В лесной зоне Урала таковыми являются пещеры, скалы, горы, холмы, острова на озерах, болота [Культовые памятники…, 2004, с. 315–316]; в Западной и Южной Сибири – чаще всего господствующие над местностью холмы (Кулайская гора и Парабельское культовое место в Среднем Приобье, ритуальный комплекс в устье р. Киргизки и культовые объекты на поселении Шеломок в Томском Приобье [Плетнёва, 2012, с. 168], Лысая гора в Томско-Яйском междуречье), как более редкие варианты – острова и пещеры (Ишимский клад в Томь-Чулымском междуречье [Плотников, 1987], Айдашинская пещера в Ачинско-Мариинской лесостепи [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980; Молодин, 2006, с. 43–59]). Томская писаница в полной мере отвечает этим требованиям – живописная, нависающая над реками Томью и Писаной крутая скала, образующая цоколь высокого холма. В совокупности геоморфологическая специфика и представленные находки художественной металлопластики сближают ее с другими культовыми местами раннего железного века и начала раннего Средневековья Западной Сибири. Считаем наиболее вероятным, что фигурка лошади/кулана связана с культовыми практиками докулайского, скифского населения Притомья, а остальные предметы – с позднекулайским или посткулайским периодом функционирования святилища.

Находки как проявление традиции сооружения жертвенников у петроглифических комплексов

Термин «жертвенное место»/«жертвенник» для археологических материалов, обнаруженных близ писаниц, впервые использован О.Н. Бадером в 1950-х гг. (см.: [Мазин, 1994, с. 67]). Немногим позже подобная идея сформулирована А.П. Окладниковым при анализе писаниц Суруктах-Хая в Якутии и Нарин-Хундуй в Забайкалье [Окладников, Запорожская, 1969, с. 6, 40; 1972, с. 9–10]. Им выделены критерии такого рода культовых памятников: продолжительность функционирования, наличие сакральных предметов (приспособления для добывания огня, наконечники стрел и др.) и присутствие следов ритуальных жертвоприношений, имеющих аналогии в этнографии [Окладников, Запорожская, 1970, с. 114; 1972, с. 35–41, 78–81].

А.В. Тиваненко рассматривал писаницы как элемент культовых мест, связанных с почитанием духов местности. Признаки святилища он видел в локализации разновременного археологического материала вблизи плоскостей (под ними, над ними, в расщелинах и т.д.) [Тиваненко, 1989, с. 5, 6; 1990, с. 92–94, 97]. А.И. Мазин выделил два типа жертвенников при писаницах Приамурья – грунтовые (характерны для лесной зоны) и расположенные в специальных каменных оградках (распространены в степном и лесостепном Восточном Забайкалье). Им обозначены четыре основных вида культовых практик: нанесение рисунков и очищение огнем, после чего скала становилась неприкосновенной; нанесение дополнительных рисунков; приношение подручных вещей при случайном приближении к петроглифам; приношение вещей в ходе специального посещения [Мазин, 1994, с. 67–71]. Предложенная схема, с нашей точки зрения, во многом универсальна. Имеющиеся данные говорят о широком распространении подобной практики на территории Северной Азии в древности, Средневековье и этнографической современности.

Урал. Начиная с 1940-х гг. ведутся исследования археологического контекста уральских писаниц [Бадер, 1954, с. 254]. Самым изученным в этом отношении комплексом является Вишерский писаный камень – на площади 140 м^2 обнаружено более 6 тыс. разновременных артефактов [Культовые памятники…, 2004, с. 315–316]. Известны культовые места у Алапаевского, Ирбитского, Тагильского, Туринского писаных камней, Балакинской, Першинской, Шайтанской, Шитовской писаниц, Камня Балабан I и др. [Широков, Чаиркин, 2011, с. 17, 30, 35, 38, 41, 87, 102, 116; Дубровский, Грачев, 2010, с. 115, 124, 138].

Восточная Сибирь. В Приамурье А.И. Мазиным древние жертвенники обнаружены у 37 из 52 обследо-

ванных писаниц [1994, с. 36]. В Прибайкалье А.В. Тиваненко провел результативные раскопки у подножия 40 петроглифических местонахождений [1994, с. 20]. Н.Н. Кочмар сообщает о 56 жертвенниках, связанных с 19 писаницами Якутии [1994, с. 146]. В бассейне Ангары еще в 1930-х гг. А.П. Окладниковым выделено культовое место у писаницы на р. Каменке, в культурном слое которого были найдены фрагменты керамики, костяные и бронзовые наконечники стрел, бронзовое тагарское зеркало [1966, с. 103]. Уникальным не только для Ангары, но и для всей Сибири является исследованный в 1990-х гг. Ю.А. Гревцовым Усть-Тасеевский культовый комплекс. Его материалы датируются от эпохи раннего железа до этнографической современности, с преобладанием предметов скифо-сибирского звериного стиля [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011].

Южная Сибирь. На Енисее известно только одно подобное местонахождение, несмотря на многочисленные петроглифические комплексы в регионе. Это погребение середины I тыс. до н.э., найденное в 2004 г. при расчистке осыпей Шалаболинской писаницы [Заика, Дроздов, 2005, с. 113]. В Горном Алтае известен археологический материал из раскопов у петроглифов в Кызык-Телани, Айрыдаше, у с. Кокоря и в урочище Калбак-Таш [Суразаков, 1988, с. 74; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 24, 25]. Уникален культовый комплекс в гроте Куйлю на р. Кучерле – его культурные отложения частично перекрывали рисунки, расположенные на вертикальных плоскостях. Здесь обнаружены материалы афанасьевской эпохи, скифского времени, Средневековья и этнографической современности [Молодин, Ефремова, 2010, с. 199].

Для писаниц нижней Томи до недавнего времени такие сведения были фрагментарны. В качестве культовых жертвенников рассматривались скопления костей, углей и керамики на склонах Томской писаницы [Мартынов, 1970, с. 27–28], случайно найденный в расщелине на этом же памятнике бронзовый наконечник [Ковтун, 2001, с. 46]. В 2008–2012 гг. у Новомановской писаницы раскопана стоянка Долгая-1, часть материалов которой можно достоверно связать с культовыми практиками бронзового века и переходного времени к эпохе железа [Ковтун, Марочкин, 2014]. Предметы культовой металлопластики на памятнике пока не найдены, несмотря на многочисленную керамику раннего железного века и раннего Средневековья (последнее обстоятельство может быть объяснено множеством причин, в т.ч. тем, что, в отличие от Томской писаницы, Новомановская расположена на низком, ежегодно затопляемом цоколе).

Представляется вполне логичным, что обнаруженные у Томской писаницы предметы художественного литья – это проявление характерной для Северной Азии трансэпохальной и транскультурной традиции жертвоприношения у наскальных рисунков. По всей видимости, следует говорить о сочетании традиционных форм сакрализации, в основе которых лежит практика захоронения вещей в культовых местах. Разделять эти традиции можно лишь условно. Не исключено, что петроглифы, нанесение которых изначально было одной из ритуальных практик в рамках культа «особых» мест, превратились в самостоятельный фактор их сакрализации.

Заключение

В рамках дискуссии наиболее ранние изображения писаниц нижней Томи предлагается датировать неолитом [Окладников, Мартынов, 1972] или самусьским периодом эпохи бронзы [Ковтун, 1993; 2001; Молодин, 2016, с. 42, 50]. Выделен пласт рисунков позднего бронзового века [Ковтун, 2001, с. 52, 66; Ковтун, Русакова, 2005]. То есть к началу эпохи железа некоторые нижнетомские писаницы существовали уже несколько тысячелетий.

Материалы скифского времени Кузнецкой котловины характеризуют ее как «нейтральную» зону, которая активно осваивалась большереченцами и одновременно находилась под влиянием енисейского населения [Бобров, 2013, с. 285]. В качестве сценария их взаимодействия В.В. Бобров допускает передвижение малых групп. В рамках этого сценария считаем вполне вероятным проникновение в Среднее Притомье не только тагарского, но и кижировского (шеломокского) населения, тем более что была общая речная магистраль. Археологическим подтверждением является найденное изображение лошади/кулана (гипотетически – жертва культовому месту у Томской писаницы).

В конце I тыс. до н.э. в Среднее Притомье пришло позднекулайское население, о чем свидетельствует наличие соответствующих культово-погребальных комплексов и поселенческой керамики [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014]. По мнению Ю.В. Ширина, кулайский компонент активно участвовал в процессах культурогенеза на южной периферии позднекулайской общности, в т.ч. и на Томи, что в конечном итоге привело к формированию фоминской культуры II–IV вв. н.э. [2003, с. 158–159].

Одним из возможных вариантов сакрализации кулайцами нижнетомских писаниц было создание собственных наскальных изображений – их наличие неоднократно предполагалось специалистами [Чернецов, 1971, с. 105; Бобров, 1978; Ломтева, 1993; Труфанова, 2003; Русакова, 2015], хотя и сохраняет дискуссионность (обзор см.: [Ковтун, Марочкин, 2014]). Другим способом могло стать использование предметов плоскостного литья для построения сюжетных композиций на какой-то основе, т.е. своеобразная

имитация или замена статичных скальных плоскостей, – это интересное предположение принадлежит В.В. Боброву [2008]. Наконец, третьим вариантом, не исключающим первых двух, было введение некоторых древних писаниц в систему культовых мест с характерной традицией вотивного «захоронения» предметов. Участие кулайского культурного субстрата в формировании раннесредневековых культур Верхнего и Среднего Приобья делает вероятным сохранение этой традиции и во второй половине I тыс. н.э.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.2597.2017/ПЧ. Авторы выражают искреннюю благодарность В.И. Молодину, В.В. Боброву, А.И. Мартынову, Г.С. Мартыновой, И.В. Ковтуну, Л.В. Панкратовой, П.В. Герману за ценные консультации, Л.Ю. Бобровой и Г.С. Мартыновой за возможность публикации ранее неизвестных предметов, а также Е.А. Миклашевич и С.В. Хаврину за организацию и проведение элементного анализа находки 2015 г.

Список литературы

Амзараков П.Б. Изображения лошади на двух бронзовых ножах тагарской культуры // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 1 (3). – С. 48–50.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – № 21. – С. 241–258.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Бобров В.В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 33–42.

Бобров В.В. Новая находка художественной металлопластики кулайской культуры // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 144–146. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Бобров В.В. Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 275–286.

Бородовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 92–96.

Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77–86.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екатеринбург: Грачёв и партнеры, 2010. – 216 с.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее: Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.

Заика А.Л., Дроздов Н.И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства: сб. докл. Междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111–115.

Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новомановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 17–24.

Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 352–354.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 263 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Кузнецов Н.А. Бронзовые изображения птиц в памятниках верхнеобской культуры // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Полиграфист, 2013. – Вып. 4. – С. 5–18.

Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 430 с.

Ломтева А.А. К вопросу о хронологической и культурной принадлежности петроглифов Новомановской писаницы // Современные проблемы исторического краеведения. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – С. 18–21.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 100 с.

Мартынов А.И. Эхо веков. – Кемерово: Кн. изд-во, 1970. – 52 с.

Мартынов А.И. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II–I вв. до н.э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1976. – С. 34–43. – (Изв. Лаборатории археологических исследований; вып. 8).

Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. – 1968. – № 1. – С. 263–268.

Молодин В.И. Меч каролингов. – Новосибирск: Инфолио, 2006. – 144 с.

Молодин В.И. Наскальные изображения Бии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 112 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на р. Кучерла (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 217 с.; 1970. – Ч. 2. – 262 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.

Панкратова Л.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Культовый комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 108–115.

Плетнёва Л.М. Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 235–241.

Плетнёва Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 190 с.

Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 120–135.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Русакова И.Д. Плоскость шесть Томской писаницы: новые материалы // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер.: Археология. – 2015. – № 1 (9), вып. 2. – С. 78–89.

Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 56–83.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 201 с.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 206 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 146 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 2003. – 26 с.

Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика сургутского варианта кулайской культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 137–141.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – Ч. 2. – 148 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 152–162.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.В. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. – Екатеринбург: [б. и.], 2011. – 182 с.

Материал поступил в редколлегию 12.01.16 г.,
в окончательном варианте – 19.02.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.092-099
УДК 904

П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: Polllina1987@rambler.ru; pmandryka@yandex.ru

Культурные связи населения нижней Ангары в развитом Средневековье (по материалам комплекса Проспихинская Шивера IV)

На основании материалов могильника Проспихинская Шивера IV рассматриваются вопросы межкультурных связей населения нижней Ангары в начале II тыс. н.э. Влияние енисейских кыргызов отмечается по комплексам XI–XII вв., где представлены сабля с обоюдоострым острием, железные шарнирные ременные наконечники, элементы двух поясных наборов с железными прямоугольными и «бобовидными» накладками. С XIII в. обитатели нижнеангарской тайги были включены в орбиту влияния Монгольской империи, что подтверждается распространением поясных наборов с бляхами-обоймами, пластинчатых браслетов, серег в виде вопросительного знака, плоских широких наконечников стрел, двусоставных удил с кольчатыми псалиями, монетовидных амулетов, стеклянных, фаянсовых и керамических бус. На протяжении всего периода развитого Средневековья культурные связи населения Средней и Западной Сибири были постоянными и долговременными. На это указывают найденные на нижней Ангаре западно-сибирские бронзовые украшения: ажурные лапчатые, арочные шумящие, объемные колоколовидные подвески, плоская подвеска в виде изображения птицы, трубчатые пронизи с вздутиями, трехчастные дуговидные и четырехлепестковые нашивки. С материалами Западной Сибири сопоставляются ажурные подвески «сросткинского» типа и колесовидная, кольцевидные выпуклые накладки, поясной набор с накладками сердцевидной формы, гребни, накладки на лук, некоторые типы наконечников стрел и керамика. Несмотря на указанные заимствования, основные компоненты культуры нижнеангарского населения развитого Средневековья сформированы на местной основе и восходят к более раннему времени.

Ключевые слова: *Средняя Сибирь, нижняя Ангара, южная тайга, развитое Средневековье, лесосибирская культура, культурные связи, украшения, оружие.*

P.O. Senotrusova and P.V. Mandryka
Siberian Federal University,
Pr. Svobodny 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia
E-mail: Polllina1987@rambler.ru; pmandryka@yandex.ru

Cultural Ties Across Taiga and Steppe: Material Culture from the Medieval Lower Angara River and Prospikhinskaya Shivera IV

This study examines the cultural ties of the early 2nd millennium AD inhabitants of Prospikhinskaya Shivera IV, on the Lower Angara River in Siberia. Artifacts dated to the 11th and 12th centuries, including a double-edged saber, iron hinged belt tips, and two metal belt sets with rectangular and ovate iron overlay demonstrate connections with the Yenisei Kyrgyz culture. In the 13th century, the Lower Angara taiga dwellers were particularly influenced by the Mongol Empire, as evidenced by belt sets with metal plaque-like hooks, plate metal bracelets, "question-mark" shaped earrings, wide, flat arrowheads, jointed bits with circular cheek-pieces, coin-shaped amulets, and beads of glass, faience, and ceramic material. Throughout most of the Middle Ages, cultural ties between the Angara population and Western Siberia were stable and continuous, as evidenced by Western Siberian bronze ornaments—openwork palmate-design pendants; arch-shaped dangle pendants; bell-shaped openwork pendants; a flat pendant in the shape of a bird; cylindrical, embossed beads; and tripartite arched and quatrefoil sewn decorations. Other markers of Western Siberian ties include Srostki-type openwork and wheel-shaped pendants, round decorative overlays, a belt set with heart-shaped ornamental plates, combs, bow plates, specific types of arrowheads, and pottery. These imports notwithstanding, the principal components of the Lower Angara medieval culture were autochthonous, originating from earlier prototypes.

Keywords: *Middle Siberia, Angara, southern taiga, Middle Ages, cultural contacts, imports, ornaments, weapons.*

© Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., 2018

Введение

За последние два десятилетия в южно-таежной зоне нижней Ангары (рис. 1) были проведены масштабные археологические исследования, расширившие источниковую базу по средневековой истории. В долине Енисея, в районе ангарской стрелки, открыт комплекс поселенческих памятников возле г. Лесосибирска, где по ряду городищ XI–XIV вв. выделен эталонный комплекс керамики этого времени [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013]. В Нижнем Приангарье* было изучено ок. 130 погребений начала II тыс. н.э., что позволило реконструировать погребальный обряд и получить развернутую характеристику предметного комплекса лесосибирской археологической культуры [Богучанская археологическая экспедиция, 2015, с. 528–529; Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014; Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. В инвентаре нижнеангарских захоронений отмечено значительное количество привозных предметов и/или подражаний им. Накопленная источниковая база позволяет рассмотреть направления, интенсивность и характер культурных связей местного населения в развитом Средневековье. Определяющее значение при освещении этой проблематики имеют материалы некрополя Проспихинская Шивера IV. Данный объект является самым крупным исследованным могильником таежной зоны Средней Сибири, он выступает опорным памятником при изучении средневековой эпохи региона. Полученная в ходе раскопок некрополя коллекция насчитывает более 2 800 предметов. Материалы других могильников и отдельных захоронений (Сергушкин-3, Усть-Тасеева, Скородумный Бык, Капонир и др.) дополняют имеющиеся сведения, но существенно не меняют общую картину.

Культурные влияния

При изучении средневековых культур таежной зоны Евразии основные технологические и культурные инновации традиционно связываются со степным поясом. Именно в степях возникали и функционировали государственные образования, которые так или иначе включали в орбиту своего влияния периферийные лесные регионы. Изменение политической и культурной ситуации в евразийских степях отражалось и на населении тайги.

Влияние степных культур. К началу II тыс. н.э. территория южной тайги Средней Сибири входила

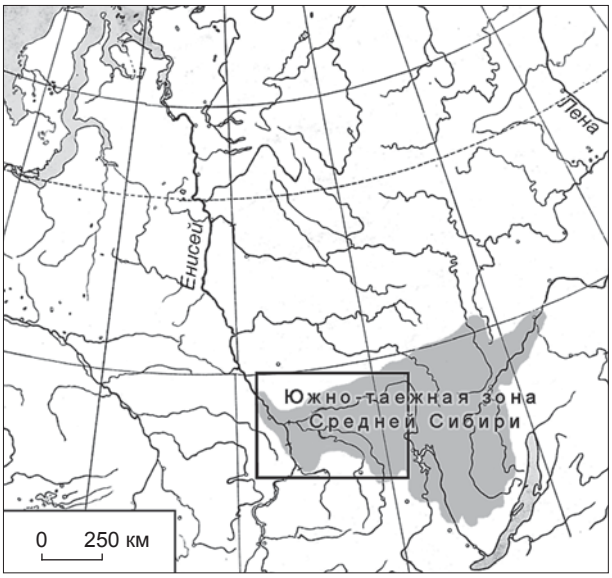


Рис. 1. Расположение района исследований.

в сферу влияния Кыргызского каганата. Об этом упоминает Рашид-ад-дин, указывая, что северная граница государства енисейских кыргызов доходила до устья Ангары [1952, с. 102]. Ряд исследователей напрямую связывали ангарские средневековые погребения по обряду трупосожжения на стороне с «тюркоязычными народами» или более конкретно с «енисейскими кыргызами» [Волокитин, Инешин, 1991, с. 146; Леонтьев, 1999, с. 21], с красноярско-канским вариантом их культуры [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 271]. Вместе с тем археологические свидетельства кыргызского влияния на таежное население немногочисленны. В материалах могильника Проспихинская Шивера IV можно выделить лишь небольшое количество предметов, происхождение которых связано с культурой енисейских кыргызов. К ним относятся сабля с обоюдоострым острием (рис. 2, *1*), железные шарнирные ременные наконечники (рис. 2, *4*, *5*, *9*), элементы двух поясных наборов с железными прямоугольными и «бобовидными» накладками (рис. 2, *6–8*). Все эти вещи находят аналогии в материалах малиновского этапа аскизской культуры. Несколько предметов кыргызского облика отмечены в долоновском погребении и захоронении на стоянке Кода-2. Это трехлопастные наконечники стрел (рис. 2, *2*, *3*) и поясные железные накладки геральдической формы с чешуйчатым орнаментом (рис. 2, *10*, *11*) [Волокитин, Инешин, 1991; Басова, 2016].

Следующий культурный импульс южного, а скорее юго-восточного направления связан с завоеваниями Чингизидов. Присоединение Южной Сибири, в т.ч. Кыргызского каганата, к Монгольской империи не могло не сказаться на его северных таежных соседях. Формально это произошло в 1207 г., окончатель-

*Под Нижним Приангарьем понимается долина Ангары от устья р. Илим до ангарской стрелки и прилегающих территорий. Район полностью входит в южно-таежную зону Средней Сибири [Пармузин, 1964, с. 33].

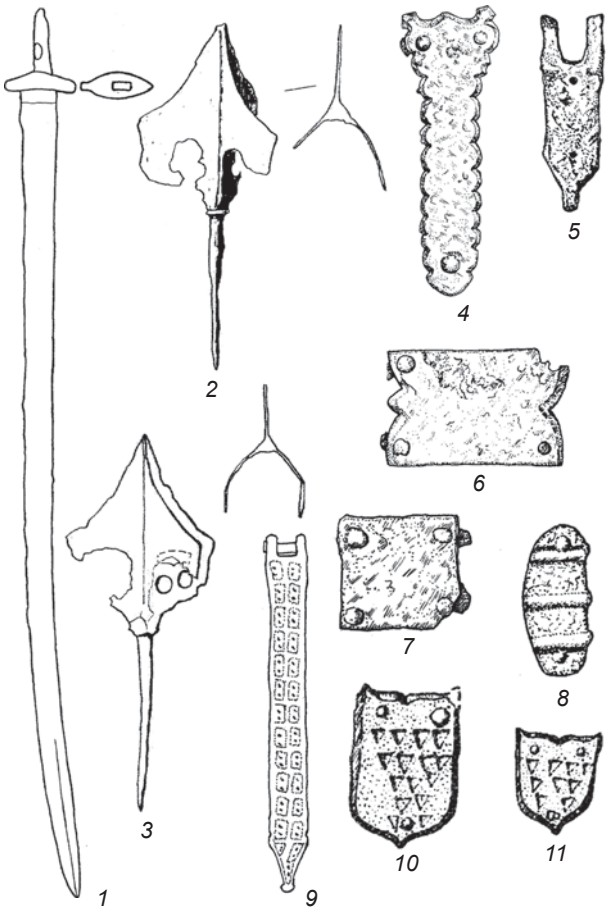


Рис. 2. Железные предметы кыргызского облика из южнотаежной зоны Средней Сибири.
1, 4–9 – из могильника Проспихинская Шивера IV; *2, 3, 10, 11* – из погребения в районе Долоновского расширения Братского водохранилища.

но енисейские кыргызы были разбиты в 1218 г. после карательного похода Джучи [Бартольд, 1963, с. 507]. Территория Южной Сибири и прилежащие северные земли отошли в 1227 г. к улусу Великого хана. В 1260 г., после победы Хубилая над Ариг-Букой, Саяно-Алтайское нагорье вошло в состав владения Юаньской династии [Савинов, 1990, с. 129]. Вероятно, единственным источником монгольского времени, в котором упоминается собственно Ангара, является предание о походе трех беков вниз по этой реке в период правления Сурхуктани [Рашид-ад-дин, 1952, с. 102]. Несмотря на легендарный характер описываемых событий примечателен сам факт упоминания Ангары в монгольских источниках.

В монгольское время на нижней Ангаре получили распространение новые типы вещей: серьги в виде вопросительного знака (рис. 3, *28*, *29*), плоские широкие наконечники стрел (рис. 3, *24*), двусоставные удила с кольчатыми псалиями (рис. 3, *23*), монетовидные амулеты (рис. 3, *27*), пластинчатые браслеты (рис. 3, *25*, *26*), стеклянные, фаянсовые и керамические бусы, а также металлические детали наборных поясов с бляхами-обоймами (рис. 3, *1–22*). Последние находки особенно примечательны. «Монгольский» тип пояса сложился уже в чингизидову эпоху, его основными элементами стали крупные сабельные бляхи-обоймы с петлей, двухчастные пряжки, часто посаженные миниатюрные накладки (лунницы), крупный подпрямоугольный наконечник, отличительной особенностью – отсутствие подвесных ремешков и накладок с прорезями [Крамаровский, 2001, с. 69]. Пояс занимал важное место в жизни монгольских воинов, являясь маркером социального статуса, доблести и знатности.

На Ангаре известны детали гарнитуры от семи наборных поясов из закрытых погребальных комплексов. Они отлиты из сложной латуни с преобладанием свинца и оловянно-свинцовых бронз. Элементы таких поясов изготовлялись мастерами одновременно, специально для одного полного набора. Высокое качество и использование технологически сложных сплавов позволяют считать, что они производились в развитых ремесленных центрах и поступали в Сибирь из одной или нескольких близких друг другу мастерских, работавших по заказам местных элит. Наиболее близкие аналогии ангарским поясам известны в материалах из Красноярской лесостепи и южных районов Западной Сибири [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015, с. 122, 123].

Найденные на Ангаре поясные наборы являлись престижными изделиями. Их отличает высокое качество исполнения, сложность композиционного решения. В большей мере это относится к поясу с изображением лани под раскидистым деревом (рис. 3, *9*, *10*). Такие находки на территории Евразии достаточно редки и являются важным свидетельством влияния монгольской культуры. Пояса с подобными изображениями исследователи относят к категории парадных охотничьих, бытовавших в пределах 40–70-х гг. XIII в. – середины XIV в. [Крамаровский, 2001, с. 56, 65].

Влияние культур Западной Сибири. У средневековых обитателей нижнеангарской тайги существовали устойчивые культурные связи с населением Западной Сибири. Из Нижнего Приобья в Среднюю Сибирь поступали разнообразные бронзовые украшения. В коллекции из некрополя Проспихинская Шивера IV отмечены ажурные лапчатые, арочные шумящие и объемные колоколовидные подвески (рис. 4, *1*, *2*, *6*, *7*), плоская подвеска в виде изображения птицы (рис. 4, *8*), пронизи с вздутиями (рис. 4, *3*) и другие изделия [Сенотрусова, Мандрыка, 2013]. Весь этот комплекс предметов находит многочисленные аналогии в материалах памятников Нижнего Приобья, в т.ч. могильников Барсовский IV, Сайгатинский I–IV, Киняминский I, II, ряда городищ и поселений [Федо-

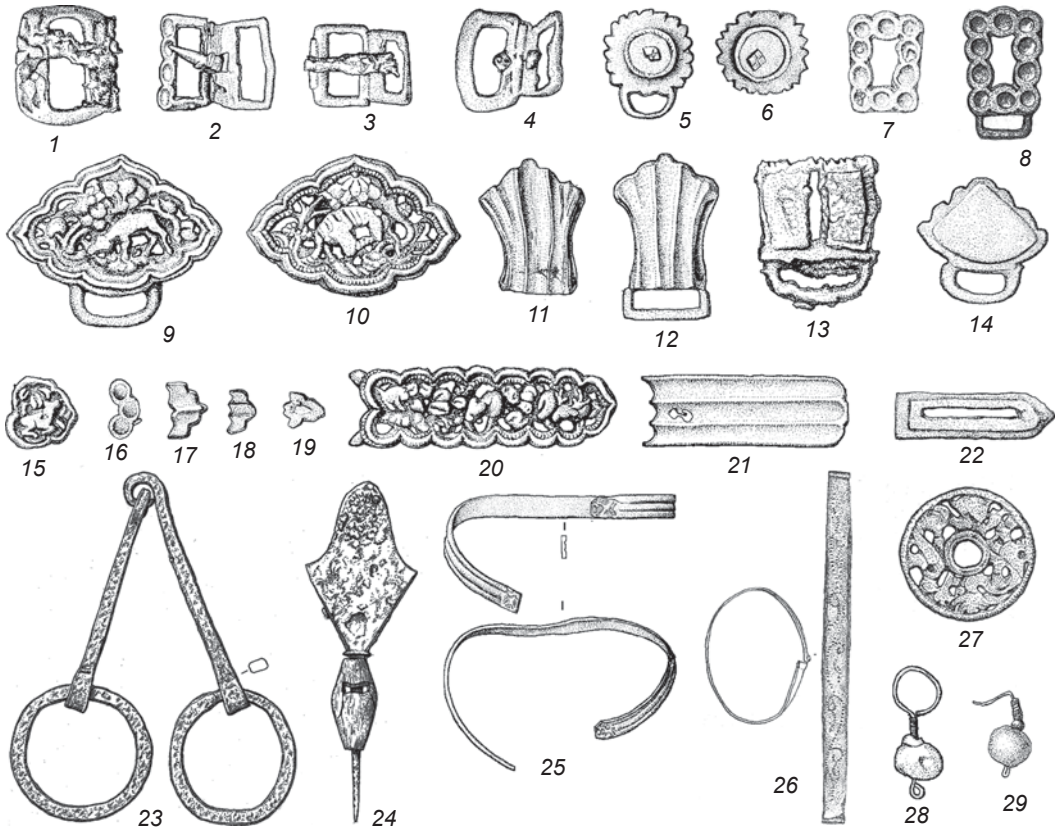


Рис. 3. Предметы монгольского облика из могильника Проспихинская Шивера IV в южно-таежной зоне Средней Сибири.
1–4 – бронза, железо; *5–22, 25–27* – бронза; *23* – железо; *24* – железо, рог; *28, 29* – бронза, стекло.

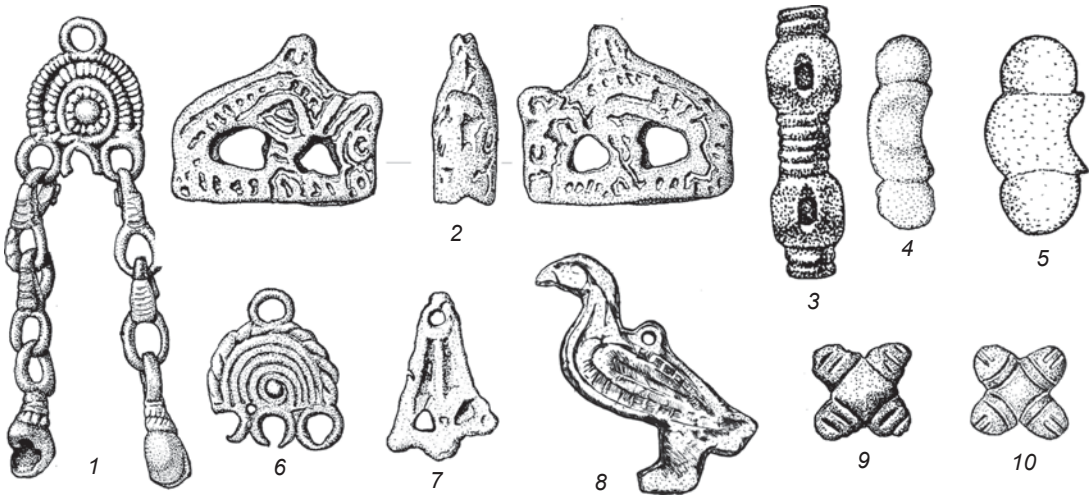


Рис. 4. Нижнеобские бронзовые изделия из могильника Проспихинская Шивера IV.

рова и др., 1991, с. 138; Семенова, 2001, с. 62, 65, 71, 72; 2008; Зыков, 2012, с. 206, рис. 67].

Если различные подвески представлены единичными экземплярами, то трехчастные дуговидные и четырехлепестковые нашивки (рис. 4, *4*, *5*, *9*, *10*) широко использовались для украшения различных вещей. Только на могильнике Проспихинская Шивера IV найдено 135 трехчастных и 347 четырехлепестковых нашивок. Известны они и на других памятниках Нижнего Приангарья: в погребениях в устье р. Коды, на р. Чадобец, на могильниках Сергушкин-3, Отико-1, стоянках Кода-2, Окуневка и Усть-Кова

[Леонтьев, Ермолаев, 1992, с. 18; Привалихин, Фокин, 2009, рис. 5–11; Басова, 2010, с. 488; Герман, Леонтьев, 2011, с. 383; Долганов, 2011, с. 397; Березин, 2002, с. 33; Томилова и др., 2014, рис. 2]. Фактически эти изделия были самыми распространенными в XI–XIV вв. в Нижнем Приангарье украшениями. Изготовление трехчастных и четырехлепестковых нашивок на севере Западной Сибири зафиксировано при изучении Тазовской ювелирной мастерской [Хлобыстин, Овсянников, 1973]. Поток украшений из северных районов Западной Сибири в бассейн нижней Ангары был устойчивым на протяжении всего развитого Средневековья. При этом нельзя исключать, что наиболее простые в изготовлении трехчастные и четырехлепестковые нашивки могли отливать и на месте в подражание привозным образцам.

Следует ожидать, что в Западной Сибири также будут выявлены вещи, изготовленные в Приангарье, но этот вопрос нуждается в отдельном рассмотрении. Сейчас можно отметить случайную находку в урочище Барсова Гора – железный предмет Y-образной формы [Чемякин, 2008, рис. 5, *8*]. Изделия такой формы и близких размеров широко использовались обитателями среднесибирской тайги и служат индикатором их культуры [Мандрыка, 2006, с. 153]. Некоторые типы предметов характерны как для нижнеангарского, так и для нижнеобского населения. К ним относятся, например, концевые накладки-вкладыши на кибить лука. Они изготовлены из рога, имеют расщепленное основание и вырез для тетивы на конце. Луки с такими накладками-вкладышами широко использовались на Ангаре и Енисее, а также известны в западно-сибирских материалах: на городищах Зеленая Горка, Бухта Находка и Ярте VI [Смирнов и др., 1957, с. 233; Кардаш, 2011, с. 27; Плеханов, 2014, табл. 5, *29*]. На Ангаре и нижней Оби в развитом Средневековье отмечены однотипные долотовидные наконечники стрел с оттянутыми шипами, «узкие» гребни-заколки. Наличие идентичных бытовых предметов на достаточно отдаленных друг от друга территориях можно объяснить не только устойчивыми обменными связями, но и определенной культурной близостью населения этих регионов.

На Ангару поступали также вещи из степных, лесостепных и южно-таежных районов Западно-Сибирской равнины (Алтай, Новосибирское Приобье, Бараба, Томское Приобье). К ним относятся ажурные подвески «сросткинского» типа (рис. 5, *2*), найденные в погребениях на стоянке Кода-2 [Басова, 2016, с. 103, рис. 2, *5*] и могильнике Проспихинская Шивера IV. Д.Г. Савинов отмечает, что эти украшения типичны для сросткинской культуры IX–X вв. [1987, с. 88]. По мнению Ф.Х. Арслановой, такие подвески являются частями застежек, широко распространенных в Обь-Иртышском междуречье и на сопредельных территориях в X–XII вв. [2013, с. 108]. К этой же

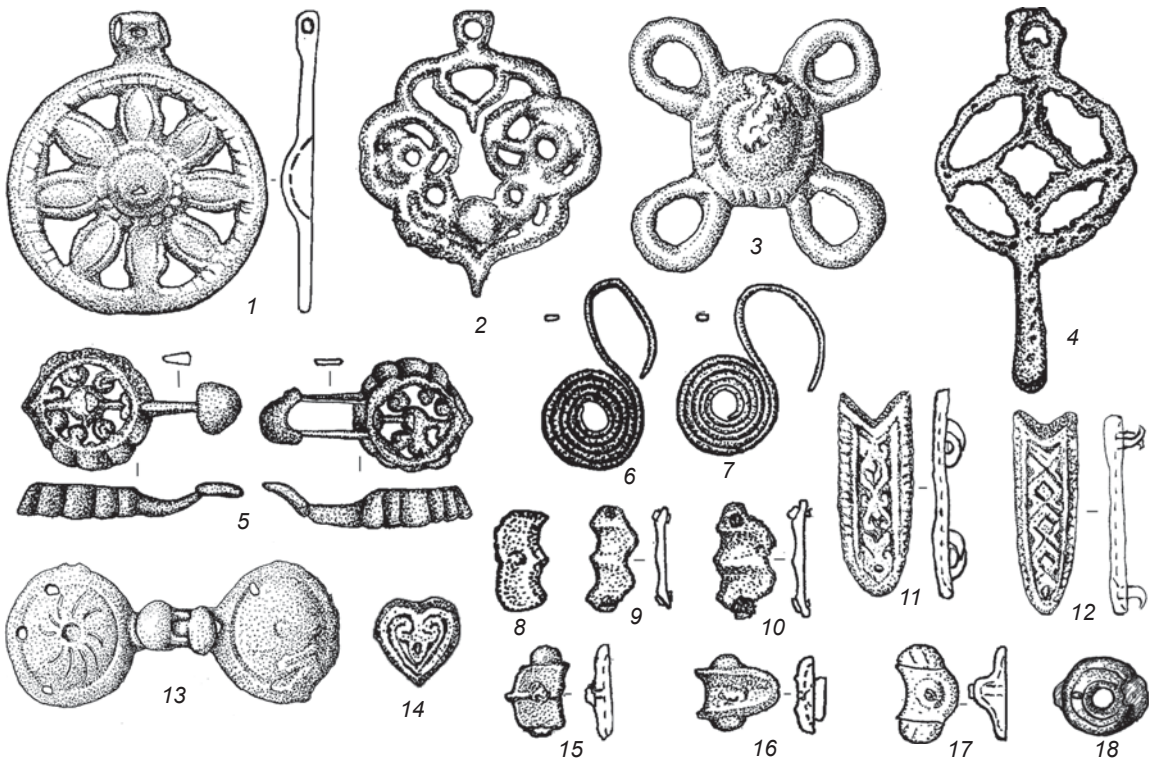


Рис. 5. Западно-сибирские бронзовые изделия из могильника Проспихинская Шивера IV.

категории предметов относится круглая колесовидная ажурная подвеска (рис. 5, *1*) из могильника Проспихинская Шивера IV, практически идентичная находкам из бассейнов средней Тары (могильник Крючное-6) [Молодин и др., 2012, с. 86] и нижней Томи (Басандайский курганный могильник) [Басандайка, 1947, с. 28, 30]). Другая ажурная подвеска имеет параллели в Томском Приобье (рис. 5, *4*).

Многочисленные аналоги двусоставных застежек из Нижнего Приангарья (рис. 5, *5*, *13*) известны в средневековых материалах Верхнего Прииртышья, предгорий Алтая, Томского и Новосибирского Приобья, Причулымья [Senotrusova, Mandryka, 2015]. К изделиям, происходящим с юга Западной Сибири, следует отнести и спиралевидные серьги (рис. 5, *6*, *7*) из прямоугольной в сечении проволоки, найденные на могильнике Проспихинская Шивера IV и в погребении на стоянке Кода-2 [Басова, 2016, рис. 2]. Такие же серьги имеются в комплексах XI–XII вв. могильника Березовый Остров-1 в Новосибирском Приобье [Адамов, 2000, с. 59, рис. 108]. К этой же группе находок относятся и крупные четырехлепестковые нашивки с ажурными «лепестками» (рис. 5, *3*). Близкие предметы известны в материалах Иловского курганного могильника на Чулыме, могильников у устья Малой Киргизки, Ташара-Карьер-2, Санаторный-1 и Осинки [Беликова, 1996, рис. 102, *6*; Плетнева, 1997, рис. 163, *9*; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 61, 167, рис. 34].

На могильнике Проспихинская Шивера IV зафиксированы детали нескольких поясных наборов, аналогичные западно-сибирским. К ним следует отнести кольцевидные выпуклые бронзовые накладки (рис. 5, *18*), которые крепились к ремню с помощью одной или двух железных заклепок, и серебряные круглые. Такие же накладки найдены в погребениях конца XI – начала XIII в. Осинкинского могильника в Верхнем Приобье [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 61]. Идентичные железные накладки известны в Среднем Причулымье и на Алтае, на могильнике монгольского времени Телеутский Взвоз-1 [Беликова, 1996, рис. 99, *25*; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, рис. 39, *24–26*], а бронзовые – на могильнике Ташара-Карьер-2 в Верхнем Приобье [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 317]. В коллекции из некрополя Проспихинская Шивера IV имеются миниатюрные трехчастные бронзовые поясные накладки разной формы (рис. 5, *9*, *10*, *15–17*), аналогичные найденным на Еловском могильнике в Верхнем Приобье [Матющенко, Старцева, 1970, табл. VI], и миниатюрные бронзовые крыловидные накладки (рис. 5, *8*), сходные с таковыми из могильника Калтышино I в Кузнецкой котловине [Савинов, 1997, рис. 7].

В материалах некрополя Проспихинская Шивера IV имеется свидетельство опосредованных культурных связей Нижнего Приангарья с Волжской Болгарией. В погр. 50 найдены поясные накладки сердцевидной формы и пятиугольные ременные наконечники с растительным декором (рис. 5, *11*, *12*, *14*). Подобные детали пояса были широко распространены на территории Волжской Болгарии и по Камскому торговому пути. Болгарское происхождение поясной гарнитуры подтверждает и анализ сплава накладок [Гуненко, Сенотрусова, 2013, с. 72]. В Сибири известен еще один подобный поясной набор – из могильника Кипы III в таежном Прииртышье [Коников, 1993, с. 36].

Выводы

Из приведенных данных становится очевидным, что в Средние века носители лесосибирской культуры южной тайги Нижнего Приангарья были включены в сложную систему межкультурных связей. Они поддерживали контакты с населением степных регионов на протяжении всего развитого Средневековья. Характер этих контактов был обусловлен вовлечением народов севера в орбиту политических интересов государственных образований, доминировавших в то время в степном поясе Евразии.

Влияние енисейских кыргызов на таежное население Средней Сибири в литературе сильно преувеличено. Изделия тюхтякского облика на Ангаре и Енисее не известны. Небольшое число кыргызских вещей отмечено здесь только в период XI–XII вв. По всей видимости, это отражает формирование красноярско-канского варианта кыргызской культуры, когда переселявшиеся из Тувы на север кыргызы осваивали лесостепные районы и контактировали с таежными племенами [Савинов, 1989, с. 146]. Свидетельств непосредственного присутствия кочевников на берегах Ангары также пока не известно, не зафиксировано ни одного захоронения, в инвентаре которого были бы исключительно кыргызские вещи. По-видимому, подчинение южно-таежных территорий носило достаточно формальный характер и было ограничено по времени [Сенотрусова, 2015].

Внимание номадов к таежным районам обуславливалось их заинтересованностью в получении высоко ценимой в Средневековье пушнины. Кроме того, в монгольское время «лесные народы» могли привлекаться на службу в армию или административный аппарат Монгольской империи. Это подтверждается наличием в южно-таежных погребальных комплексах престижных вещей, таких как поясные наборы с сабельными бляхами-обоймами. Поясные гарнитуры выступали высокозначимыми предметами, они маркировали вовлечение тех или иных обществ в публичные иерархические структуры [Крамаровский, 2001, с. 67]. Южно-таежная зона Средней Сибири была включена в орбиту политического и культурно-

го влияния сначала Монгольской державы, а несколько позже и Юаньской империи. При этом изменений в системе хозяйствования и в погребальном обряде не происходило, доминирующее положение занимал традиционный уклад жизни населения южной тайги.

Культурные связи между Средней и Западной Сибирью в развитом Средневековье были постоянными и долговременными. Можно говорить о культурной близости населения этих регионов. В пользу данного предположения свидетельствует не только распространение общих типов украшений из цветных металлов, но и сходство орнаментации керамики лесосибирского стиля и западно-сибирских сосудов развитого Средневековья [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

В целом материалы могильника Проспихинская Шивера IV и других погребальных комплексов Нижнего Приангарья отражают широкий спектр межкультурных связей населения этого региона в развитом Средневековье. Оно принимало активное участие в историко-культурных процессах, протекавших в то время в Северной Евразии.

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000. – 256 с.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 406 с.

Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк // Соч. – М.: Наука, 1963. – Т. II. – Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – С. 471–543.

Басандайка. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – 310 с.

Басова Н.В. Результаты исследования средневекового могильника на стоянке Кода-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 488–491.

Басова Н.В. Предметный комплекс из погребений на стоянке Кода-2 на Ангаре // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 7: Археология и этнография. – С. 100–111.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Березин Д.Ю. Бронзовые предметы со стоянки Окуневка // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 33–35.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новые данные по железному веку Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 144–147.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 381–385.

Гуненко Я.Д., Сенотрусова П.О. Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на нижней Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 68–74.

Долганов В.А. Стоянка-могильник Отико I (обзор результатов спасательных работ в 2011 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 396–399.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. – 232 с.

Кардаш О.В. Городок сихиртя в бухте Находка (первые результаты исследования). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. – 60 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2005. – 364 с.

Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. – Омск: Ом. гос. пед. ин-т, 1993. – 224 с.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи: От Калки до Астрахани. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. – С. 43–75.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 1992. – Т. 2. – С. 16–18.

Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 2. – С. 150–158.

Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // РА. – 2018. – № 2. – С. 84–98.

Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Вопр. истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – Вып. 5. – С. 163–171.

Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д.В., Соловьев А.И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГУ, 2012. – 162 с.

Пармузин Ю.П. Средняя Сибирь. – М.: Мысль, 1964. – 313 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.

Плеханов А.В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – 124 с.

Привалихин В.И., Фокин С.М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 311–326.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. – 307 с.

Савинов Д.Г. Ажурный стиль в искусстве степной Евразии // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – Ч. II. – С. 86–89.

Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1989. – С. 144–147.

Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. – С. 114–131.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77–99.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Семенова В.И. Накосные украшения из погребений Киняминских могильников // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 81–86.

Сенотрусова П.О. К вопросу о связях средневекового населения Нижнего Приангарья с енисейскими кыргызами // Человек и Север: Антропология, археология, экология. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. – С. 171–173.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Культурные контакты населения севера Западной Сибири и Северного Приангарья в средние века // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. – С. 194–198.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера IV) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 103–114.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 116–125.

Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарёва И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 250 с. – (МИА; № 58).

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 276 с.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников О.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследований 2008–2011 гг. // Изв. ИГУ. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – № 8. – С. 82–99.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // Вопр. археологии Урала. – 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248–257.

Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 28–43.

Senotrusova P., Mandryka P. The Bronze Bipartite Buckles in the Materials of the Burial Site Prospikhino Shivera-IV in the Lower Angara River // J. of Siberian Federal Univ.: Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, N 4. – P. 629–638.

Материал поступил в редколлегию 28.12.16 г.,
в окончательном варианте – 03.03.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.100-106
УДК 904

А.Ю. Борисенко[1], Ю.С. Худяков[1, 2]
[1]Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko2@mail.ru; khudjakov@mail.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Бронзовые бляшки с изображением всадников из Северного Кыргызстана

В статье рассматриваются бронзовые бляшки с изображением вооруженного всадника, обнаруженные в предшествующие годы на территории Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины. В настоящее время эти предметы торевтики хранятся в некоторых университетских и частных музеях г. Бишкека. Освещены основные вехи в истории изучения подобных бляшек с территории соседних регионов Южной Сибири и Центральной Азии и отмечен вклад многих известных российских, казахстанских, кыргызстанских и монгольских историков и археологов. Исследуемые находки из Северного Кыргызстана, классифицированные по формальным признакам, отнесены к разным группам и типам бляшек. Аргументированы их хронология, культурная принадлежность и функциональное назначение. По результатам анализа бляшек с изображением всадника они отнесены к культурам раннесредневековых тюркских кочевников Тянь-Шаня и Семиречья. Прослежены аналогии этим изделиям в предметных комплексах, относящихся к культурам енисейских кыргызов в Минусинской котловине в Южной Сибири, кимаков в степном Алтае и Верхнем Прииртышье в Казахстане, древних тюрок в Приуралье и Монголии. Подобные бляшки входили в состав украшений костюма кимаков. Вероятно, так же они могли использоваться древними тюрками, карлуками и енисейскими кыргызами.

Ключевые слова: *Кыргызстан, Иссык-Кульская котловина, Чуйская долина, бронзовые бляшки с изображением всадника, раннее Средневековье.*

A.Y. Borisenko[1] and Y.S. Hudiakov[1, 2]
[1]Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: aborisenko2@mail.ru; khudjakov@mail.ru
[2]Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

Bronze Plaques from Northern Kyrgyzstan with Representations of Horsemen

We describe bronze plaques representing armed horsemen, found in the Issyk-Kul Basin and in the Chuya valley, northern Kyrgyzstan, and owned by public and private museums in Bishkek. Similar plaques from southern Siberia and Central Asia were described by many Russian, Kazakh, Kirghiz, and Mongolian historians and archaeologists. A formal classification of plaques is proposed, and their chronology, cultural attribution, and function are assessed. Such items, associated with early medieval Turkic-speaking nomads of Tian Shan and Semirechye, are similar to those worn by the Yenisei Kyrgyz of the Minusinsk Basin in southern Siberia, by the Kimek of the steppe Altai and the upper Irtysh in Kazakhstan, by the Qarluq of southwestern Central Asia, and by other Turkic tribes inhabiting areas from the Ural to Mongolia.

Keywords: *Kyrgyzstan, Issyk-Kul Basin, Chuya valley, medieval nomads, ancient Turks, bronze plaques.*

© Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2018

Введение

Бронзовые бляшки с изображением всадника с оружием в руках или на поясе, сидящего на лошади в полном конском убранстве, в прошлом неоднократно находили на обширных степных пространствах от Забайкалья на востоке до Южного Урала на западе, от Минусинской котловины на севере до Средней Азии и Тибета на юге. В настоящее время в собраниях археологических находок музея Кыргызско-Российского славянского университета и частного музея «Раритет» в г. Бишкеке нами выявлены такие бляшки, происходящие с территории Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины. Данные находки являются важным свидетельством распространения подобных предметов декоративно-прикладного искусства в течение завершающего периода эпохи раннего Средневековья, в конце I тыс. н.э., на Тянь-Шане и в Семиречье в пределах Среднеазиатского историко-культурного региона.

Наиболее ранние сведения о бронзовых бляшках, передающих облик всадника с оружием в руках или на поясе, содержатся в сочинениях европейских ученых и путешественников XVIII в. Одно из первых кратких описаний такой находки, извлеченной бугровщиками из древней могилы в Западной Сибири, дано участником российского посольства в Китай в начале XVIII столетия, шотландским врачом на русской государственной службе Д. Беллом [Зиннер, 1968, с. 51–52]. Еще одна бляшка, изображающая скачущего всадника с луком в руке, из раскопанной могилы в Обь-Иртышском междуречье была приобретена у бугровщиков учеными Великой Северной экспедиции [Миллер, 1999, рис. 24, *3*]. Рисунок бляшки с изображением всадника в шлеме и панцире со щитом за спиной, копьем в руках и мечом в ножнах, происходящей из грабительских раскопок курганов Прииртышья, был опубликован в статье П.Г. Демидова о «некоторых татарских древностях» в английском журнале «Археология» в 1773 г. [Молодин, Худяков, Борисенко, 2002, рис. 5, *3*]. Одна подобная находка из Южной Сибири введена в научный оборот в конце XIX в. в каталоге Минусинского музея [Клеменц, 1886, табл. VIII, 21]. В дальнейшем одна бронзовая бляшка с изображением всадника была обнаружена в Забайкалье [Михно, Петри, 1929, с. 323, 326; Окладников, 1951, с. 143–144] и две – на могильнике Сростки в Верхнем Приобье [Грязнов, 1930, с. 9; Горбунов, 2003, рис. 36, *1*, *2*]. Бляшки, изображающие обернувшихся назад и стреляющих из луков всадников, найдены в одном из кыргызских курганов на Копенском чаа-тасе в Минусинской котловине [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 50]. Исследователи отнесли эти находки к культуре енисейских кыргызов, к концу I тыс. н.э. Анализируя изображения, они отметили следы влияния иранского и китайского искусства. Согласно реконструкции, предложенной учеными, эти бляшки входили в состав многофигурной композиции, украшающей переднюю луку седла и воспроизводящей сцену охоты конного лучника, за которым гонится крупный хищник семейства кошачьих, вероятнее всего, тигр [Евтюхова, 1948, с. 52, рис. 80; Киселев, 1949, с. 352, 358]. Одна бронзовая бляшка с изображением всадника была найдена в 1961 г. в Южно-Гобийском аймаке Монголии [Волков, 1965, с. 287]. С середины 1980-х гг. исследователями Средней Азии публиковались отдельные подобные находки из этого региона: в 1985 г. – схематично выполненная заготовка такого изделия из Ходжента [Древности, 1985, с. 327], в 1999 г. – бляшка из Чача [Буряков, Филанович, 1999, с. 86]. В 2011 г. опубликованы две находки из Монголии [Эрдэнэчуулун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 74, 419]. Одна бляшка с изображением скачущего всадника с луком и стрелой в руках, происходящая из Иссык-Кульской котловины, рассмотрена кыргызстанскими исследователями [Ставская и др., 2013, с. 52]. В 2014 г. введена в научный оборот близкая по форме бляшка, найденная на городище Сидак в окрестностях г. Туркестан в Южном Казахстане [Смагулов, 2014, с. 208]. По мнению Е.А. Смагулова, данная находка подтверждает, что подобные изделия изготавливались в городских ремесленных центрах Средней Азии в VII–VIII вв., но могли бытовать и в IX в. Изображения всадников этот исследователь связывает с культом легендарного героя Сиявуша [Там же, с. 210–213].

В прошлом большая часть подобных находок, за исключением копенских, была обнаружена случайно в Минусинской котловине, степном Алтае и Верхнем Прииртышье [Борисенко, Худяков, 2008, с. 43–50]. В 1970-х гг. бронзовая бляшка с изображением всадника-лучника была найдена на могильнике Гилево XII в кург. 1 в парном захоронении взрослого человека с конем и ребенка [Могильников, 2002, с. 31, рис. 82, *16*]. Важное значение для определения хронологии, культурной принадлежности и функционального назначения таких бляшек имеют аналогичные находки из детского погребения на Бирском могильнике на Южном Урале и захоронения ребенка на памятнике Кондратьевка IV в Верхнем Прииртышье [Мажитов, Султанова, 1994, с. 113; Сунгатов, Юсупов, 2006, с. 247–252; Алехин, 1998, с. 20]. Судя по находкам, обнаруженным в кимакском детском погребении, подобные бляшки входили в состав украшений головного убора. На городище Сидак в Туркестанском оазисе бронзовая плоская фигурка всадника была найдена в процессе раскопок средневековой цитадели [Смагулов, 2014, с. 209].

Бронзовые бляшки, изображающие всадника, неоднократно привлекались для характеристики культурных связей и изучения военного дела кочевников Саяно-Алтая эпохи раннего Средневековья. Д.Г. Савинов отметил среди схожих предметов сросткинской и кимакской культур такие бляшки [1976, с. 97].

Ю.А. Плотников сопоставил подобные находки из Южной Сибири и Средней Азии и указал на наличие похожих изображений на согдийских и восточнотуркестанских фресках. Он высказал обоснованное предположение, что эти бляшки изготавливались согдийскими ремесленниками для тюркских кочевников [Плотников, 1982]. Бронзовые рельефы с изображениями всадников из Копенского чаа-таса были кратко рассмотрены Л.Р. Кызласовым и Г.Г. Король. Они отметили, что присутствующие вместе с фигурами всадников изображения баранов в составе копенских композиций имеют «прочную местную основу» среди зооморфных образов декоративно-прикладного искусства средневекового населения Минусинской котловины [Кызласов, Король, 1990, с. 83]. В другой работе Г.Г. Король выделила несколько групп подобных бронзовых бляшек в пределах Степного пояса Евразии [2008, с. 123–136]. Нами в результате целенаправленного изучения бронзовых бляшек, изображающих всадников, данные находки были классифицированы по формальным признакам, прослежен ареал распространения разных типов таких изделий в пределах Саяно-Алтая, Центральной и Средней Азии, предложен опыт реконструкции их функционального назначения в культурах средневековых кочевых этносов [Борисенко, Худяков, 2008]. Однако к настоящему времени на территории Кыргызстана обнаружено еще несколько бронзовых подвесных бляшек с изображением всадника, которые заслуживают специального изучения.

Бляшки из Северного Кыргызстана

В течение последних лет в процессе изучения оружейных коллекций в государственных исторических и краеведческих, университетских, народных и частных музеях в некоторых городах и поселках Республики Кыргызстан нам, при содействии кыргызстанских коллег, удалось выявить несколько неизвестных ранее бронзовых бляшек, изображающих вооруженных всадников.

В ходе исследования собрания археологических находок Историко-археологического музея Кыргызско-Российского славянского университета в г. Бишкеке в 2012–2013 гг. мы обнаружили редкую бронзовую бляшку с изображением всадника, который стреляет из лука, обернувшись назад [Худяков, 2014, с. 43–44]. Согласно уточненным сведениям, она была найдена в Иссык-Кульской котловине на территории Кыргызстана [Ставская и др., 2013, с. 52]. Бляшка изображает всадника, скачущего во весь опор (рис. 1, *4*). На его голове показана дуговидная полоса. Довольно трудно определить, воспроизводит ли она волосы или головной убор, отчасти похожий на войлочный колпак либо башлык. Лицо всадника не детализировано. Левая рука вытянута, она удерживает середину сложносоставного лука с выгнутыми плечами и плавно загнутыми концами. Правая рука согнута в локте, вероятно, ею всадник натягивает тетиву. В середине лука за пределы кибити выступает острие наконечника стрелы. Нога конного лучника показана согнутой в колене и прижатой к брюху лошади, выделена ступня. Вероятно, опустив поводья, чтобы освободить руки, всадник управляет конем шенкелями. Лошадь изображена скачущей справа налево. У нее крупные уши, вытянутая морда, приподнятая шея. Передние ноги с выделенными приостренными копытами согнуты в запястных суставах и приподняты. Туловище коня вытянуто в стремительной скачке. Показаны массивное брюхо и круп. Задние ноги и хвост отсутствуют. Возможно, они не сохранились, были обломаны при использовании бляшки. На голове и шее коня показаны опущенные всадником поводья, на крупе – седельный подфейный ремень. Размеры сохранившейся части бляшки составляют 3,3 см в высоту и 4 см в длину [Там же; Худяков, 2014, с. 43–44].

Несмотря на то что фигурка из Иссык-Кульской котловины изображена довольно схематично, можно проследить определенные черты сходства с подобными бляшками из кыргызского кург. № 6 на Копенском чаа-тасе в Минусинской котловине [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 50, табл. VII, *а*, *б*; VIII, *а*; рис. 54]. По мне-

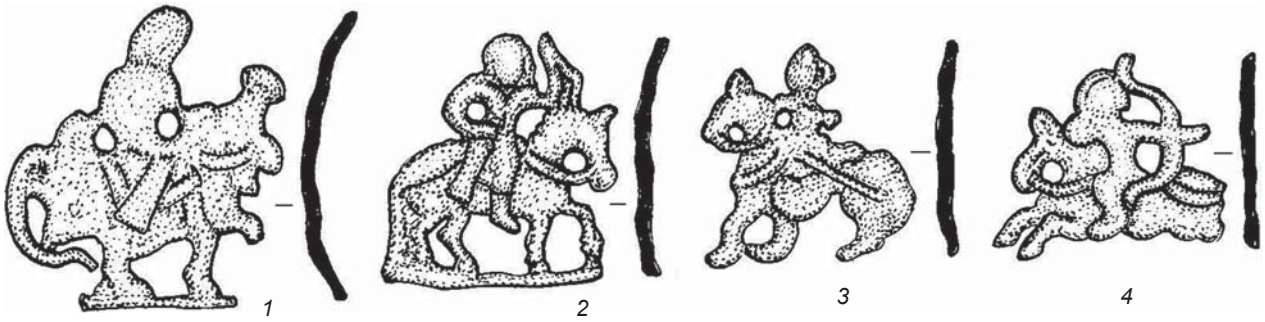


Рис. 1. Бронзовые бляшки, изображающие всадников, из Северного Кыргызстана.
1–3 – бляшки из Чуйской долины (музей «Раритет»); *4* – бляшка из Иссык-Кульской котловины (Историко-археологический музей КРСУ).

Рис. 2. Бляшки из Чуйской долины.

нию исследователей, изучавших эти находки, сцена богатырской охоты, воспроизведенная на копенских рельефах, восходит к изображениям царской охоты в искусстве сасанидского Ирана. Ими также отмечены влияние китайского искусства и схожие сюжеты в декоративно-прикладном искусстве древних тюрок эпохи Первого Тюркского каганата [Евтюхова, 1948, с. 47–52; Киселев, 1949, с. 352, 354–356]. Судя по тому, что находка из Иссык-Кульской котловины передает облик скачущего и стреляющего назад лучника достаточно схематично, данная бляшка является местной кустарной репликой известного сасанидского изобразительного сюжета, дополненного в процессе освоения этой композиции в китайском декоративно-прикладном искусстве, а в дальнейшем переработанного енисейскими кыргызами. Скорее всего, карлуки – тюркское кочевое население Тянь-Шаня и Семиречья в течение завершающего периода эпохи раннего Средневековья, – так же как и кочевники Саяно-Алтая, восприняли этот характерный сюжет богатырской охоты и отразили его в своих художественных изделиях из металла.

В 2016 г. нами изучены три бронзовые бляшки, изображающие всадников, из собрания частного музея «Раритет» в г. Бишкеке. Согласно сведениям, полученным от сотрудников этого музея, данные находки происходят с территории Чуйской долины Кыргызстана. Первая бляшка передает изображение всадника, едущего в направлении слева направо (рис. 1, *1*; 2, *1*). Он показан в профиль, но с разворотом корпуса анфас. У конного воина выделена крупная голова, черты лица не изображены. Его левая рука согнута в локте. Она прикасается к шее лошади. Правая рука не выделена. Правая нога согнута в коленном суставе и свисает до брюха коня. Она, вероятно, обута в сапог, судя по отдельным изображенным деталям, от колена и выше покрыта подолом халата с широкой полосой вдоль края. Ниже поясницы всадника изображен приемник колчана, расширенный к днищу. Он показан в наклонном положении, скорее всего, подвешенным к поясу. За спиной всадника, выше крупа лошади изображен выступ полуовальной формы. Возможно, это верхний конец налучья. Голова и шея коня несколько приподняты. Изображен крупный начельный султан с расширенным верхом. От головы лошади до колена всадника свисают опущенные поводья. Ниже головы коня показан треугольный выступ. Возможно, таким образом изображена подшейная кисть – науз. Левая передняя нога лошади приподнята и согнута в запястном суставе. Ее нижняя часть обломана. Правые передняя и задняя ноги коня изображены стоящими, выделены копыта. Левая задняя нога обломана. Нижняя часть брюха лошади показана необычно низко, почти на уровне коленного сустава задней ноги. Возможно, таким образом передан нижний край попоны. Изображен длинный тонкий хвост, который вследствие повреждения загнут вперед. Между копытами передней и задней ног лошади имеется узкая горизонтальная полоса, которая характерна для одной из ранее выделенных групп древнетюркских бронзовых бляшек. Размеры изделия 4,8 × 4,2 см. Наибольшее сходство в изображении отдельных деталей прослеживается между этой бляшкой и находкой из Бирского могильника на Южном Урале [Борисенко, Худяков, 2008, с. 45, рис. 1, *5*]. Некоторые схожие черты имеются у подобных бляшек, как с горизонтальной полосой, так и без нее, из Минусинской котловины и Монголии [Там же, рис. 1, *3*; 2, *1*, *3*; 7, *3*].

Вторая бляшка из Чуйской долины также воспроизводит фигуру всадника, едущего в направлении слева направо (рис. 1, *2*; 2, *2*). Он сидит на взнузданном и оседланном коне, голова и верхняя часть туловища развернуты анфас. Правая рука всадника согнута в локте, ладонь покоится на горловине колчана. Левой рукой он держит сложносоставной лук с натянутой тетивой, который наполовину выступает над шеей лошади. Правая нога воина слегка согнута в коленном

суставе, ступня спускается ниже брюха коня. На всаднике, вероятно, показана верхняя одежда, похожая на халат с осевым разрезом спереди и полами ниже колен. Лошадь изображена с круто изогнутой шеей, крупной головой и приостренным ухом. Выделена грудь. Треугольными зубцами обозначена грива. Левая передняя нога с выделенным копытом согнута в запястье, правая стоит вертикально. Задние ноги изображены с выделенными скакательными суставами и копытами. Правая соединена с хвостом, опускающимся до основания копыта. На голове и шее лошади дуговидной полосой показаны уздечные поводья, а на крупе – линия подфейного ремня. Все четыре ноги коня размещены на узкой горизонтальной полосе. Размеры изделия 4,0 × 3,7 см. Близких аналогий среди бронзовых бляшек, изображающих всадников, на территории Южной Сибири и Центральной Азии не выявлено.

Третья бляшка из Чуйской долины передает фигуру всадника, едущего в направлении справа налево (рис. 1, *3*; 2, *3*). Он изображен в островерхом головном уборе, вероятно, коническом шлеме, с развевающимся сзади башлыком или распущенными волосами. Черты лица не выделены. Правой рукой, согнутой в локте, всадник держит поводья. Другая рука обломана. Нижняя часть туловища и ноги не выделены. От пояса в сторону крупа лошади идет длинная узкая полоса, которая, вероятно, изображает прямой клинок, вложенный в ножны и подвешенный к поясу. Конь показан с поднятой головой, приостренным в верхней части ухом и изогнутой шеей. Выделены грудь, туловище и ноги, задние соединены. Хвост не выделен. На голове и шее лошади показаны поводья, а на груди изображен нагрудный ремень. Опущенный вниз полуовал на туловище коня, возможно, передает чепрак. Размеры изделия 3,5 × 3,5 см. Точных аналогий среди подобных находок в Центрально-Азиатском регионе не выявлено.

Хотя две последние бляшки из Чуйской долины не имеют близкого сходства с ранее изученными бронзовыми плоскими фигурами всадников, обнаруженными в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона и на сопредельных территориях, по некоторым характерным деталям можно попытаться определить типологическую, хронологическую и культурную принадлежность этих новых находок из Кыргызстана.

Типология, хронология и культурная принадлежность бляшек из Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины

Большая часть исследователей, которые изучали бронзовые бляшки, изображающие всадников, определяла период их бытования в пределах раннего Средневековья. В пользу этого свидетельствуют близкие по форме бляшки, найденные в тюркском и кимакских погребениях в степном Алтае и на Южном Урале [Алехин, 1998, с. 20; Мажитов, Султанова, 1994, с. 113]. Лишь современные монгольские исследователи, без развернутой аргументации, отнесли подобные находки на территории Монголии к хуннскому времени [Эрдэнэчуулун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 74]. С их мнением трудно согласиться, поскольку оно противоречит известным случаям нахождения таких бляшек на раннесредневековых памятниках. Вышеописанная находка из Иссык-Кульской котловины имеет некоторое сходство с бляшками второго типа третьей группы бронзовых накладок по разработанной ранее типологии этих предметов [Борисенко, Худяков, 2008, с. 49]. Как уже было отмечено, она близка по манере изображения к бляхам в виде фигуры всадника, который стреляет из лука, обернувшись назад, из Копенского чаа-таса. Они служили накладками на переднюю луку седла знатного енисейского кыргызского всадника. Исследователи датировали копенские рельефы VII–VIII вв. и отметили черты сходства с подобными изображениями на иранской торевтике, а также следы китайского влияния [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 50]. Однако бляшка из Иссык-Кульской котловины отличается от них довольно заметной схематичностью, отсутствием проработки некоторых важных деталей. Есть основания выделить ее в отдельный, третий тип в рамках третьей группы бляшек с изображением всадников-лучников. Возможно, данный сюжет (скачущий всадник стреляет из лука, обернувшись назад) был заимствован енисейскими кыргызами или карлуками у соседних тюркоязычных этносов в период борьбы за господство в Центральной Азии [Худяков, 2014, с. 44]. Он также мог быть воспринят ремесленниками из Чуйской долины и непосредственно у иранских или согдийских мастеров.

Первая, частично поврежденная, бляшка из Чуйской долины, изображающая всадника с колчаном на поясе, сидящего на лошади, ноги которой соединены горизонтальной полосой, должна быть отнесена ко второму типу первой группы, согласно типологической классификации подобных предметов [Борисенко, Худяков, 2008, с. 45–46]. В пользу этого свидетельствуют общий абрис бляшки и некоторые детали изображения всадника и лошади. У всадника показан характерный наклон головы вперед, нижний край подола халата с широкой полосой оторочки, у коня – начельный султан и подшейная кисть. Эти детали сближают данную находку с бляшкой, обнаруженной ранее в погребении Бирского могильника на Южном Урале [Мажитов, Султанова, 1994, с. 113]. Близкий по форме начельный султан воспроизведен на отдельных бляшках из Минусинской котловины [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 2, *1*; 3; 7, *3*]. По некоторым характерным признакам бляшки второго типа первой группы

были отнесены к VI–VII вв., когда территория Тянь-Шаня и Семиречья входила в состав Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов [Там же, с. 51]. Возможно, подобные украшения имелись у тюркских кочевников и в период существования Тюргешского каганата до середины VIII в. Необходимо отметить, что рассматриваемая бляшка из Чуйской долины заметно отличается от бирской и от подобной находки с р. Ут в Южной Сибири большим схематизмом и отсутствием изображения характерных для древних тюрок длинных, спускающихся до пояса волос.

Вторая бляшка из Чуйской долины, передающая облик конного воина с луком в руке и подвешенным к поясу колчаном, едущего на лошади, ноги и хвост которой соединены горизонтальной полосой, не находит близких аналогий среди подобных предметов, обнаруженных ранее в Минусинской котловине, Монголии и на Южном Урале. Данную находку можно выделить в отдельный, третий тип первой группы бляшек. В то же время следует отметить общий абрис фигуры всадника на ней и на бляшках первого и второго типов этой группы. Наиболее важной отличительной особенностью данной бляшки является изображение сложносоставного лука с натянутой тетивой в левой руке конного лучника. Судя по наличию некоторого сходства в изображении всадника с бляшками первого и второго типа первой группы, эту находку можно отнести ко времени существования Западного Тюркского и Тюргешского каганатов, к VII–VIII вв. [Там же, с. 51].

Третья бляшка из Чуйской долины, изображающая всадника с клинковым оружием на поясе, отличается от двух других прежде всего тем, что конный воин показан едущим справа налево. Большая часть всадников, воспроизведенных на бляшках, которые можно отнести к предметному комплексу культуры древних тюрок VI–VIII вв., показаны едущими слева направо. Исключение составляют изображения легковооруженных конных лучников, стреляющих из луков, обернувшись назад. Они показаны едущими как слева направо, так и справа налево. В то же время панцирные всадники с копьями в руках и клинками на поясе изображены едущими справа налево. Эти бляшки относятся к археологическим культурам енисейских кыргызов и кимаков IX–X вв. [Там же, с. 46–49, 51]. Среди бляшек с изображением всадников, едущих справа налево, выделяется находка из Обь-Иртышского междуречья, которую, несмотря на некоторые ее отличительные особенности, вероятно, можно датировать концом I тыс. н.э. Судя по этой аналогии, третья бляшка из Чуйской долины относится к IX–X вв. н.э. Она могла принадлежать одному из карлукских кочевников и использоваться до того времени, когда в начале X в. карлукские правители приняли в качестве государственной религии ислам [История…, 1984, с. 291].

Определение функционального назначения рассматриваемых бронзовых бляшек из Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины представляет некоторые сложности, поскольку все они являются случайными находками. За пределами Притяньшанья большая часть подобных предметов также была обнаружена случайно в Саяно-Алтае, Забайкалье, Монголии, на поселении в Средней Азии. Лишь одна довольно схожая по конфигурации бляшка с изображением тюркского всадника найдена в детском погребении на Южном Урале [Мажитов, Султанова, 1994, с. 113]. Две бляшки, передающие образ панцирного всадника-копьеносца, вместе с подвеской в виде антропоморфной личины были обнаружены в непотревоженном кимакском захоронении ребенка в Верхнем Прииртышье. Вероятно, данные предметы служили украшениями детского головного убора у кимаков [Алехин, 1998, с. 20]. С учетом этих важных находок можно предположить, что бляшки с изображением всадника с оружием в руках и на поясе, найденные в Чуйской долине, также являлись подвесными или нашивными украшениями костюма тюркоязычных кочевников – карлуков. Судя по отмеченным выше находкам из захоронений детей, у древних тюрок и кимаков подобные бляшки могли служить амулетами-оберегами в составе детского и подросткового костюма или головного убора. Вероятно, они могли использоваться в качестве украшений одеяния мальчиков-подростков, будущих всадников, поскольку изображали конных воинов, иногда в сочетании с подвесками в виде антропоморфной личины.

Заключение

Изучение обнаруженных в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине бронзовых бляшек с изображением вооруженного конного воина позволило существенно расширить известный ранее ареал таких предметов в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе в пределах Тянь-Шаня и Семиречья, на территории северных областей Республики Кыргызстан. В результате анализа и этнокультурной атрибуции этих находок стало очевидно, что такие изделия были характерны в эпоху раннего Средневековья для культур не только древних тюрок, енисейских кыргызов и кимаков, проживавших в степных и горных районах Северного Казахстана, Западной и Южной Сибири, включая территорию Степного Алтая и Минусинской котловины, но и западных тюркских, тюргешских и карлукских кочевников на Тянь-Шане и в Семиречье, в пределах северных районов Кыргызстана. Как было ранее установлено, похожие бляшки широко использовались в качестве украшений подросткового костюма некоторыми тюркоязычными номадами

в ряде других районов Центрально-Азиатского историко-культурного региона [Борисенко, Худяков, 2008, с. 44–46]. Нахождение таких изделий в Притяньшанье может свидетельствовать о наличии определенных историко-культурных связей тюркского населения этого района с енисейскими кыргызами в период их противоборства с уйгурами и активной военной экспансии в пределах Центральной Азии в конце I тыс. н.э., в эпоху наибольшего территориального расширения Кыргызского каганата; а также о культурных контактах карлуков Тянь-Шаня и Семиречья с енисейскими кыргызами и кимаками Саяно-Алтая и сопредельных районов Казахстана и Западной Сибири в течение завершающего периода раннего Средневековья.

Благодарности

Исследование выполнено по программе НИР XII.186.2 «От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и Средневековья», проект № 03929-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 12–20.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 43–53.

Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 78–92.

Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 286–288. – (МИА; № 130).

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. – Новосибирск: Об-во изучения Сибири, 1930. – Вып. 2. – 11 с.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Тр. ГИМ. – 1940. – Вып. 11: Сборник статей по археологии СССР. – С. 21–54.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 247 с.

История Киргизской ССР: С древнейших времен до середины XIX в. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I. – 798 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох: атлас. – Томск: [Тип. «Сиб. газеты»], 1886. – 21 табл.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. I. – 630 с.

Михно П.С., Петри Б.Э. Чикойский всадник // Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания Рос. ассоциации науч. ин-тов обществ. наук. – 1929. – Т. 4. – С. 323–328.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 38–57.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. 1. – С. 143–154.

Плотников Ю.А. О предназначении литых фигур, изображающих всадников // Студент и научно-технический прогресс: мат-лы XX Всесоюз. науч. студ. конф.: История. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1982. – С. 55–59.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. – С. 94–104.

Смагулов Е.А. Сиявуш из Сидака: образы кангюйской торевтики // Кадырбаевские чтения-2014: мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Актобе: Актюбин. обл. ист.-краевед. музей, 2014. – С. 208–217.

Ставская Л.Г., Джунушалиева Г.Д., Плоских В.В., Лужанский Д.В. Историко-археологический музей КРСУ. – Бишкек: Обществ. фонд «Музеолог», 2013. – 94 с.

Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 246–256.

Худяков Ю.С. Бронзовые бляшки с изображением стреляющих всадников из Кыргызстана и Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 40–49.

Эрдэнэчуулун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгэрийн илд.: Хурэл Зэвсгийн уе, хунну гурний хурэл эд олгийн соел. – Улаанбаатар: Улаанбаатар хот, 2011. – 496 тал.

Материал поступил в редколлегию 26.06.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.107-113
УДК 902/904+811.512.1

В.В. Тишин
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: tihij-511@mail.ru

Кимеки и *чу-му-кунь* 處木昆: заметки по поводу одного отождествления

*Статья посвящена вопросам формирования известного по мусульманским источникам тюркского племени кимек, занимавшего в IX–XI вв. территории Семиречья, которые рассматриваются в связи с историей племени чу-му-кунь 處木昆, зафиксированного здесь в VII–VIII вв. китайскими источниками. При анализе генеалогической легенды кимеков, приведенной персидским автором XI в. Гардизи, обращено внимание на сюжет о погружении основателя кимекского племенного объединения в воду и о почитании кимеками воды. Отмечается возможность сопоставления этого сюжета с реконструкцией китайского звучания названия племени чу-му-кунь 處木昆 как *čumuqun ~ *čomuqun *'погрузившийся в воду', *'утонувший (?)'. На основе изучения отраженной в китайских источниках топонимики и личной ономастики древнетюркского периода, связанной с территорией Алтая и Семиречья, сделан вывод о фиксации слов чу-му-кунь 處木昆 и йемек (янь-мо 鹽莫) уже в середине VII в., но употребленных в составе личных имен, несвязанных с долиной р. Иртыш, где, согласно Гардизи, произошло сложение кимекского племенного союза. Эти данные позволяют не только подтвердить мнение о многокомпонентности кимекского племенного союза, но и выдвинуть гипотезу о происхождении, по крайней мере, названия доминирующего племени от личного имени. Вслед за Ю.А. Зуевым представляется также возможным выразить скептицизм по поводу отождествления самих форм «кимек» и «йемек».*

Ключевые слова: *этногенез, кочевники, племя, этнонимика, ономастика.*

V.V. Tishin
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sakhyanovoy 6, Ulan-Ude, 670047, Russia
E-mail: tihij-511@mail.ru

Kimäk and *Chù-mù-kūn* 處木昆: Notes on an Identification

*This study addresses the origin of a Turkic tribe Kimäk known from Muslim sources. In 800–1100 AD the Kimäk lived in Semirechye. In the article, they are associated with the Chù-mù-kūn 處木昆 tribe, which resided in the same place in 600–800 AD and was described by Chinese sources. The Kimäk genealogical legend related by the 11th century Persian writer Gardizi includes the story of the founder of the Kimäk tribe being immersed in water (the alleged reason why the Kimäk worshipped water). This story suggests that the reconstructed Chinese variant of the tribal name Chù-mù-kūn 處木昆 meant *čumuqun ~ *čomuqun *'immersed in water', *'drowned (?)'. Based on the toponymy in the Chinese sources and the Old Turkic personal names relating to Altai and Semirechye, it is concluded that the words Chù-mù-kūn 處木昆 and Yemäk (Yán-mò 鹽莫) were used as early as mid-7th century, but they were parts of personal names unrelated to the Irtysh valley, where, according to Gardizi, the Kimäk tribal union originated. These facts not only document the ethnic diversity of the Kimäk tribal union, but suggest that at least the name of the dominant tribe derived from a personal name. Like Y.A. Zuyev, I am skeptical toward identifying the names Kimäk and Yemäk.*

Keywords: *Ethnic history, Turks, nomads, tribes, ethnonymy, onomastics.*

Введение

Исследование этнических процессов, связанных с историей кочевнических обществ степного пояса Евразии, всегда наталкивается на ряд сложностей, особенно в тех случаях, когда речь идет о попытках отождествления народов, проживавших в различные хронологические периоды на одной терри-

© Тишин В.В., 2018

тории и/или имевших общие этнонимы [Németh, 1991; Akın, 1982].

Л.Н. Гумилев выдвинул гипотезу об отождествлении известного по китайским источникам обитавшего в VII–VIII вв. в Семиречье племени *чу-му-кунь* 處木昆[1] с известной в более поздние времена по мусульманским источникам племенной группировкой *кимек* [1993, с. 380–381, прим. 38]. Специалисты-востоковеды отнеслись к этой гипотезе скептически и нашли это отождествление лишенным каких-либо оснований [Кумеков, 1972, с. 32]. Мы не ставим своей задачей изучение истории *кимеков*, это отдельная большая работа [Кумеков, 1972; Golden, 1992, p. 202–205; 2002]. Считаем необходимым обратиться к рассмотрению некоторых данных, касающихся ранней истории *кимеков*. Они могут подтвердить наличие некоторого здравого зерна в гипотезе Л.Н. Гумилева, которая если и может быть заочно отвергнута, то только ввиду отсутствия филологических аргументов.

Чу-му-кунь и *йемек*: от личных имен к этнонимам

Все прямые сведения о *кимеках*, которыми ученые располагают в настоящее время, сохранились исключительно в мусульманских источниках. В частности, легенда о происхождении народа, носящего такое имя, приводится у персидского автора XI в. Гардизи: «Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришли 7 человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?) и Аджлад (?). Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где [прежде] были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: “Иртыш”, т.е. ‘остановитесь’; отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада, как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек. Все эти кимаки отличаются злым нравом, скупостью и негостеприимством. – Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: “Шад? Видел ли ты меня в воде?”. Шад ничего не увидел, кроме волоса, плававшего на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волос; оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: “Как ты упала?”. Она ответила: “Крокодил схватил меня с берега реки”. (Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: “Река – бог кимаков”. Шаду дали прозвание Тутук, что значит: ‘Он услышал голос, вошел в воду и не испугался’» (цит. по: [Бартольд, 1973, с. 27–28 (перс. текст), 43–44 (рус. перевод)], ср.: [Marquart, 1914, S. 89–91; Martinez, 1982, p. 120–123]).

В последней фразе речь идет, конечно же, о «народной этимологии» [Бартольд, 1973, с. 44, прим. 14; Czeglédy, 1973, p. 259; Зуев, 2004, № 2, с. 18], тем не менее это источник, отражающий такие события, как миграция откуда-то группы племен различного происхождения на Иртыш (этот факт, хотя и в несколько ином аспекте, специально отмечал С.М. Ахинжанов [1995, с. 102, 103, 107, 115, 120]) и образование *именно там* племенного объединения *кимеков*. Не вдаваясь в дискуссию о времени и историческом контексте этой миграции (см.: [Golden, 2002]), мы хотим обратить внимание лишь на один момент: когда бы и откуда бы ни пришли в долину Иртыша представители различных племенных группировок, в сложении нового объединения принимало участие и местное население. Поскольку ввиду особенностей механизмов функционирования социальной организации кочевнических обществ все связанные с их историей этнические процессы представляются гораздо более сложными, чем у оседлых обществ [Németh, 1991, o. 38–44; Akın, 1982, s. 2–3], какие-либо попытки поставить знак равенства между народами, обитавшими на одной территории, но в разные исторические периоды, не имеют основания.

[1] Далее при указании этого этнонима иероглифическое написание опускается. При упоминании других названий из китайских источников иероглифика дается только при первом упоминании и в тех случаях, когда это необходимо.

Установлено, что местом расселения племени *чу-му-кунь* была долина р. Эмель, в районе р. Чугучак [Chavannes, 1903, p. 34, note 3; p. 73, note 2; p. 270, note 1; Малявкин, 1989, с. 38, 163, коммент. 232]. При этом «Синь Тан шу» и «Цэ-фу юань гуй» упоминают под 656 г. *чумукуньский* «город Янь 咽» (*янь-чэн* 咽城), который был, видимо, центром владений племени [Chavannes, 1903, p. 267, 270, note 2; p. 294, 307]; ср.: [Зуев, 1962, с. 119][2]. Вместе с тем, если связывать этот центр с территорией созданного в 702 г. округа (*чжоу* 州) Янь-мянь 咽麪, которая, по-видимому, совпадала с территорией образованного в 657 г. наместничества (*ду-ду-фу* 都督府) Фу-янь 匐延 [Chavannes, 1903, p. 281, note 2; Зуев, 1962, с. 120, прим. 83; Малявкин, 1981, с. 188–189, коммент. 286; 1989, с. 38, 163, коммент. 232][3], то можно предположить: *янь-мянь*, пиньин. *yàn-miàn* < ран. ср.-кит. **ʔɛnʰ-mjianʰ*, позд. ср.-кит. **ʔjian´-mjian`* [Pulleyblank, 1991, p. 358, 214], ср.-кит. **ʔiän-mjiän* [Schuessler, 2009, p. 319 (32–9h = K. 370), 250 (23–31a = K. 223)], < **emän*, что сопоставимо с названием р. Эмель ([Chavannes, 1903, p. 270, note 1; Малявкин, 1989, с. 38, 163, коммент. 232] ср.: [Зуев, 1962, с. 120–121]). Данная река сегодня впадает в оз. Алаколь, которое вместе с прилежащими озерами Уялы и Сасыколь по крайней мере в начале II тыс. н.э., вероятно, составляло одно большое озеро (Гаган غاغان у ал-Идриси) в центральной части семиреченских владений *кимеков* [Кумеков, 1972, с. 70–74, 75].

Исследователи, рассматривая приведенный Гардизи фрагмент, не раз обращали внимание на сообщение об особом статусе воды у *кимеков* [Ögel, 1995, s. 326; Зуев, 2002, с. 128–129; 2004, № 2, с. 9–10]. Упоминание воды в таком контексте вызывает интерес в связи с возможностью реконструкции оригинального звучания племенного названия *чу-му-кунь*, пиньин. *chù-mù-kūn* < ран. ср.-кит. **tɕʰɨə̆-məwk-kwən*, позд. ср.-кит. **tʂʰiə̆ / tʂʰyə̆-məwk-kun* [Pulleyblank, 1991, p. 60, 220, 282], ср.-кит. **tśʰjwo-muk-kwən* [Schuessler, 2009, p. 49 (1–18a = K. 85), 161 (11–24ae = K. 1212), 333 (34–1a = = K. 417)], < **čumuqun*. Вероятной видится следующая этимология: **čumuqun* ~ **čomuqun* *'погрузившийся в воду', *'утонувший (?)' < *čom-uq-* 'тонуть' (медиальн.) (см.: [Erdal, 1991, vol. II, p. 646]), < *čom-* 'to sink in (water, etc. *Loc.*)' [Clauson, 1972, p. 422] + *-(X)k-* + *-Xn*. При этом теоретически допустимо представить эту форму как первичную, если предположить лабиализацию широкого гласного под влиянием соседнего носового согласного /m/: **čam-* > *čom-* [Erdal, 1991, vol. I, p. 391]. Гипотеза о наличии здесь слова *çomuk* (диал. *çumak*) > *comuk* [Zeki Velidi Togan, 1946, s. 51, 428, dipnot 182, 183] оставляет без объяснения присутствие третьего слога. Сравним также варианты реконструкции, предложенные Ю.А. Зуевым: < **ṭṣiʷo-muk-kuen* < ? *чумул-кун* [1962, с. 119], *чумук-кун* [1967, с. 18; 1981, с. 66]. Дискуссионными являются попытки связать этот этноним с группой слов (личные имена, топонимы, этнонимы, социальные термины), содержащих широкий гласный в первом слоге, в частности, арабографич. جموك [*ǧmwk*] *ǧamūk* (см.: [Исхаков, Камолиддин, Бабаяров, 2009, с. 8–10; Бабаяров, Кубатин, 2010, с. 16; Отахўжаев, 2010, б. 65–67]). Так, ат-Табари упоминает присутствовавших на похоронах убитого в 119 г. х./737 г. н.э. тюркского кагана «людей из дома *ал-дж.мӯк*» بيت الجموكيين اهل [*'hl byt 'l-ǧmwkyyn*][4]. Так или иначе имеется возможность объяснить изменение формы этнонима его переосмыслением, поскольку предполагаемый вариант **čamoq* ~ **čamuq* может быть интерпретирован как производное от того же глагола **čam-* имя при помощи соответствующего аффикса *-(O)k* [Erdal, 1991, vol. I, p. 224–261], что, в свою очередь, допускает дальнейшее образование формы **čomuq*. При этом данное абстрактное отглагольное имя в сущности синонимично форме **čumuqun* ~ **čomuqun*.

В 649, 651, 739 и 740 гг. предводитель данного племени именуется Чу-му-кунь [Цюй] люй-чжо 處木昆[屈]律啜 [Chavannes, 1903, p. 34, 60, 65, note 4, p. 84, 270; Taşağıl, 1999, s. 71, 96; Малявкин, 1989, с. 39, 168, коммент. 248], т.е. **külüg čor* (см.: [Hamilton, 1955, p. 96, note 8]). Такая реконструкция в прочтении этого титула (вместо написанного Чу-му-кунь люй-чжо 處木昆律啜) позволяет отклонить предложенное Э. Шаванном [Chavannes, 1903, p. 285–286, note 3; Beckwith, 1987, p. 118, note 60] сопоставление с предводителем *чу-му-кунь* упомянутого ат-Табари тюргешского (с *нисбой* ат-Туркаши الترقشى [*'l-trqšy*]) полководца по имени Курсул كورصول [*kwrṣwl*], который убил в ссоре кагана (119 г. х./737 г. н.э.). Более удачным представляется сопоставление с известным по китайским источникам тюргешским племенным предводителем Мо-хэ да-гань 莫賀達干 (< **baγa tarqan*), убившим кагана Су-лу 蘇錄 (738 г.) [Marquart, 1898a, S. 38–39, Anm. 1; 1898b, S. 181–182] (пиньин. *sū-lù* < ран.

[2] Встречающееся во втором источнике сочетание *ту-цю* 突騎, предшествующее названию *чу-му-кунь*, вопреки мнению Ю.А. Зуева, вероятно, является сокращением от *ту-цюши* 突騎施 (< **türgiš*).

[3] *Фу-янь* 匐延, пиньин. *fú-yán* < ран. ср.-кит. **buwk-jian*, позд. ср.-кит. **fhyiwk/fhuwk-jian* [Pulleyblank, 1991, p. 98, 356], ср.-кит. **bjuk/bək-jiän* [Schuessler, 2009, p. 112 (5–33 = K. 933), 257 (24–30 = K. 203)], < **bögän* < *bög-* 'to collect, gather together (people or things)', ср.: *bäg sü:sin bögdi* 'the *beg* assembled (*cama'a*) his army' ([Clauson, 1972, p. 324]; ср.: [Древнетюркский словарь, 1969, с. 117], где ошибочно *bök-*, + *-Xn*).

[4] О.И. Смирнова дает не совсем точный перевод, но справедливо отмечает, что речь идет не о социальной группе, а о некой племенной общности [1970, с. 33].

ср.-кит. **sə-ləwk*, позд. ср.-кит. **suə̆-ləwk* [Pulleyblank, 1991, p. 294, 201], ср.-кит. **suo-ljwok* [Schuessler, 2009, p. 52 (1–31c = K. 67), 159 (11–15klm- = K. 1208)], < **suluq* (ср.: [Hirth, 1899, S. 77; Кляшторный, 1986, с. 166, 169], ср. с гласными палатального ряда: [Зуев, 1998, с. 66])). Если учитывать наследственный характер передачи титулов, что позволяет предположить, например, найденная в 2004 г. в Китае эпитафия некоей «госпожи из рода А-ши-на 阿史那» (*фу-жэнь а-ши-на син* 夫人阿史那氏), дочери наместника (*ду-ду* 都督) Шуан-хэ 双河 по имени Шэ-шэ-ти Тунь чжо 慴舍提暾啜 (*Ton čor из племени *шэ-шэ-ти* 慴舍提[5]; ср. написание *шэ-шэ-ти* 摄舍提)[6], которая вышла замуж за одного из танских высокопоставленных командиров[7], то, скорее всего, этот полководец принадлежал к племени *ху-лу-у* 胡禄屋, чей предводитель, упомянутый под 651 г., именовался Ху-лу-у цюэ-чжо 胡禄屋闕啜 (< **uluγ oq kül čor*) [Marquart, 1898b, S. 182; Chavannes, 1903, p. 34; Малявкин, 1989, с. 39, 166, коммент. 245; Taşağıl, 1999, s. 96].

Любопытно, что под 649 г. среди сдавшихся вождей племен (*цюу-чжан* 酋长), сподвижников кагана Чэ-би 車鼻 (< **čavïš*) (см.: [Ecsedy, 1980, p. 27; Kasai Yukio, 2012, S. 89]), который обосновался прежде на северных склонах Монгольского Алтая (см.: [Зуев, 2004, № 2, с. 11–12]), в китайских текстах упомянут Ба-сай-фу Чу-му-кунь Мо-хэ-до сы-цзинь 拔塞匐處木昆莫賀咄俟斤 (в «Синь Тан шу» – Чу-му-кунь Мо-хэ-до сы-цзинь 處木昆莫賀咄俟斤) [Бичурин, 1950, т. I, с. 263; Liu Mau-tsai, 1958, B. I, S. 155, 208; B. II, S. 585, Anm. 804, S. 646, Anm. 1139; Taşağıl, 1999, s. 40, 90], где *ба-сай* 拔塞 является несомненной транскрипцией слова *bars* (см., напр.: [Harmatta, 1972, p. 270; Малявкин, 1989, с. 39, 169, коммент. 251]), *фу* 匐 – тюркского слова *bäg* ([Hirth, 1899, S. 107; Hamilton, 1955, p. 148–149]; см. также: [Harmatta, 1972, p. 270; Малявкин, 1989, с. 41, 169, коммент. 251]) (ср. личное имя *bars bäg* [Древнетюркский словарь, 1969, с. 84]), *мо-хэ-до* 莫賀咄 – *baγatur* [Chavannes, 1903, p. 83–84, 90, 346], а *сы-цзинь* 俟斤 – титул *irkin* [Hirth, 1899, S. 103, 109, 111–112; Pelliot, 1929, p. 227–228; Hamilton, 1955, p. 98, note 1; Kasai Yukio, 2012, S. 90][8]. Отмеченное позволяет рассматривать здесь слово *чу-му-кунь* исключительно как элемент личного имени, поэтому есть все основания считать, что оно, выступая когда-то как имя некоего предводителя, легло в основу названия подвластной ему группировки. Это достаточно известное явление у кочевников евразийских степей [Németh, 1991, o. 58–65].

В данном аспекте, а также в связи с историей *кимеков* замечателен еще один момент. В «Тун дянь» при перечислении народов, обитавших на территории к северу от Алтая, упоминается сочетание *янь-мо нянь до-лу цюэ сы-цзинь* 鹽漠念咄陸闕俟斤 ([Зуев, 1962, с. 105–106; ср.: Кюнер, 1961, с. 54]). В нем последние три иероглифа (*цюэ сы-цзинь*) обозначают, безусловно, титул **kül irkin* (см., напр.: [Зуев, 1962, с. 118]); четвертый и пятый, т.е. *до-лу*, как и все другие формы этого сочетания, использовавшегося в названии одной из племенных конфе-

[5] Интересно, что наместник Ферганы (Да-юань 大宛) с 658/659 гг., т.е. после поражения А-ши-на Хэ-лу 阿史那賀魯, судя по имени Кань ту-тунь шэ-шэ-ти юй-цюй-чжао-му ду-ду 瞰土屯摄舍提於屈昭穆都督, где вместо *кань* 瞰 надо *тунь* 暾 (в «Тан хуэй яо» – *чжи* 職), принадлежал к группировке *шэ-шэ-ти* (ср.: [Зуев, 1998, с. 91–92]). Согласно Ёсида Ютака, Юй-цюй-чжао-му 於屈昭穆, пиньин. *yú-qū-zhāo-mù* < ран. ср.-кит. **ʔə-kʰut-tɕiaw-muwk* < согд. *Ukkuʳt-catūk* [*'wkkwrtcm'wk*], – это имя правителя Самарканда VII–VIII вв. (см.: [Lurje, 2010, p. 115; Stark, 2008, S. 224–225, Anm. 1248; 2009, S. 4, 26, Komm. 40]). С. Штарк считает слово тюркским, и, как отмечает П.Б. Лурье, на согдийской почве оно не этимологизируется. Этот же человек, видимо, предстает в источниках как Тунь ту-тунь 暾土屯 – правитель г. Бинкет (Ташкент, т.е. Ши 石 – Чач), и, вероятно, как Тунь чжо 暾啜 (< *Ton čor), упоминаемый в китайских источниках под 649, 651 и 658 гг., под 658 г. – как сподвижник А-ши-на Хэ-лу (см.: [Chavannes, 1903, p. 34, 60, 141, note 3; Малявкин, 1989, с. 38, 164–165, коммент. 239; с. 39, 166–167, коммент. 246; с. 83, 270, коммент. 638; Бичурин, 1950, т. I, с. 289, 292; т. II, с. 313; Taşağıl, 1999, s. 71, 96].

[6] Племенная группировка *шэ-шэ-ти* 摄舍提 занимала земли в долине р. Боро-Тала, к западу от оз. Эби-Нур [Малявкин, 1989, с. 38, 164, коммент. 238]. По мнению С. Штарка, племя *шэ-шэ-ти* не было тюркским [Stark, 2008, S. 191, Anm. 1081; S. 225]; ср.: *шэ-шэ-ти* 摄(慴)舍提, пиньин. *shè(zhé)-shě-tí* < ран. ср.-кит. **ɕiap(tɕiap)-ɕia'-dɛj*, позд. ср.-кит. **ʂiap(tʂiap)-ʂia´-tʰiaj* [Pulleyblank, 1991, p. 279, 400, 278, 304], ср.-кит. *śjäp(tśjäp)-śjä-diei* [Schuessler, 2009, p. 344 (35–13d = K. 638), 356 (37–12 = K. 690), 56 (1–48a = K. 48), 124 (7–14n = K. 866)], < **čapšatā* < согд. *šāw/u* [*š'w*] 'black' [Gharib, 1995, p. 370] + согд. *xšēδ* [*xšyδ*] 'chief, commander' (< авест. **xšaēta* id.) ([Ibid., p. 433]; см.: [Cheung, 2007, p. 451–452] + ? согд. афф. мн. ч. *-ā* (см.: [Gershevitch, 1961, p. 179]); ср. с упомянутым у ат-Табари «царем тюрков» Шаба (*Šāba*) شابة или же Савэ (*Sāwa*) شاوه شاوه у Фирдоуси [Зуев, 2002, с. 195]. Ю.А. Зуев реконструирует здесь *Джебшед (см.: [1998, с. 91–92]).

[7] По данным источника, госпожа умерла в 746 г. в возрасте 54 лет, следовательно, родилась ок. 693 г. Поэтому трудно предположить, что ее отцом мог быть одноименный персонаж, упоминаемый в середине VII в. как активный политический деятель [Го Мао-юй, Чжао Чжэнь-хуа, 2006]. Однако управление (*ду-ду-фу*) Шуань-хэ 双河 было учреждено на землях племени *шэ-шэ-ти* в 658 г. [Малявкин, 1989, с. 38, 238, коммент. 164]. Видимо, следует согласиться с мнением Го Мао-юй и Чжао Чжэнь-хуа о том, что речь идет о представителях линии вождей одного рода.

[8] Последний характерен для конфедерации *ну-ши-би* 弩失毕, хотя племя *чу-му-кунь* входило в другую конфедерацию западно-тюркских племен – *до-лу* 咄陸 / *ду-лу* 都陸 / *ду-лю* 都六 / *до-лю* 咄六.

дераций западных тюрков, в целом позволяют восстанавливать здесь звучание **tölük* (см.: [Golden, 2012, p. 167]) либо **türük* (ср.: [Кляшторный, 1986, с. 169]); третий иероглиф *нянь*, пиньин. *niàn* < ран. ср.-кит. **nɛm*^{h}, позд. ср.-кит. **niam`* [Pulleyblank, 1991, p. 225], ср.-кит. **niem* [Schuessler, 2009, p. 365 (38–24a = K. 670)], что, как отметил Ю.А. Зуев [2004, № 2, с. 3], соблазнительно сопоставить с согд. *nām* [*n'm*] 'name' [Gharib, 1995, p. 232]; первый и второй, т.е. *янь-мо*, пиньин. *yán-mò* < ран. ср.-кит., позд. ср.-кит. **jiam-mak* [Pulleyblank, 1991, p. 357, 218], ср.-кит. **jiäm-mâk* [Schuessler, 2009, p. 347 (36–5n = K. 609), 74 (2–40ad = K. 802)], < **jemäk* [Зуев, 1962, с. 118]. Со значительной долей уверенности можно предполагать, что реконструируемое **jemäk nam tölük* (/*türük*) *kül erkin*, явно изначально обозначавшее личное имя, маркирует в китайском тексте определенную подвластную некоему предводителю группировку. Здесь слово **jemäk* может выступать в качестве элемента собственно личного имени этого предводителя и быть названием племенной группировки, из которой он происходил. Первый вариант предпочтительнее, если интерпретация второго элемента в реконструированном сочетании как согдийской лексемы верна, то **jemäk nam* буквально может быть истолковано как 'носящий имя *йемек*' [Зуев, 2004, № 2, с. 3]. Первое предположение видится более логичным, если учитывать, что далее в источнике сочетание *янь-мо* (< **jemäk*) упоминается самостоятельно.

Так или иначе слово *йемек*, которое в китайских источниках встречается по крайней мере с середины VII в. [Кюнер, 1961, с. 55], заставляет вновь обратиться к получившей распространение в науке гипотезе о его рассмотрении как вторичной формы слова *кимек*. Первое достоверно и самостоятельно фиксируется в арабографичных памятниках со второй половины XI в. в форме ايماك [*'ymāk*] как название одного из основных племен объединения, именуемого كيماك [*kymāk*] (в некоторых местах كيمياك [*kymyāk*]) у Гардизи и в форме يماك [*ymāk*] как название всего этого объединения у Махмуда ал-Кашгари, который не знал никаких *кимеков* (см.: [Зуев, 1962, с. 121–122; Кумеков, 1972, с. 39–41; Golden, 1992, p. 202; 2002]). Различия в написании можно убедительно объяснить, исходя из законов тюркской фонетики: **īmak* < **jemäk* ~ **jimäk*, что адекватно увязывается с данными VII в.

По мнению К. Цегледи, повествование Гардизи о *кимеках*, как и рассказы о прочих тюркских племенных группировках, может относиться к событиям, имевшим место в промежутке 745–766 гг. [Czeglédy, 1973, p. 263–267]. Следует отметить, что «тюркские сюжеты» венгерский исследователь датировал на основе лишь сведений о племенах *карлук* и *йагма*, тем не менее предложенная им дата в целом, насколько можно судить по работе П.Б. Лурье, подтверждается косвенными данными [Lurje, 2007, p. 189–190].

Абу Саид Гардизи, совершенно не владевший, как было доказано К. Цегледи, тюркскими языками, заимствовал сведения о тюрках из не дошедшего до нас сочинения «Китаб руб ад-дунйа» («Книга об обитаемой четверти мира») автора по имени Абу Амр Абдаллах ибн ал-Мукаффа (720 – ок. 757 гг.) [Czeglédy, 1973, p. 259, 260–261, 263]. Более убедительной представляется точка зрения П.Б. Лурье: эти сведения могли быть взяты Гардизи из другого упоминаемого им источника – из несохранившегося до нашего времени труда Абу Абд Аллаха ал-Джайхани (первая половина X в.), который служил вазиром при дворе Саманидов, «Китаб ал-масалик ва ал-мамалик» («Книга путей и государств») [Lurje, 2007, p. 189–190].

Название *кимек* достоверно фиксируется в наиболее распространенной форме كيماك [*kymak*] с IX в., хотя, возможно, оно было известно уже во второй половине VIII в. [Кумеков, 1972, с. 11–13, 36, 56]. Последняя дата относится к списку тюркских племен, который приведен в сочинении «Китаб ал-масалик ва ал-мамалик» («Книга путей и государств») Ибн Хурдадбиха (80-е гг. IX в.), служившем одним из источников для Гардизи.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что высказанная Л.Н. Гумилевым гипотеза об отождествлении семиреченского племени *чу-му-кунь* с кимеками, основанная только на данных о совпадении их территорий обитания, может найти дополнительное, хотя и косвенное подтверждение в реконструкции китайского звучания названия семиреченского племени *чу-му-кунь* как **čutuqun* ~ **čotuqun* со значением *'погрузившийся в воду', *'утонувший (?)', которое перекликается с приведенным у персидского автора XI в. Гардизи сюжетом о почитании воды у *кимеков*. Сложение племенного союза *кимеков*, согласно Гардизи, произошло именно в долине Иртыша, куда прибыли представители различных племенных группировок, основной из которых была группировка *йемек*. Ее название фиксируется китайскими источниками в форме *янь-мо* уже в середине VII в. Изначально это название было упомянуто как личное имя некоего предводителя.

Не касаясь вопросов хода миграционных процессов, связанных с формированием новой племенной общности, и их датировки, подчеркнем, что сам этот процесс был сложным – в нем принимало участие как местное, так и пришлое население.

Следует также обратить внимание на высказанные Ю.А. Зуевым, вопреки мнению большинства исследователей, сомнения по поводу невозможности

отождествления названий *йемек* и *кимек* как форм одного слова. Отождествление этих двух форм в соотношении **jimäk* < **kimäk* специалистами допускается на основе отмеченной филологами для некоторых среднекыпчакских диалектов редукции инициального **k- > 0*, которая для древнетюркского периода не зарегистрирована. Это обстоятельство в совокупности с косвенными данными о существовании обеих форм (для VII и VIII–IX вв. соответственно) заставляет задуматься о поиске какого-то иного объяснения для созвучия в употребляемых по отношению к одной племенной группировке названий.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-31-01029а2).

Список литературы

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Изд. испр. – Алматы: Ғылым, 1995. – 296 с.

Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о династических связях Чача и Бухары в эпоху раннего средневековья (на основе нумизматического материала) // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура: матлы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Г.В. Шишкиной / науч. ред. С.Б. Болелов. – М.: Гос. музей Востока, 2010. – С. 14–16.

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-аҳбāр*>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» // Соч.: в 9 т. – М.: Наука, 1973. – Т. VIII: Работы по источниковедению. – С. 23–62.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступ. ст., коммент. А.Н. Бернштама, Н.В. Кюнера. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – LXXXVI, 384 с.; Т. II. – 334 с.

Го Мао-юй, Чжао Чжэнь-хуа. Исследование «Танской эпитафии супруги Чжан Си госпожи из рода А-ши-на» и «варварско»-китайских брачных контактов // Си-юй яньцзю. – 2006. – Вып. 2. – С. 90–94 (на кит. яз.).

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Клышников, Комаров и К°, 1993. – 524 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева и др. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII, 714 с.

Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам (*бома*, *гуй*, *яньмо*) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. – Алма-Ата: АН КазССР, 1962. – С. 103–122. – (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР; т. XV).

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – 18 с.

Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории) / отв. ред. А.Х. Маргулан. – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 63–78.

Зуев Ю.А. О формах этно-социальной организации народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья) / отв. ред. Н.Ж. Шаханова. – Алматы: [б. и.], 1998. – С. 49–100.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Зуев Ю.А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. – 2004. – № 1. – С. 11–21; № 2. – С. 3–26.

Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – Ташкент: ТашГИВ, 2009. – 88 с.

Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюргешских каганов VI–VIII веков // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1986. – С. 164–170.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 1961. – 391 с.

Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). – Новосибирск: Наука, 1981. – 336 с.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. – Новосибирск: Наука, 1989. – 432 с.

Отахўжаев А. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. – Ташкент: ART-FLEX, 2010. – 219 б.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М.: Наука, 1970. – 287 с.

Akın H. Nemeth'e Göre En Eski Türk–Macar Münasebetleri // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. – 1982. – Cilt XXX. – Sayı 1/2 (Ocak 1979 – Haziran 1982). Atatürk'ün 100. Doğum Yilina Armağan. – S. 1–6.

Beckwith C.I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. – XIX, 270 p.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. – P.: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. – IV, 380 p.

Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. – Leiden; Boston: Brill, 2007. – XXII, 600 p. – (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Ser.; vol. 2).

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XLVIII, 989 p.

Czeglédy K. Gardizi on the History of Central Asia (746–780 A.D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1973. – Vol. XXVII, fasc. 3. – P. 257–267.

Ecsedy I. A Contribution to the History of Karluks in the T'ang Period // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1980. – T. XXXIV, fasc. 1–3. – P. 23–37.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. – Wiesbaben: Harrassowitz, 1991. – Vol. I/II. – XIV, 874 p. – (Turcologica; Bd. 7).

Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. – Oxford: Basil Blackwell, 1961. – XIV, 308 p.

Gharib B. Sogdian Dictionary: Sogdian–Persian–English. – Tehran: Farhangan Publications, 1995. – XLII, 517, ۵۷ p.

Golden P. Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler // Türkler / eds. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – Cilt 2, İlk Çağ. – S. 757–766.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. – XVII, 483 p. – (Turcologica; Bd. 9).

Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz* // Turkic Languages. – 2012. – Vol. 16. N 2. – P. 155–199.

Hamilton J.R. Les ouïghours á l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. – P.: Presses Universitaires de France, 1955. – 201 p. – (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises; vol. X).

Harmatta J. Irano-Turcica // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1972. – Vol. XXV. – P. 263–273.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk: Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – SPb.: Kaiserliche Akad. der Wissenschaften, 1899. – F. 2. – S. 1–140.

Kasai Yukio. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // "Die Wunder der Schöpfung". Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / Hrgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. – Würzburg: Ergon-Verl., 2012. – S. 81–141. – (Istanbuler Texte und Studien; Bd. 9).

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – B. I: Texte. – 484 S.; B. II: Anmerkungen, Anhänge, Index. – S. 485–831. – (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens; Bd. 10).

Lurje P.B. Description of the Overland Route to China in Hudud al-'Alam: Dates of the Underlying Itinerary // Eurasian Studies (Ouya xuekan, 欧亚学刊). – 2007. – Vol. 6. – P. 179–197.

Lurje P.B. Personal Names in Sogdian Texts. – Wien: Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 2010. – 527 s. – (Iranisches Personennamenbuch; Bd. II: Mitteliranische Personennamen, Fasz. 8; Philosophisch-Historische Klasse; Bd. 808; Iranische Onomastik; N 8).

Marquart J. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften. – Leipzig: Dieterichsche Verlags-Buchhandlung, 1898a. – VII, 112 S.

Marquart J. Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – 1898b. – Bd. XII. – S. 157–200.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. – S. 25–238. – (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, Neue Folge; Bd. XIII, N 1).

Martinez A.P. Gardīzī's Two Chapters on the Turks // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – 1982. – Vol. II. – P. 109–217.

Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása // Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. – 397 o.

Ögel B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıkmaları ile destanlar). – 2. baskı. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1995. – Cilt II. – XVI, 611 s. – (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları; VII. Dizi – Sa. 102[a]).

Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie central // T'oung Pao. – 1929. – T. XXVI, N 4/5. – P. 201–266.

Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. – Vancouver: UBC Press, 1991. – VII, 488 p.

Schuessler A. Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammata Serica Recensa. – Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 2009. – XXIV, 421 p.

Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. – Wiesbaden: Reichert Verl., 2008. – XVI, 591 S. – (Nomaden und Sesshafte; Bd. 6).

Stark S. Transoxanien nach dem Tang Huiyao des Wang Pu: Übersetzung und Kommentar. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2009. – XV, 74, [10] S.

Taşağıl A. Gök-Türkler II (fetret devri 630–681). – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1999. – VIII, 128, [12] s. – (Türk Tarih Kurumu Yayınları; VII. Dizi – Sa. 160[a]).

Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. – İstanbul: İsmail Akgün Matbaası, 1946. – Cild 1. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar. – XVI, 488 s. – (Tarih Araştırmaları; Cild 1, N 2).

Материал поступил в редколлегию 24.01.17 г.,
в окончательном варианте – 03.02.17 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.114-121
УДК 393 (571.54)

С.Г. Жамбалова
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: zhambalovas@yandex.ru

Традиционные типы погребения бурят: динамика и стереотипы

Сравнительное изучение погребения бурят разного возраста и статуса базируется на характеристике степени их мобильности, динамике и стереотипах, которые понимаются здесь как механизм консервации инвариантного ядра культуры. Выявляются зоны инноваций, возникающих в ходе перекомбинации элементов традиции или под влиянием извне. Специфика погребений демонстрирует механизмы адаптации социума к природно-климатическим условиям и историческим обстоятельствам. Выявлены два традиционных типа погребения ординарных людей: наземное под прикрытием с сопроводительным инвентарем и кремация. Они были распространены на всей этнической территории. Присоединение к России и распространение буддизма привели к появлению в Байкальском регионе двух крупных субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья – и к изменениям в погребении ординарных членов социума. Под влиянием русской культуры получила распространение ингумация в гробу. Буддизм, практиковавший кремацию духовенства, сделал данный тип невозможным для мирян. В Предбайкалье начала преобладать кремация, которая в Забайкалье исчезла. Выделились два подтипа наземного погребения – шаманистское и буддистское. В Забайкалье получило развитие последнее. Выявлено несколько типов погребения детей: воздушное, кремация, наземное обоих подтипов и ингумация. Приведены описания стереотипных захоронений и меморизации шаманов и буддийского духовенства. В результате исследования установлено, что одна линия развития демонстрирует динамичность погребения ординарных людей, которая дает возможность этносу вписаться в глобальный мир; другая манифестирует стереотипность сакрального погребения, позволяющую сохранять традиционное ядро культуры. Обе линии развития обеспечивают сохранение бурятского социума в пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: *буряты, погребение, меморизация, типы, динамика, стереотип.*

S.G. Zhambalova
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sakhyanovoy 6, Ulan-Ude, 670047, Russia
E-mail: zhambalovas@yandex.ru

Traditional Buryat Burials: Changes and Stereotypes

Buryat burials are described with regard to the age and social status of the deceased. Changes and conservative features are evaluated, and cultural stereotypes are discussed. Certain novel traits are due to a recombination of traditional elements; others are caused by external stimuli. Environmental adaptations and the role of cultural factors are assessed. There are two traditional types of low-ranking burials: above-ground under cover with accompanying goods; and cremation. Both were practiced throughout the Buryat ethnic area. Its inclusion in the Russian Empire and the spread of Buddhism resulted in the emergence in the Baikal region of two major religious groups—shamanists in the cis-Baikal area and Buddhists living east of Lake Baikal. Changes affected burial practices as well. Under the impact of the Russian tradition, inhumation burials in coffins emerged. Under Buddhism, only members of clergy but not lay persons were cremated. Cremation became the principal rite west of Lake Baikal, while having disappeared east of it. Two types of the above-ground burials became common—shamanist and Buddhist. From that time on, ground burials can be divided into two subtypes—shamanist and Buddhist, the latter being predominant in the Trans-Baikal region. Burials of children fall in several categories—suspended, cremation, both types of above-ground, and inhumation. Burials and commemoration practices relating to shamans and the Buddhist clergy are described. One evolutionary line demonstrates changes in burial practices concerning ordinary people and contributing to the integration of the traditional culture into the outside world, another line highlights the sacral stereotypes, preserving the core of the traditional culture. Both opposing lines maintain the integrity of the Buryat ethnic tradition in both space and time.

Keywords: *Buryats, burials, memorization, cultural stereotypes, cultural changes.*

© Жамбалова С.Г., 2018

Введение

Статья представляет новый вариант типологии погребения бурят. Ее задачи – показать специфику захоронения бурят различных возрастных групп и социального статуса, выявить инновации, возникающие в ходе перекомбинации элементов традиции или под влиянием иной культуры, проследить границы внедрения новшеств в традиционную систему.

Погребальная обрядность сохраняет консервативную форму стереотипизации общественного опыта [Семенова, 2006, с. 9]. С одной стороны, ей присуща архаичность, сохраняющаяся в погребении сакральных лиц и в идеологических представлениях; с другой – на нее оказывают влияние социально-экономические процессы, порождая социальную динамику. Среда обитания содействовала возникновению региональных типов погребения у бурят. Они проживают на территории с превалированием то лесостепной, то степной зоны. Климат таков, что земля полгода мерзлая. Немалую роль играла низкая плотность населения. Специфика типов погребения обусловлена также традиционным мировоззрением, шаманистским, а затем и буддистским.

Хронология исследования охватывает исторические процессы после присоединения Бурятии к России с трансформацией всех сфер жизни. Здесь важны административное закрепление родовых территорий, сокращение «породных земель»* и кочевых маршрутов, постепенная седентаризация. В этих же временных рамках происходило распространение у бурят буддизма, инновации которого вписывались в традиционный пласт культуры. Его постулаты коренным образом изменили мировоззрение, картину мира и представления о смерти. Эти события привели к появлению в Байкальском регионе двух крупных субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья, которые в свою очередь дробятся на более мелкие, каждая со своими характеристиками. Известно, что часть бурят практиковала двоеверие (шаманизм и православие), другая троеверие (шаманизм, православие, буддизм). Для создания типологии применяется формализованный подход, способствующий рассмотрению темы в синхронии на уровне Предбайкалья и Забайкалья. В статье затрагиваются также сюжеты сохранения типов погребения в советское и постсоветское время. Их единообразие в дороссийский и добуддийский периоды на всей этнической территории актуализирует концепцию о наличии единой культуры этноса, доказанную ранее, например, Е.М. Залкиндом [1958, с. 166, 169]. При активизации в современной Бурятии нового трайбализма работа, верифицирующая идею исторического единства народа, актуальна.

Изучение темы затруднено отсутствием визуальных следов, т.к. буряты, монголоязычный народ, не оставляли ярких погребальных сооружений и надмогильных памятников. Работа базируется на полевых материалах автора и А.С. Суворовой. Используются также опубликованные этнографические сведения и археологические данные. Привлекаются архивные материалы, в частности, рукопись Б.Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождение» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13).

Историография вопроса

Несмотря на то что нет монографического исследования погребальной обрядности, ее историография обширна: специальные статьи, упоминания в этнографических и археологических работах общего и локального характера и др. [Суворова, 2014, с. 4–9]. Однако работ о типах погребения немного. В рукописи Б.Б. Бамбаева отмечается: «…погребальная обрядность недуховных лиц отличается в деталях. Главный фактор – характер населяемой местности. В степных местах надземное погребение без гроба; в каменистых горных местах сооружения над могилой каменной кучи; в лесных местах сожжение трупа, предание земле в гробу с сооружением надмогильного бугорка или надземное погребение в срубах» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 31).

Т.М. Мастюгина, изучавшая похоронную обрядность бурят, разграничила ее специфику у шаманистов и буддистов. Ею выделены традиционные способы: оставление умерших, в т.ч. детей, на поверхности земли; погребение шаманов на помостах, *арангасах*; кремация шаманов и простых людей. При трупосожжении останки оставляли для утилизации хищниками. Погребение в земле на кладбище появилось под влиянием русских. Т.М. Мастюгина отметила, что буряты-буддисты покойных предают разным стихиям (земле, воде, огню, воздуху и дереву) в зависимости от времени года, места смерти и социального статуса [1980, с. 91–93, 96].

Л.Р. Павлинская на материалах окинских бурят и сойотов выявила три типа погребений: наземный (на земле, на земле под сухими деревьями или под каменной кладкой), воздушный (на дереве) и сожжение. Ингумации, по ее мнению, у народов Сибири не было [Павлинская, 2002, с. 240]. Типологию древнебурятских захоронений предложил Н.В. Именохоев. Он выделил скальные, грунтовые, воздушные, кремацию [Именохоев, 2010].

*В XIX в. земли, на которых кочевали отдельные рода.

Вариант типологии погребений бурят представлен в диссертации А.С. Суворовой, написанной под научным руководством автора [2014, с. 15–16]. Стереотипы погребения шаманов и буддийских священнослужителей рассмотрены в совместных статьях [Жамбалова, Суворова, 2013, 2015]. При подготовке монографии выяснилось, что тема требует доработки. В данной статье представлены новые материалы, их анализ и полученные результаты.

Типы погребения ординарных людей

Первый тип традиционного погребения бурят – наземный. Он бытовал, видимо, на всей этнической территории. Как наиболее приемлемое для степи наземное погребение практиковалось бурятами задолго до распространения буддизма, но под влиянием последнего получило новый виток развития, который привел к образованию двух подтипов. Первый – традиционное наземное захоронение добуддийского периода. Т.М. Мастюгина считает, что это типичная форма погребения предбайкальских бурят в XVII–XVIII вв., исчезнувшая в середине XIX в. [1980, с. 91]. Существование данной практики в регионе подтверждается археологическими материалами. В Предбайкалье на могильнике Елга XII из восьми вскрытых бурятских комплексов два – наземные захоронения, на могильнике Елга XIII из семи пять – наземные камеры, примыкающие к скальным выходам [Харинский, 2006, с. 180, 192, 194–195].

Гипотеза о том, что у бурят Предбайкалья и Забайкалья до распространения буддизма бытовали схожие типы погребения, корреспондирует с мнением Б.Б. Бамбаева. В 1928–1929 гг. он подмечает принцип внедрения буддийских инноваций: «…в течение нескольких десятков лет совершенно незаметно для населения изменили прежний обряд погребения. Вернее, создали его на основе прежнего обряда» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 41). Далее он пишет: «Мне с большим трудом удалось найти старика… По его словам, в старину, когда забайкальские буряты были еще шаманистами, у покойников умывали лицо, чесали косу, одевали его в любимую одежду. Пристегнув к нему его лук, стрелы с колчаном и меч, снабдив его огнивом, ножом, табаком, курительной трубкой, а если женщина – иголкой, ножницами, увозили, посадив верхом на его лошадь. По прибытию на место погребения снимали, клали на потник головой на северо-восток лицом вверх, под голову клали седло правым боком, или в лесных местах хоронили в срубах. Варили в котле чай и брызгали его во все стороны, чтобы земля приняла его, оставляли при покойнике котел с чаем. Убивали коня на могиле покойника или привязывали его к колу с тем, чтобы через некоторое время издох. Только не оставляли узду» (Там же, л. 41–42).

Специфика трупоположения, наличие погребального инвентаря, надмогильные покрытия технически характеризуют добуддийское наземное погребение как более сложное, чем буддийское. Материалов об открытом оставлении покойных на поверхности земли в то время нет. В XIV–XV вв. насельники Приольхонья, этническая принадлежность которых все же гипотетична, для усопшего пристраивали к скале конструкцию четырехугольной формы из камней [Харинский, 2006, с. 189]. Археологические данные корреспондируют с этнографическими материалами. В конце XX – начале XXI в. у окинских бурят обнаружены десятки погребений под каменной кладкой. Они расположены на южном склоне отвесной скалы, ориентированы по линии север–юг [Павлинская, 2002, с. 236–237].

Бурятское кладбище и наземное захоронение под прикрытием называют *дараан*. Б.Б. Бамбаев, работавший в школе у кабанских бурят-шаманистов в 1920 г., пишет: «До последних лет у кударинских бурят покойника не зарывали в землю, а обкладывали досками и над ним сооружали большую кучу из деревьев … не так давно на могиле клали кучу камней, называемую “*дараан*” или делали земляной бугорок, называемый “*булаша*”» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 39). Погребение на земле под сухими деревьями существовало у восточно-саянских бурят. В их похоронном обряде заметно соединение шаманистских и буддистских традиций, характерное для периферийных регионов Бурятии [Павлинская, 2002, с. 236, 241]. При наземном погребении покойника, лежащего на правом боку с правой рукой под головой, с согнутыми ногами, заворачивали в красную или желтую ткань (цвета тибетского буддизма), накрывали сухими деревьями. Иногда тело оставляли в тайге, положив на землю на войлоке, сверху закрывали сушняком. Сани, на которых везли усопшего, разрубали и набрасывали сверху. Коня убивали и оставляли рядом. Тело старались увезти в места, где водились хищные звери, чтобы душа покойного быстрее отошла к предкам [Там же, с. 236–237, 241].

Буддизм откорректировал наземный тип погребения, привнес принципиальные в идеологическом плане инновации. Технологическое упрощение обусловлено буддийской концепцией о жизни и смерти, о теле и душе. Оно было характерно для других буддистов Сибири. У тувинцев завернутый в ткань труп оставляли на земле без погребального инвентаря, укладывая на спине или на боку в позе спящего [Дьяконова, 1980, с. 116–117]. Длительное сохранение данного способа погребения, несмотря на протест Российского государства и Русской православной церкви, Г.М. Осокин связывал с буддизмом. По его

словам, хоронили на поверхности земли по приказанию лам, которые вычитали в книгах, что этот человек должен быть погребен именно таким образом [Осокин, 1906, с. 219].

В Забайкалье данный способ был широко распространен в XIX – начале XX в., а в виде реликтов до середины XX в. У агинских бурят он продолжал активно практиковаться в советское время, что обусловлено воззрениями о возможности скорейшего возрождения [Цыденова, 2007]. Погребение на земле тела, завернутого в ткань, либо в тканевом мешке или тонком дощатом гробу зафиксировано археологами в южных степных районах Бурятии во второй половине XX в. [Именохоев, 2010, с. 30]. В 1929 г. Б.Б. Бамбаев, побывав в экспедиции у закаменских бурят, отмечал живучесть обычая (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 49). Из рассказов информантов следует, что оставление на земле тел взрослых продолжалось примерно до 1940-х гг., реже наблюдалось в 1950-х гг. Есть свидетельства о такой практике в Кижингинском р-не Республики Бурятии в середине XX в. В фильме Н.С. Михалкова «Урга – территория любви» демонстрируется бытование традиции во второй половине XX в. у монголов Внутренней Монголии.

Наземное погребение буддистов сопровождалось сложными ритуальными действами, проводившимися ламами. Идентичность погребального обряда у монголоязычных буддистов подтверждается следующим материалом. В начале XX в. у алтайских урянхайцев это был единственный способ погребения (*ил тавих*). Покойного выносили из юрты, приподняв стену, отвозили в специально выбранное намоленное место. Местность выбирали солнечную, окаймленную горами с севера и востока. Тело в белом саване, зашитом волосяными веревками, укладывали на землю на правый бок лицом к заходящему солнцу, накрывали белой тканью или бумажным листом с напечатанным буддийским текстом (*номын хүнжэл*). Под голову подкладывали кирпичный чай, покрывали синим *хадаком*. Покойного ориентировали в сторону близлежащей горы или на север. Старейший бросал зерна в сторону покойника, разбрызгивал водку на четыре стороны, затем ее выпивали. После молитвы три раза обходили тело и уходили [Лхагвасурэн, 2013, с. 129, 131–132].

Наземное погребение бурят с возведением сруба (*мунхан*) было редким. О его существовании свидетельствуют материалы 1864 г. Баргузинской степной думы (ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1208). Б.Б. Бамбаев упоминает о наземном погребении в срубах (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 56).

Второй традиционный тип погребения рядовых бурят – кремация. Он более прост по сравнению с кремацией сакральных лиц. Несмотря на то что достоверные данные локализуются в Предбайкалье, есть основания предполагать бытование этого обычая на всей этнической территории. В 1760-х гг. М. Татаринов писал, что предбайкальских бурят обоего пола, одетых в лучшую одежду, обложив дровами, кремировали в лесу [Описание…, 1958, с. 20]. В конце XIX в. Е.Э. Сно отмечал кремацию у бурят [1904, с. 27]. М.Н. Хангалов пишет, что они имели обычай сжигать покойников без различия пола и возраста. По мнению исследователя, этот обычай постепенно сошел на нет и в конце XIX в. практиковался только в отношении шаманов [Хангалов, 1958а, с. 387]. Имеется обширный круг полевых материалов, свидетельствующих о кремации в настоящее время не только шаманов, но и рядовых людей в возрасте 70–80 лет и моложе в Эхирит-Булагатском, Боханском и Ольхонском р-нах Иркутской обл. Люди завещают предать их огню, считая, что он очищает от земных грехов и быстро отправляет к предкам [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 54].

Кремация современных рядовых людей впервые выявлена на ольхонских материалах в конце XX в. Обряд *сэлмэдэг* (от слова «ясный, чистый») предоставляет душе тысячу лет жизни [Жамбалова, 2000, с. 293]. По убеждениям бурят, душа шамана или он сам в дыму костра поднимается на небо и ведет там приятную жизнь [Хангалов, 1958а, с. 390]. В XVII–XVIII вв. небогатых якутов сжигали с жилищем, а убитых вдали от родных мест кремировали, чтобы пепел доставить на родину [Гурвич, 1980, с. 97].

Забайкальских материалов о кремации простых людей на рубеже XIX–XX вв. немного. У окинских бурят зафиксировано ее сохранение до советского времени [Павлинская, 2002, с. 238]. В связи с распространением буддизма в Забайкалье кремация, как показано ниже, стала прерогативой лам и изредка знатных людей. Такая же картина у калмыков. Современные буряты, в т.ч. улан-удэнцы, нередко хотят быть кремированными [Басаев, 2011].

Грунтовое погребение (ингумация), наверно, было известно бурятам в дорусский период их истории. Отсутствие достоверных данных, вероятно, связано с тем, что в то время у них не было специальных кладбищ, могилы быстро зарастали. По мнению Б.Б. Бамбаева, в дорусский период так хоронили знатных людей для защиты богатого сопроводительного инвентаря (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 57). В XVII–XVIII вв. в грунтовых могилах погребали богатых якутов [Гурвич, 1980, с. 97], а у агинских бурят – асоциальных членов общества, самоубийц, преступников и черных шаманов [Цыденова, 2007]. О бурятских погребениях в земле свидетельствуют археологические материалы А.В. Харинского, который датирует их российским периодом [2006, с. 194–195].

Много письменных доказательств принуждения бурят к практике ингумации. Она распространя-

лась под давлением санитарных требований российской администрации и идеологических Русской православной церкви. Ламаистский обряд ингумации в 1860-х гг. описан Д.И. Стахеевым: могила мелкая, вокруг нее жерди, обтянутые веревками, к которым привязаны лоскутки с заупокойными молитвами (см.: [Мастюгина, 1980, с. 96]). С течением времени инновация прижилась, ингумация стала четвертым типом погребения рядовых бурят. Она отличалась малой глубиной могильной ямы, отсутствием гроба и пр. Постепенно установился новый тип погребальной обрядности – ингумация в гробу на кладбищах. Она окончательно закрепилась в первой половине XX в. и сейчас доминирует на отдельных бурятских кладбищах.

Типы погребения детей

Специфика погребения детей у бурят связана с их особым социальным статусом. Имел значение возраст ребенка. Выделялись следующие возрастные группы: младенцы, дети до 3–5 лет и от 5 до 12 лет. В Предбайкалье после 12 лет детей привлекали к участию в обрядах погребения наравне со взрослыми [Хандагурова], а значит, и хоронили как взрослых. Традиционное погребение малых детей у бурят, как и у якутов и других народов, обусловлено представлением об их «недочеловечности», поэтому оно не оформлялось ритуально: не делали гроб, не копали могилу, не забивали поминальный скот и т.д. [Бравина, Попов, 1992, с. 161–162]. У бурят их смерть обозначали словом «потерялся» (*гэгдэ*), а про взрослых говорили «отправился в путь», «исчерпал свой век» (*мордохо, наһа бараха, наһанһаа нүгшэхэ*) и т.д.

Первый тип погребения детей – сакральное воздушное захоронение грудничков. Ребенка заворачивали в бересту, обвязывали конопляной веревкой и закрепляли на березе. Данный тип погребения связан с троичной моделью мироздания, культом мирового древа, где крона олицетворяет Верхний мир. Согласно верованиям бурят, оттуда детские души птицами улетают в мир иной, затем спускаются на землю и входят в лоно женщин. В Окинском р-не Республики Бурятии на рубеже XX–XXI вв. сохранялись следы такого погребения [Павлинская, 2002, с. 240].

Второй тип – кремация. На Ольхоне кремировали детей старше 3 лет. В 1840 г. двух утонувших мальчиков 3 и 8 лет на второй день «унесли в лес и сожгли по шаманскому обычаю» [Жамбалова, 2000, с. 292]. Р.И. Бравина и В.В. Попов предполагают, что у якутов детей кремировали [1992, с. 34, 162, 195].

Третий тип – наземное погребение, подразделяющееся на подтипы. Шаманистский обряд наземного захоронения подтверждает А.В. Потанина: «Детей и теперь не закапывают, а закладывают гробик камнями» [1912, с. 25]. У ольхонских бурят такое погребение новорожденных называется *дарсалдаг* («скучивать, нагромождать») [Жамбалова, 2000, с. 295]. Дети до 3–4 лет считались существами иного мира, которые не уходят в мир мертвых, а получают новое воплощение в другом человеке. Поэтому по буддистскому обычаю, сохранявшемуся до 1930-х гг., ребенка оставляли на расстоянии слышимости стука чайной ступы [Галданова, 1987, с. 63]. К.М. Герасимова отмечала в Кижингинском р-не Республики Бурятии практику оставления покойных детей в степи [1969, с. 113]. В Кижингинском, Джидинском р-нах информанты утверждают, что до 1960-х гг. умерших до 2 лет детей заворачивали в мешочек, привязывали к телеге, везли в степь и, развязав веревку, «теряли». По полевым материалам, в советское время тела оставляли на земле в скалах в примитивном гробике *хаптага*.

Четвертый тип – ингумация. Известно, что до 1960-х гг. детей до 3 лет хоронили в земле на задах двора у стайки. Этот пример контаминации, появления новой совокупности в результате смешения традиции и инновации не единичен.

Стереотипы погребения сакральных персон социума

Цель статьи не может быть достигнута без обращения к другой стороне общественной жизни – стереотипам погребения сакральных персон социума. Основные результаты исследования темы опубликованы [Жамбалова, Суворова, 2013, 2015]. Целостная картина, иллюстрирующая обе стороны развития, динамизм и стереотипность, создается благодаря проверенным и уточненным выводам этих работ. Здесь социальный стереотип понимается как закрытый для динамического движения универсальный механизм консервации и сохранения инвариантного устойчивого ядра культуры. Стереотипы захоронения шаманов и лам принципиально отличаются и друг от друга, и от типов погребения рядовых людей. Похороны шаманов и лам – строго регламентированное общественное мероприятие, имеющее важное социальное и мировоззренческое значение для социума.

Погребение шаманов у бурят обязательно сопровождалось меморизацией, исходящей из идеи культурного бессмертия. Это именные *сэргэ*, *обо*, *бариса*, символы мирового древа и культа предков [Жамбалова, 2000, с. 265–269]. Выявлено шесть стереотипов погребения шаманов, их постоянное, точное воспроизведение гарантирует жизнь социуму [Жамбалова, Суворова, 2013]. Одни из них больше распространены в Предбайкалье, другие в Забайкалье. Первый – воздушное (небесное) погребение, когда хоронят на помо-

сте (*аранга*), подвешенном на столбах или между деревьями в шаманских рощах. Оно изредка практикуется в настоящее время вдали от людских глаз. В 2011 г. информанты из Иркутской обл. видели лиственничные колоды, подвешенные на цепях к четырем деревьям в 1970–1980-х гг. Другие встречали лиственничные колоды на волосяных веревках [Там же, с. 136–137]. Информант А.А. Ванкевич в 2007 г. сетовала, что шаманская роща вблизи села, бывшая недоступной обывателям, десакрализируется. Интернет изобилует информацией о бурятских священных шаманских рощах, часто в рекламных туристических целях.

Следующие два стереотипа – это комбинации воздушного погребения с кремацией. Кремация шаманов, технологически и идеологически сложная, не практиковалась в чистом виде и сопутствовала воздушному захоронению на *аранге* или в дереве. Возможно, она появилась как уступка санитарным нормам для утилизации останков небесного погребения. Второй стереотип состоит из трех этапов: захоронение на помосте; после завершения сакральных дней кремация; захоронение специальным образом собранного праха в дереве. Место погребения называют *табиса* (место на горном перевале для подношения горным духам). В сосне выдалбливают дупло, куда помещают мешочек с пеплом. Дупло замуровывают, дерево становится шаманским [Хангалов, 1958а, с. 389]. В Баргузинском р-не Республики Бурятии и Иркутской обл. в советское время были шаманские кладбища. Тело шамана помещали на помост, через 49 дней останки кремировали [Ламаизм…, 1983, с. 133]. Третий стереотип – кремация шаманов с захоронением праха в дереве через сакральное время. Место проведения называется *шандан* (*шандару* – «белый пепел»).

Четвертый стереотип – захоронение на горах между камнями. Он вероятно, более распространен в Забайкалье. Инновация могла возникнуть в результате адаптации к условиям буддийского диктата. Об этом свидетельствует следующий рассказ. По велению забайкальских лам был сослан на Ольхон в Сарму селенгинский большой шаман Шара-*нохой*. Он умер на острове и был похоронен на *аранге* на горе Онтхой. Впоследствии его кости, по обычаю забайкальцев, сложили на земле и обложили камнями [Жамбалова, 2000, с. 215]. Здесь налицо совмещение двух типов погребения, воздушного и наземного, отдана дань предбайкальской и забайкальской традициям. Возможно, наземный способ погребения шаманов на горах, высоких сакральных местах был обусловлен распространением буддизма, когда кремация стала прерогативой лам. Пятый стереотип – погребение на неприступной скале, в горной пещере или специальном гроте. Шамана в его доспехах усаживают, вход закладывают камнями, оставляя просвет, необходимый для покойного [Живописная Россия…, 1895, с. 159].

По сути, все приведенные стереотипы – воздушные погребения. Они реализуют главную идею Вознесения: сакральное лицо возвращается в божественный мир. Так хоронили не только шаманов. Пораженных молнией, как избранников неба, подвергали воздушному погребению. Кузнецов, особо сакральных персон общества, чаще кремировали [Суворова, 2014, с. 22].

Шестой стереотип погребения носит противоположный характер. Это захоронение черных, а скорее, опасных для социума шаманов. М.Н. Хангалов пишет, что их души отправляют в Нижний мир или вовсе уничтожают ритуальными манипуляциями. Для страшных, чаще всего черных, якобы съедавших души людей, шаманов устраивали подземное погребение с применением осины. Их хоронили лицом вниз, чтоб они не смогли выйти на землю [Хангалов, 1958б, с. 484–485]. Ритуальное грунтовое погребение с применением осины известно сибирским народам и является автохтонным [Жамбалова, Суворова, 2013, с. 136].

Погребение и меморизация буддийских священнослужителей также стереотипны [Жамбалова, Суворова, 2015]. Они проводятся в соответствии с письменными канонами по буддийским книгам. Способ погребения зависит от завещания умершего и гадания, но в большей степени от ранга ламы в буддийской иерархии. Бывали случаи, когда простых лам погребали почти как ординарных людей на земле. Здесь они не рассматриваются. А.М. Позднеев подробно описал два стереотипа погребения перерожденцев (*хубилган*) Монголии: бальзамирование с последующей кремацией и бальзамирование с сохранением тела в состоянии мумии *шарил* [1993, с. 272–275]. В Бурятии институт перерожденцев не получил развития, поэтому эти стереотипы погребения здесь мало известны. Для данного региона первым стереотипом является кремация лам высокого статуса, но ниже ранга перерожденцев. Она практикуется до настоящего времени. Данный обряд проще, чем погребение перерожденцев, но намного сложнее, чем рядовых лам и ординарных людей. Усложнение технологии (специальные печи, использование большого количества топленого сливочного масла, сложные ритуалы и т.д.) обусловлено сакральностью ламы. Для всех буддистов России кремация является прерогативой лам, она воплощает обряд Вознесения. В Забайкалье кремация становится невозможной для мирян. В редких случаях ее добивались знатные люди. После погребения реализуется цикл обрядов по меморизации духовного лица. На следующий или третий день собирают прах, «драгоценность из драгоценностей». Места кремации в дальнейшем хороши для наземного погребения рядовых людей [Гомбожапов, 2006, с. 82]. Прах входит в массу для формования *ца-ца* – миниатюрных символов космического тела Будды. Прах

вкладывают в священные ступы, они нередко именные, посвященные отдельным ламам.

Другой стереотип – грунтовое погребение в специальном коробе, позволяющем поместить усопшего в позе медитации, с последующей эксгумацией, как правило, хорошо сохранившегося тела. За ней следует кремация и меморизация путем заложения праха в ступы. Можно выдвинуть две гипотезы. Стереотип предпочтителен для лам, владеющих тайными знаниями, «способных достигнуть» состояния вечной медитации *самадхи*. Можно предположить, что он возник в советское время: ламы считали, что после скорого завершения советской диктатуры смогут быть эксгумированы и по традиции меморизированы. Они как бы находились в ожидании прихода новой волны буддизма. Сейчас известны достоверные истории о ламах, захороненных в советское время по завещанию в земле и вернувшихся в виде святынь в постсоветское пространство путем эксгумации, кремации и возведения именной ступы. Их жизнь, смерть и историческая память легендарны. Ландшафты современного Забайкалья изобилуют ступами, а Предбайкалья – шаманскими атрибутами, важными для формирования этнической и религиозной идентичности социума, благоприятной витальной территории, ее туристической привлекательности.

Нетленное тело XII Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова – одна из святынь буддизма. Здесь важно акцентировать следующее. По представлениям буддистов, Хамбо-лама Д.-Д. Итигэлов не умер, а ушел в мир иной в 1927 г. по личному решению во время медитации в окружении лам, которых попросил читать нужные молитвы. После обрядов его поместили в кедровый короб и захоронили в земле. По завещанию его извлекали для контроля через 30 и 75 лет. В 2002 г. состоялась окончательная эксгумация. Сейчас Хамбо-лама Д.-Д. Итигэлов находится в Иволгинском дацане и, согласно буддийским верованиям, пребывает в состоянии медитации *самадхи*, контролируя свое физическое состояние.

Заключение

Типы погребения рядовых и сакральных людей принципиально различны. До кардинальных исторических событий, приведших к динамическим изменениям во всех сферах, для рядовых людей было характерно наземное погребение с покрытием и сопроводительным инвентарем и кремация. Они практиковались на всей этнической территории и возникли в результате адаптации к условиям среды обитания в соответствии с мировоззренческими установками. Санитарные требования Российской империи и Русской православной церкви обусловили постепенный переход к ингумации в гробу на кладбищах. Буддизм внес инновации, образованные перекомбинацией элементов традиции, поэтому они быстро укоренились.

Присоединение к России и распространение буддизма привели к появлению в Байкальском регионе двух субрегиональных общностей бурят, различающихся прежде всего религиозной принадлежностью, – шаманистов Предбайкалья и буддистов Забайкалья. Религиозная специфика проявляется и в погребальной обрядности. Выделились два подтипа наземного погребения, шаманистский и буддистский. В периферийных буддийских районах прослеживается контаминация. В Предбайкалье получила распространение кремация рядовых людей, в Забайкалье – наземное погребение без прикрытия, осуществляемое по буддистским правилам. Типы захоронения детей обусловлены их социальным статусом и возрастной группой: воздушное, кремация, наземное, грунтовое. Погребения сакральных персон социума стереотипны. Обязательна последующая меморизация. Выявлено шесть стереотипов погребения шаманов, пять из которых несут идею Вознесения, а один имеет противоположный характер. Захоронение буддийского духовенства проводится несколькими сложными способами. Социальная градация обусловила две линии развития погребальной обрядности бурят. Одна, профанная, характеризуется динамичностью, позволяющей этносу гармонично вписаться в глобальный мир. Другая, сакральная, стереотипна, закрыта для инноваций, что сохраняет традиционное ядро культуры, основу идентичности этноса. Обе линии обеспечивают сохранение и развитие бурятского социума в пространственно-временном континууме.

Принципиально новым в данной типологии является создание раздела о захоронении детей. Также выявлена невозможность воздушного погребения для рядовых людей, акцентировано наличие двух типов наземного погребения, шаманистского и буддистского, прослежена контаминация в периферийных буддийских районах в результате двоеверия. Внесены и другие коррективы.

Список литературы

Басаев С. Улан-Удэ нужен крематорий // Новая Бурятия. – 2011. – № 26. – С. 11.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 106 с.

Герасимова К.М. Ламаистский похоронный обряд в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири: мат-лы науч.-практ.

конф., 22–26 нояб. 1966 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – Вып. 2. – С. 112–122.

Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в.: истоки и инновации. – Новосибирск: Наука, 2006. – 184 с.

Гурвич И.С. Похоронная обрядность: якуты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 97–100.

Дьяконова В.П. Похоронная обрядность: Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 113–119.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.

Жамбалова С.Г., Суворова А.С. Стереотипы ритуальной погребальной обрядности бурятских шаманов // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 2 (34). – С. 132–143.

Жамбалова С.Г., Суворова А.С. О погребении и меморизации бурятских буддийских священнослужителей // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. – 2015. – № 2 (61). – С. 136–145.

Живописная Россия: Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольф, 1895. – Т. 12: Восточные окраины России. – Ч. 1: Восточная Сибирь. – 323 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 318 с.

Именохоев Н.В. Типология древнебурятских захоронений (к проблемам этногенеза бурят) // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 21–32.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 233 с.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы: Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 178 с.

Мастюгина Т.М. Похоронная обрядность: буряты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 91–97.

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Байтог: «Баруун буураhууд»: Исследование локальной группы бурят // Народы и культуры Сибири: Взаимодействие как фактор формирования и развития. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 47–54.

Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штюрманом ранга капитана Михаилом Татариновым. – Улан-Удэ: Бурят.-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1958. – 78 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1906. – 335 с.

Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор: (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). – СПб.: Европейский дом, 2002. – 263 с.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.

Потанина А.В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. – М.: [Тип. К.Л. Меньшова], 1912. – 62 с.

Семенова В.И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху Средневековья: автореф. дис. … д-ра культурологии. – Томск, 2006. – 48 с.

Сно Е.Э. За уральским хребтом: сибирские инородцы. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1904. – 52 с.

Суворова А.С. Погребальная обрядность бурят (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2014. – 26 с.

Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири: Шаманство у бурят Иркутской губернии // Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958а. – Т. 1. – С. 289–402.

Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве у бурят // Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958б. – Т. 1. – С. 403–543.

Хандагурова М.В. Участники погребально-поминальных обрядов усть-ордынских бурят: описание состава и ролевые функции: [Электронный ресурс]. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/turov/11.html (дата обращения: 30.04.2016 г.).

Харинский А.В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX в. (по материалам могильника Елга XII) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2006. – Т. 9. – С. 178–206.

Цыденова Д.Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти: традиции и инновации: конец XIX – начало XXI в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 24 с.

Список информантов

Баранников Н.Р., 1943 г.р., бурят, с. Хохорск Боханского р-на Иркутской обл.

Ванкевич (Танганова) А.А., 1937 г.р., бурятка, род готол, с. Хохорск Боханского р-на Иркутской обл.

Галсанов Г.Д., 1948 г.р., бурят, род шоно-галзут, с. Кижинга Кижингинского р-на Республики Бурятии.

Доржитаров С.О., 1940 г.р., бурят, с. Верхний Торей Джидинского р-на Республики Бурятии.

Имеков П.В., 1962 г.р., бурят, с. Нурселение Иволгинского р-на Республики Бурятии.

Тугултурова Н.Б., 1922 г.р., бурятка, с. Могсохон Кижингинского р-на Республики Бурятии.

Материал поступил в редколлегию 02.12.16 г.,
в окончательном варианте – 01.02.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.122-128
УДК 392

А.В. Бауло
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bau194@yandex.ru

Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века

В статье изложены результаты исследования малоизученной практики принесения заместительной жертвы, зафиксированной у северных групп хантов и манси в XX – начале XXI в. Подробно рассматриваются описания традиции замещения жертвы, сделанные А. Каннисто в начале XX в., а также материалы, полученные новосибирскими этнографами в 1985–2017 гг. Установлено, что временное замещение жертвы происходило в случае болезни человека, при отсутствии в хозяйстве животного и при неудаче в охотничьем промысле. Семейным духам-покровителям манси и ханты подносили вместо животных их фигурки – коня, оленя, коровы, овцы, петуха. Фигурки вырезали из бересты или отливали из свинца; использовали покупные игрушки в форме зверей. Зафиксированы заместительные жертвы в виде образа оленя, нарисованного на бумаге карандашом, и фигуры коня, вышитой на сукне. Вид заместительной жертвы чаще всего определял ворожей (шаман); вырезать священный образ мог только посторонний человек (не родственник), который по возрасту был старше больного. Приведены описание использования жертвенного образа и образец молитвенного обращения человека к божеству. Фигурки животных хранились в священных сундуках, их вкладывали в одежды духов-покровителей, завязывали в углы дарственных платков и в ленты жертвенных покрывал. В качестве комбинированного варианта заместительной жертвы описаны впервые встреченные в обрядовой практике изображения платка и верхней одежды (зипуна или халата), вырезанные из бересты.

Ключевые слова: *обряд, жертвоприношение, замещение, конь, олень, береста.*

A.V. Baulo
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bau194@yandex.ru

Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century

The substitute offering is a little known ritual practice described by Artturi Kannisto among the northern Khanty and Mansi in the early 1900s, and by the Novosibirsk ethnographers in 1985–2017. Substitution was practiced in case of the offeror's illness, absence of a requisite domestic animal or unsuccessful hunt. In such cases, instead of actual animals, their effigies were offered to the patron spirits—figurines of horses, reindeer, cows, sheep, and cocks cut from birch-bark or cast of lead; alternatively, purchased toys were offered. A substitute could be a pencil drawing or an embroidered figure of a horse on cloth. The specific substitute was normally prescribed by a shaman; it had to be made only by someone unrelated to and older than the supposed offeror. The effigy and the prayer to the deity, accompanying the offering, are described. Animal effigies were kept in sacral trunks, attached to the clothes of patron spirits, tied into the corners of head cloths and ribbons of covers to be offered. The combined version of the substitute offering includes hitherto unknown representations of a head cloth, a coat or robe, cut from birch-bark.

Keywords: *Ritual, substitute offering, horse, reindeer, birch-bark.*

© Бауло А.В., 2018

Введение

Жертвоприношение при обращении к божеству – один из главных элементов религиозно-обрядовой практики обских угров – достаточно жестко регламентировано в пространственных и временных категориях. С рождения и до смерти человек общается с богом посредством молитвы и жертвоприношения, сопровождая ими все важнейшие события своей жизни. В случае тяжелой болезни или недуга человек имел право на временную отсрочку принесения жертвы: духу-покровителю приносили вместо животного его изображение. Другой причиной могло быть объективное отсутствие животного (не держали, не было в хозяйстве по бедности, нахождение оленей на дальних выпасах и т.д.).

Обычай временного замещения жертвы у северных групп хантов и манси известен по сведениям, собранным А. Каннисто в начале XX в. на нижней Конде, верхней Лозьве, в верховьях Северной Сосьвы, а также по материалам наших исследований, проводившихся в 1985–2017 гг. на территориях ХМАО – Югры и ЯНАО.

Замещение жертвы у обских угров по материалам А. Каннисто

На нижней Конде, чтобы выяснить, какую жертву необходимо было принести в случае болезни, вогулы обращались к ворожею. Ему полагалось съесть мухомор и немного поспать, а после выйти из дома и сообщить духу-покровителю, какую жертву тому принесут. Ворожей называл, например, коня – «то, что с гривой» [Kannisto, Liimola, 1958, S. 286]. Естественно, болезнь физически не позволяла человеку провести обряд жертвоприношения; более того, болезненное состояние считалось неблагоприятным обстоятельством для подобного обряда (ср.: временные запреты на обрядовую деятельность после смерти человека).

На Конде в случае болезни человека вырезали из бересты образ (плоскую фигурку) жертвенного животного: коня – для верховного бога, коровы, овцы либо петуха – для верховного бога или духов-покровителей. Вырезать священный образ мог не только шаман, но и посторонний человек (не родственник), который был старше больного. Данный участник ритуала, держа в руке берестяную фигурку, 3–4 раза обводил ею вокруг головы больного в направлении с востока на запад. В это время больной, если он был в силах, обращался к верховному богу со следующей молитвой:

Светлый муж, светлый отец!
В день болезни, когда мы заболели,
В день страдания, когда мы пострадали,
Ведем мы к тебе
Рукой копытное животное как кровавую жертву,
Живой рукой – рогатое животное.
Не подмел бы ты меня, подмахнул рукой,
В которой есть стержень гусиного пера, утиного пера.
Дорогой опорой величиной с лоно, с колено
Поддержи меня! [Kannisto, Liimola, 1951, S. 310–311].

После молитвы берестяную фигурку клали на подоконник у изголовья больного. После выздоровления человека устраивали жертвоприношение животного, во время которого сжигали берестяной образ. Если человек умирал – жертву не приносили [Kannisto, Liimola, 1958, S. 299].

На верхней Лозьве в случае болезни человека определенному духу-покровителю также вместо животных временно жертвовали их изображения (коня или оленя), вырезанные из бересты. Чаще всего жертвовали крупным божествам – *Хуль-отыру* (в случае оспы), *Полум-торуму* или *Мир-сусне-хуму*, реже – семейным духам. При этом говорили: «Образ оленя надо вырезать для *Ёвтим-сос-отыр-пыг*, который раньше спас от болезни много душ» или «Я теперь тебе пообещал лошадь с гривой, больше не мучай меня!» [Ibid., S. 298]. Берестяной фигуркой обвивали денежные купюры и этим свертком 7 раз обводили вокруг головы больного (двигаясь по солнцу) с произнесением молитвы, затем фигурку завязывали в уголок жертвенного платка и клали в священный сундук. Когда после болезни в жертву приносили обещанное животное, берестяную фигурку доставали из сундука, окунали ее в кровь животного и разрывали на куски; по другим данным образ сжигали [Ibid., S. 299].

Подобная традиция была зафиксирована А. Каннисто и у вогулов верховьев Северной Сосьвы: здесь, если больной умирал, кровавую жертву не приносили, а саму фигурку бросали в огонь [Ibid.]. Исследователь составил подробное описание жертвенных предметов, находившихся в нескольких священных сундуках. В одном из них хранились жертвенные дары *Тапал*-старику (*Полум-торуму*): две шкурки летнего соболя, четыре платка, в уголке одного из них было завязано свернутое изображение оленя, вырезанное из бересты (*сали хури* «изображение оленя»). «Такое изображение, – отмечает А. Каннисто, – вырезают, давая клятву принести жертву, и выбрасывают, когда жертва принесена» [Ibid., S. 314]. В другом сундуке, стоявшем на задней полке вогульского жилища, находилось много цветных, белых и черных жертвенных платков; на дне лежало изображение птицы из картона [Ibid., S. 315].

При плохом охотничьем промысле и при отсутствии в хозяйстве животного приносили временную жертву в виде берестяной фигурки для семейных или лесных духов-покровителей [Ibid., S. 299].

Замещение жертвы у обских угров по материалам конца XX – начала XXI века

Во время наших полевых исследований на севере Западной Сибири была не только собрана новая информация, но и впервые сфотографированы некоторые образцы заместительной жертвы. Выяснилось, что в XX в. замещение жертвы происходило в двух случаях: если человек болел и поэтому не мог принести жертву божеству, а также если в данный момент в хозяйстве не было животного. Рассмотрим оба случая.

Замещение жертвы в случае болезни. Описанная А. Каннисто церемония, включавшая вырезание фигурки животного из бересты, обведение ее вокруг головы больного и произнесение молитвы, сохранялась в более поздний период. В конце XX в. впервые была описана ситуация, когда заболевшим оказался ребенок: «Если ребенок заболел, надо богов просить, чтоб пожалели. Оленя пообещаю забить, чтоб ребенок выздоровел, платок в ящик положу. Вырежешь из бересты оленя – как бы жертву приносишь. После жертвы настоящего оленя – фигурку берестяную сжигаем» (д. Тимка-пауль Советского р-на ХМАО – Югры, информант А.В. Дунаев, манси; ПМА, 1997 г.). У ляпинских манси записана информация о том, что мать обвязывала шею больного сына *арсыном* – куском жертвенной материи, который снимали через четыре дня и убирали в священный сундучок, где хранились семейные духи-покровители (д. Хурумпауль Березовского р-на ХМАО – Югры, информант П.И. Хозумов, манси; ПМА, 1985 г.).

Вырезанные из бересты фигурки изображали коня или оленя. Жертвенный образ коня характерен в основном для манси, проживающих в бассейне Северной Сосьвы. Так, в д. Халпауль культовая атрибутика, оставшаяся после смерти первого мужа М.В. Пеликовой, хранилась в большом амбарчике, стоявшем рядом с домом. Внутри него у задней стены на двух широких полках стояли два чемодана и берестяной туес. В одном из чемоданов лежали жертвенные платки, связки лисьих шкур, два жертвенных покрывала, богатырский шлем, а также узелок из красной ткани, в котором были серебряное блюдце и вырезанное из бересты изображение коня. На дне чемодана находилась еще одна берестяная фигурка коня, завернутая в фольгу [Гемуев, Бауло, 1999, с. 39–42].

В этой же деревне среди домашних фетишей Г.В. Тасманова в священном сундучке хранились *арсыны*, собольи и беличьи шкурки, несколько рубашек, а также завернутая в платок белого цвета берестяная фигурка лошади [Там же, с. 42].

Берестяные фигурки оленя встречены как у манси, так и у хантов. Несколько фигурок были обнаружены на дне священных сундуков, в частности, на чердаках домов манси А.Н. Вадичупова (д. Кимкъясуи Березовского р-на ХМАО – Югры; ПМА, 1997 г.), хантов А.А. Алябы (д. Вершина Войкара Шурышкарского р-на ЯНАО; ПМА, 2001 г.) и Артанзеевых (д. Ямгорт Шурышкарского р-на ЯНАО; ПМА, 2005 г.).

Заместительная жертва больного чаще всего предназначалась домашнему (семейному) духу-покровителю, поэтому вырезанные из бересты фигурки животного нередко клали среди одежды этого человека. Так, в доме известного мансийского шамана Т.И. Номина хранилась большая антропоморфная фигура *Няйс-талях-ойка-пыга* «Вершины реки Няйс сына мужчины». Тулово выполнено из нескольких хлопчатобумажных и ситцевых платков красного и белого цвета, в углах платков завязаны монеты достоинством в 10, 15 и 20 коп. 1940–1953 гг.; в один из платков была завернута берестяная фигурка оленя размерами 8,7 × 5,8 см [Там же, с. 69] (рис. 1). Фигура духа-покровителя манси Хозумовых (д. Ясунт Березовского р-на ХМАО – Югры; ПМА, 1999 г.) выполнена из четырех рубашек розового, красного, синего и пестрого цвета, на которые последовательно надеты халат из толстого шерстяного сукна красного цвета и красная рубашка (среди одежд находились серебряные монеты достоинством в 5 коп. 1858 и 1859 гг.); к нижнему краю последней (к голове фигуры духа) пришита берестяная фигурка оленя [Бауло, 2013, рис. 119]. Образ духа-покровителя хантов Шияновых (д. Лохподгорт Шурышкарского р-на ЯНАО; ПМА, 2017 г.) передан в виде свинцовой антропоморфной фигурки, одетой в несколько рубах и халатов рубежа XIX–XX вв.; тулово опоясано красным шерстяным шнуром, за который заложена берестяная фигурка оленя.

Замещение жертвы в случае отсутствия в хозяйстве животного. Подобная ситуация возникала в обрядовой практике достаточно часто и могла быть связана как с тяжелым имущественным положением человека (его бедностью), так и с его временным пребыванием вдали от дома, например, в летний период, когда оленей перегоняли на Северный Урал.

В практике замещения жертвенного животного для какого-либо обряда в честь домашних духов-покровителей чаще всего отливали фигурку коня или оленя из свинца (реже вырезали из дерева). Вместе с монетой или бумажной купюрой ее заворачивали в лоскут ткани и клали в священный сундук. Свинцовые фигурки коня удалось зафиксировать в домашних святилищах манси Самбиндаловых (д. Яныпауль Березовского р-на ХМАО – Югры) (рис. 2), хантов Новьюховых (д. Юхан-горт Березовского р-на ХМАО – Югры) [Бауло, 2016, рис. 7], а также у куноватских хантов (ПМА, 2017 г.). Свинцовые фигурки оленей описаны у хантов деревень Анжигорт, Карвож и Нимвожгорт Шурышкарского р-на ЯНАО [Там же, рис. 256, 257]. Деревянная фигурка оленя обнаружена

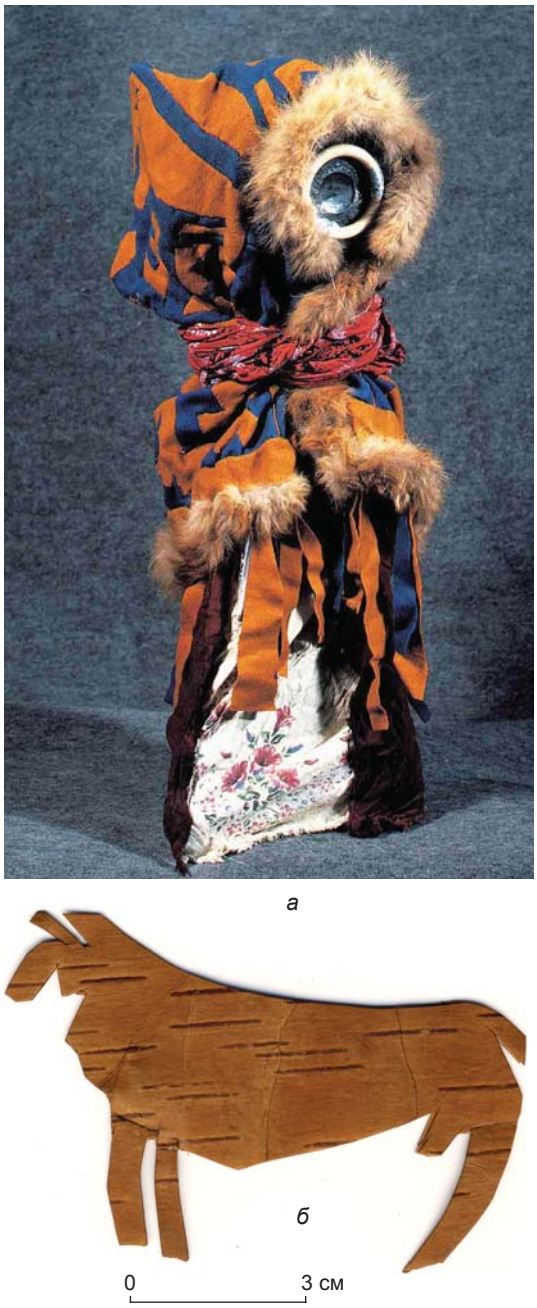


Рис. 1. Фигура духа-покровителя (*а*) и вложенная в его одежды берестяная фигурка оленя (*б*).

на священном месте хантов у д. Хорьер того же района [Там же, рис. 73].

Для заместительной жертвы манси и ханты, если позволяли финансовые возможности, покупали русские или зырянские игрушки [Гондатти, 1888, с. 7, 16; Глушков, 1900, с. 72] в виде коней (рис. 3) или оленей (из меди, папье-маше, резины, пластмассы) [Бауло, 2016, рис. 71, 72, 146, б; 149, 263, 264; 2013, рис. 217]. В д. Хошлог небесным богам было поднесено массивное литое медное изображение лошади с колокольчиком на шее: лошадка вместе с серебряным блюдцем московской работы 1830 г., медными и серебряными монетами 1840–1890-х гг. была завернута в шелковый платок [Бауло, 2013, рис. 219]. Таким образом, временная жертва была увеличена за счет дополнительных подношений. Соседство фигурки животного и серебряного блюдца могло быть отголоском древнего обычая использовать только металлическую посуду при подаче и поглощении мяса жертвенного животного [Чернецов, 1947, с. 120].

К разряду заместительных жертв относится и конь, красная фигура которого изображена на уникальном покрывале размерами 88 × 42 см из шерстяного сукна, хранящемся в доме манси К. Пакина (д. Верхнее Нильдино Березовского р-на ХМАО – Югры) [Гемуев, 1990, с. 117] (рис. 4).

Комбинированный вариант заместительной жертвы. Берестяной (бумажный) образ мог быть

Рис. 2. Свинцовая фигурка коня с вплавленной в тулово серебряной монетой.

Рис. 3. Фигурка коня из папье-маше – атрибут домашнего святилища.

дополнением изготовленного культового атрибута, например, жертвенного покрывала, сшитого для *Мир-сусне-хума* «Мир озирающего человека», а также большого головного платка, выполненного для богини *Калтась*. Так, среди домашних фетишей упоминавшегося выше манси А.Н. Вадичупова (ПМА, 1997 г.) хранилось жертвенное покрывало размерами 67 × 71 см с четырьмя фигурами всадников из сукна красного и черного цвета, отороченное беличьим мехом. Оно было изготовлено в начале XX в. Лицевая сторона покрывала закрыта пришитым по краям розовым шелковым платком. Между лицевым покрытием и основным полотнищем находится берестяная фигурка петуха (рис. 5). Следует отметить, что петух – достаточно популярная жертва у северных групп обских угров. По данным П.А. Инфантьева, петух был «любимой жертвой домашних шайтанов» [1910, с. 14], подобные сведения приводили В.Н. Чернецов [Источники…, 1987, с. 166], И.Н. Гемуев [1990, с. 173–174, 192], Е.Г. Федорова [1996] и др.

В полевой сезон 2016 г. в д. Хурумпауль Березовского р-на ХМАО – Югры было описано жертвенное покрывало размерами 60 × 60 см с четырьмя фигурами всадников из сукна желтого и синего цвета, отороченное беличьим мехом. К углам пришиты лоскуты разноцветной хлопчатобумажной ткани, по два к каждому углу, два медных колокольчика и два шаркунца (медный и железный). Одной из узких полосок сукна, пришитой к углу покрывала, был завязан свернутый вдвое клочок бумаги размерами 7,4 × 6,2 см с изображением оленя, выполненного карандашом (рис. 6).

Как дополнения к дарам богине *Калтась* нами были зафиксированы изделия, ранее не описанные в качестве заместительной жертвы. Так, в 2015 г. в д. Юхангорт Березовского р-на ХМАО – Югры у хантов Новьюховых был приобретен большой шелковый платок красно-фиолетового оттенка с золотым шитьем в виде цветов. Платок обшит полосой хлопчатобумажной ткани черного цвета, к которой по периметру пришиты серые нити, символизирующие седые волосы богини. Размеры платка 86 × 86 см (с нитями 160 × 100 см). В одном из углов платка были завернуты серебряные монеты достоинством в 10 коп. 1905 г. и 20 коп. 1923 г., а также миниатюрный «платок» размерами 3,0 × 2,6 см, вырезанный из небольшого кусочка бересты. Центральная часть (квадрат) этого изделия выделена прорезанными ножом линиями, длинные стороны «платка» украшены зубчиками, которые имитируют пришивные нити (рис. 7).

Рис. 4. Жертвенное покрывало с фигурой коня.

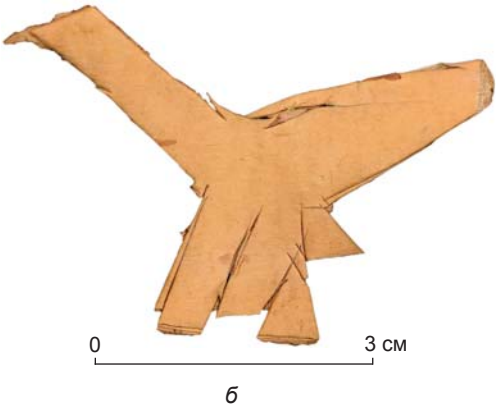


Рис. 5. Жертвенное покрывало (*а*) и дополнение к нему в виде берестяной фигурки петуха (*б*).

Рис. 6. Жертвенное покрывало (*а*) и дополнение к нему в виде изображения оленя на бумаге (*б*).

Рис. 7. Шелковый платок (*а*) и берестяной «платок» (*б*).

В 2016 г. в д. Ломбовож того же района у манси был приобретен платок квадратной формы для богини *Калтась*. Он выполнен из ткани розового цвета, украшен синей и желтой вышивкой. Платок обшит широкой полосой ткани красного цвета, к краям пришиты серые нити. Размеры платка 100 × 90 см (с нитями 176 × × 166 см). К углам изделия пришиты медные бубенчики, на одной нити – медное кольцо, в одном из углов завязана серебряная 10-копеечная монета выпуска 1870 г., в другом углу – вырезанное из бересты изображение зипуна или халата, его размеры 4,5 × 4,5 см (рис. 8). Подношение образцов верхней одежды (покупных и специально пошитых) духам-покровителям неоднократно описано в литературе (см., напр.: [Kannisto, Liimola, 1958, S. 314–318; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 33; Гемуев, 1990, с. 106; Богордаева, 2008, 2012; и др.]).

Рис. 8. Берестяная фигурка в виде зипуна или халата.

Заключение

Материалы А. Каннисто и наши полевые источники позволяют представить традицию временного замещения жертвы на протяжении XX – начала XXI в. у северных групп обских угров. Подобная практика использовалась в случае болезни человека и его неспособности в связи с этим принести жертву божеству, а также отсутствия животного в хозяйстве или неудачи в охотничьем промысле.

При замещении жертвы в случае болезни вид жертвы определял ворожей; вырезать священный образ мог только посторонний человек (не родственник), который был старше больного. Исследователями описаны берестяные фигурки следующих животных: коня, оленя, коровы, овцы, петуха. Заместительная жертва предназначалась домашнему духу-покровителю, поэтому берестяные фигурки часто клали среди его одежд. После выздоровления человека приносили в жертву животное, при этом берестяной образ нужно было сжечь или разорвать, на практике же он нередко продолжал храниться среди культовых атрибутов. Если человек умирал – жертвы не приносили. Описаны особенности замещения жертвы при болезни ребенка. В случае отсутствия в хозяйстве животного обычно отливали фигурку коня или оленя из свинца либо использовали в обряде покупные игрушки.

Описан комбинированный вариант заместительной жертвы, когда берестяной (бумажный) образ выступал дополнением к пошитым жертвенным покрывалам и платкам.

Таким образом, зафиксированная у северных групп обских угров в XX – начале XXI в. практика заместительной жертвы является важным дополнением к знаниям об одной из традиций общения человека с миром божеств и духов-покровителей.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения Программы XII.187.1 «Выявление, изучение и сохранение памятников культуры Сибири в условиях информационного общества», проект № 0329-2018-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири»; № госрегистрации АААА-А17-117040510259-9.

Список литературы

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: этногр. альбом. – Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.: ил.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: этногр. альбом. – Ханты-Мансийск: Тендер, 2016. – 300 с.

Богордаева А.А. Жертвенная одежда северных хантов в XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 149–162.

Богордаева А.А. Покрой и украшения обрядовых халатов северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1 (16). – С. 102–112.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этногр. обозр. – 1900. – Т. 15, вып. 2. – С. 15–78.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. – СПб.: [Изд. Н.В. Ельманова], 1910. – 200 с.

Источники по этнографии Западной Сибири / публ. Н.В. Лукиной, О.М. Рындиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Федорова Е.Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. – М.: Наука, 1996. – С. 130–154.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1951. – Bd. 1: Texte mythischen Inhalts. – 483 S.

Kannisto A., Liimola M. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1958. – 444 S. – (MSFOu; vol. 113).

Материал поступил в редколлегию 21.12.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.129-137
УДК 394+316.444

А.А. Люцидарская, Н.А. Березиков
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lucid1@yandex.ru; warumbaum@gmail.com

Социальная мобильность сибирских первопоселенцев (Сибирь в XVII столетии – территория открытых возможностей)

Статья посвящена недостаточно изученному явлению социальной мобильности в среде служилого населения Сибири XVII в. Используются теоретические разработки в области социологии труда, социальной стратификации, социального движения (мобильности). Показано, как развивалось конкретно-историческое изучение карьер служилых людей. На основе обширного фактического материала проанализированы механизмы социальной кооптации в служилое сословие из различных слоев общества (крестьян, промысловиков, «гулящих людей»), детально рассмотрены пути социального и карьерного движения в служилой среде, изменения статусов, социальные практики потери и восстановления позиций на лестнице служилых чинов. В результате сделан вывод, что карьерный рост в среде служилого населения Сибири XVII в. являлся закономерной сменой статусов (позиций) на всех известных социологии уровнях социальной мобильности: горизонтальном, вертикальном, географическом, индивидуальном, групповом, межпоколенном и внутрипоколенном. В Сибири, где управление строилось в строгом соответствии с образцами Московского государства, движение по социальной лестнице было организовано почти исключительно в рамках институтов. Государственная служба обеспечивала наибольшие возможности для восходящей мобильности индивида, членов его семьи и потомков и определила то, что сибирский социум указанного времени, без сомнений, можно отнести к высокоподвижному типу обществ. Предпринята попытка вписать обширный материал по биографиям и карьерам служилых людей в общую картину социальной мобильности населения Сибири XVII в.

Ключевые слова: *биография, Сибирь, служилые люди, социальный статус, социальная лестница.*

A.A. Lyutsidarskaya and N.A. Berezikov
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: lucid1@yandex.ru, warumbaum@gmail.com

Seventeenth Century Siberia as a Land of Opportunity: Social Mobility Among the Russian Pioneers

On the basis of individual biographies, we explore the social mobility patterns among the Russian colonists of Siberia (members of Russia's service class) in the 1600, with reference to theories relating to sociology of labor and social stratification. We show how peasants, hunters, fishers, and déclassés were co-opted into the service class and how their social status changed at all levels—horizontal, vertical, geographic, individual, group, inter-generational, and within-generational. Occupation, skills, and income were important factors affecting social mobility. For nearly all categories of migrants, the most common tendency was migration of entire families, though younger single migrants were more likely to move over longer distances. In Siberia, where social regulation norms copied those of the metropolis, upward social mobility occurred nearly exclusively within institutions. Social service provided maximal opportunity for the individual's promotion and for the current and future status of his relatives. This was an efficient mechanism securing high mobility in the Siberian society. By the early 1700s, mobility level decreased, downward mobility increased, and social system became more sustainable.

Keywords: *Career, promotion, social status, social classes, biography, Siberia, service people.*

© Люцидарская А.А., Березиков Н.А., 2018

Введение

Уже в XVI столетии территория Сибири стала привлекать переселенцев-пионеров из разных регионов европейской части страны. Край был чрезвычайно богат ресурсами: земельными, водными, пушными и пр. Кроме того, пространство Сибири позволяло перемещаться на большие расстояния в пределах своего государства. Это предоставляло возможность карьерного роста на «горизонтальном» уровне.

Историки Сибири давно обратили внимание на проблему продвижения сибирских служилых людей по социальной лестнице в целом и по должностным ступеням, в частности. К сегодняшнему дню накоплен значительный фактический материал о десятках сибирских служилых людей XVII в. – представителей высшего (воеводы, сыны боярские, дворяне) и среднего (атаманы, сотники, пятидесятники) командного состава, включающий происхождение, службу, возвышение или разжалование. Однако целью этих работ было по преимуществу восстановление биографии того или иного деятеля или его семьи. Так, например, Г.Ф. Миллер на страницах своей «Истории Сибири» представил калейдоскоп биографий служилых людей: Ильи Ермолина [Миллер, 2003, с. 52–53, 153, 162, 171, 195], семейства Колмогоровых [Там же, с. 195–197, 217–218, 236, 250–251], атамана Дмитрия Копылова [Там же, с. 50, 76–81, 205–206, 223–239], пятидесятника Василия Москвитина [Миллер, 2005, с. 47, 169–183, 186–190] и др. К.Б. Газенвинкель предпринял даже попытку составления справочно-биографического словаря сибирских деятелей XVI–XVII вв. [1893–1895], Н.Н. Оглоблин восстановил хронологию жизни и деятельности Владимира Атласова, Семена Дежнева, Демьяна Многогрешного [1890, 1892]. С.В. Бахрушин внес много сведений в жизнеописания сибирских воевод [1955а, б].

В советской и постсоветской историографии, несмотря на радикальные методологические повороты, подход к сибирским служилым остался по сути прежним. На карьеры служилых людей, изменения их социального статуса продолжали смотреть через окуляр биографического метода. В то время как наработки социологии труда, даже в марксистской ее интерпретации, оставались за рамками конкретно-исторических исследований. Можно привести в качестве примеров фундированные работы В.А. Самойлова, Н.И. Никитина, Г.А. Леонтьевой, Д.Я. Резуна, Е.В. Вершинина, А.С. Зуева, И.Р. Соколовского, П.Н. Бараховича и др., посвященные восстановлению биографических данных служилых людей [Самойлов, 1945; Никитин, 1999а, б; Леонтьева, 1997; Резун, 1993, 2003; Вершинин, 1998; Зуев, 2000; Соколовский, 1999, 2006; Барахович, 2015а, б].

Методология

Сложившаяся ситуация в историографии заставляет обратиться к обсуждению социального продвижения в рядах служилого сословия в Сибири XVII в., рассмотрев богатый фактический материал с помощью социологических теорий и концепций социальной мобильности. Основной вопрос заключался в том, насколько формула «территория открытых возможностей» соответствовала сибирской действительности и где находился сибирский социум на шкале «социальной подвижности». В сибиреведении данная исследовательская проблема ранее не акцентировалась. В теоретической социологии эти вопросы на комплексном уровне были рассмотрены П. Сорокиным в 1920-х гг. [2005]. Его понятийный аппарат и трактовки стали общепризнанными и получили развитие в дальнейших исследованиях социологов Д.В. Гласса [Glass, 1967], М. де Серто [2010], Н. Лумана [2005], Дж. Урри [2012]. Среди отечественных работ последнего времени отметим обобщающую монографию О.И. Шкаратана [2012].

Системообразующим утверждением, на котором строится наше исследование, является представление карьерного роста в среде служилого населения Сибири XVII в. как закономерной смены статуса (позиции) на всех уровнях социальной мобильности: горизонтальном, вертикальном, географическом, индивидуальном, групповом, межпоколенном и внутрипоколенном. Мобильность в данном случае определяется как универсальный феномен, присущий высокоорганизованным обществам и в более широком контексте означающий смену позиции в социальной иерархии. Движение по социальной лестнице организовано, как правило, в рамках институтов (социальных лифтов в терминологии П. Сорокина [2005, с. 87]). Одним из таких главных институтов в Сибири XVII в. была государева служба. Именно она обеспечивала наибольшие возможности для восходящей мобильности индивида, членов его семьи и потомков, определяла степень подвижности сибирского социума. Наряду с закономерностями индивидуального продвижения, мы рассматриваем также параметры мобильности служилых людей в целом как группы в составе сибирского общества в ее отношениях с другими социальными слоями.

Стоит специально оговорить, что мы исследуем биографии наиболее многочисленной группы служилого населения – преимущественно среднего звена. Не затрагиваются процессы социальной мобильности в среде воевод и бюрократической администрации. Кроме того, за скобками остаются пленные шляхтичи из Речи Посполитой, которые, как правило, в Сибири назначались на высшие управленческие должности.

Все это позволяет вписать отдельные факты карьерного движения в общую картину социальной мобильности служилого населения Сибири XVII в.

Роль государства в социальной мобильности

На первых порах освоения зауральской территории существовал большой разброс в определении социального статуса переселенцев. По сути, только переведенные из европейской части страны служилые люди сразу же по прибытии в Сибирь четко вписывались в структуру общественной жизни. Материальное обеспечение и положение в сибирском сообществе могла гарантировать только государственная служба. Поэтому мужское дееспособное население стремилось попасть на государеву службу. По решению царского правительства на зауральской территории формировались гарнизоны и основывались крепости-остроги, ставшие впоследствии значительными населенными пунктами, вокруг которых образовывалась сельская округа. Гарнизоны состояли из пеших и конных казаков, а также детей боярских, основных помощников воеводской администрации.

Люди часто шли в Сибирь, объясняя это формулой «от хлебного недороду и церковного расколу». Такие причины существовали наряду с иными, однако лишь наиболее активные, пассионарные личности могли порвать с традиционно налаженным бытом и отправиться в неведомый край. Предприимчивым и умелым переселенцам на начальном этапе колонизационного процесса всегда находилось место в новых условиях. Далеко не последнюю роль играла способность каждого переселенца к адаптации – социальной, экологической, хозяйственной и, наконец, языковой, поскольку жить приходилось в окружении автохтонных этносов.

Кроме того, на протяжении нескольких веков Сибирь была местом ссылки, причем ареалы размещения опальных людей постепенно сдвигались на северо-восток края. Служилое сословие пополнялось путем как многочисленных переводов из разных регионов государства, так и привлечения представителей иных социальных групп, в т.ч. аборигенного населения. В последнем случае это был обоюдно выгодный процесс. Привлекая на государеву службу коренное население, власти компенсировали нехватку людских ресурсов, смягчали этнические конфликты, а новокрещеные аборигены получали льготы и материальную поддержку. История Сибири XVI–XVII вв. знает немало случаев, когда местные аборигены после обязательного крещения делали «карьеру» [Бахрушин, 1955б; Люцидарская, 2011, 2014, 2015]. Как показано в работе М. де Серто, разнообразие в «обществе, состоящем из сообществ, зачастую влечет за собой разные формы мобильности» [2010, с. 161–162]. Однако это тема отдельных исследований и отношение властей к коренному населению Сибири в данной работе не рассматривается.

Помимо служилых людей, передвижение которых контролировалось правительственными структурами, в Сибирь устремлялись крестьяне, а также «промышленные люди», ориентированные на добычу ценной пушнины, ремесленники и др. Особую категорию населения составляли «гулящие люди», беспрепятственно передвигавшиеся и выбиравшие занятия по собственному усмотрению. Таким образом, они на какое-то время выпадали из орбиты стационарных социальных отношений, хотя нередко со временем вновь оказывались в их власти. Прежнее общественное положение «гулящих людей» могло быть весьма различным, однако питательной средой, за счет которой формировалась эта группа населения, были крестьянские общины и посады Русского Севера [Преображенский, 1972, с. 100–101]. Существует мнение, что «по документальной истории “гулящие люди” бродят как тени и предстают чуть ли не досадной помехой действиям чиновников» [Головнев, 2015, с. 500]. Это в целом справедливо для истории Сибири XVII в. Однако на начальном этапе колонизации «гулящими людьми» нередко с успехом «затыкали бреши» при различных ситуациях, возникавших из-за явной нехватки людских ресурсов. Это вполне согласуется с теоретическими выкладками Д. Гласса, который полагал, что социальное равновесие имеет подвижный характер в развивающихся обществах и «чем сильнее циркуляция, тем строение населения эластичнее, тем целесообразнее отбор индивидов для каждого слоя» [Glass, 1967, p. 18–19].

В новых сибирских условиях переселенцы могли менять свои жизненные установки под действием обстоятельств. Нередко «гулящие люди» приобретали навыки, ставшие впоследствии их «специальностью». В 1604 г. из Москвы последовал наказ сибирским воеводам подобрать «плотников на Верхотурье из гулящих людей добрых, чтоб плотничное всякое дело знали и судов делать были горазды» [Верхотурские грамоты…, 1982, с. 149]. Постройка судов требовала определенных знаний, и вместе с «мастерами своего дела», которых в Сибири явно было немного, остальные «гулящие плотники» так или иначе проходили в процессе работы обучение специальным навыкам. В дальнейшем это позволило многим умелым мастерам сменить статус «гулящего» на «судового плотника», что сулило жалованье и больший вес в обществе [Там же, с. 150]. Возможности приобретения нового статуса расширялись в связи с постройкой и развитием новых городов. В 1604 г. был основан Томск, и в 1605 г. поступил царский наказ «прибрать» на Вер-

хотурье «гулящих, охочих людей в новой Томский город в служилые люди и на пашню пятьдесят человек... нашего жалованья денег и хлеб дадут...» [Там же, с. 167–168]. В 1607 г. в связи с нехваткой стрельцов для комплектации караулов в Сибирь была послана царская грамота с требованием набрать недостающее количество из числа «гулящих людей», «...чтоб были собою добры, и стрелять горазды, и не воры». При этом казакам полагалось взять новых стрельцов на поруки [Там же, с. 195–196]. Чаще всего «гулящие люди» начинали свою трудовую деятельность в Сибири в качестве наемных работников при транспортировке различных грузов. В дальнейшем их жизненный путь совершал самые невероятные зигзаги. Некоторые оседали в городах, обрастали недвижимостью, семьями и т.п.

Пример изменения социального положения от низшей ступени до более высокой можно отыскать в «сказке» томского сына боярского Дмитрия Литосова. Его дед, каргаполец, появился в Томске в качестве «гулящего человека», затем ему удалось поверстаться в казаки и за заслуги со временем получить чин сына боярского. В дальнейшем в этом высшем служилом чине оставались его сын и внук. Нет никаких сведений, кем на самом деле был в Каргополье дед Литосова. Под маской «гулящего человека» мог скрываться крестьянин, ремесленник, наемный работник, сбежавший должник, разбойник и т.п. Однако не вызывает сомнений, что, оставаясь в Каргополье, Литосов, скорее всего, не достиг бы высокого служилого чина и не обеспечил бы достойную жизнь своим наследникам [Томск…, 2005, с. 44]. Подобным образом сложилась жизнь кузнецкого конного казака Авдея Титова. Его отец проживал на р. Сысоле бобылем, пришел в Сибирь «гулящим человеком», обосновался в Кузнецке, поверставшись в пешие казаки, и, прослужив 20 лет, умер. Его сын поверстался в конные казаки на место своего тестя [Каменецкий, 2005, с. 296]. Мобильность служилых людей различной этнической принадлежности согласуется с выводами П.А. Сорокина, который утверждал, что определяющее значение имеет сила естественного отбора, когда «максимально профессиональные и ориентированные на деятельности индивиды закрепляются в определенных социальных слоях, а не обладающие этими характеристиками “вымываются”» [2005, с. 349].

Войдя тем или иным способом в состав служилого сословия, казаки, как правило, стремились повысить свой статус. Пешие не упускали случая попасть в ряды конных казаков, а те, в свою очередь, чаяли отличиться и занять место среди сынов боярских. Подобные передвижения сулили повышение значимости в обществе и несомненную материальную выгоду, как увеличение оклада, так и появление новых возможностей в предпринимательской деятельности. Например, Захарей Матвеев приехал в Сибирь с женой и детьми из Устюжского уезда, будучи «посадского отца сын». В Кузнецке он был поверстан в конные казаки. Затем Захарея взяли в съезжую избу подьячим в хлебный стол, где он прослужил ок. 30 лет, после чего «за старостью и увечьем» был поверстан в дети боярские. Впоследствии его сын Никита нашел свое место в рядах конных казаков [Каменецкий, 2005, с. 319].

В Москву на имя царя не прекращался поток челобитных из разных уголков Сибири. Значительная их часть содержала просьбы о повышении жалованья либо переводе в более высокий чин. В челобитных обычно перечислялись заслуги на военном поприще, указывался срок службы и т.п. Как правило, эти просьбы удовлетворялись. Так, в 1623 г. была получена царская грамота о назначении тюменского конного казака Гаврилы Иванова атаманом конных казаков. Этому предшествовала челобитная на имя царя, в которой перечислялись все заслуги Гаврилы Иванова за долгую службу в Сибири (42 года). К тому времени в Тюмени освободилась должность атамана, таким образом, просьба была удовлетворена [Миллер, 2003, с. 446–447].

Иногда челобитные заканчивались любопытной попыткой некоего «шантажа». Так, конный казак Яким Захарьев, считая себя обойденным в прибавке жалованья, писал царю, что если просьба не будет удовлетворена, то он с былым рвением служить не станет. Яким просил пожаловать его за службу и пролитую кровь «царским жалованьем, как тебе милосердному государю бог известит, чтоб я, холоп, перед своими товарыщи в конец не погиб и твоей бы другой службе в перед не отстал» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 36]. Подобные выражения встречаются в ряде других челобитных. В челобитной царю Михаилу Федоровичу от служилых людей Енисейского острога по поводу выдачи жалованья (конец 1620-х гг.) после перечисления заслуг следует: «Пожалуй нас, холопей своих... чтоб [нам] холопем твоим будучи в Енисейском остроге твоей государевой службы не отбыть» [Сборник…, 1960, с. 15–16]. В 1645 г. тюменский воевода князь Г.П. Борятинский обратился к царю с просьбой заслушать доклад о его службе в Сибири и пожаловать достойное вознаграждение. Челобитная заканчивалась словами: «Вели, государь, по той выписке доложить собя, государя, чтобы я, холоп твой, на старости в конец не погибнуть и перед своею братею позорен не был и твою бы государеву службу с радостью служил» [Прибыльные дела…, 2000, с. 151]. Челобитные, связанные с продвижением по карьерной лестнице, демонстрируют применение социокультурных механизмов адаптации и показывают, насколько она значима в плане мобильности населения.

В то же время понятие «социальный статус» рассматривается современными социологами в контексте процесса создания семейных групп [Берто, Берто-Вьям, 1992, с. 106]. Семья способствовала эволюции социальной мобильности своих членов или передавала им различного рода элементы, позволявшие индивиду изменять или сохранять свой социальный статус. Прекрасным примером является семейство Гречаниновых (Грек, Гречанин, Греченинов, Мануйлов), которое в Томске стояло некоторым особняком. На сибирской земле Гречаниновы сумели создать свой родовой клан, гарантирующий им устойчивое положение в обществе на протяжении длительного времени. У Мануйлы Грека было, по сведениям документов, не менее девяти сыновей. Все без исключения попали в ряды высших служилых чинов, детей боярских. Даже внуки Мануйлы занимали те или иные административные должности. Все Гречаниновы были не просто грамотными, но достаточно образованными для своего времени. Выходит, что Мануйла Константинович Гречанин, попав в Сибирь, сумел выучить сыновей (вполне вероятно, что отец самостоятельно обучал детей). Основатель рода служил в Москве в греческой роте, а в 1640-х гг. был переведен в Томск в чин сына боярского. Один из его сыновей в своей «сказке» упоминает о том, что Мануйла был сослан. Скорее всего, так и было, но этот факт предпочитали умалчивать. Степан и Калина Гречаниновы состояли на дипломатической службе. Степан не единожды бывал с посольской миссией у монгольского правителя Алтын-хана, а Калина проявлял свои способности в Алтайском регионе. Иван Гречанин участвовал в военных операциях, возглавляя сводный отряд из томских и кузнецких казаков. Он же являлся автором отписок в Сибирский приказ о положении дел в Ачинском и Мелесском острогах. Федор Мануйлов Гречанин в конце XVII в. осуществлял разведку серебряной руды на р. Кыштак. Находился на административной должности и Михайла Гречанин. Петр Яковлев Гречанин (правнук Мануйлы) в 20-х гг. XVIII в. провел в Сосновском стане Томского уезда первую подушную перепись. Описание деятельности Гречаниновых можно долго продолжать. Проживали они в самом Томске и имели угодья в уезде. Помимо административной и политической деятельности Гречаниновы не чурались и занятий, присущих всем служилым людям того времени (приторговывали, участвовали в сельскохозяйственном освоении земель и т.п.). Это было очень многочисленное и разветвленное семейство, несомненно оставившее след в истории колонизации Сибири [Люцидарская, 1992, с. 25, 59].

Сравнение социального статуса родителей и их детей позволяет определить межпоколенную, или интергенерационную, мобильность, которая является важным фактором статусных изменений и выражением активности индивидов. Позитивная трансформация социального статуса детей, по сравнению с родителями, – один из показателей динамично развивающегося социума [Луман, 2005, с. 158–160].

Пространство Сибири и социальная мобильность

Устойчивые семейные кланы гарантировали стабильное существование колонистов в сибирских условиях. Обосновавшись на новом месте, переселенцы старались привлечь в Сибирь родственников из европейской части страны. В архивах сохранились документы о подобных перемещениях. Так, кузнецкий конный казак Терентий Семенов просил позволить перевезти к нему из Устюга жену с сыном, брата с женой и детьми и невестку, енисейский казачий десятник Федор Елизаров Казанец – племянника (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 175, 213) и т.п. Наличие родственников позволяло расширять хозяйственную деятельность, основу жизнеобеспечения.

Весьма интересна в плане изменений социального статуса история Парфена Степнова, его детей и внуков. Доступные нам источники не позволяют выяснить, каким образом П. Степнов оказался в Сибири, в частности в Томске. В документах середины XVII в. он значится как служилый человек, а в одном источнике назван пешим казаком. В этот период П. Степнов выделялся из массы служилого люда постоянными торговыми операциями с пушниной. Но не только меха входили в сферу его коммерческих интересов. Суммы, которыми оперировал П. Степнов, резко отличаются от размеров ординарных сделок томского рынка. Так, в 1648/1649 г. он продал исключительно пушнины на 44 руб., а другая сделка, оформленная как «местный товар» (лосины, хмель, кожи, сало, жир, хвосты конские и др.), составила 500 руб. Это очень значительные суммы для того времени. В последующие годы таможенные документы постоянно фиксировали пребывание П. Степного на томском рынке. В 1657 г. он продал пушнины на 26 руб. и купил у коренных жителей Сибири 29 голов скота. Десятью годами позже П. Степнов предпринял поездку в Енисейск с соболями купца гостиной сотни Ф. Кислова (на сумму 100 руб.). В то же время он послал известному енисейскому солевару А. Тихонову хмель, а тот отправил с ним в Томск 700 пудов соли. При этом из Енисейска Степнов вез и собственный товар на сумму 177 руб. По-видимому, подобные операции с товарами совершались ежегодно. К сожалению, нами не найдены документально подтвержденные сведения о сельскохозяйственной деятельности Парфена Степного, известно только, что в середине

XVII в. местные власти брали у него взаймы более 33 четей ржи, предназначенных на жалованье служилым людям (Там же. Стб. 470. Л. 30). Однако зерно П. Степнов мог скупать и у местного населения.

Сыновья Парфена были сразу же, без перехода из чина в чин, поверстаны в дети боярские и сочетали службу с предпринимательством и хозяйствованием. Андрей Степнов в 1706 г. являлся таможенным головою (Там же. Оп. 1. Кн. 1452. Л. 4). Судя по документам, он бывал с поручениями в Москве. Андрей имел большую усадьбу в Томске и значительные угодья в сельской округе, владел двумя мельницами, а также организовал ловлю рыбы на Томи. В 1707 г., будучи уже томским таможенным целовальником, он скупал у телеутов ценные меха (горностаи) на нужды казны. Думается, это была чрезвычайно выгодная должность [Уманский, 1980, с. 273]. Таким образом, Парфен Степнов создал в Сибири клан из ближайших родственников, которые весьма преуспевали в хозяйственной и коммерческой деятельности на протяжении длительного времени. К началу XIX в. Степновы числились купцами 3-й гильдии, торговавшими помимо российских немецкими и китайскими товарами [Краткая энциклопедия…, 1997, с. 88].

Судьбы Гречаниновых и Степновых, на наш взгляд, не только являются отличным примером «межпоколенной» мобильности, но и демонстрируют справедливость теории французского социолога П. Бурдье о существовании в обществе разных капиталов (не только денежного, но и социального, культурного и др.). Поскольку их развитые формы определяют социальную включенность, то общества с высоким уровнем социального капитала характеризуются «плотными общественными отношениями, совокупностью развитых взаимных обязательств, общего взаимопонимания, высоким уровнем доверия к ближнему, межгрупповыми клубными коллективами и связями, преодолевающими принятые социальные границы» [Бурдье, 2002, с. 66].

Социальная мобильность в Сибири была тесно связана с пространственным перемещением населения. С одной стороны, это тормозило обустройство семейного и хозяйственного быта служилых людей, с другой – способствовало быстрейшей адаптации к сибирским условиям и, в конечном счете, расширению кругозора. Представление о Сибири не ограничивалось определенным местом, регионом и т.п. По источникам XVII в. достаточно хорошо прослеживается жизненный путь поколений сибирских казаков. В своей «сказке» десятник кузнецких конных казаков Алексей Кирилов описывает семейную историю так: «Прадед мой был новгородец посадник а из Новгорода от гнева бежал сошед на Великий Устюг а с Устюга в Пермь Великую а как шел с Волги атаман Ермак Тимофеевич и деда моего взял с собой в Сибирь вожем... и служил дед мой на Верхотурье и в Туринском и на Тюмени в Тобольском двенадцать лет в конной казачьей службе а в Томском служил двадцать лет и по челобитью томских служилых людей и всяких чинов людей за малолюдство взят в священство а отец мой Алешки Кирило Меркурьев работает ему великому государю со 149 году в таможне в приказе в Томском и Нарыме, и в Кузнецком, а я Алешка верстан в 188 году на выбылое место...» (см.: [Каменецкий, 2005, с. 289]). Приведенный отрывок из Кузнецкой разборной книги 1681 г. содержит не только интересный материал по перемене мест обитания сибирских служилых людей, но и любопытный факт разительного изменения общественного положения служилого. Казак, прослужив 32 года, стал богоявленским дьячком. Несомненно, он знал грамоту и, видимо, пользовался поддержкой населения города. С этой поры он стал именоваться Меркурьевым, т.к. священником Богоявленской церкви был Меркурий Леонтьев. Таким образом, казак поменял не только общественное положение, но и фамилию в современном понимании термина [Покровский, 1989, с. 379]. Это далеко не единичный случай изменения в связи с жизненными обстоятельствами имен и фамилий в XVII в. Подобные явления нередко затрудняют работу исследователя с источниками.

Пространство Сибири давало возможность перемещаться на большие расстояния в пределах своего государства (карьерный рост на «горизонтальном» уровне). Во многом это нивелировало отмеченный в историографии процесс «замыкания» служилого сословия к концу XVII в., когда возможности мобильности ограничивались наличием большого числа «сыновей, братьев и племянников не в службе». Причем тенденция наследования службы со временем только усиливалась. К началу XVIII в. случайному человеку занять место в рядах государевых людей становилось все сложнее [Люцидарская, 2016, с. 516]. Сказывались и уменьшение количества гарнизонов, и изменение политической обстановки в Сибири, и другие моменты, связанные с общим сокращением числа служилых казаков на сибирской территории. Подробно об этом процессе написал С.В. Бахрушин в очерке о красноярском гарнизоне [1959, с. 131–134].

Кроме того, наличие огромных неосвоенных пространств на востоке способствовало возврату утерянной по субъективным или объективным причинам государевой службы. Это можно назвать «волнообразной» (нисходящей–восходящей) мобильностью, которую специально отмечает Дж. Урри [2012, с. 22]. Проштрафившись в одном месте и в ряде случаев получив соответствующее наказание, человек переводился в иную, как правило, северо-восточную местность. На новом месте он оставался в том же социальном статусе или, получив понижение, со временем снова

его обретал, иногда даже добиваясь повышения. Вся история Сибири пестрит такими примерами. Даже наказанным за участие в заговорах, побегах и убийствах служилым порой удавалось полностью восстановить статус и положение своей семьи. В этом плане интересна история семейства Черниговских, родоначальником которой был Никифор Романович. В 1632 г. он был взят в плен в ходе русско-польской войны 1632–1634 гг. По ее окончании Н. Черниговский пожелал остаться в России и поступить на царскую службу. В 1635 г. его поверстали в стрельцы Тульского гарнизона. Однако летом следующего года Никифор принял участие в заговоре «литвы»: оглушил караульщиков, забрал гарнизонное оружие и припасы и хотел сбежать за границу. Побег не удался, его настигли и в качестве наказания отправили в Сибирь. Н. Черниговский не только потерял свой чин и статус, но и остался с женой без верхней одежды и накоплений; в своей челобитной он писал: «А мы, холопи твои, людишки бедные, и наги, и босы, и доехать до Сибири не в чем, с стужи на дороге помереть нужною морозною смертью... Вели, государь, нам дать на одеженко, как тебе, милосердному государю, бог известит» (см.: [Красноштанов, 2008, с. 23]). Как правило, в прошении краски сгущены. Прибыв в Енисейск в сентябре 1637 г., Никифор подал челобитную, и его восстановили на государевой службе «с енисейскими казаки вряд» в чине привилегированного по сибирским меркам конного казака. В енисейском гарнизоне Н. Черниговский зарекомендовал себя как крепкий администратор и уже через семь–десять лет стал приказчиком казенных деревень, солеварен и прочего государственного хозяйства в большом Илимском крае. В начале 1650-х гг. он упоминался как казачий десятник, в 1655 г. – как пятидесятник. К этому времени подросли его сыновья, родившиеся в Сибири, и тоже заняли должности казаков в Илимском воеводстве. Однако в 1665 г. неуемный Н. Черниговский принял участие в заговоре служилых людей и крестьян против илимского воеводы Л.А. Обухова, которого в результате убили. Свидетели обвинили младшего сына Никифора в причастности к убийству, а его самого отнесли к числу организаторов. Вместе с другими заговорщиками Черниговские убежали на Амур. Они лишились всех статусов, заработанных за десятилетия службы, и над ними нависла угроза казни за участие в убийстве высшего должностного лица. На Амуре беглые казаки построили Албазинский острог, надеясь службой и сбором ясака загладить свою вину перед государем. И фактически им это удалось: спустя десять лет после побега Н. Черниговского уже официально назначили приказчиком Албазинского острога с годовым жалованием казачьего атамана. Его сыновья также избежали смертной казни, но были разжалованы из конной службы в пешие казаки (старшего, Федора, лишили чина десятника). Никифор вскоре после этих событий умер, а его сыновьям удалось начать карьеру заново – в Иркутске и пограничных острожках Иркутского уезда. Младший сын Анисим уже в 1684 г. стал десятником, Федора в начале 1690-х гг. восстановили в конной службе, и он получил сначала чин казачьего пятидесятника, а потом выдвинулся в сыны боярские. Внуки Н. Черниговского в течение 1680–1700-х гг. занимали посты казачьих десятников, пятидесятников и атаманов (подробнее см.: [Красноштанов, 2008]). Таким образом, даже после полного разжалования служилым людям удавалось восстановить свой статус путем перехода на службу в восточные отдаленные и малоосвоенные районы. В XVII в. этой возможностью многие пользовались.

Неосвоенное сибирское пространство располагало к реализации стремлений служилого люда. По обоснованному мнению А.В. Головнева, магистральная русская культура охватывала огромную территорию за счет экосоциальной адаптивности, многообразия и подвижности. Адаптивность включала способность освоения различных эконишь, приспособление к быстрым социальным переменам. Это и являлось ключевым качеством и достоинством русской культуры [Головнев, 2009, с. 424]. Государство поддерживало социальную мобильность, поскольку было заинтересовано в быстрейшем освоении территории. А обширное пространство предоставляло такую возможность.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование с определенной долей условности представляет переселенческое сообщество в Сибири XVII в. как высокоподвижный организм. Мобильность в среде служилого населения была обеспечена рядом объективных и субъективных факторов. Закрытое сословное государство вынуждено было приоткрыть окно возможностей в Сибирском регионе в первое столетие его активного заселения.

Рассмотренные в статье разнообразные случаи социальной мобильности были связаны с общими процессами этнокультурной, социально-политической и экономической адаптации в условиях первоначального освоения территории. К началу XVIII в. подвижность служилого сообщества уменьшилась, произошли деинтенсификация восходящих потоков, постепенное увеличение нисходящего и самовоспроизводства группы. Она стала относительно закрытой для новых членов, выходцам из других слоев все сложнее было попасть в этот. Основная масса социальных перемещений происходила по горизонтали социальной структуры.

К важным результатам экономической и культурной деятельности сибирского социума в XVII в. относится формирование подвижной группы служилых людей. Эта субкультурная группа обладала чертами профессиональных военно-административных объединений с высоким показателем социальной и территориальной мобильности, что добавляло развивающемуся сибирскому сообществу полезную адаптивную характеристику. Такой вариант адаптивного поведения являлся регулятором социальных, этнокультурных и этнополитических процессов.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Барахович П.Н. Службы красноярского атамана Милослава Кольцова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015а. – Т. 14. – Вып. 1: История. – С. 47–57.

Барахович П.Н. Документы о «ленской службе» енисейского атамана И.А. Галкина в 1633–1634 гг. // История военного дела: исследования и источники. – 2015б. – Т. VII. – С. 76–95.

Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. 3, ч. 1. – С. 252–296.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. 3, ч. 2. – С. 176–224.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 4. – С. 6–192.

Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопр. социологии. – 1992. – № 2. – С. 83–126.

Бурдье П. Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Эконом. социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. – Абакан: Хакас. гос. ун-т, 1995. – 232 с.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. док. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. – 298 с.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. – 204 с.

Газенвинкель К.Б. Материалы для справочно-биографического словаря сибирских деятелей: Деятели XVI и XVII столетий. – Тобольск: [Тип. Тобол. губ. правл.], 1893–1895. – 330 с.

Головнев А.В. Антропология движения: древности Северной Евразии. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 495 с.

Головнев А.В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2015. – 591 с.

Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – Вып. 2. – С. 38–71.

Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири). – Омск: ИП Долгов Р.Н., 2005. – 340 с.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: Тальцы, 2008. – 377 с.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири / отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. – Т. 4, кн. 1. – 180 с., 14 л. ил.

Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. – М.: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. – 192 с.

Луман Н. Общество общества. – М.: Логос, 2005. – Ч. III: Эволюция. – 387 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 192 с.

Люцидарская А.А. Толмачи в Сибири: Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 27–31.

Люцидарская А.А. Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 1: История. – С. 33–41.

Люцидарская А.А. Власть и сибирские новокрещены в XVII – начале XVIII в.: поиски согласия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 75–79.

Люцидарская А.А. Жизненный цикл и жизнеобеспечение служилого населения Западной Сибири в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 515–517.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2003. – Т. 1. – 540 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2005. – Т. 3. – 660 с.

Никитин Н.И. Биографический жанр в сибиреведении: новые успехи и старые проблемы // Отечественная история. – 1999а. – № 5. – С. 188–191.

Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. – М.: РОССПЭН, 1999б. – 192 с.

Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев (1638–1671 гг.): Новые данные и пересмотр старых // Журн. Министерства народного просвещения. – 1890. – Вып. 272, отд. 2. – С. 250–306.

Оглоблин Н.Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного // Чтения общества Нестора Летописца. – 1892. – Т. VI. – С. 156–164.

Покровский Н.Н. Томск 1648–1649 гг. – Новосибирск: Наука, 1989. – 385 с.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. – М.: Наука, 1972. – 198 с.

Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / сост. М.О. Акишин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, фил. «Гео», 2000. – 400 с.

Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: Наука, 1993. – 246 с.

Резун Д.Я. Откуда пошли Немчиновы в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 2. – С. 76–77.

Самойлов В.А. Семен Дежнев и его время: С приложением отписок и челобитных Семена Дежнева о его походах и открытиях. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1945. – 151 с.

Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 450 с.

Серто М., де. Практика повседневной жизни: Пространственные практики / пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. – 2010. – № 1 (20). – С. 151–184.

Соколовский И.Р. Аккультурация иностранцев в Сибири XVII века: (Пример Андрея Барнешлева) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 2. – С. 84–87.

Соколовский И.Р. На двух пограничьях. К портрету воеводы Якова Тухачевского // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: мат-лы VI Всерос. науч. конф. 22–24 марта 2006 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и управления, 2006. – С. 8–12.

Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, 2005. – 588 с.

Томск в XVII веке: док. и мат-лы: Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / сост. В.А. Есипова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – 184 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XII–XIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 330 с.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 287 с. – (Социальная теория).

Шкаратан О.И. Социология неравенства: Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.

Glass D.V. Social mobility in Britain. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1967. – 380 p.

Материал поступил в редколлегию 30.01.17 г.,
в окончательном варианте – 27.02.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.138-145
УДК 572.77

А.В. Зубова[1, 2], В.Г. Моисеев[1], Г.А. Хлопачев[1], А.М. Кульков[3]
[1]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru; vmoiseyev@mail.ru; gakmae@yandex.ru
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
[3]Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: aguacrystals@yandex.ru

Результаты изучения молочных зубов с верхнепалеолитической стоянки Юдиново (Среднее Подесенье)

Статья посвящена реконструкции популяционных связей носителей тимоновско-юдиновской верхнепалеолитической культуры, оставивших стоянку Юдиново в Среднем Подесенье (15–12 тыс. л.н.). Исследование основано на результатах изучения морфологии трех молочных зубов, принадлежавших трем разным индивидам. Нижний латеральный резец и два вторых моляра (верхний и нижний) были найдены на стоянке в 1987–1996 гг. Программа исследования включала одонтометрическое и одонтоскопическое обследования, компьютерную микротомографию и статистическое сопоставление с другими молочными зубами с верхнепалеолитических памятников Северной Евразии. Обе системы признаков (одонтометрическая и одонтоскопическая) продемонстрировали схожую картину дифференциации находок в пространстве главных компонент. Тем не менее для минимизации влияния погрешностей, связанных с малочисленностью образцов, результаты статистического сопоставления метрических и неметрических характеристик сравниваемых зубов были интегрированы при помощи методов многомерной статистики. Все варианты анализа показали, что наиболее близки юдиновским находкам образцы со стоянки Павлов в Центральной Европе. Наблюдаемый на этих молочных зубах комплекс признаков включает слабую выраженность бугорка Карабелли на верхнем втором моляре, присутствие дополнительного шестого бугорка на нижнем, крупные вестибуло-лингвальные размеры обоих моляров, средний размер мезио-дистального диаметра нижнего второго моляра. Все это подтверждает точку зрения, согласно которой генезис тимоновско-юдиновских традиций связан с восточным вариантом граветтской культуры Европы.

Ключевые слова: *верхний палеолит, тимоновско-юдиновская культура, Юдиново, одонтология, компьютерная микротомография, граветт.*

A.V. Zubova[1, 2], V.G. Moiseyev[1], G.A. Khlopachev[1], and A.M. Kulkov[3]
[1]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru; vmoiseyev@mail.ru; gakmae@yandex.ru
[2]Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
[3]Saint Petersburg State University,
Universitetskaya nab. 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: aguacrystals@yandex.ru

Deciduous Human Teeth from the Upper Paleolithic Site of Yudinovo, Western Russia

Population affinities of the Timonovka-Yudinovo Upper Paleolithic people are reconstructed on the basis of three isolated deciduous teeth—a lower lateral incisor, lower and upper second molars, likely representing three individuals—from Yudinovo

© Зубова А.В., Моисеев В.Г., Хлопачев Г.А., Кульков А.М., 2018

in the middle Desna basin (15–12 ka BP), found in 1987–1996. Based on measurements and descriptive traits and computed microtomography, the teeth were compared with those from other Upper Paleolithic sites in northern Eurasia. The principal component analyses of metric and nonmetric traits revealed similar patterns. To minimize random variation, results of both analyses were integrated. Results indicate affinity with Pavlov people in Central Europe. The diagnostic trait combination includes weak expression of the Carabelli cusp on the upper second molar, accessory sixth cusp on the lower second molar, large bucco-lingual diameter of both molars, and moderate mesio-distal diameter of the lower second molar. These results support the view that the Timonovka-Yudinovo tradition is related to eastern Gravette.

Keywords: *Upper Paleolithic, Timonovka-Yudinovo culture, Yudinovo, Pavlov, dental measurements, nonmetric dental traits, deciduous teeth, micro-CT analysis, Gravette.*

Введение

Верхнепалеолитическая стоянка Юдиново находится в Среднем Подесенье, на юго-западной окраине с. Юдиново в Погарском р-не Брянской обл. Она располагается на правом берегу р. Судости и приурочена к высокому уровню ее первой надпойменной террасы [Величко, Грибченко, Куренкова, 1996, с. 35]. Стоянка была открыта в 1934 г. К.М. Поликарповичем. В 1947 г. им были начаты раскопки, продолженные в 1961 г. С 1962 по 1967 г. исследования продолжил В.Д. Будько. В 1980 г. после длительного перерыва раскопки памятника были возобновлены Брянской палеолитической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В 1980–1985 и 1987–1990 гг. они осуществлялись под руководством З.А. Абрамовой, в 1995–1997 и 2000–2003 гг. – Г.В. Григорьевой. Начиная с 2004 г. раскопки Юдиновской стоянки ведутся Деснинской палеолитической экспедицией МАЭ РАН, возглавляемой Г.А. Хлопачевым.

Стоянка представляет собой многослойный памятник. Нижний слой с жилищами из костей мамонта соответствует периоду 15,0–13,5 тыс. л.н., верхний – 12,5–12,0 тыс. л.н. Структура и палеогеографические особенности расположения нижнего культурного слоя говорят о том, что поселение функционировало длительное время и имело цикличный характер заселения. Оно относится к выделенной в 1970 г. Л.В. Греховой тимоновско-юдиновской археологической культуре среднеднепровской общности [1970, 1971]. Характерными чертами кремневого инвентаря этой культуры считаются бедность форм, преобладание в орудийном наборе резцов и скребков, ведущая роль в группе резцовых изделий ретушных боковых резцов, укороченные формы скребков, наличие острий с притупленным краем, немногочисленность проколок, отсутствие геометризованных орудий, редкость двусторонней и вентральной обработки заготовок, немногочисленность комбинированных и двойных орудий [Грехова, 1971, с. 15, 21].

Вопрос о генезисе тимоновско-юдиновских традиций Подесенья остается дискуссионным. Одни исследователи относят их к эпиграветту и связывают с локальными граветтийскими традициями центрально-европейского происхождения [Desbrosse, Kozlowski, 1988, p. 100]. Отмечаются элементы сходства начальной обработки бивня на тимоновско-юдиновских памятниках и находящейся в том же регионе восточно-граветтийской стоянке Хотылево-2 [Хлопачев, 2006, с. 215, 237]. Другие исследователи в той или иной мере видят корни этих традиций в мадленской среде Центральной Европы [Otte, 1981, p. 141; Григорьева, 1999, с. 26; 2002; Беляева, 2002]. Для объективного рассмотрения данной проблемы необходим анализ антропологических характеристик и биологических связей их носителей. Долгое время это казалось невозможным, поскольку все памятники представляют собой поселения и антропологический материал на них отсутствовал. Стоянка Юдиново оказалась исключением, в 1987, 1990 и 1996 гг. здесь были обнаружены три молочных зуба, принадлежавшие человеку.

Морфологические характеристики юдиновских находок до сих пор оставались вне поля зрения антропологов, поскольку традиционно для популяционных построений использовались только постоянные зубы. В последние несколько десятилетий появился целый ряд исследований, доказывающих, что дистальные верхние и нижние молочные моляры (m^2 и m_2 соответственно) не менее информативны, чем постоянные, т.к. именно они являются ключевыми в ряду молочных и постоянных моляров [Farmer, Townsend, 1993; Bockmann, Hughes, Townsend, 2010]. Постоянные моляры, которые принято относить к зубам «второй смены», фактически относятся к первичному зубному ряду, поскольку у них нет предшественников. Молочные и постоянные моляры формируются на основе общей зубной пластинки и, учитывая высокую степень их морфологического сходства, вторые молочные и первые постоянные моляры можно рассматривать как метамерные элементы в пределах ряда моляров [Bailey, Benazzi, Hublin, 2014, p. 105, Bailey et al., 2016]. При этом вторые молочные моляры закладываются раньше и их коронки формируются быстрее, чем у первых постоянных. Соответственно, морфологические характеристики m^2 и m_2 находятся под более строгим генным контролем, чем постоянных моляров, и на процесс их формирования меньше влияют условия среды [Sofaer, 1973]. В свете этих данных молочные зубы со стоянки Юдиново

становятся исключительно важным источником информации для реконструкции популяционных связей и происхождения населения не только Среднего Подесенья, но и Северной Евразии в целом. Основная цель настоящей работы – детальный анализ их морфологии для определения направлений биологических связей населения, оставившего тимоновско-юдиновские памятники.

Общая характеристика материала

Нижний правый первый резец Юдиново 1 (рис. 1, *1*) найден в 1987 г. Он принадлежал ребенку 5–7 лет и был утрачен естественным путем. Зуб имеет хорошую сохранность, без следов посмертных повреждений. Коронка стерта чуть менее чем наполовину, на режущем крае фиксируется широкая полоса открытого дентина. Корень рассосался (максимальная длина сохранившейся части 4,7 мм). С лингвальной стороны коронки и на межзубных поверхностях наблюдаются отложения зубного камня.

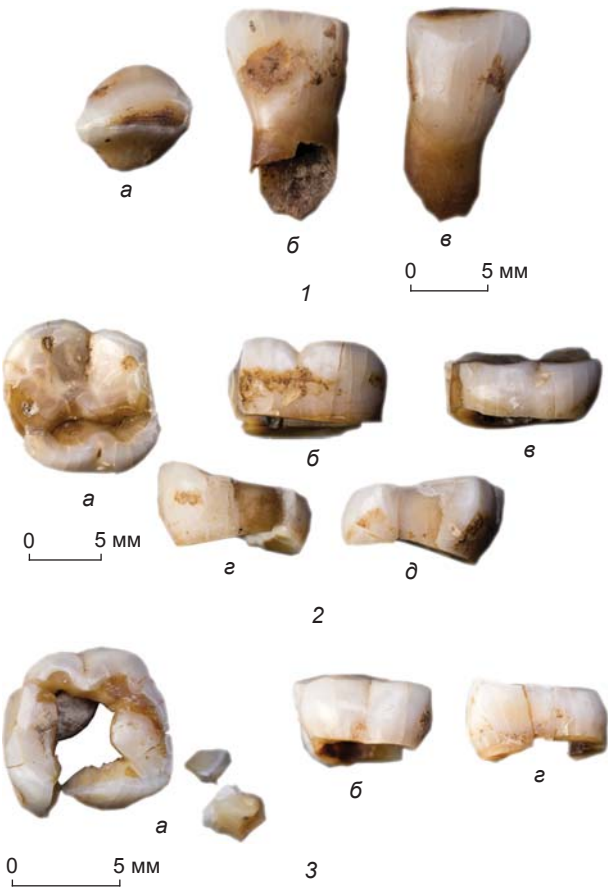


Рис. 1. Одонтологические находки со стоянки Юдиново.
1 – нижний правый первый резец Юдиново 1; *2* – нижний левый второй моляр Юдиново 2; *3* – верхний левый второй моляр Юдиново 3.
а – окклюзальная норма; *б* – лингвальная; *в* – вестибулярная; *г* – мезиальная, *д* – дистальная.

Нижний левый второй моляр Юдиново 2 (рис. 1, *2*) обнаружен в 1990 г. Он принадлежал ребенку 10–12 лет. Эмаль жевательной поверхности зуба сильно стерта. На протокониде, гипокониде и гипоконулиде открыты широкие площадки дентина, на метакониде и энтокониде имеются точки дентина на вершинах. На лингвальной стороне коронки и в межзубном пространстве наблюдаются умеренные отложения зубного камня.

Верхний левый второй моляр Юдиново 3, принадлежавший ребенку 10–11 лет, найден в 1996 г. Он представлен шестью фрагментами (рис. 1, *3*), четыре из которых стыкуются попарно. На них отсутствуют какие-либо прижизненные повреждения и патологические изменения, кроме очень слабых отложений зубного камня.

Все три зуба принадлежали разным детям. Об этом свидетельствует несовпадение в контактных точках рельефа жевательной поверхности коронок верхнего и нижнего моляров и различная интенсивность отложений зубного камня на резце и молярах.

Программа обследования и методы анализа

Находки были изучены с использованием двух систем признаков: одонтометрической и одонтоскопической. В метрическую программу вошли измерения продольных и поперечных диаметров коронки и шейки каждого зуба. Одонтоскопическая программа включала стандартный набор характеристик, используемый отечественными и зарубежными одонтологами [Зубов, 1968, 1974, 2006; Turner, Nichol, Scott, 1991], маркеры архаики и неандертальского комплекса [Зубова, 2013; Халдеева, Харламова, Зубов, 2010; Bailey, 2002, Bailey, Skinner, Hublin, 2011]. Она была неоднократно опубликована [Зубова, Чикишева, Шуньков, 2017, с. 122–125; Zubova, Stepanov, Kuzmin, 2016, tab. 1, p. 136–138], поэтому описания балловых шкал для каждого признака здесь не приводятся.

Верхний моляр по причине плохой сохранности обследовался только визуально, для резца и нижнего моляра была выполнена компьютерная микротомография, позволившая, несмотря на стертость внешней поверхности эмали, детально описать морфологические характеристики. Зубы сканировались на рентгеновском микротомографе Skyscan-1172 при напряжении на трубке 100 кВ и силе тока 100 мкА без фильтра. Шаг вращения 0,25°, усреднение по трем кадрам. Разрешение 3,45 мкм/пиксель. Реконструкция данных проводилась при помощи программы NRecon (Bruker-microCT). На основании полученных данных в программе CTAn (Bruker-microCT) была построена

цифровая 3D-модель каждого образца и произведено виртуальное разделение дентина и эмали. Визуализация оцифрованной модели проводилась в программе CTVox (Bruker-microCT).

В качестве основного способа статистического анализа и метрических, и неметрических признаков применялся метод главных компонент. Из метрических характеристик использовался вестибуло-лингвальный диаметр m^2, мезио-дистальный и вестибуло-лингвальный диаметр m_2. Из всего набора неметрических признаков, включенных в программу обследования, для статистического анализа было выбрано шесть, данные по которым опубликованы для большинства находок, привлекаемых для сравнения. В их число вошли степень редукции гипоконуса (минимальный балл присутствия 4–) и метаконуса (минимальный балл 2), бугорок Карабелли (баллы 2–5) на m^2; дополнительный шестой бугорок, tami, протостилид (баллы 2–5) на m_2. Баллы присутствия этих признаков были переведены в бинарную форму (отсутствие признака – 1, присутствие – 2). В случае отсутствия наблюдения использовалась встроенная в программу Statistica опция подстановки среднего значения по сравниваемой совокупности. В каждом варианте анализа были определены координаты сравниваемых находок в пространстве первых двух главных компонент (ГК). Далее они использовались как самостоятельные признаки для получения интегрированных главных компонент (ИГК), описывающих большую часть изменчивости сравниваемых находок по комплексу морфологических и метрических признаков (описание метода см.: [Козинцев, Громов, Моисеев, 2003, с. 152]). Все расчеты выполнялись в программе Statistica for Windows, version 7.0.

Вопрос о возможности соотнесения морфологических характеристик молочных зубов с зубами постоянной смены и объединения их в общем сравнительном анализе находится в стадии дискуссии (см., напр.: [Brabant, 1967; Edgar, Lease, 2007]). По этой причине образцы со стоянки Юдиново сопоставлялись только с теми находками, которые представлены молочными зубами с аналогичным статусом. К морфологическому и статистическому анализу были привлечены образцы Кальдерао 2, 11 [Voisin et al., 2012; Trinkaus, Bailey, Zilhão, 2001], Цистерна 3 [Trinkaus et al., 2011], Дольни Вестонице 36 [Trinkaus et al., 2000; Early Modern…, 2006, p. 200–210], Павлов 6/2, 7, 8, 9, 10, 12 [Sládek et al., 2000, p. 130–131, 137–140; Early Modern…, 2006, p. 211–234], Сунгирь 3 [Зубов, 2000], Костёнки 14 (слой IV, 6/1), Костёнки 15, Костёнки 18, Усть-Кяхта 3 (неопубликованные данные А.А. Зубовой), Мальта 1, 2 [Зубов, Гохман, 2003; Шпакова, 2001], Лиственка [Шпакова, 1997, 2001], Хайыргас [Zubova, Stepanov, Kuzmin, 2016], Страшная 1 [Зубова, Кривошапкин, Шалагина, 2017].

Морфологическая характеристика находок

Юдиново 1. Коронка (рис. 1) имеет подтреугольную форму, сильно скошенный в дистальном направлении край. Корень почти круглый в сечении, умеренно уплощен мезио-дистально в области шейки. Лингвальный бугорок не развит, дополнительные гребни на внешнем слое эмали лингвальной поверхности отсутствуют. После виртуального снятия эмали и реконструкции рельефа поверхности дентина были зафиксированы два пальцевидных гребня, пролегающие от нижней трети коронки до режущего края (рис. 2). Размеры коронки и шейки (см. *таблицу*) соответствуют средним характеристикам современных образцов [Зубов, Халдеева, 1993, прил., табл. 1]. Из европейских верхнепалеолитических находок Юдиново 1 можно сравнить с нижним первым резцом Дольни Вестонице 36, у которого размеры шейки и вестибуло-лингвальный диаметр несколько меньше. В сибирских одонтологических материалах из Мальты и Лиственки представлены экземпляры как с бóльшим, так и с меньшим вестибуло-лингвальным диаметром.

Юдиново 2. При визуальном осмотре отмечено, что коронка зуба имеет овальную форму (см. рис. 1), состоит минимум из пяти бугорков, организованных в два ряда. С мезиальной и дистальной стороны присутствуют крупные контактные фасетки (длина дистальной 5,8 мм, размер мезиальной установить невозможно). Эмаль мезиальной стороны повреждена посмертно. Tami, протостилид и цингулярные образования не зафиксированы.

Виртуальное удаление слоя стертой эмали при помощи компьютерной микротомографии (рис. 3) позволило зафиксировать «Y»-тип контакта основных бугорков коронки, вестибулярное положение гипоконулида, наличие дополнительного шестого бугорка. В структуре энтоконида отмечен зачаточный элемент tami, степень

Рис. 2. 3D-реконструкция рельефа поверхности дентина резца Юдиново 1. Лингвальная сторона.

Метрические характеристики молочных зубов со стоянки Юдиново и сравнительные данные

Находка	m^2		m_2		i_1		
	md cor	vl cor	md cor	vl cor	vl cor	md col	vl col
Юдиново 1	–	–	–	–	4,2	3,2	3,8
Юдиново 2	–	–	9,6	9	–	–	–
Юдиново 3	–	10,2	–	–	–	–	–
Костёнки 14	–	–	11	9,5	–	–	–
Костёнки 15	9,6	9,8	10,72	8,7	–	–	–
Костёнки 18	8,9	10	9,55	8,75	–	–	–
Сунгирь 3	8,8	9,9	9,2	9,1	–	–	–
Кальдерао 2	–	–	10,5	9,5	–	–	–
Кальдерао 11	–	–	11,1	9,6	–	–	–
Цистерна 3	–	–	11,1	9,7	–	–	–
Дольни Вестонице 36	10,2	10,9	10,9	8,6	3,9	2,8	3,5
Павлов 6/2	8,2	10,2	–	–	–	–	–
Павлов 7	–	–	9,4	9,1	–	–	–
Павлов 8	–	–	9,7	9	–	–	–
Павлов 9	–	–	9,3	9,5	–	–	–
Павлов 10	–	–	9,5	–	–	–	–
Мальта 1	8,2	9,2	9,7	8,4	4,6	–	–
Мальта 2	9,7	10,1	10,8	8,7	4	–	–
Лиственка	–	–	10,8	9,2	4,1	–	–
Усть-Кяхта 3	…	9,5	–	–	–	–	–
Страшная 1	–	–	11,6	10,1	–	–	–

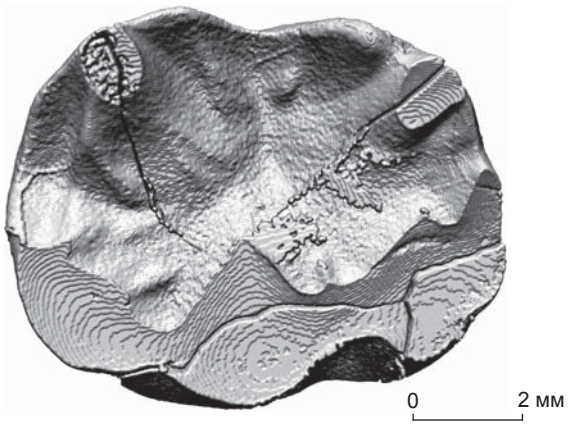


Рис. 3. 3D-реконструкция рельефа поверхности дентина моляра Юдиново 2. Слева – мезиальная сторона, справа – дистальная.

развития которого не позволяет учитывать признак как присутствующий. Дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида отсутствуют. В мезиальном отделе отмечена передняя ямка, ограничиваемая мезиальными сегментами протоконида и метаконида.

Одонтоглифический узор, реконструируемый по результатам томографии, включает в себя межбугорковые фиссуры I–VI, борозды второго порядка 1 и 2med, 1 и 2end, 1 и 2prd, третьего порядка – 3med, 3prd, 2’end. Одонтоглифику гипоконида и гипоконулида восстановить не удалось из-за сильной стертости этих бугорков. На энтокониде можно предполагать наличие борозды 4end, но точно установить ее наличие или отсутствие не позволяет посмертное повреждение коронки, мешающее полностью удалить слой эмали при реконструкции. Из диагностически важных одонтоглифических комбинаций нужно отметить вариант 2med (fc), тип 2 соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида. Оба варианта нейтральны в плане определения принадлежности находки к западному или восточному одонтологическому стволу.

Юдиново 3. Коронка (см. рис. 1) имела подпрямоугольную форму, крупный гипоконус и умеренно редуцированный метаконус. Дополнительный дистальный бугорок и задняя ямка отсутствовали. В районе локализации бугорка Карабелли наблюдается бороздка (балл 1), другие структуры, позволяющие говорить о его наличии, не выражены. Также не зафиксированы цингулярные дериваты на вестибулярной поверхности. Наличие или отсутствие других признаков установить невозможно из-за посмертных разрушений.

Результаты сравнительного анализа

Сравнение зубов из Юдинова с другими образцами с территории Северной Евразии показало, что слабая выраженность бугорка Карабелли на m^2 и присутствие дополнительного шестого бугорка на m_2 резко сужают круг морфологически близких вариантов, который ограничивается находками со стоянки Павлов в Центральной Европе. Юдиново 3 ближе всего по строению к образцам Павлов 6 и Павлов 12, где отсутствовал бугорок Карабелли и наблюдалась близкая степень редукции дистальных бугорков коронки. Юдиново 2 по большинству характеристик сближается с образцами Павлов 7 и Павлов 8, по всей видимости принадлежавшими тому же индивиду, что и Павлов 6. Определяющим показателем здесь является присутствие шестого бугорка, который редко встречается на европейских верхнепалеолитических находках и традиционно рассматривается как маркер «восточной» направленности. На сибирских образцах данный признак встречается чаще. Он отмечен на находках со стоянок Мальта (младший ребенок), Страшная и Хайыргас, но по сумме остальных признаков нижние моляры этих индивидов не демонстрируют сходства с юдиновскими.

Поскольку не все верхнепалеолитические находки, привлекаемые для сравнения, представлены молярами и верхней, и нижней челюсти, в анализ главных компонент было включено семь сравнительных образцов: Костёнки 15, Костёнки 18, Мальта 1, Мальта 2, Сунгирь 3, Дольни Вестонице 36 и Павлов 6, 8 (характеристики верхнего и нижнего моляра были объединены как принадлежащие одному индивиду). Результаты статистического анализа подтверждают значимость сходства, наблюдаемого между молярами из Юдинова и Павлова. При сравнении по одонтоскопическим характеристикам они попадают в одно поле, в области положительных координат обеих ГК (рис. 4, *1*). В составе ГК I статистически значимые нагрузки приходятся на бугорок Карабелли (–0,77), tami (–0,84) и протостилид (–0,8). ГК II разделяет сравниваемые образцы в зависимости от степени редукции метаконуса (0,75) и наличия или отсутствия дополнительного шестого бугорка на m_2 (0,898).

При сравнении метрических характеристик (рис. 4, *2*) сходство юдиновских находок с павловскими остается стабильным, хотя график разворачивается на 90° относительно результатов одонтоскопического анализа, а образец Дольни Вестонице 36 более заметно отделяется от находок из Костёнковско-Борщевского археологического района. ГК II распределяет образцы в зависимости от вестибуло-лингвального диаметра m^2 (0,93). Нагрузки на отдельные признаки в составе метрической ГК I демонстрируют несогласованность направлений изменчивости ме-

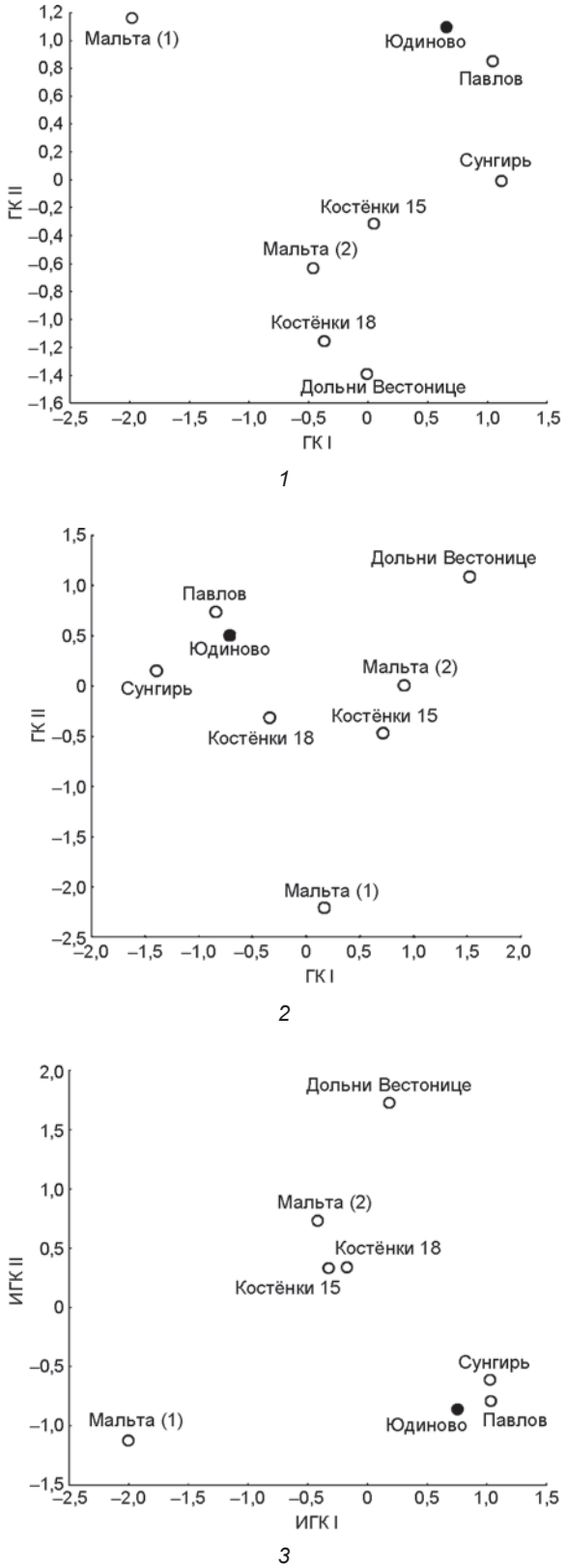


Рис. 4. Распределение верхнепалеолитических находок в пространстве первых двух главных компонент.
1 – одонтоскопический анализ; *2* – одонтометрический; *3* – интегрированный анализ.

зио-дистальных и вестибуло-лингвальных размеров m_2. На оба признака приходится высокая нагрузка, но она имеет противоположные знаки (0,94 и –0,76 соответственно). Несогласованность динамики продольных и поперечных размеров постоянных зубов в некоторых случаях может быть обусловлена половым диморфизмом [Зубова, Моисеев, Хартанович, 2017]. Для молочных зубов мы не можем установить степень его влияния на результаты статистического анализа, т.к. половая принадлежность большинства находок морфологическими методами не определима. Однако воздействие полового диморфизма на положение юдиновских образцов вряд ли было очень велико, поскольку метрические и морфологические характеристики сравниваемых находок демонстрируют согласованные градиенты изменчивости при отсутствии статистически значимых корреляций между исходными признаками.

В составе ИГК I высокие положительные нагрузки приходятся на одонтоскопическую ГК I (0,98) и одонтометрическую ГК II (0,85). ИГК II описывает дифференциацию находок в зависимости от одонтометрической ГК I (0,78) и одонтоскопической ГК II (–0,91). Наблюдаемое по отдельным системам признаков сходство между образцами из Юдинова и Павлова по результатам интегрированного анализа не уменьшается, а только увеличивается (рис. 4, *3*). Это подтверждает факт исторической согласованности градиентов изменчивости метрических и морфологических характеристик молочных вторых моляров и реальности биологических связей между популяциями, оставившими эти памятники.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать два важных вывода. Первый заключается в том, что имеющиеся данные о морфологии зубной системы населения, оставившего стоянку Юдиново, подтверждают точку зрения, согласно которой генезис тимоновско-юдиновских традиций больше связан с восточным вариантом граветтской культуры, чем с мадленом Центральной Европы. Из мадленских образцов к анализу привлекался только Цистерна 3 и относительно ранние материалы из солютре-мадленского слоя грота Кальдерао, которые не могли быть включены в статистический анализ. Тем не менее метрические различия между ними и граветтскими образцами из Павлова и Дольни Вестонице достаточно показательны (см. *таблицу*) и соответствуют выводу палеогенетиков о генетической дифференциации носителей соответствующих культур [Fu et al., 2016].

Второй вывод заключается в констатации высокой перспективности использования дистальных молочных моляров в качестве источника информации о биологических связях палеолитических популяций. Это обусловлено не только их ключевым статусом в ряду моляров, но и наблюдаемой согласованностью градиентов исторической динамики метрических и морфологических характеристик отдельных зубов при отсутствии строгой биологической связи между размерами коронок и морфологической сложностью их строения.

Список литературы

Беляева В.И. Кремневая индустрия Пушкарей I // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 132–137.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Природные условия первичного расселения первобытного человека в перигляциальной зоне Восточной Европы // Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека. – М.: Ин-т географии РАН, 1996. – С. 23–73.

Грехова Л.В. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1970. – 40 с.

Грехова Л.В. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Сов. Россия, 1971. – С. 3–22.

Григорьева Г.В. Значение костяного инвентаря для выделения днепро-донской историко-культурной области // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костенках. – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 24–26.

Григорьева Г.В. О культурной принадлежности Юдиновского верхнепалеолитического поселения // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Рогачева. – СПб.: ЭлекСис, 2002. – С.147–150.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 200 с.

Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11–42.

Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения 2 // Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – С. 256–268.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этнонлайн, 2006. – 72 с.

Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые новые одонтологические данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестн. антропологии. – 2003. – № 10. – С. 14–23.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 107–127.

Зубова А.В., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Палеоантропологические материалы из пещеры Страшной на Горном Алтае в контексте одонтологической дифференциации населения Сибири эпохи камня // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 3. – С. 136–145.

Зубова А.В., Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Некоторые итоги исследования изолированных одонтологических находок эпохи верхнего палеолита из коллекций МАЭ РАН // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 году. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 253–262.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Шуньков М.В. Морфология постоянных моляров из палеолитических слоев Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 121–134.

Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Новые данные о сибирских «американоидах» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 149–154.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Сравнительное одонтологическое исследование «классических» западноевропейских неандертальцев // Вестн. антропологии. – 2010. – № 18. – С. 60–87.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Наука, 2006. – 262 с.

Шпакова Е.Г. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 132–137.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Bailey S.E. A closer look at Neanderthal postcanine dental morphology: the mandibular dentition // The anatomical record (New. Anat.). – 2002. – Vol. 269, iss. 3. – P. 148–156.

Bailey S.E., Benazzi S., Buti L., Hublin J.-J. Allometry, Merism, and Tooth Shape of the Lower Second Deciduous Molar and First Permanent Molar // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2016. – Vol. 159, iss. 1. – P. 93–105.

Bailey S.E., Benazzi S., Hublin J.-J. Allometry, merism, and tooth shape of the upper deciduous M2 and permanent M1 // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2014. – Vol. 154, iss. 1. – P. 104–114.

Bailey S.E., Skinner M.M., Hublin J.-J. What lies beneath? An evaluation of lower molar trigonid crest patterns based on both dentine and enamel expression // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2011. – Vol. 145, iss. 4. – P. 505–518.

Bockmann M.R., Hughes T.E., Townsend G.C. Genetic modeling of primary tooth emergence: a study of Australian twins // Twin Res. Hum. Genet. – 2010. – Vol. 13, iss. 6. – P. 573–581.

Brabant H. Comparison of the Characteristics and Anomalies of the Deciduous and the Permanent Dentition // J. of Dental Res. – 1967. – Vol. 46, iss. 5. – P. 896–902.

Desbrosse R., Kozlowski J. Hommes et climats à l`âge des mammouth: Le Paléolithique supérieur d`Eurasie Centrale. – P.: Masson, 1988. – 152 p.

Early Modern Human Evolution in Central Europe: The People of Dolní Vestonice and Pavlov / eds. E. Trinkaus, J. Svoboda. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. – 493 p. – (The Dolni Vestonice Studies; vol. 12).

Edgar H.J.H., Lease L.R. Correlations between Deciduous and Permanent Tooth Morphology in a European American Sample // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2007. – Vol. 133, iss. 1. – P. 726–734.

Farmer V., Townsend G. Crown size variability in the deciduous dentition of South Australian children // Am. J. of Hum. Biol. – 1993. – Vol. 5, iss. 6. – P. 681–690.

Fu Q., Posth C., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Futwangler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel B., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A.P., Drozdov N., Slavinsky V., Tsybankov A., Grifoni Cremonesi R., Mallegny F., Gely B., Vacca E., Gonzalez Morales M.R., Straus L.G., Neugebauer-Maresch C., Teshler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O.T., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Creveccoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M.A., Cupillard C., Bocherens H., Conard N.J., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D.G., Svoboda J., Richards M.P., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe // Nature. – 2016. – Vol. 534. – P. 200–205.

Otte M. Le Gravettien en Europe Centrale. – Brugge: De Tempel, 1981. – 504 p. – (Dissertationes archaeologicae Gandenses; vol. 21).

Sládek V., Trinkaus E., Hillson S., Holliday T. The People of the Pavlovian. Skeletal Catalogue and Osteometrics of the Gravettian Fossil Hominids from Dolní Věstonice and Pavlov. – Brno: Archeologický ústav AVČR, 2000. – 245 p.

Sofaer J.A. A model relating developmental interaction and differential evolutionary reduction of tooth size // Evolution. – 1973. – Vol. 27. – P. 427–434.

Trinkaus E., Bailey Sh.E., Davis S.J.M., Zilhão J. The magdalenian human remains from the Galeria da Cisterna (Almonda karstic system, Torres Novas, Portugal) and their archeological context // Arqueólogo Português. Sér. V. – 2011. – N 1. – P. 395–413.

Trinkaus E., Bailey Sh.E., Zilhão J. Upper Paleolithic human remains from the Gruta do Caldeirão, Tomar, Portugal // Revista Portugesa de Arqueologia. – 2001. – Vol. 4, iss. 2. – P. 5–17.

Trinkaus E., Svoboda J., West D., Sladek V., Hillson S., Drozdova E., Fisakova M. Human Remains from the Moravian Gravettian: Morphology and Taphonomy of Isolated Elements from the Dolni Vestonice II Site // J. of Archaeol. Sci. – 2000. – Vol. 27, iss. 12. – P. 1115–1132.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropol. – N.Y.: Wiley-Liss, Inc., 1991. – P. 13–31.

Voisin J.-L., Condemi S., Wolpoff M., Frayer D. A new online database (http://anthropologicaldata.free.fr) and a short reflection about the productive use of compiling internet data // PaleoAnthropology. – 2012. – P. 241−244.

Zubova A.V., Stepanov A.D., Kuzmin Y.V. Comparative analysis of a Stone Age human tooth fragment from Khaiyrgas Cave on the Middle Lena (Yakutia, Russian Federation) // Anthropol. Sci. – 2016. – Vol. 124, iss. 2. – P. 135–143.

Материал поступил в редколлегию 10.10.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.146-152
УДК 572.08

М.О. Вергелес
Научно-исследовательский институт им. Д.Н. Анучина и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия
E-mail: vergeles@rocketmail.com

Антропологическая достоверность портретных изображений

В статье представлен анализ реалистичности портретных изображений в контексте физической антропологии. Изучены стандартные описательные антропологические признаки лица, такие как строение складки верхнего века, профиль спинки носа и т.д., имеющиеся на 120 портретных изображениях. Для установления точности передачи черт лица художником данные признаки определены для пар изображений одного и того же человека. Использованы 30 пар портретов одного человека, нарисованных разными художниками, и 30 пар портретов–фотографий, на каждой из которых запечатлен один и тот же человек. Для каждого признака найдена средняя разница в значениях. Полученные расхождения в баллах оказались минимальными, в пределах ошибки метода, что свидетельствует о высокой точности художников в передаче особенностей лица. Созданы четыре обобщенных изображения: два – французской аристократии XV–XVI вв. и два – населения Голландии (преимущественно Амстердама) XV–XVII вв. Каждый обобщенный портрет создан на основе разных индивидуальных изображений. Обобщенные портреты для каждого географического региона очень похожи. Это позволяет сделать выводы о том, что, во-первых, обобщенный портрет является характеристикой группы, а не просто суммой индивидуальных изображений; во-вторых, даже при возможном наличии погрешностей в изображении отдельных индивидов точность художественных портретов достаточна для описания особенностей группы. Таким образом, при должном подборе художественных портретов для анализа и при учете специфики работы с двухмерными изображениями портретная живопись может служить ценным и уникальным источником антропологической информации.

Ключевые слова*: обобщенный портрет, художественный портрет, описательные признаки лица, французская аристократия, население Голландии.*

M.O. Vergeles
Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University,
Mokhovaya 11, Moscow, 125009, Russia
E-mail: vergeles@rocketmail.com

Realism of Face Depiction in Portraiture

This study presents the analysis of realism of portraiture in the context of physical anthropology. Standard descriptive traits such as the development of the upper eyelid fold, nasal profile, etc., were scored on 120 portraits. To examine the accuracy of artistic rendition, these traits were assessed on 30 pairs of portraits of the same persons painted by different artists, and on 30 pairs of portraits versus photographs of the same persons. For each trait, the mean difference of scores was calculated. The mean differences are within the scoring error, indicating the artists' high accuracy in rendering facial features. Next, four composite portraits were generated, two relating to 15th–16th century French aristocrats, and two to the 15th–17th century Dutch population, mainly that of Amsterdam. Composite portraits for every geographic region are virtually identical, suggesting that they represent a specific population rather than just a total of\individual data. Also, even though painters might be somewhat imprecise in depicting individual faces, these inaccuracies are leveled off in composite representations. In sum, portraiture is a very informative source of anthropometric information.

Keywords: *Composite portraits, portraiture, descriptive facial features, French aristocrats, Holland people.*

© Вергелес М.О., 2018

Введение

Художественные изображения человека, в первую очередь лица, антропологи используют в своих исследованиях на протяжении многих десятилетий. Как правило, привлекаются одиночные изображения для иллюстрации особенностей определенных антропологических типов и доказательства их древности, а также присутствия антропологического типа на некой территории. Большинство исследователей, используя такие единичные «характерные» изображения, упускают из вида возможности популяционного подхода к изучению серий изображений как к выборке из популяции. Изображения рассматриваются не как реалистичные в привычном понимании этого слова – отражающие индивидуальные особенности человека, а скорее как передающие типичные особенности определенной группы людей. По всей видимости, специалисты, использующие изображения человека в подобном ключе, руководствуются тем, что «именно характерные расово-этнические признаки внешности… передаются на произведениях искусства, хотя обобщенно и типологизированно, но с достаточной степенью точности в групповом масштабе» [Шпак, 2015, с. 116]. Например, в своей книге «Расы Европы» К.С. Кун широко использует художественные изображения, высоко оценивая их значимость: «...(шумерские) скульпторы оставили после себя записи в камне, которые могут дополнить данные краниологии» [Coon, 1939, p. 90]. В главе о неолитическом населении Ирака и Ирана он обращает внимание на различную степень реалистичности скульптурных изображений человека и замечает, что в то время как барельефы, видимо, отражают некий канон, устоявшийся тип мужчины, «портретные бюсты… по всей видимости, изображают конкретных людей, а не распространенные (обычные) типы или идеалы» [Ibid.].

В.В. Бунак в монографии «Crania armenica...» при обсуждении древности присутствия арменоидного типа в Передней Азии обращается к скульптуре. Он пишет, что «краниологическое изучение древнейшего населения Передней Азии дает… лишь самые общие указания относительно расового типа Передней Азии отдаленных эпох. Но древнейшая история этой области… открывает нам другой источник для освещения этой проблемы – обильный скульптурный материал» [Бунак, 1927, с. 200]. Безусловно, не все изображения одинаково реалистичны, и в изобразительном искусстве Ближнего Востока можно выделить несколько этапов, различающихся по особенностям стиля и используемым канонам в изображении человека, тем не менее некоторые особенности человеческих типов древних культурных народов Передней Азии настолько своеобразны и характерны, что «они не могут быть понимаемы иначе, как отражение расовых особенностей народов, создавших эти скульптуры» [Там же, с. 201].

Весьма оригинально используют изображения человека И.И. Гохман и Л.Л. Баркова в работе об особенностях древнего населения Алтая. Они рассматривают в качестве источника информации о внешности людей изображения человека на пазырыкском войлочном ковре и изображения человеческих лиц на деревянных бляхах, входящих в убранство одного из коней, которые были найдены в Первом Пазырыкском кургане. Изучив эти изображения, исследователи приходят к выводу, что «все люди, изображенные на ковре, без сомнения могут быть отнесены к представителям южно-европеоидной расы. На всех личинах-подвесках изображены монголоиды либо метисы с явно преобладающими чертами монголоидной расы» [Гохман, Баркова, 2003, с. 423]. Как видим, даже по таким нестандартным материалам можно установить расовую принадлежность населения.

Художественные портреты в определенной степени являются отражением индивидуальной жизни изображенного человека, в т.ч. его состояния здоровья. Каждое изображение может рассматриваться как самостоятельный и полноценный источник информации о патологиях портретируемого индивида. Интересно, что в качестве источника информации используются как реалистичные портреты конкретных людей (итальянский поэт XVI в. Теофило Фоленго с лицом, обезображенным параличом [Galassi F.M., Galassi S., 2015]) и неизвестных (мужчина середины XV в. с проявлениями болезни Хортона [Galassi F.M., Galassi S., 2016]), так и произведения на религиозные темы (Мадонна XV в. с признаками зоба [Traversari, Ballestriero, Galassi, 2017]), которым, как правило, приписывают высокую степень идеализации изображаемых индивидов.

Художественные изображения человека в антропологии до начала XXI в. использовались редко. Каждое изображение в большинстве случаев рассматривалось как отражение типичных, характерных черт некоторой группы людей. В настоящее время при описании изменчивости человека применяется чаще всего популяционный подход [Вергелес, 2015; Edwards, 2003; Jorde, Wooding, 2004; Edgar, 2009; Edgar, Hunley, 2009; Gravlee, 2009], в соответствии с которым серия изображений, относящихся к одному географического региону и одному периоду, оценивается как выборка из популяции или группы. В этом случае объектом исследования становятся не индивидуальные особенности, а характеристики группы. Применение такого подхода возможно только при наличии большого количества реалистичных изображений хорошего качества.

В обзорной статье о возможности использования древних изображений (вплоть до первых веков нашей эры) в антропологии Л.Ю. Шпак отмечает: «...развитие портретного искусства от древности до наших дней свидетельствует о том, что тема человека в до-

исторических культурных памятниках представлена географически неравномерно и неравнозначно с позиции информативности и реалистичности изображений» [2015, с. 124]. Тем не менее, отмечает автор, в некоторые периоды в древнем искусстве изображения человека отличались высокой степенью реалистичности и точности передачи внешности. Таким является, например, греко-римский период в истории Египта. Коллективом исследователей было сделано описание населения Фаюмского оазиса I–IV вв. н.э. и создан его обобщенный портрет [Перевозчиков, Шпак, Шимановская, 2012]. Также высоко реалистичны скульптура и живопись древнегреческих классического и эллинистического периодов, этрусская вотивная скульптура, древнеримская скульптура республиканского периода [Шпак, 2015].

Портретная живопись XVIII и XIX вв., в первую очередь русская, в антропологическом аспекте была изучена К.Э. Локк. Многочисленные результаты исследований, например, описания особенностей русского купечества и дворянства [Локк, 2011а], офицеров войны 1812 г. [Локк и др., 2012], нашли отражение в ее кандидатской диссертации [Локк, 2011б]. К.Э. Локк были рассмотрены многие вопросы методического характера, в частности, вопрос о реалистичности изображения лица человека в портретной живописи начиная с эпохи Возрождения. В качестве доказательства реалистичности портретного искусства автор привел многочисленные примеры изображения художниками мелких недостатков внешности (бородавки, косоглазие и т.д.), а также результаты сравнения живописного и фотографического портретов писателя С.Т. Аксакова, нескольких живописных портретов Екатерины II, написанных разными художниками, двух портретов А.С. Пушкина. Исследователь пришел к выводу, что «художники достаточно четко фиксировали антропологические особенности, присущие конкретному человеку, и реальные отличия портретов одного человека, нарисованного разными художниками, зачастую бывают для антрополога несущественными» [Там же, с. 72]. Однако все приведенные доказательства носят описательный, качественный, а не количественный характер. Разрозненные сравнения изображений одного и того же человека представляются недостаточными для легитимизации использования портретного искусства как источника информации о внешности человека в физической антропологии. Поэтому необходимо проведение дополнительных сравнений для определения «объективной» т.н. ошибки художника.

В данной работе представлена комплексная проработка проблемы реалистичности художественных изображений человеческого лица на основе антропологических шкал признаков лица и метода обобщенного портрета. Рабочая гипотеза базируется на предположении о том, что портрет, безусловно, отражает мастерство и фантазию художника, однако запечатленные в нем такие особенности строения лица, как форма носа, разрез глаз, толщина губ и т.д. мало подвергаются ретуши и изменениям в угоду идеалу, ведь главной задачей портретного искусства является создание похожего, узнаваемого образа портретируемого.

Портретные изображения как материал для антропологического изучения групп населения Европы XV–XIX веков

При рассмотрении вопроса о реалистичности изображений человека прежде всего необходимо обратиться к определению портрета. Оксфордский словарь английского языка определяет портрет как изображение с натуры отдельного человека, в особенности его лица, с помощью живописи, фотографии, гравюры и т.д.; подобие (англ. *likeness*) (цит. по: [West, 2004, p. 11]). В Большой Российской Энциклопедии подчеркивается, что «необходимое требование, предъявляемое ко всякому портрету – передача индивидуального сходства» [Портрет, 2015]. То или иное упоминание подобия будет присутствовать в любом определении портрета как его неотъемлемая характеристика. Заказчик требовал от художника в первую очередь, чтобы портретируемый был узнаваем. Похожесть не была, безусловно, единственной функцией портрета, но необходимость того или иного подобия входила в само сущностное его определение. По сути, то, что не отражает действительность, не может называться портретом вообще. Портретная живопись возникла и развивалась с целью создания подобия, копирования реальности.

Безусловно, любой портрет – это результат компромисса между художником и заказчиком. Формы и особенности изображения и даже степень его реалистичности могут изменяться в зависимости от цели создания портрета. Поэтому в своей работе мы используем только те изображения, которые, с нашей точки зрения, реалистично отображают внешность конкретного человека.

Материалы и методы

Практический раздел доказательства реалистичности портретного искусства состоит из двух частей – попарного сравнения значений описательных признаков разных изображений одного и того же человека и создания обобщенных портретов по разным выборкам из одной группы. В первой части проводилась работа с оцифрованными живописными портретами, выполненными маслом; фотографиями, дагерротипами и гра-

фическими изображениями. Для исследования были отобраны 120 изображений, размещенных на официальных сайтах музеев – Национальной портретной галереи в Лондоне (http://www.npg.org.uk/) и Музея Виктории и Альберта (http://collections.vam.ac.uk/), а также на сайте Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Category:French_portrait_painters, https://en.wikipedia.org/wiki/Category:English_portrait_painters и https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Dutch_portrait_painters). Описательные признаки для всех изображений определялись на одном мониторе Acer AL1916W со стандартными настройками для работы с графикой.

Были проведены два эксперимента, в каждом из которых использовалось 60 изображений. В первом участвовало 30 пар живописных портретов: для одного человека было два портрета, выполненные разными художниками; во втором использовались 30 пар портретов–фотографий: для одного индивида были найдены живописный портрет и фотография или дагерротип. Для первого эксперимента были взяты изображения XVI–XVII вв., для второго – фотографии и живописные портреты середины – второй половины XIX в. Среди изучаемого материала преобладают изображения из Великобритании, имеются изображения из Франции и других европейских стран. При отборе обязательным условием была самостоятельность изображения, т.е. ни одно из них не могло быть копией другого.

Для каждого изображения определены значения следующих балловых описательных признаков: степень роста бороды, цвет волос бороды, цвет волос головы, форма волос головы, густота бровей, цвет глаз, ширина глазной щели, длина глазной щели, развитие складки верхнего века (отдельно проксимальной, медиальной и дистальной части), высота переносья, поперечный профиль спинки носа, профиль спинки носа (отдельно для костной и хрящевой части, а также общий), положение кончика носа, высота крыльев носа, выступание крыльев носа, высота верхней губы, толщина губ (отдельно верхней и нижней), выступание скул. Определение признаков проводилось по стандартной методике [Бунак, 1941] с ограничениями и поправками, связанными с работой с двумерными изображениями [Локк, 2011б]. Для цвета глаз была выбрана следующая градация: светлый, смешанный и темный. Для всех признаков было возможно использовать «половинки» баллов, т.е. значений в 0,5; 1,5 и т.д. Цвет волос бороды и головы, рост бороды, форму волос головы удалось определить менее чем в 50 % случаев, в дальнейшем анализе эти признаки не рассматривались. Методика определения описательных признаков на двумерных портретных изображениях неоднократно успешно применялась в лаборатории расоведения НИИ и Музея антропологии МГУ (см., напр., описание антропологических особенностей населения Амстердама XVI–XVII вв. [Перевозчиков и др., 2015]).

Определение значений описательных признаков производилось в последовательности, которая исключала возможность анализа подряд двух изображений одного человека. Например, для пар портрет–фотография сначала были описаны все 30 фотографий, затем все 30 портретов. Такой подход необходим для исключения неосознанного переноса балльных характеристик с одного изображения человека на другое. Для каждой пары изображений была рассчитана разница в значениях каждого признака. На основе их модулей рассчитана средняя разница в определениях каждого признака.

Результаты и обсуждение

Для подавляющего большинства признаков средняя разница определения не превышает половины балла (см. *таблицу*). Следует отметить, что данная ха-

Средняя разница значений признаков для двух серий наблюдений, балл.*

Признак	Пара портретов одного человека, нарисованных разными художниками	Пара живописный портрет–фотография одного человека
Густота бровей	0,37 (30)	0,38 (30)
Цвет глаз	0,82 (22)	0,6 (20)
Ширина глазной щели	0,28 (30)	0,25 (30)
Длина глазной щели	0,42 (30)	0,33 (30)
Развитие складки верхнего века		
prox	0,24 (29)	0,6 (30)
med	0,24 (29)	0,37 (30)
dist	0,26 (29)	0,45 (30)
Высота переносья	0,37 (30)	0,28 (30)
Поперечный профиль спинки носа	0,35 (30)	0,25 (30)
Положение кончика носа	0,37 (30)	0,24 (29)
Высота крыльев носа	0,52 (30)	0,47 (30)
Выступание крыльев носа	0,43 (30)	0,32 (30)
Высота верхней губы	0,37 (30)	0,3 (30)
Профиль спинки носа		
костный	0,27 (30)	0,32 (30)
хрящевой	0,1 (30)	0,15 (30)
общий	0,17 (30)	0,13 (30)
Толщина верхней губы	0,07 (28)	0,06 (28)
Толщина нижней губы	0,61 (27)	0,52 (27)
Выступание скул	0,07 (30)	0,17 (30)

*В скобках указано число наблюдений.

рактеристика представляет собой сложную величину. В эту разницу входят «ошибка» художника, допущенная при воспроизведении черт лица портретируемого, а также ошибка исследователя, допущенная при определении признака. В предыдущих неопубликованных экспериментах, имевших целью определить ошибки исследователя (для этого признаки индивидов на одних и тех же портретах описывались баллами через какой-то промежуток времени), нами была также получена ошибка в половину балла. Таким образом, установленная в этих экспериментах разница в половину балла, видимо, в бóльшей степени связана с неизбежной ошибкой в определении признака, а не только с неточностью художника в передаче черт лица. Однако расхождения в изображении художником черт лица встречаются, причем иногда существенные. Так, довольно большие различия отмечены для цвета глаз. Повторный просмотр всех пар изображений, для которых имеются расхождения в балловых характеристиках, позволил сделать вывод о том, что художники могли по-разному воспринимать цвет глаз одного и того же человека. На это, вероятно, влияло освещение, при котором создавался портрет. А.М. Маурер в личном сообщении отмечает, что цвет глаз зачастую сложно определить и при работе с современным населением в полевых условиях; этот признак требует дополнительной последующей проверки по фотографии. Балловое значение цвета глаз меньше различается для пар портрет–фотография, хотя фотографии монохромны. Это объясняется тем, что используемая нами шкала (светлые – смешанные – темные) ориентируется не столько на оттенки, сколько на интенсивность пигментации глаз.

Точность определения пигментации зависит от сохранности красочного слоя и изменения со временем цвета красок. Еще до начала эпохи Возрождения художники знали об этом и, пытаясь предотвратить выцветание (см., напр., обзор трактатов от античности до Нового времени о технике живописи: [Гренберг, 1982]), например, покрывали готовую картину лаком (изоляция красочного слоя от воздуха/света), при смешивании красок соблюдали определенные пропорции пигмента и масла, использовали светлую основу для живописи (компенсация потемнения масла в составе масляных красок), уменьшали количество слоев краски, вводили в масляную краску лак [Сланский, 1962].

В ходе обоих экспериментов для пар портретов одного человека, нарисованных разными художниками, и для пар портрет–фотография плохо (с большой разницей) определялись такие признаки, как цвет глаз, высота крыла носа, толщина нижней губы. По нашему мнению, установленные в баллах различия в изображении художником определенных черт лица подчеркивают не только достоверность их передачи, но и важность этих черт для узнавания человека. То есть художник при создании портрета больше внимания уделяет тем чертам лица, которые более важны для узнавания, – форме носа, складке верхнего века и т.д., и меньше – чертам, изменение которых не влияет на идентичность живого лица человека и его изображения.

Еще одним доказательством антропологической достоверности портретных изображений может служить сравнение обобщенных портретов, созданных по двум различным выборкам из одной популяции/группы. Метод обобщенного портрета позволяет получить составное (обобщенное) изображение определенной группы людей (об истории и методике см.: [Перевозчиков, Маурер, 2009]). Антропологи неоднократно создавали обобщенные портреты на основе выборок изображений из одной популяции. Примером могут служить обобщенные портреты женщин-староверок из поселений вдоль рек Селенга и Чикой, составленные А.М. Маурером и И.В. Перевозчиковым на основе материалов по русским старожилам Сибири, которые были получены экспедицией Института этнографии АН СССР в 1960–1964 гг. (руководитель В.В. Бунак) [Маурер, Перевозчиков, 1999]. Имеющаяся выборка фотографий была разделена на две группы. Первое изображение составлено по 35 индивидуальным фотографиям, второе – по 38. При этом ни одно из изображений не входило в оба обобщенных портрета. Авторы, отмечая очень высокую степень сходства полученных обобщенных портретов, прибегают к сравнению: их даже можно принять за однояйцевых близнецов. Такой результат свидетельствует о том, что «обобщенный портрет при численности от 25 и выше хорошо отражает сходство генофонда в выборках из одной и той же популяции» [Там же, с. 96]. Чтобы проверить, можно ли получить аналогичный результат на основе живописных изображений, нами были созданы два обобщенных портрета французской аристократии XV–XVI вв. (рис. 1, 2) и два обобщенных портрета жителей Голландии XV–XVII вв. (рис. 3, 4). Основой для первых послужили индивидуальные изображения представителей французской аристократии, приведенные в печатных изданиях [Новосельская, 2004; Exposition…, 1907] и на сайте Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Category:French_portrait_painters). Вторые были созданы по изображениям, опубликованным в каталоге выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина [Голландский групповой портрет золотого века…, 2013], а также на сайтах Рейксмюсеума в Амстердаме (www.rijksmuseum.nl/en) и Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Dutch_portrait_painters).

Один обобщенный портрет французской аристократии (см. рис. 1) сформирован на основе 77 графических индивидуальных изображений, другой (см. рис. 2) – на основе 43 портретов, написанных

маслом. Полученная пара обобщенных портретов отражает не только общую реалистичность изображения лица в портретном искусстве, но и индифферентность метода обобщенного портрета к тому, в какой технике выполнены индивидуальные изображения. При моделировании обобщенных портретов голландцев использовались только портреты, написанные маслом: 72 – для одного (см. рис. 3) и 68 – для другого (см. рис. 4). Ни один портрет одного индивида не попал в обе выборки. Обобщенные портреты созданы в программе faceONface [Савинецкий и др., 2015]. При формировании обобщенного портрета французской аристократии признаком для разделения выборки стала техника написания портрета; при создании портрета голландцев выборка была разделена случайным образом, при помощи генератора случайных чисел. Полученные изображения имеют очень большое сходство и лишь небольшие различия, обусловленные особенностями техники исполнения индивидуальных портретов. Таким образом, обобщенный портрет, составленный по художественным изображениям, дает одинаковый результат для двух выборок из одной группы. Это свидетельствует как о высокой точности изображения лица художниками, так и о том, что даже при возможном наличии неточностей в изображении отдельных индивидов, групповая характеристика остается неизменной.

Рис. 1. Обобщенный графический портрет представителей французской аристократии XV–XVI вв., составленный по 77 изображениям.

Рис. 2. Обобщенный живописный портрет представителей французской аристократии XV–XVI вв., составленный по 43 изображениям.

Рис. 3. Обобщенный живописный портрет жителей Голландии XV–XVII вв., составленный по 72 изображениям.

Рис. 4. Обобщенный живописный портрет жителей Голландии XV–XVII вв., составленный по 68 изображениям.

Заключение

Изучение художественных изображений человека антропологическими методами начинает активно развиваться в связи с доминированием в исследованиях популяционного подхода, в рамках которого серия изображений одного времени и географического региона рассматривается как выборка из популяции или группы. Такой подход позволяет создавать описания не только отдельных индивидов, но и группы в целом. Портретная живопись, безусловно, является жанром искусства. Однако художники, как правило, были очень точны в изображении большинства антропологических особенностей лица. Сравнение определений описательных признаков одного человека на портретах, написанных разными художниками, а также на фотографических и живописных портретах показало, что разница между ними в половину балла находится в пределах ошибки метода. Это свидетельствует о высокой степени реалистичности изображения антропологических признаков лица в портретном искусстве. Такие признаки, как цвет глаз, высота крыла носа, толщина нижней губы, по-видимому, не влияют на узнавание лица, поэтому художники обращали на них меньше внимания и рисовали менее точно.

Создание обобщенных портретов для репрезентативных выборок из одной группы позволило установить, что живописные изображения, как и фотографии, хорошо отображают групповую характеристику, не зависящую от того, какие именно индивидуальные изображения вошли в конкретный обобщенный портрет.

Результаты изучения портретов с точки зрения физической антропологии свидетельствуют о высокой степени точности изображения черт лица художниками. Безусловно, не все изображения подходят для антропологического исследования. Однако при должном подборе изображений (исключение фантазийных, нереалистичных, а также изображений людей в детском и пожилом возрасте) можно рассчитывать на получение объективных групповых характеристик.

Благодарность

Автор выражает благодарность И.В. Перевозчикову за помощь в планировании эксперимента и за идею создания нескольких обобщенных портретов из одной выборки.

Список литературы

Бунак В.В. Crania armenica: Исследование по антропологии Передней Азии. – М.: [б. и.], 1927. – 320 с. – (Тр. Антропол. науч.-исслед. ин-та при I МГУ; вып. II. Прил. к «Рус. антропол. журналу»; т. XVI; вып. 1/2).

Бунак В.В. Антропометрия. – М.: Учпедгиз, 1941. – 368 с.

Вергелес М.О. Понятие «расы» в американской физической антропологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2015. – № 3. – С. 82–93.

Голландский групповой портрет золотого века. Из собрания Амстердамского музея: каталог выставки. – М.: Красная площадь, 2013. – 83 с.

Гохман И.И., Баркова Л.Л. Кто они? «Стерегущие золото грифы» (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека) // Горизонты антропологии: тр. междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2003. – С. 418–426.

Гренберг Ю.И. Технология станковой живописи. История и исследования. – М.: Изобраз. искусство, 1982. – 320 с.

Локк К.Э. Антропологические типы населения России по произведениям портретной живописи середины 18-го века – начала 19-го века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16: Биология. – 2011а. – № 2. – С. 22–25.

Локк К.Э. Живописный портрет как источник антропологической информации (методические аспекты): дис. … канд. биол. наук. – М., 2011б. – 163 с.

Локк К.Э., Перевозчиков И.В., Сухова А.В., Тихомиров М.Н. Антропологическое описание российских офицеров начала XIX века по материалам живописных портретов Военной галереи Зимнего дворца // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2012. – № 3. – С. 4–11.

Маурер А.М., Перевозчиков И.В. Региональные обобщенные портреты великорусов по материалам Русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. – М.: Науч. мир, 1999. – С. 95–108.

Новосельская И.Н. Французский рисунок XV–XVI веков в собрании Эрмитажа. – СПб.: Славия, 2004. – 151 с.

Перевозчиков И.В., Вергелес М.О., Шпак Л.Ю., Сухова А.В. К антропологической характеристике населения Амстердама XVI–XVII вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2015. – № 4. – С. 97–106.

Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2009. – № 1. – С. 35–44.

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю., Шимановская А.С. К антропологии Фаюмского оазиса I–IV веков нашей эры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2012. – № 4. – С. 127–133.

Портрет // Большая Российская Энциклопедия. – М.: Большая Рос. Энцикл., 2015. – Т. 27. – С. 192–194.

Савинецкий А.Б., Низаметдинов Ш.У., Сыроежкин Г.В., Сафиуллин А.Э. Разработка методов создания и обработки обобщенных компьютерных изображений и их приложение в антропологии // Науч. визуализация. – 2015. – Т. 7, № 5. – С. 53–67.

Сланский Б. Техника живописи. Живописные материалы. – М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1962. – 378 с.

Шпак Л.Ю. Древние изображения человека: оценка информативности в контексте их применения в физической антропологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2015. – № 4. – С. 116–125.

Coon C.S. The Races of Europe. – N. Y.: The Macmillan comp., 1939. – 740 p.

Edgar H.J.H. Biohistorical approaches to “race” in the United States: biological distances among African Americans, European Americans, and their ancestors // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2009. – N 139. – P. 58–67.

Edgar H.J.H., Hunley K.L. Introduction to the simposium issue: Race reconciled? How biological anthropologists view human variation // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2009. – N 139. – P. 1–4.

Edwards A.W.F. Human genetic diversity: Lewontin’s fallacy // Bioassays. – 2003. – N 25. – P. 798–801.

Exposition de portraits peints et dessinés du XIII au XVII siecle: Catalogue. – P.: Librairie centrale des beaux-arts, 1907. – 202 p.

Galassi F.M., Galassi S. Teofilo Folengo’s facial paralysis and unknown demise // Neurological Sci. – 2015. – N 36. – P. 1961–1962.

Galassi F.M., Galassi S. A case of Horton’s disease (with its potential neurological symptoms) depicted in a portrait by Andrea Mantegna // Neurological Sci. – 2016. – N 37. – P. 147–148.

Gravlee C.C. How race becomes biology: embodiment of social inequality // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2009. – N 139. – P. 47–57.

Jorde L.B., Wooding S.P. Genetic variation, classification, and ‘race’ // Nature Genetics Suppl. – 2004. – N 36. – P. 28–33.

Traversari M., Ballestriero R., Galassi F.M. A likely case of goiter in the Madonna col Bambino dormiente (1465/1470) by Andrea Mantegna (1431–1506) // J. of endocrinol. investigation. – 2017. – N 40 (2). – P. 237–238.

West S. Portraiture (Oxford History of Art). – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. – 256 p.

Материал поступил в редколлегию 16.02.17 г.

ПЕРСОНАЛИИ

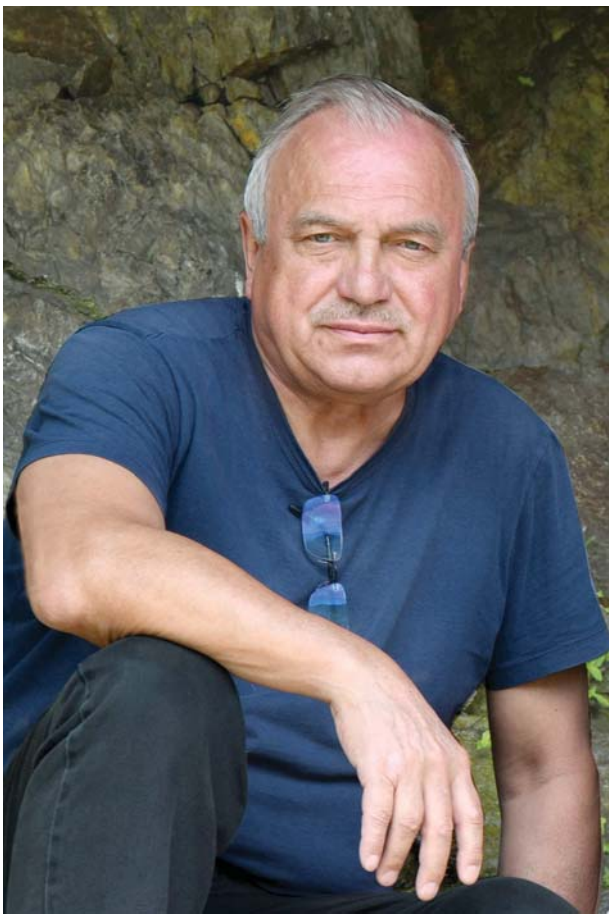
К 65-летию Михаила Васильевича Шунькова

24 мая 2018 г. исполнилось 65 лет Михаилу Васильевичу Шунькову – директору Института археологии и этнографии СО РАН, члену-корреспонденту Российской академии наук, доктору исторических наук, профессору кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

М.В. Шуньков родился в г. Иркутске в семье коренных сибиряков. Его отец Василий Максимович, участник Великой Отечественной войны, орденоносец, был разносторонне одаренным человеком, ученым-экономистом, одним из наиболее авторитетных представителей сибирской научной школы охотоведения. Мама Надежда Владимировна, с отличием окончившая в начале войны обучение на факультете всеобщей литературы знаменитого ИФЛИ – Института философии, литературы и истории, преподавала зарубежную литературу в Иркутском государственном университете. Будучи известным в Иркутске театралом и театроведом, она писала яркие рецензии на спектакли иркутских театров. В университете Надежда Владимировна запомнилась как блестящий лектор и требовательный педагог, глубоко знавший и бесконечно любивший свой предмет. Эту любовь и знания она передала и своим многочисленным ученикам. Надежда Владимировна воспитала несколько поколений учителей, ученых-филологов, литераторов, ее студентами были писатель В.Г. Распутин и драматург А.В. Вампилов.

Талантливость, самостоятельность и взвешенность поступков и мыслей Василия Максимовича, высокообразованность и требовательность к себе и окружающим Надежды Владимировны унаследовали оба их сына. Старший брат Михаила Васильевича – Борис – окончил ВГИК, был известным кинооператором, сценаристом и режиссером документального кино. Борис Васильевич оставил яркий след в сибирской кинодокументалистике. Его пронзительно искренние работы неоднократно отмечались призами на международных кинофестивалях в Польше, Германии, Франции и Испании.

Воспитанный в интеллектуальной творческой атмосфере «старого Иркутска», Михаил Васильевич еще в юности увлекся изучением древней истории и после окончания в 1971 г. средней школы поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета. Его первая археологическая экспедиция проходила под руководством яркого представителя иркутской археологической школы Михаила Петровича Аксенова. Участие в исследованиях палеолитических объектов Байкальской Сибири, считающихся сегодня классическими, определило выбор научной специализации Михаила Васильевича – самые ранние этапы становления человечества.



После окончания с отличием в 1976 г. университета М.В. Шуньков по распределению был направлен на работу в Томский государственный университет, в котором получил должность младшего научного сотрудника Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Через два года целеустремленный молодой специалист поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии, его научным руководителем был выдаю-

щийся ученый, корифей отечественного палеолитоведения Василий Прокопьевич Любин. В этот период Михаилу Васильевичу посчастливилось пройти стажировку в Кавказской и Костёнковской палеолитических экспедициях, получить бесценный научный опыт и обрести много друзей среди археологов своего поколения из московского и ленинградского археологических центров, большинство из которых в последующем стали выдающимися исследователями.

В 1987 г. молодого талантливого археолога заметил академик А.П. Деревянко и пригласил его на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. В Новосибирском научном центре начался новый этап в научной биографии Михаила Васильевича, связанный с изучением древнего каменного века Алтая. После успешной защиты в 1990 г. кандидатской диссертации «Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая» (научный руководитель В.П. Любин) М.В. Шуньков был утвержден в должности старшего научного сотрудника, в которой работал до защиты докторской диссертации «Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая» в 2001 г. Спустя год он стал главным научным сотрудником, а затем заместителем директора по научной работе, в 2015 г. был избран коллективом Института археологии и этнографии СО РАН на должность директора.

Первый опыт научно-организационной деятельности М.В. Шуньков приобрел, став в 1987–1988 гг. начальником Средне-Енисейского археологического отряда. С 1989 г. он возглавляет Алтайский археологический отряд, занимающийся комплексным изучением многослойных палеолитических объектов на северо-западе Горного Алтая, которые благодаря этим изысканиям получили мировую известность. С 1990 г. Михаил Васильевич Шуньков руководит крупнейшим в России археологическим научно-исследовательским стационаром «Денисова пещера» на Алтае, в районе которого ведутся комплексные исследования наиболее информативных палеолитических памятников Сибири.

Активные полевые исследования Михаил Васильевич сочетает с серьезнейшей аналитической работой. Он является автором и соавтором 11 монографий и более 450 статей по важнейшим проблемам древнейшей истории Северной Азии. Часть его работ опубликована на страницах научных журналов Nature и Science. Среди приоритетных направлений научных исследований М.В. Шунькова – ключевые проблемы расселения человека на территории Северной Евразии: становление и развитие древнейших культурных традиций, хроностратиграфия и корреляция палеолитических культур, палеогеография плейстоцена, реконструкция природно-климатического окружения древних сообществ и влияние природной среды на процессы жизнеобеспечения первобытного человека.

Под руководством Михаила Васильевича исследован и исследуется целый ряд палеолитических местонахождений, на материалах которых сделаны выдающиеся открытия. В их числе – древнейший в Северной и Центральной Азии раннепалеолитический памятник Карама с материалами, свидетельствующими о появлении первых людей на территории Южной Сибири ок. 800 тыс. л.н.; наиболее информативно содержательные на территории Сибири многослойные геоархеологические объекты Денисова пещера, Усть-Каракол и др., междисциплинарное изучение которых позволило не только восстановить летопись постепенной эволюции первобытного человека и его культуры на территории Северной Азии, но и детально реконструировать природный комплекс плейстоценовой эпохи данного региона, существовавший на протяжении последних 300 тыс. лет.

Одно из главных направлений научной деятельности М.В. Шунькова в последние годы – разработка проблем антропогенеза. Ее результатом является открытие новой формы ископаемого гоминина, который по месту обнаружения в Денисовой пещере на Алтае был назван человеком алтайским или денисовцем. Секвенирование ДНК денисовского человека признано мировым сообществом вторым по значимости научным открытием 2012 г. после изучения проблемы бозона Хиггса.

Михаил Васильевич уделяет большое внимание педагогической деятельности и подготовке кадров высшей квалификации. С 1976 по 1989 г. он руководил археологической практикой студентов исторических факультетов Томского государственного университета и Красноярского государственного педагогического института, а с 2000 г. по настоящее время возглавляет полевую практику студентов гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Благодаря его энтузиазму и таланту, причем не только как лектора, читающего курс «Палеоэкология человека», но и как великолепного рассказчика экспедиционных былей, многие студенты-первокурсники увлеклись археологией. В последующем М.В. Шуньков стал научным руководителем их студенческих работ. Многие молодые исследователи под его руководством подготовили и успешно защитили диссертации.

Михаил Васильевич ведет большую административную и организационную работу. Он возглавлял и возглавляет проекты Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований и Президиума РАН. На протяжении многих лет М.В. Шуньков входил в состав экспертного совета Российского гуманитарного на-

учного фонда по истории, археологии и этнографии. Он является экспертом Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований в области наук о человеке и обществе. М.В. Шуньков – член редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», заведующий отделом археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, председатель Ученого и член Диссертационного советов института. Регулярно является членом оргкомитетов научных мероприятий международного и всероссийского уровней.

За плечами юбиляра десятки полевых сезонов на просторах Евразии, много важных открытий и свершений, он по-прежнему полон новых творческих планов и устремлений – ведь в науке нет горизонтов! Желаем ему крепкого здоровья, удачи, больших успехов и благополучия!

А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
А.И. Кривошапкин, К.К. Павленок,
О.И. Новикова

К юбилею Евгении Ивановны Деревянко

Евгения Ивановна Деревянко стоит у истоков создания Института истории, филологии и философии СО АН СССР, из которого выделился сегодняшний Институт археологии и этнографии СО РАН. С этими организациями связана вся творческая жизнь ученого. Более того, институт для Евгении Ивановны всегда был и остается родным домом. Отсюда та искренняя любовь, которую испытывают к ней абсолютно все сотрудники, не только отдела палеометалла, в котором Е.И. Деревянко является бессменным заместителем заведующего.

Становление Евгении Ивановны как ученого происходило в 1970-е гг. в неповторимой творческой атмосфере Новосибирского академгородка. Именно здесь, находясь в постоянном общении с выдающимися учеными, представителями различных наук, и талантливой молодежью, она сформировалась в блестящего ученого, внесшего весомый вклад в отечественную и мировую археологию.

Главную роль в воспитании молодого исследователя сыграл ее научный руководитель и наставник академик Алексей Павлович Окладников, в то время активно занимавшийся формированием кадрового потенциала своего института, в котором уже через какое-то десятилетие сложилась сибирская школа археологов. Евгения Ивановна стала не только ярким представителем этой школы, но и активным продолжателем идей Алексея Павловича.

В команду Окладникова Е.И. Деревянко вошла в 1960 г. после окончания филологического факультета Благовещенского государственного педагогического института. Конечно, чтобы овладеть совершенно новой профессией, Евгении Ивановне пришлось многому учиться. Большую помощь в этом ей оказывал учитель. Как полевик Евгения Ивановна формировалась в родной для нее Амурской обл. Заложенный в ней талант полевика-самородка разглядел А.П. Окладников.

В 1970-е гг. была определена научная тема молодого ученого: она связана с изучением народа мохэ, обитавшего в период раннего Средневековья на территории Дальнего Востока. В 1970–1980-е гг. Е.И. Деревянко проводила активные археологические исследования на городищах, поселениях и могильниках мохэ. Под ее руководством были блестяще изучены такие хорошо известные сегодня памятники, как Троицкий и Новопетровский могильники, Михайловское городище, Семиозерка, Гора Шапка, поселения Осиновое Озеро, Гродеково, Курын и др. В 1974 г. Евгения Ивановна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Мохэские могильники Среднего Приамурья».

В 1977–1979 гг. Евгения Ивановна работала в Институте этнографии АН СССР в Москве. Она готовила докторскую диссертацию, тема которой находилась по существу на стыке археологии и этнографии. Как отмечает сама Евгения Ивановна, большое значение для нее имели творческие контакты с академиком В.П. Алексеевым, докторами наук А.И. Першицем, Л.А. Файнбергом, В.А. Шнирельманом – крупнейшими отечественными специалистами в области первобытной истории. Работа в Институте этнографии АН СССР была плодотворной: на основе археологического и этнографического материала племен и народов Дальнего Востока, данных китайских, японских, корейских письменных источников Евгения Ивановна разработала строгую концепцию этнической истории и культуры раннесредневековов-

го населения этого региона Азии. Археологическим свидетельствам, полученным в результате раскопок поселений и могильников, Е.И. Деревянко придала статус этнографических и исторических источников, которые в сочетании с письменными данными позволили всесторонне реконструировать этнокультурные процессы, протекавшие в огромном регионе в эпоху раннего Средневековья.

В 1982 г. Евгения Ивановна защитила докторскую диссертацию на тему «Племена Приамурья в I тыс. н.э. (очерки этнической истории и культуры)» и была признана одним из ведущих специалистов в области средневековой истории Дальнего Востока. Разработанные ею реконструкции практически всех сторон жизни мохэских племен (хозяйство, быт, погребальный обряд, военное дело, домостроение) получили отражение в целом ряде монографий. Увидели свет такие книги ученого, как «Мохэские памятники на Среднем Амуре» (1975), «Троицкий могильник» (1977), «Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры)» (1981), в основу которой легли материалы докторской диссертации; «Очерки военного дела племен Приамурья» (1987), «Древние жилища Приамурья» (1991). Они и в настоящее время востребованы специалистами, особенно теми, кто занимается изучением древней и средневековой истории Дальнего Востока. Е.И. Деревянко является соавтором нескольких коллективных монографий, например, «Сибирь. Атлас Азиатской России» (2007), «История Амурской области» (2008) и др., а также автором более 150 научных статей. Более 30 работ ученого опубликованы за рубежом: в Японии, Корее, Китае и других странах. Своему учителю, археологу, академику Алексею Павловичу Окладникову и его жене художнице Вере Дмитриевне Запорожской Е.И. Деревянко (в соавторстве с профессиональным журналистом А.Б. Закстельским) посвятила книгу «Тропой далеких тысячелетий» (2008).

Активную научную жизнь Евгения Ивановна сочетает с общественной работой. Многие годы она выполняет обязанности заместителя заведующего отделом археологии палеометалла. Евгения Ивановна – настоящая душа коллектива. Не забыть труднейшие 1990-е гг., когда она, как никто, помогала молодежи отдела встать на ноги. Это поистине материнское тепло и заботу ощущали и ощущают абсолютно все сотрудники института и коллеги из Кореи и Монголии, обучающиеся в аспирантуре или проходящие стажировку в ИАЭТ СО РАН.

Евгения Ивановна является членом Ученого и Диссертационного советов института. В 2016–2018 гг. она возглавляла в институте специально созданную в целях повышения качества подготовки научной документации группу по проведению экспертизы полевых отчетов перед их отправкой в Отдел полевых исследований (ОПИ) Института археологии РАН. Выводы экспертов группы о готовности отчетов учитывались при прохождении рецензирования в ОПИ, благодаря чему ускорялась процедура их принятия и получения рекомендации по выдаче Открытых листов. Деятельность Евгении Ивановны на этом нелегком поприще получила высокую оценку как в Новосибирске, так и в Москве.

Много времени Евгения Ивановна посвящает подготовке научных кадров высшей квалификации. В поле ее деятельности находятся проведение экспертизы практически всех кандидатских и докторских диссертаций, которые поступают в Диссертационный совет Института археологии и этнографии СО РАН, организация первичного обсуждения рукописей многочисленных диссертационных работ, присылаемых в отдел археологии палеометалла.

За многолетнюю научную деятельность и творческие успехи Евгения Ивановна удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1996), ей вручены почетный знак «Серебряная Сигма» (2007) и почетные грамоты Российской академии наук и Профсоюза работников РАН (1999, 2007), Сибирского отделения РАН (2004, 2008, 2015).

Для многих поколений сотрудников института Евгения Ивановна является, образно говоря, центром притяжения: она всегда доброжелательна и отзывчива, готова посочувствовать и поддержать в трудной ситуации, разделить радость по случаю защиты диссертации, рождения ребенка или просто поговорить о сомнениях и переживаниях.

Евгения Ивановна встречает юбилей в кругу любящих ее дочерей, внучки и правнучки, коллег и друзей, которые желают ей здоровья, творческой энергии и… новых забот, без которых немыслима жизнь современного ученого!

А.П. Бородовский, В.И. Молодин, В.П. Мыльников, Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров, Н.В. Полосьмак, А.И. Соловьев, А.В. Табарев, Ю.С. Худяков, Т.И. Чикишева

АМБ – Ассоциация малого бизнеса

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АО – Археологические открытия

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭ НАНА – Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КРСУ – Кыргызско-Российский славянский университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАН – Национальная академия наук

НГУ – Новосибирский государственный университет

ПНИАЛ УрГУ – Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета

ПНИЛ УрФУ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория Уральского федерального университета

РА – Российская археология

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

СЭ – Советская этнография

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ

ЦВРК ИМБТ СО РАН – Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

AVČR – Akademie vèd České republiky

BAR – British Archaeological Reports

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

SAV – Slovenská akadémia vied

Авилова Л.И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: aviloval@mail.ru ORCID 0000-0001-6888-8200.

Алекперов В.А. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Азербайджана, Республика Азербайджан, H. Cavid Pr. 115, Bakı, AZ 1143, Azərbaycan Respublikası. E-mail: arxeoloq.az@gmail.com. ORCID 0000-0001-6771-8656.

Баринов В.В. – младший научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: nelisgar@mail.ru. ORCID 0000-0002-3582-3440.

Бауло А.В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bau194@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8379-3760.

Березиков Н.А. – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: warumbaum@gmail.com. ORCID 0000-0002-8682-4443.

Борзунов В.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия. E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Борисенко А.Ю. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: aborisenko2@mail.ru. ORCID 0000-0001-9558-5678.

Бородовский А.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com. ORCID 0000-0002-6312-1024.

Ваганов Е.А. – академик РАН, доктор биологических наук, научный руководитель Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: rector@sfu-kras.ru. ORCID 0000-0001-9168-1152.

Вергелес М.О. – эколог Научно-исследовательского института им. Д.Н. Анучина и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: vergeles@rocketmail.com. ORCID 0000-0002-5170-7773.

Гей А.Н. – кандидат исторических наук, заведующий отделом Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: donkuban@mail.ru

Гладышев С.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gladyshev57@gmail.com. ORCID 0000-0002-7443-654X.

Деревянко А.П. – академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru. ORCID 0000-0003-1156-8331.

Дураков И.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru. ORCID 0000-0002-8526-9257.

Жамбалова С.Г. – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: zhambalovas@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2672-8126.

Зубова А.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru. ORCID 0000-0002-7981-161X.

Кандыба А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: arhkandyba@gmail.com. ORCID 0000-0003-0985-9121.

Кардаш О.В. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сургутского государственного университета, ул. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия. E-mail: kov_ugansk@mail.ru. ORCID 0000-0002-3331-7333.

Конончук К.В. – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: konstantinkonon@mail.ru. ORCID 0000-0002-1194-8038.

Кульков А.М. – инженер Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: aguacrystals@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2001-2231.

Лебедев В.А. – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Старомонетный пер., 35, стр. 2, Москва, 119017, Россия. E-mail: leb@igem.ru. ORCID 0000-0002-8687-5363.

Люцидарская А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lucid1@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3131-5350.

Мандрыка П.В. – кандидат исторических наук, заведующий сектором Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: pmandryka@yandex.ru

Марочкин А.Г. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Советский пр., 18, Кемерово, 650000, Россия; научный сотрудник Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия. E-mail: comcon@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6757-0775.

Моисеев В.Г. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: vmoiseyev@mail.ru. ORCID 0000-0003-1748-2686.

Молодин В.И. – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель директора, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru. ORCID 0000-0002-3151-8457.

Мыглан В.С. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: v.myglan@gmail.com. ORCID 0000-0002-5268-653X.

Мыльникова Л.Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0196-5165.

Нгуен За Дой – доктор наук, заместитель директора Института археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам. Viện Khảo cổ học, Viện Hàn lâm Khoa học xã hội Việt Nam, Phan Chu Trinh 61, Hà Nội, Việt Nam. E-mail: doitrong@hotmail.com

Нгуен Кхак Шу – доктор наук, научный сотрудник Института археологии Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам. Viện Khảo cổ học, Viện Hàn lâm Khoa học xã hội Việt Nam, Phan Chu Trinh 61, Hà Nội, Việt Nam. E-mail: khacsukc@gmail.com

Нестерова М.С. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: msnesterova@gmail.com. ORCID 0000-0003-4024-6753.

Омурова Г.Т. – научный сотрудник Центрально-Азиатского института прикладных исследований Земли, Кыргызская Республика. Борбор Азиялык Жерди Прикладдык Изилдөө Институту, к. Т. Фрунзе, 73/2, Бишкек, 720027, Кыргыз Республикасы. E-mail: gulzar.omur@gmail.com. ORCID 0000-0002-9951-3628.

Папин Д.В. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: papindv@mail.ru. ORCID 0000-0002-2010-9092.

Рыбалко А.Г. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru. ORCID 0000-0003-2214-821X.

Сенотрусова П.О. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: Polllina1987@rambler.ru. ORCID 0000-0003-3969-9907.

Тишин В.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: tihij-511@mail.ru

Федорук А.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: fedorukas@mail.ru. ORCID 0000-0002-9825-1822.

Федорук О.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: olunka.p@mail.ru. ORCID 0000-0002-1861-6781.

Харевич В.М. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mihalich84@mail.ru

Хлопачев Г.А. – кандидат исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: gakmae@yandex.ru. ORCID 0000-0001-6649-7038.

Худяков Ю.С. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; профессор Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: khudjakov@mail.ru. ORCID 0000-0002-4741-9971.

Цыбанков А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: tsybankov@yandex.ru. ORCID 0000-0002-9477-7683.

Чеха А.М. – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Chekhandrej@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2427-7480.